

700 5055 3)
694

Петр Буцшевский

Заселение Сибири
и быт первых ее
населенников

Петр Никитьевич
БУЦИНСКИЙ

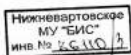
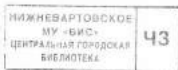
СОЧИНЕНИЯ
в двух томах

Под редакцией С.Г. Пархиловича
Составитель Ю.Л. Мандрика

Петр Никитьевич
БУЦИНСКИЙ

том 1

**Заселение Сибири
и быт первых ее
насельников**

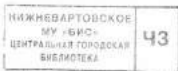
-3-к0

Издательство Ю. Мандрики
Тюмень, 1999

Петр Никитьевич
БУЦИНСКИЙ

том 1

**Заселение Сибири
и быт первых ее
насельников**

-3-к0

Издательство Ю. Мандрики
Тюмень, 1999

ББК 63.3

Б 94

Б 94 БУЦИНСКИЙ Петр Никитьевич

Сочинения в двух томах: Т. 1. Заселение
Сибири и быт первых ее насельников/Под ред.
С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрики. —
Тюмень: Издательство Ю.Мандрики, 1999. —
328 с. — [Приложение к журналу «Лукич»].

Работа профессора Харьковского университета
П.Н. Будицкого (1853–1916) «Заселение Сибири и быт
первых ее насельников» сегодня практически недоступна
массовому читателю, хотя, как и 116 лет назад, она
не потеряла своего значения.

Книга адресована тем, кто интересуется историей
края, Сибири.

© Издательство Ю. Мандрики (издано), 1999.

ISBN 5-93020-025-4

ISBN 5-93020-026-2 (том 1)

Заселение Сибири и быт первых ее насельников

Разбор сочинения П.Н. Буцинского «Заселение Сибири и быт первых ее насельников». Харьков, 1889. IV. 345 с., составленный членом-корреспондентом А.Н. Пыжным.

Читанный в заседании

Историко-Филологического Отделения 25 ноября 1892 г.

После старых местных летописей, начало которых почти совпадает с завоеванием Сибири, сибирская историография, сообразная с научными требованиями, возникает собственно с той поры, когда Герард-Фридрих Миллер в знаменитом путешествии (1733—1743) собрал громадную массу исторического материала, неисчерпанную и доныне. Его собственный исторический труд, продолженный Фишером, остался недовершенным. Долго спустя к источникам сибирской истории обратился Г.И. Спасский, между прочим, выпечатавший, не зная того, любопытное сочинение о Сибири Кривякича. Еще позднее, с конца тридцатых годов, предпринял «Историческое обозрение Сибири» П.А. Словцов (1838—44, 2-е изд. 1866), слишком поспешно названный Карамзиным сибирской историей. После книги Словцова долго не было никакой попытки изобразить историю Сибири в ее целом, ни опыта систематического собирания памятников, ни их исследования. Рассказ о завоевании Сибири входил в общую русскую историю, как героический эпизод, параллельно с тем, как в литературе поэтической Ермак стал легендарным героем; но затем история громадной страны — со всеми совершившимися в ней процессами колонизации, широкого развития промыслов и торговли, обрусения инородцев, аннонаменованной своей русской народности — оставалась в тени или, в лучшем случае, вызвала только отдельные эпизодические работы (как, например, труды П.И. Небольсина, П.А. Абрамова и др.). Оживление литературы о Сибири, и в том числе изысканий исторических, относится к прошлому царствованию, совпадая с общим расширением исторической литературы. Рядом с трудами многочисленных, особенно естественно-научных, экспедиций, которые, кроме изображения физической природы, касались и быта населения, стали все более разномысленные плодотворные изучения жизни края самими местными уроженцами, в особенности при содействии основанных в Сибири Отделов Географического Общества. От изучения настоящего научный интерес стал сильнее направляться и к прошедшему, и за последнее время мы встречаем ряд исторических предприятий, которые могут обещать, наконец, правильную и широкую постановку сибирской историографии. Таковы новейшие издания памятников сибирской истории, актов и летописей и даже попытки систематического изложения, как, например, в «Хронологическом перечне» Ивана Щеглова (1883) и в многотомном «Историческом очерке» В.К. Андриенки

(1886—89). Обзор Щеглова, исполненный при весьма неполных научных пособиях, а также с не вполне правильным приемом изучения, свидетельствовал, однако, о развитаейшей местной исторической любознательности и мог принести пользу для распространения исторических познаний в более широком круге читателей. Труд г. Ахдремеча представлял почти одно механическое сопоставление данных, преимущественно или почти исключительно заимствованных из «Полного Собрания Законов», хотя и в этом виде при недостатке цельных работ по сибирской истории мог оказать свою пользу.

На очереди стоял, однако, вопрос об исследованных иного рода — исследованиях, которые обратились бы к тем первоисточникам, которые хранятся в старых архивах и до последнего времени оставались почти нетрогнутыми. «Полное Собрание Законов» здесь, как и в других областях русской истории последних веков, драгоценный материал, далеко не исчерпывает (как и новейшее издание сибирских памятников) того богатства материалов, какие предстоит историка Сибири и сохранившиеся до нашего времени документах старого сибирского быта. Этот богатый материал с прошлого царствования стал впервые доступен нашим историкам в особенности в двух московских архивах — давнем московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел и в новоучрежденном Архиве Министерства Юстиции. В том и другом открылись большие массы разнообразного документального материала, из которого черпали уже новейшие издатели сибирских памятников, но который еще ожидает исследователей.

Стремление разрабатывать первоисточники выразилось в последние годы несколькими трудами, между прочим, о первом историческом периоде русской Сибири. Таково, например, любознательнейшее исследование Д. Н. Анучина относительно древних новгородских сказаний о Сибири задолго до ее завоевания; таковы отдельные изыскания гг. Тызнова и Оксенсова об эпохе Ермака и о старых описаниях Сибири; таковы издания Кунгурской летописи (Археологической Комиссии), путешествия Спафария (Ю. В. Арсеньева), сочинения Новицкого об остяцком народе (Л. Н. Майкова), старые описания Сибири и карты стольника Годунова (А. А. Титова и Г. В. Юдина), опись бумаг Московского Главного Архива, относящихся к Сибири (г. Пуцкозовича), труды г. Оглобина и т. д.

В ряду собственно исторических изысканий, основанных на первоисточниках, и именно на документах двух упомянутых московских архивов, за последние годы наиболее значительное место занимает сочинение г. Вуцинского.

Он говорит о плане своего сочинения:

«Настоящая книга есть только начало обширного труда, задуманного нами. Мы намерены по частям исследовать заселение Сибири, по частям исследовать материал, касающийся быта кочевников этого края и взаимоотношения между ними и туземцами, чтобы потом написать общую историю Сибири от начала ее завоевания и до половины XVIII века. Первая часть нашего исследования касается заселения Передней Сибири — уездов Верхнеуральского, Туринского, Тюменского, Тобольского, Тарского, Палладинского и Березовского в период от начала завоевания этого края до конца царствования Михаила Федоровича. Мы не можем сказать, что существующие сочинения о Сибири и печатные акты оказали нам достаточную помощь при исследовании данного вопроса. Эта первая часть нашего труда преимущественно составлена на основании рукописного материала, хранящегося в Архиве Министерства Иностранных Дел и Архиве Министерства Юстиции».

Замечательно, что много важного материала для своей работы г. Вуцинский нашел в портфелях академика прошлого века Миллера, хранящихся в первом из этих архивов; но особенно богатый материал автор нашел в делах Сибирского приказа, хранящихся в Архиве Министрства Юстиции. Автор пересмотрел множество разного рода документов, заключающих дела приказные, ясачные книги, «дозорные книги списки служилых людей, посадских, крестьян, ружников и оброчников населявших сибирские города, «списки пашенных и оброчных крестьян», живших в уездах, «сметные книги хлебных запасов и хлебных расходов», «ужинные книги», «сметные книги государевых доходов и расходов», «кладные книги», «тамбовенные книги», приходе-расходные книги Казанского дворца и Сибирского приказа и «присяжные книги» городов Верхотурья и Палыма; наконец, автор пересмотрел столбцы, переделанные и разбитые, которые заключают множество царских грамот, воеводских отписок, челобитных инородцев и русских людей и обыскных по ним дел, и т. д. Материал, однако, остается не полон, а именно из того периода, которому посвящено исследование, множество материала за целые десятки лет погибло от пожаров. Еще в первой половине XVIII века сгорели дела Сибирского приказа в Москве; в половине того же века сгорел архив в Тобольске, потом горели архивы других городов в Сибири, что должно был отметить еще Миллер. Это состояние материала побудило г. Вуцинского ограничить его настоящее исследование 1645 годом: здесь он все-таки имел возможность восполнить иной раз недостаток прямых источников, но для последующего времени материал очень скуден, и новые переписи относятся уже ко времени Петра Великого.

Труд г. Вуцинского распадается на девять глав. Первая посвящена изображению расселения инородцев в нынешней Западной Сибири, когда этот край переживал первые десятилетия русского владычества. Затем главы II—VII заключают описание городов Передней Сибири с их уездами: Верхотурье, Туринск, Тюмень, Тобольск, Тара, Палым и Березов. Автор указывает историю основания городов, постепенное заселение города и уезда русскими, число дворов и жителей, распространение хлебопашества, колонизационную деятельность монастырей, торговое значение городов, государевы доходы и расходы и вообще экономическое состояние населения. Глава XVIII посвящена специально вопросу о том, каким образом заселялась Сибирь и как устанавливался ее административный и бытовой порядок. Способ колонизации был двойной: административный и народный — перевод жителей в Сибирь по распоряжениям правительства и добровольная колонизация. Управление было кведено обычное, воеводское и приказное, с тем различием от собственной России, что чрезвычайная отдаленность края от московского центра и медленность сообщений с самого начала создали в Сибири особый склад административного быта, главной чертой которого был почти безграничный и большей частью почти безнаказанный произвол. Особую черту сибирской колонизация составляла ссылка, начало которой восходит уже к первым десятилетиям русского владычества в Сибири. Результаты всех этих условий автор изображает в общих замечаниях о нравственном состоянии сибирского общества за описываемое время, т. е. до конца царствования Михаила Федоровича. Глава IX, и последняя, изображает борьбу инородцев за независимость, замирение края, положение инородцев под русскую власть и влияние на них со стороны русских.

Таково содержание исследования г. Вуцинского, которое наряду с упомянутыми изданиями документальных памятников сибирской старины

и возникающие критическими замечаниями представляется началом давно желанного, когда будут сплошь приведены в известность архивные материалы сибирской старшины и подвергнуты точной исторической критике, что впервые даст возможность правильно реставрировать судьбы внутреннего быта Сибири. Первый несколько обширный опыт подобного исследования именно сделал г. Буцинский и приносит в высокой степени важные и любопытные результаты. Насколько допускают источники, перед нами проходит наглядная картина первых десятилетий сибирской истории: строение городов, размещение деревень, установление власти гражданской и церковной, первое земледельческое и промышленное хозяйство, отношения с инородцами и т.д. Это — картина, с одной стороны, старого московского быта, отражающегося в колонии, с другой — зарождающийся особенности сибирской жизни, которым впоследствии предстоит развиться еще сильнее. Многие подробности, рассказанные автором на основании его источников, совершенно новые; другие получают у него документальную определенность; иные вопросы, затронутые автором, вероятно, еще потребуют проверки новыми изысканиями, но по крайней мере поставлены для критики. Так, весьма любопытны его сообщения об отношениях туземного населения в Передней Сибири, отмечавших самое завоевание; о строении сибирских городов; о способах колонизации; о передвижениях в Сибирь служилых людей; о военном и административном управлении; весьма важны замечания о старом характере семьи, которая, по указаниям автора, в огромном большинстве случаев из уголовной тюрьмы становилась новым средством колонизации и, между прочим, умножения служилого класса; важны документальные указания о нравственном состоянии общества, о взаимных отношениях туземного населения с пришлым русским, и т.д.

В некоторых случаях заключения автора могут казаться несколько поспешными. Такими, например, статистические соображения о численности инородческого населения на основании официального счета ясачных людей, а также, вероятно, и населения русского. Весьма естественно предположить, что при громадности стражи, на которой рассяно было население, точный счет едва ли был возможен⁹.

В общем выводе книги г. Буцинского, построенная почти исключительно на изучении архивного материала, по новости сведений и достоинствам критического исследования составляет весьма важный вклад в сибирскую историографию, а особенно как первый обширный и систематический труд по первоисточникам.

⁹ Встречаются мелкие неточности, как, напр., стр. XVII в передаче своими словами, но в кавычках, акта 1599 года; известный исследователь Сибири постоянно называется «Ядринцев», и т.п.

**Заселение Сибири
и быт первых
ее насельников**

«Земля Сибирь нарицается зверообразных людей,
по тому что живут по лесам и по рекам великим,
и питаются зверем и рыбою кроме хлеба,
едят кровавое и сырое, зоры же и громоты не знают,
добывают же и пролают драгие звери соболы и куницы,
и бобры, и лисицы, и белки множества, простирается широко
и долго, и подданню державы Московского Царя».

См. Книга, глаголемая космография, сложена
от древних философов, переведена
с римского языка. По листам этой рукописи
сделана подпись ее собственника:

«Сия книга космография Петра Евдокимова
сына Пегова»

(А.М.И.Д. Портр. Миллера,
№ 613/1121, л. 10).

Предисловие

Настоящая книга есть только начало обширного труда, задуманного нами. Мы намерены по частям исследовать заселение Сибири, по частям исследовать материал, касающийся быта насельников этого края и взаимного отношения между ними и туземцами, чтобы потом написать общую историю Сибири от начала ее завоевания и до половины XVIII века. Первая часть нашего исследования касается заселения Передней Сибири: уездов Верхотурского, Туринского, Тюменского, Тобольского, Тарского, Пелымского и Березовского в период от начала завоевания этого края до конца царствования Михаила Федоровича. Мы не можем сказать, что существующие сочинения о Сибири и печатные акты оказали нам достаточную помощь при исследовании давнего вопроса. Эта первая часть нашего труда преимущественно составлена на основании рукописного материала, хранящегося в архиве Министерства иностранных дел и архиве Министерства юстиции. В первом архиве мы просмотрели многочисленные портфели Миллера, нашли там много важных документов, которые вместе с известным печатным трудом этого первого историка Сибири, как и его продолжением в «Ежемесячных сочинениях», оказали нам немалую услугу при нашей работе. Некоторые сведения мы извлекли и из «приказных дел», хранящихся в том же архиве. Но несравненно более материала для нашего исследования мы нашли в архиве Министерства юстиции, в Сибирском приказе. Здесь находится много «ясачных книг», которые вместе с другими документами дали нам возможность коснуться в настоящей книге инородческого населения Сибири, указать на местожительство его, определить количество сибирских туземцев в первой половине XVII века

в уездах Верхотурском, Туринском, Тюменском, Тобольском, Тарском, Пелымском и Березовском, то есть в тех именно уездах, обозрение заселения которых русским элементом и составляет главный предмет этой книги. Затем просматривали другие книги, хранящиеся в том же отделении архива Министерства юстиции: «дозорные книги» упомянутых уездов, списки служилых людей, посадских, крестьян, ружников и оброчников, населявших сибирские города, «списки пашенных и оброчных крестьян», живших в уездах, «сметные книги хлебных запасов и хлебных расходов», «ужимные книги», «сметные книги государевых доходов и расходов», «окладные книги», «таможенные книги», «приходорасходные книги» Казанского дворца и Сибирского приказа и «присяжные книги» гг. Верхотурья и Пелыма. Просматривали столбцы, переплетенные и разбитые, которые заключают в себе множество царских грамот, воеводских отписок, отписок приказчиков пашенных и оброчных крестьян, множество челобитных инородцев и всяких чинов русских людей, обыскные по ним дела и проч. Извлекли некоторые данные из дел Верхотурского уездного суда, составляющих особое отделение документов Сибирского приказа. Словом, в двух московских архивах мы нашли массу рукописного материала, касающегося истории Сибири, и изучали его внимательно. Но тем не менее мы не вполне остались им довольны. Относительно конца XVI века и первой четверти XVII века сохранилось мало документов; они пропали для нас бесследно, сделались жертвой пожаров. В 1626 году сгорел весь архив Сибирского приказа в Казанском дворце, но это было не особенной бедой: Центральный архив можно было бы восстановить дубликатами, хранившимися в архивах сибирских городов. Когда Мидлер во время пребывания своего в Сибири в половине XVIII века обращался в разные города за сведениями, касающимися основания городов, первоначального их населения и т.п., то получал из канцелярий этих городов один и тот же ответ: подобных сведений нет, древние архивы погорели. При исследовании вопроса о заселении Сибири историк должен особенно чувствовать недостаток в материале: для обозреваемого нами периода мы пользовались только од-

ной общей дозорной* книгой за 1623/4 г. и несколькими частными дозорными книгами, относящимися до колонизационной деятельности тобольского Знаменского монастыря и тобольского архиепископского дома. Недостаток этого рода документов и заставил нас ограничить предмет нашего исследования 1645 годом, потому что для первого периода заселения Сибири и помимо дозорных книг нам удалось достаточно собрать материала: разные списки пашенных и оброчных крестьян, документы, касающиеся основания и развития сибирских слобод, вознаграждают нас за упомянутый недостаток. Но для дальнейшего времени отсутствие дозорных книг ничем не может быть восполнено. В описях документов Сибирского приказа мы находим «переписные книги», относящиеся уже к царствованию Петра Великого, а ранее этого времени подобных документов нет. Впрочем, существующие описи, как мы заметили при нашей работе, не полны и не точны и мало помогают исследователю разобраться в массе материала. В настоящее время один из уважаемых чиновников архива Министерства юстиции Н.Н. Оглоблин составляет новые и систематические описи документов Сибирского приказа. Когда эта обширная работа будет доведена до конца, то она, можно смело сказать, наполовину облегчит труд исследователя, а может быть, даже г. Оглоблину удастся найти и другие дозорные книги помимо тех, которые мы заметили.

Считаем приятным долгом выразить особенную благодарность историко-филологическому факультету Харьковского университета, оказавшему нам материальное пособие для напечатания настоящей книги.

П. Буцинский.

* В Сибири в XVII веке «письмо и дозор» производили одни и те же лица и в одно и то же время; это делалось, как замечали воеводы, «для поспешения».

Глава I

Нетрудно было покорить Сибирь: достаточно было похода славного Ермака* с горстью отважных казаков, чтобы разрушить Сибирское царство — эту первую и довольно серьезную преграду распространению за Уральским хребтом русского владычества, русской колонизации и русской

* Летописное известие, что будто бы завоеватель Сибирского царства получил свое имя или, точнее, кличку от артельного котла, который по-татарски назывался «ермак», не заслуживает никакого вероятия: «Ермак» — не кличка, а есть испорченное христианское имя «Ермил». С этим именем нам не раз приходилось встречаться, когда мы в Сибирском приказе прочитывали так называемые именные списки разного чина сибирских людей. Из этих списков оказывается, что имя Ермак носил не один победитель Кучума, а многие казаки, посадские люди и крестьяне, даже между сподвижниками Ермака Тимофеевича, часть которых потом составила в Тобольске особую «старую сотню» пехотных казаков, два казака были ему тещками; один остяцкий князь, принявший при крещении имя Ермила, также назывался Ермаком. Заметим, между прочим, что это имя варьируется на разные лады: «Ермак», «Ермачек», «Ермачино» и «Ермачишина». Происхождение последних уменьшительных названий, мне кажется, следует объяснить тем, что имя Ермак было слишком громким в истории Сибири, а так как московские люди низших классов всегда писались уменьшительными или искаженными христианскими именами, то и рядовым сибирским казакам и крестьянам казалось зазорным называться «Ермаками», и они большей частью писались «Ермачками» и «Ермачишинами», но сотни названий и староста посадских людей могли уже называться «Ерманами», хотя, впрочем, этим полным именем назывались и некоторые крестьяне. В Сибири многие деревни и урочища получили свое название от имени Ермак, хотя эти деревни и урочища не имели никакого отношения к Ермаку Тимофеевичу; например, под самым Тобольском (по дозорной книге 1623 г.) при реке Мостовой была деревня Ермакова, а при реке Пюской — деревня Ермачкова; эти деревни так назывались потому, что основателем первой был крестьянин Ермак, а второй основателем был конный казак Ермачек. Считаю нужным предупредить читателя, что имя Ермак нельзя производить от имени Ермила: в списках казаков и крестьян это имя встречается или в своем настоящем виде, или в испорченном — Ермошка и Ермолка. В Сибири есть деревня Ермолина; туркестанский татарин, принявший христианство и получивший при крещении имя

культуры. Страшным ураганом пронеслись смелые казаки по владениям вогулов, остяков и татар, много пролили крови, разграбили много инородческих юрт, а самое главное — победили и прогнали с юрта «вольного человека Кучума Царя», который составлял единственную связь разноплеменного Сибирского царства. Инородцы были изумлены этими подвигами русских казаков и спешили покориться державе Белого царя. Ермак с товарищами «привели татар, остяков и вогулов к шерти, что им быть под его царскою высокою рукою до веку, покамест изволит Бог вселенной стояти, и инак им давать государю по вся лета безпереводно»²¹.

Ермолая, так и писался Ермолаем, а юрты его при реке Нице назывались Ермолаевыми. Но имени Ермил мы ни разу не встретили в списках сибирских обитателей, хотя нам пришлось посмотреть более сотни именных списков казаков, посадских людей и крестьян; не встретили, очевидно, потому, что оно всегда заменялось Ермаком и Ермачком и т.п. Поэтому в некоторых народных песнях, относящихся к покорителю Сибирского царства, он совершенно верно называется Ермилом: «Атаманом быть Ер м и л у Тимофеевичу» — читаем в одной песне; или в другой: «Говорил-то наш Ер м и л Тимофеевич: «Уж вы слушайте, братцы, послушайте, дайте мне, Ермилу, думушку придумать». (См. «Песни», собр. П. Киреевскими, выпуск 6-й, стр. 25, 28, 36 и 37).

Итак, настоящее христианское имя знаменитого казака Ер м и л а, а прозвание его Ермаком не имеет никакого отношения к котлу и есть только обычное искажение христианского имени. Отсюда все замечания некоторых историков, что «скромная должность кашевара не могли удовлетворить Ермака, жаждявшего более независимой, широкой, удалой жизни, и т.д.», мы должны считать не более, как риторическими фразами. Мне кажется, что именно имя Ермак ввело в довольно важную ошибку и Н.И. Костомарова. «Что касается до Ермака Тимофеевича, — утверждает он, — то нет никакого основания полагать, чтобы он принадлежал к разряду волжских удалцов, навлекших на себя опалу своими разбоками. Напротив, оказывается, что в качестве донского атамана он находился в царской службе и в конце июля 1581 года, вместе с русскими силами был под Могилевом на Днепре...». («Русск. ист.» в жизнеоп., вып. III, стр. 529). Эту ошибку можно объяснить только тем, что почтенный историк, вероятно, встретив в списке казаков, бывших под Могилевом, имя Ермак, предполагал, что оно свойственно только покорителю Сибирского царства. Последний в 1581 году был уже в Сибири, а до прихода в Сибирь казаковал на Дону. На это положительно указывает найденная нами в Сибирском приказе челобитная к Михаилу Федоровичу одного из сподвижников Ермака Тимофеевича, казака Ильина, который, между прочим, писал в ней, что до прихода в Сибирь он «двадцать лет служил с Ермаком в поле...». Выражение «в поле» именно указывает на вольное казачество, а не на царскую службу.

²¹ А. М. И. Д. Портфель Малшневского, парт. 3, № 95, см. «Шертная грамота татар, остяков и вогулов, приведенных к шертге Ермаком с товарищи».

Казалось бы, что после таких ударов инородческий мир уже не в состоянии будет мечтать о своем прежнем царстве и навсегда должен был бы помириться с той участью, которую возлагала на них «шерт», тем более что от перемены властителя сибирские инородцы ничего не теряли. Но на деле мы видим противное. Едва только стало известно о смерти Ермака, как подданные Кучума, ошеломленные прежде подвигами казачьего «велеумного вождя», теперь, так сказать, пришли в сознание, забыли свою присягу и снова готовы были наложить на себя иго азиатского властелина. Да и впоследствии долгое время мечта «быть себе царством, как было при Кучуме царе» не покидала сибирских инородцев. Это значит, что одного завоевания посредством оружия, как бы ни было последнее победоносно, было недостаточно, чтобы удержать в повиновении столь отдаленный край, а тем более иметь возможность с успехом эксплуатировать его богатства. Повторяю, легко было завоевать Сибирь, но гораздо труднее удержать завоеванное. Московское правительство давно усвоило эту истину при расширении Русского государства насчет иноплемennых народов и вместе с тем давно поняло, что мирные средства более действительны для окончательного покорения инородческого мира, что оружием можно только победить, но удержать в подчинении побежденных можно, главным образом, чрез заселение покоренной страны русскими элементами, последствием чего являлось обрусение края. Поэтому и после завоевания Сибирского царства правительство немедленно начинает строить русские города и села. Мы увидим при нашем исследовании, что оно не щадило средств для заселения покоренной страны и в первое время смотрело, так сказать, сквозь пальцы на вольную народную колонизацию этого края даже в том случае, если последняя была противоаконной.

Прежде чем приступить к главному предмету нашего исследования, мы считаем нужным сообщить некоторые сведения, извлеченные нами из материала, достоверность которого не подлежит никакому сомнению, — сведения о расселении туземцев и их количестве при начале русской колонизации покоренного края. Начнем с Верхотурского уезда. Этот уезд в тогдaшнее время простирался с востока на запад от устьев реки Тагил по верхнему течению реки Туры с ее притоками, по рекам Лозве, Сосве, Ляле и Лобве, по верховьям рек Косвы, Уфы

и Чусовой. Эту местность до поселения здесь русских занимали преимущественно вогулы и самое незначительное количество татар и остяков. Древнейшая ясачная книга Верхотурского уезда, сохранившаяся до нас, относится к 1626 году*. Из этого документа видно, что инородцы Верхотурского уезда в первой четверти XVII века составляли 12 волостей: Туринскую, Верх-Туринскую, подгородную Лялинскую, вторую Лялинскую, Мулгавскую, Сосвинскую, Лозвинскую, Косвинскую, две волости Чусовские по верховьям Чусовой, Верх-Уфимскую и Аятскую около озера Аятского и по реке Аять, которая составляет верховье реки Реж. За исключением двух последних волостей, населенных татарами, и остяцкого юрта при Невье все остальные были населены вогулами. Во главе инородческой волости стоял сотник, поэтому волости назывались еще сотнями, на которые инородцы делились еще до завоевания русскими Сибири; волость, или сотня, составлялась из нескольких юрт, а иногда даже из одной. По ясачной книге 1626 года в Верхотурском уезде находились следующие юрты:

	Число юрт	Живущих в них ясачных людей
При реке Туре	3	21
При реке Тагил	2	16
При реке Салде	3	14
При реке Салде 2-й	1	10
При реке Мулгае	2	11
При реке Невье	1	3
При Аятском озере	1	29
По верховьям реки Уфы	2	25
По верховьям реки Чусовой	2	49
При реке Лиле	4	44
При реке Сосве	1	10
При реке Лозве	2	26
По верховьям реки Косвы	6**	38

Всего в Верхотурском уезде было 30 юрт, в которых жило 296 ясачных людей, из них 65 татар, 3 остяка и 228 вогулов.

* Архив Мин. юстиции. Сибир. приказ, кн. № 10, л. 1036, см. «Книга, что взято государева ясаку Верхотурского уезда с татар, остяков и вогуличей по окладу 1626 г.».

** Прим. Кроме того, к Верхотурскому уезду тянулись некоторое время салвинские и иренские остяки, жившие по сю сторону Уральского хребта.

Под именем ясачных людей здесь разумеются инородцы, платившие ясак, а так как женщины, дети, старые, увечные и захребетные люди не платили ясак, то и не входят в вышеупомянутое число. Мы привели данные об инородческом населении Верхотурского уезда по документу 1626 года, но в конце XVI века количество ясачных людей было в нем еще менее. Об этом можно судить по количеству собранного ясака в разное время; так, в 1626 г. верхотурцы уплатили ясак мехами по сибирской цене на 658 р. и поминочных (подарок государю и воеводе) на 17 р.*; в 1620 г. — на 555 р. и поминочных 7 р.**, а в 1599 г. с тех же инородцев собрано ясака и поминочных только 30 сороков, 24 соболя, включая сюда и десятинную пошлину, собранную на Верхотурской таможене***. К сожалению, цена этой мягкой рухляди не указана, но несомненно, что она стоила не дороже 500 р., и значит, ясачных людей в 1599 г. было значительно менее, чем в 1626 г.****.

Туринский уезд расположен был по среднему течению реки Туры от впадения в оную Тагила и почти до устьев

Еще до завоевания Сибири эти инородцы платили ясак в Пермь, но Борис Годунов в 1599 г. приехал их к уезду Верхотурскому. Злоупотребления верхотурских ясачников заставили остожков в 1605 г. обратиться с челобитной к Лжедмитрию о приписке их к Перми, но эта просьба не была уважена: царь только избавил их от ясачников и разрешил им самим приносить ясак на Верхотурье (А.И., т. II, № 62). Однако эта привилегия не принесла остожкам никакой пользы. В 1608 г. они жаловались царю Василию на верхотурских служилых людей, на их насилия и обиды и снова просили дозволить им платить ясак в Пермь Великую, а Чердыню. На этот раз челобитная остожков была услышана, и Верхотурский уезд лишился около 40 человек ясачных людей (А.И., т. III, № 125). Еще ранее, именно 1607 г., отписаны от Верхотурского уезда к Перми вихерские вогулы в количестве 35 человек, и осыть вследствие злоупотреблений верхотурских сборщиков ясака (А.И., т. II, №№ 76 и 82).

* Ibid. см. в конце той же ясачной книги.

** А. И., т. III, № 87.

*** «Описание Сибир. царства» Миллера. См. грам. царя Бориса на С. 273.

**** Некоторые другие данные также приводят нас к заключению, что в конце XVI в. и нач. XVII в. количество ясачных людей в Верхотурском уезде было менее, чем в 1620 и 1626 г. Так, в 1601 г. с 32 ясачных вогулов, приписанных в следующем году от Туринска к Верхотурью, взято ясака 224 соболя, т.е. с каждого человека по 7 соболей, а в 1599 г. с Верхотурья прислано в Москву ясака, поминков и десятинной пошлины 1224 соболя. Допустим, что десятинной пошлины было 104 соболя, и если оставшееся количество ясака 1120 соболей разделим на 7, то частное покажет количество ясачных людей, т.е. 160 человек. Этот расчет, конечно, только приблизительно верный.

Ницы и по реке Нице. Он также был слабо населен инородцами, как и Верхотурский. В начале XVII века в этом уезде находилось 14 остяцких и татарских юрт: от Туринска вверх по Туре шесть юрт — Кукузов, Ургунчин, Илясов, Байгарин, Калмак и Санкин, а от Туринска вниз по Туре — Епанчин, Енбаев и по реке Нице — Нагаев, Аккана, Небольсин, Берсегенев, Девлетев и Кабачин. Из царской грамоты от 9 сентября 1609 года к туринскому воеводе Федору Янову видно, что в первых трех юртах жило по 6 человек, в Байгарине и Калмаке — 6 ч., в Санкине — 8 ч., в Епанчине — 8, в Енбаеве — 2 ч., в Нагаеве — 30, а в остальных пяти юртах неизвестно*. По ясачной книге в 1628 году** туринские инородцы разделялись на 17 волостей:

	Число ясачн. людей
1. Епанчина	11
2. Енбаева	3
3. Кукузова	8
4. Индринцова	14
5. Илясова	9
6. Терюева	5
7. Куртумова	6
8. Байгарина	5
9. Санкина	15
10. Нагаева	1
11. Тентюкова	1
12. Ермолаева	8
13. Калмакова	5
14. Кичубаева	6
15. Первал Зенярова	2
16. Илчибаева	4
17. Вторая Зенярова	3

Итого во всем Туринском уезде в 1628 году было ясачных людей 106 человек, которые дали ясака мехами по сибирской цене на 334 р. 21 к. да поминков на 7 р. 60 к., а в начале XVII века, несомненно, и 100 человек не было в этом уезде.

Тюменский уезд до образования Верхотурского и Туринского уездов простирался по всему течению Туры с ее прито-

* «Описание Сибирского царства» Миллера, стр. 273.

** Архив Министерства юстиции. Сибир. прик., кн. № 19, л. 531.

ками, но в XVII веке после основания Верхотурья и Туринска его территория охватывала нижние течения рек Туры, Пышмы и Исети, значительную часть реки Тобол до впадения в нее реки Иски и все течение этой последней реки. Вследствие недостатка материала довольно трудно судить о населении этого уезда в начале XVII века. Древнейшая тюменская ясачная книга, сохранившаяся до нас, относится только ко 1628 году*. Из нее видно, что к этому времени Тюменский уезд состоял из четырех татарских волостей:

	Число ясачн. людей
1. Казырский городок	60
2. Башкурская	25
3. Терсятская	24
4. Искильская	3

Во всех волостях — 112 ясачных людей, но в начале XVII века и в конце XVI в. в Тюменском уезде жило гораздо больше татар. Так, в той же самой ясачной книге упоминается, что есаул с товарищами «безвестно пропали», а более ранние документы указывают даже на массовое бегство татар из Тюменского уезда. В 1616 году тюменский воевода доносил, что многие терсятские татары бросили свои юрты и побежали в степь; посланные за ними служилые люди настигли беглецов за рекой Тобол, многих побили, а 9 семей привели в Тюмень**, а по другой воеводской отписке возвращено 15 семей и убежали 30 человек***. Затем из челобитной одного татарина видно, что в 1617 году в Тюменском уезде существовала волость Ераовская****, которой, однако, не значится в ясачной книге 1629 года. Миллер в своей «Сибирской истории» указывает на случай массового бегства татар еще в конце XVI века: в 1595 году убежало из Тюмени 50 семейств*****.

Пелымский уезд в конце XVI века занимал обширнейшее пространство после того, как в 1595 году были приписаны к нему волости Большая и Малая Конды, которые до того времени находились в ведомстве Тобольска. Он простирался по всему речению рек Пелымки, Вогулки, Конды,

* Ibid, кн. № 19, л. 521.

** «Рус. ист. библия», т. II, № 112.

*** Архив Министрства иностранных дел. Переф. Миллера, карт. № 477, св. 1.

**** Ibid.

***** «Ежемеслч. сочин.» 1764, стр. 6.

среднему течению Лозвы, нижнему течению Сосвы и, наконец, по реке Тавде, за исключением нижней части этой реки. В начале XVII века инородческое население Пелымского уезда разделялось на одиннадцать волостей*:

	Число ясачн. людей
1. Низ-Тавдинская по реке Тавде	20
2. Тахтаманская по Верхней Тавде и по Лозве	23
3. Волость над Пелымским озером, называвшаяся впоследствии Верхнепелымской	34
4. Вогильская ² по реке Вогулке	28
5. Ворыинская по реке Ворье, около Ворыинского озера	18
6. Сосвинская по нижнему течению Сосвы	21
7. Подгородная (Лиственничная тож) по реке Пелымке	17
8. Леушская ³ при реке Леуше	22
9. Большая Конда по среднему и нижнему течению Конды	
10. Малая Конда, или Верх-Кондинская волость, по верхнему бассейну реки Конды	
11. Таборинская по среднему течению Тавды. Эта последняя волость была населена татарами и вогулами, которые вместо ясака обрабатывали государственную пашню; в 1594 году их было 60 человек, а в 1598 только	555 50**.

Всего ясачных людей и пашенных инородцев в Пелымском уезде в начале XVII века по вышеприведенным данным было до 800 человек.

За Пелымским уездом к северу лежал Березовский уезд, простиравшийся по нижнему течению Оби и ее притокам: Полую, Кунолату, Казьму, Б. Сосве и ее притокам: Сыне, Войкару, Собя и Щучьей. На севере он простирался до самого Ледовитого моря, на востоке граничил Тазовской губой, рекой Пур, верховьем реки Лямина, а на юге — Тобольским уездом, к ведомству которого отходила часть Нижней Оби. Березовский уезд населен был остяками и самоедами.

В начале XVII века у остяков были следующие волости***:

	Число ясачн. людей
1. Волость Подгородная занимала пространство по нижнему течению Сосвы, по реке Вогулке, а также ближайшие к городу Березову места по реке Оби	60

* Архив Министерства иностранных дел. Портф. Миллера, кар. № 478, св. 68; соб. Г. гр. и дог., ч. II, № 185; «Опис. Сиб. цар.», стр. 196.

** Р. И. Б., т. II, №№ 58 и 64.

*** Архив Министерства юстиции. Сибир. прик., кн. № 57 и 294.

2. Сосвинская по реке Сосве	325
3. Лапинская выше Сосвинской	147

Эти три волости Березовского уезда составляли древнюю «югорскую землю»⁴; обские остяки еще в начале XVII века называли оные этим именем.

4. Обдорская при устьях Оби и по реке Полуо	164
5. Куноватская, выше Обдорской по Оби	109
6. Казымская, выше Куноватской по Оби и по реке Казыму	120
7. Кодская земля по Оби, выше волости Казымской	150
8. Белогорская волость находилась на Оби выше Кодской земли, между речной Ендырь и устьем Иртыша	72

Мы определяли количество ясачных людей в волостях Березовского уезда по ясачной книге 1633 года, но мы не ошибемся, если общее число ясачных людей в этом уезде в начале XVII века определим приблизительно в 900 человек*.

Кроме того, к Березовскому уезду принадлежали самоеды. Этот бродячий народ более или менее постоянно обитал по тундрам между Обской губой и Карским морем и по берегам Тазовской и Обской губ. Но летом их чумы появлялись на реках Сыне, Войкаре, Соби, Надыме и других; наловив рыбы, самоеды снова удалялись в тундры. Мы не имеем никаких сведений ни относительно количества собираемого с них ясака в начале XVII века, ни относительно количества этих инородцев Березовского уезда. Кажется, что самоеды в это время не были еще обложены определенным ясаком и приносили последнего столько, сколько им заблагорассудится. Сами сборщики березовские не проникали в их тундры, а собирали ясак с самоедов или в Обдорском городке, или в другом каком-нибудь месте. Обыкновенно березовские воеводы посылали казымских остяков собирать самоедов в известное место «и как-де оную самоедь, — жаловались царю Василию эти остяки, — соберут и в ту пору присылают воеводы с Березова казаков по самоедский

* По ясачной книге 1633 г. всех ясачных людей в Березовском уезде было 990 человек, но в начале XVII в. могло быть немалое число. Это видно из заключения основывается на следующих данных: в Подгородной волости в 1608 г. было 60 чел., а по ясачной книге 1633 г. — 52 чел.; в Казымской волости около 1610 г. было ясачных людей 120 чел., а в 1633 г. — 121; в Колпузовской вол. в 1594 г. было 8 чел., а в 1645 г. — 6 человек.

ясак по годовой сбор, а собирать-де оную самоедь ходит по месяцу и по шести недель и им в том нужда великая...⁺. При таком способе сбора ясака с самоедов и сами сборщики не могли узнать действительного количества последних.

Тобольский уезд в начале XVII века занимал значительную часть Иртыша, начиная от устьев последнего вверх по течению до впадения в него реки Ишим, часть Оби и нижние течения рек Тобола и Тавды, а в конце царствования Михаила Федоровича к нему были присоединены от Пелымского уезда Большая и Малая Конды. Население этого уезда состояло главным образом из татар и отчасти из остяков, живших по Оби. О количестве этого населения в начале XVII века мы не имеем сведений. Но по ясачной книге, относящейся к концу царствования Михаила Федоровича (к 1640 г.), ясачных людей в Тобольском уезде было 732 человека^{**}.

В этом документе упоминаются следующие волости:

	Число ясачн. людей
1. Ясколби	86
2. Вачиера	13
3. Аремзяна	23
4. Слабины	30
5. Туртазская и Куптурская	55
6. Натцал	51
7. Назым	60
8. Городок Демьян	40
9. Цинги	5
10. Торка	36
11. Демьянская-Митькина	6
12. Демьянская-Григорьева	12
13. Конда Большая	54
14. Конда Малая	45
15. Лобута	3
16. Городок Кошуксе	82
17. Калыма	9
18. Индэря	13
19. Увата	24
20. Лаймы	7

⁺ *Рус. ист. биб., т. II, стр. 291.

^{**} Архив Министерства юстиции. Сиб. прик., кн. № 9.

21.	Супры	6
22.	Бабасанская	22
23.	Нерднская	10
24.	Кречатникова	13
25.	Кагканде	7
26.	Калкан	7
27.	Ашлы	8

Тарский уезд простирался к югу от Тобольского по реке Иртышу и его притокам. Еще в самый год основания города Тары, т.е. в 1594 году, от Тобольска к нему отписаны следующие татарские волости*:

	Число ясач. людей
1. Куардак	350
2. Соргачь	80
3. Огуз	15
4. Тава	10
5. Уруз	6
6. Токуз	3
7. Супра	
8. Аялы	500

В начале царствования Михаила Федоровича некоторые из этих волостей, как Уруз, Токуз, Супра, совсем не упоминаются в документах. Зато встречаются несколько других татарских волостей в Тарском уезде, вновь покоренных еще в XVI столетии и приписанных к тарскому ведомству. Так что к 1615 году этот уезд распространился на юг до самого верховья Иртыша, на восток — в глубь Барабинской степи, а на запад — до кочевьев нагайцев; из отписки тарского воеводы в 1620 году видно, что некоторые из этих волостей отстояли на 200 и 300 верст от города Тары. По «новому дозору», произведенному в 1620 году**, Тарский уезд состоял из четырнадцати татарских волостей; из них восемь лежали от города Тары вниз по Иртышу и назывались «нижними» и шесть — вверх по этой реке и ее притокам, а потому назывались «верхними».

* «Опис. Сиб. царства» Миллера, стр. 194. См. Наказ Андрею В. Елецкому.

** Из этого документа видно, что в 1615 году в Тарском уезде было то же самое количество волостей и в них ясачных людей, как и в 1620 г.

	Нижние	Число ясач. людей
1.	Отуз	10
2.	Тавская	7
3.	Тавотуз	33
4.	Кадурдацкая	179
5.	Тебондя	71
6.	Яиртыш	4
7.	Саргацкая	4
8.	Яльнская	168
	Верхние	
9.	Тунус	22
10.	Тураш	22
11.	Лобер	16
12.	Порубежная Барабинская	76
13.	Чои	14
14.	Тереня	16

Всего ясачных людей в Тарском уезде в начале царствования Михаила Федоровича было 642 человека и 4 человека захребетных татар*.

В этой главе мы старались представить краткий очерк расселения инородческого мира и сообщить некоторые статистические сведения о количестве инородцев в семи уездах вновь покоренного края; более подробных и точных данных относительно этого предмета мы не могли дать единственно вследствие скудости добытого нами материала. Для нашей цели, впрочем, вполне достаточно сказанного. Мы теперь знаем, где могло русское население встретиться с инородцами и как было велико количество последних в пределах уездов тобольского разряда при начале русской колонизации оных.

Несомненные исторические данные ясно говорят нам, что хотя русские начали основывать свои поселения за Уральским хребтом не в совершенно безлюдной стране, уже давно обитаемой племенами разного происхождения, тем не менее количество туземного населения было слишком ничтожно сравнительно с обширностью занимаемой ими территории — это одинаково верно как в отношении всего пространства, так и каждого уезда в отдельности. В начале

* Архив Министерства юстиции. Сиб. прик., кн. № 11, л. 183.

XVII века ясачных людей (вместе с служилыми инородцами, которых было около 250 человек) в семи уездах не превышало и 4000 человек. Правда, в это число не входят женщины, дети, старики и увечные, но во всяком случае количество последних должно было быть пропорционально вышеприведенной цифре ясачных и служилых людей. Немногом увеличится количество инородцев, если присоединим и захребетных людей; сибирские воеводы, как увидим впоследствии в особой главе об инородческом поселении, зорко следили за ясачными людьми и производили почти ежегодные ревизии последним; от них ясачному человеку довольно трудно было укрыться за хребтом своего собрата с целью избавиться от платежа ясака в государеву казну. В большинстве случаев такие захребетные инородцы были известны русским воеводам, и они в своих отписках о сборе ясака иногда указывают на количество оных, и это количество совсем ничтожно; например, в Тарском уезде, как мы упомянули выше, на 642 человека ясачных людей захребетников было только 4 человека, а в других уездах встречается таковых 5, 10 или несколько более человек. Теперь, если мы сравним приведенную цифру ясачных людей в начале XVII века с количеством «черных людей» в сибирской земле при Едигире, то увидим громадную разницу: послы этого царя, прибывшие в Москву в 1555 году, говорили, «что у Едигера 30 700 человек черных людей», т.е. таких, которые платили ясак. Эта разница свидетельствует о том, что во время завоевания русскими Сибирского царства погибла масса инородцев.

Глава II

Верхотурье и Верхотурский уезд (1598—1645). Поводом к основанию Верхотурья послужило открытие новой дороги из Руси в Сибирь. До того времени в этот край чрез Уральский хребет вели три дороги: самая северная выходила на реку Сось, вторая — в югорскую землю на реку Сыгву, впадающую в Сосву; эти два пути вели в Березовский уезд и служили главным образом для купцов и промышленников; служилые же люди хотя и пользовались иногда вторым путем, но только при своем возвращении из Сибири. Наконец, третий путь выходил на реку Лозву. Московское правительство для всяких сношений с сибирским краем исключительно пользовалось этой последней дорогой. На реке Лозве при впадении в нее речки Иивали в 1589 году построен был город Лозва, от него-то и начинался Лозвинский путь, ведущий в Тавду, а по этой реке в Тобол и по Тоболу в Иртыш к городу Тобольску. Этот путь, простиравшийся на две тысячи тогдашних верст, был слишком длинен, поэтому Федор Иванович приказал соликамскому посадскому человеку Артемию Софонову Бабинову проведывать ближайшую дорогу в Сибирь от города Соликамска. Поиски последнего, вероятно, руководимые инородцами¹, увенчались успехами в 1597 году. После своих изысканий он указал сухой путь от Соликамска на реку Туру. Как видно из атласа Ремизова, Бабиновская дорога шла от Соликамска чрез верховья Яйвы и некоторых других речек на реку Косву, именно к устью ее притока Тулувока, затем по северному берегу Косвы, по притоку ее Кырье, через павдинский камень на реку Павду, впадающую в реку Лялю, и по левому берегу этой последней, не доходя до устьев речки Разсохиной, Бабиновская дорога пересекала Лялю и тянулась к речке Мостовой, относящейся уже к системе реки

Туры, а от Мостовой поворачивала к устьям речки Калачика. Протяжение этой дороги, по определению самого Бабинова и составителя «Чертежа Сибирской земли в 1672 году», равнялось 250 тогдашним верстам*. Правительство одобрило этот путь, так как он значительно сокращал расстояние между Соликамском и Тобольском сравнительно с прежней дорогой: ямщик с легкой кладью зимой и летом проезжал его в 22 дня, между тем как по Лозвинской дороге для проезда из Соликамска чрез Лозву и Пелым до Тобольска требовалось не менее 30 дней**. Тому же Бабинову правительство немедленно поручило расчистить новую дорогу и построить мосты. «А мостов мостили, — доносили пермские целовальники, — от Соликамской чрез речки, буераки и грязные места до Верхотуры — поперечных семь по 50 саж., а длинных 30 мостов по 130 саж.».

Постройка новой дороги совершена довольно скоро. Но уже в 1599 году служилые люди жаловались, «что та новая дорога чищена узко и худо, и мосты весеннею водою поспоносило, и выбои образовались великие, и если весною не будет произведен ремонт, то по той дороге сибирских хлебных запасов и сибирской государевой казны провезти невозможно, и им, служилым людям, ездить будет тягость великая». После этой жалобы правительство приказало Бабинову, чтоб эту новую дорогу чистили «старого лучше и шире и мосты мостили бы хорошие»***.

Открытие новой дороги сделало ненужным город Лозву, и вместе с тем явилась необходимость основания города на Туре — на конечном пункте Бабиновской дороги. Уже в 1597 году Федор Иванович приказал найти удобное место на Туре и заложить там город. Осмотрщики донесли, что на Туре (между речками Калачиком и Дернейкой) есть старое чудское городище Неромкура, на месте которого и следует построить новый город. В одной пермской отписке от 3 октября 1597 года это место описано так: «На северном берегу Туры находится крутой камень-гора, возвышающийся над поверхностью воды на

* Тогдашняя верста — 1000 саж. См. «Книгу Сошного письма 1629 г.», напеч. во «Временнике», в 17 кн.

** Сведения об этом предмете мы почерпнули из разных челобитных ямщиков, относящихся к началу царствования Михаила Федоровича и хранящихся в Сибирском приказе.

*** А. И., т. II, № 26.

12 сажней и больше, а длина одного по реке простирается до 60 сажень, так что со стороны Туры нет надобности ставить стены, то место и без городской стены всякого города крепче, разве б по тому месту велеть хоромы поставить в ряд, да избы поделывать, а дворы поставить постенно, а по углам города от Туры поставить наугольные башни». Соответственно этому указанию Федор Иванович в том же 1597 году велел ехать в Сибирь Василию Петровичу Головину да Ивану Васильевичу Воейкову для постройки нового города. При этом предписывалось им захватить в Пермь и «взять у Сарыча Шестакова 300 рублей, а на эти деньги нанять посошных людей пеших, конных и плотников со всякою посошною снастью по договору, почем наймутся и поруки по них взять крепкие с записями, чтоб им город и острог делать, и не доделав от городского и острожного дела не сбежать». Но строить город «охочими людьми по договору» оказалось слишком дорого. Головин и Воейков доносили, что по смете для постройки города нужно нанять 550 человек посошных, конных и плотников на три месяца, и постройка обойдется в 3120 рублей. «Пешие люди, — писали они, — договорились до полутора рубля на месяц человеку, и просят денег адрут на три месяца, а на полтора и на два месяца не возьмут: они говорят, что место дальнее и пустое, без запаса идти невозможно. Конные договорились на месяц по два рубля, по 26 алтын, по 2 деньги (2 р. 80 к.), а плотники просят по два рубля на месяц, и деньги просят на три ж месяца». Получив такое донесение, правительство разочло, что лучше строить новый город «по указу», чем «по договору», и поэтому приказало вышеупомянутым лицам немедленно «доправить» на всей пермской земле посошных, конных людей и плотников, назначив этим рабочим самую минимальную плату. В то же время указано Лозвинскому городу «не быть», а воевода этого города Иван Траханиот получил предписание отправиться весной вместе с лозвинскими служилыми людьми и государевой казной на Верхотурье, а городской и острожный лес Лозвы сславить в Пелым⁶, если последний нуждается в готовом строительном материале для разных построек⁶. Таковы обстоятельства, сопровождавшие основание Верхотурья.

⁶ Дрезнейшие документы, относящиеся к уничтожению города Лозвы и постройки Верхотурья. См. Архив Министерства иностранных дел. Портф. Миллера, № 478; «Р. и. библ.», т. II, № 65; «Временник», кн. № 17; «Опис. Сиб. ц.» Миллера, стр. 263 и др.

Первыми строителями этого города были Головин и Воейков. Хотя правительство грамотой от 15 декабря 1597 года и побуждало их спешить из Перми на Туру и город поставить «к зиме», но они были задержаны в Перми и могли прибыть в Сибирь и приступить к заложению Верхотурья не ранее весны 1598 года. Первоначально был построен острог, т.е. его стены и башни, а в нем храм Живоначальной Троицы с приделом, воеводский двор, двор других служилых людей, съезжая изба, двор попа и несколько других дворов. Эти строения занимали самое ничтожное пространство по вышеупомянутому камню; даже после расширения острога в 1606 году вдвое против прежнего, оный имел в окружности только 630 сажен*. Из одной воеводской отписки 1603 года видно, что «места под дворы давали не великие — детям боярским вдоль и поперек по 8 сажен, а стрельцам — по 5 сажен**». Головин и Воейков были первыми начальными лицами в новом городе: первый — воеводой, а второй — головой. Осенью 1599 года их сменили воевода Иван Михайлович Вяземский и голова Гаврило Самойлович Салманов. Последний по указу царя в 1600 году построил гостинный двор с 4 избами и 20 амбарами да на татарском дворе — избу и амбар на приезд татарам, осякам и вогулам. Скоро в Верхотурье появился и кабак; по крайней мере в одном позднейшем документе говорится, что оный построен еще «до московского разорения», стало быть, при царе Борисе***. Вследствие этих построек на небольшом пространстве в остроге Верхотурском образовалась необыкновенная теснота, так что в начале 1603 года воевода Неудача-Плещеев писал царю Борису, «что в остроге теснота великая», а между тем посадские люди и пашенные крестьяне, поставившие свои дворы за острогом, опасаясь нападений инородцев, постоянно бьют челом о том, «чтобы их жилецкой слободе быть в остроге».

Вместе с тем этот воевода просил разрешения «поотнести стрельцам двема дворы третий и учинить новая улица и на ней поставить дворы посадских людей и крестьян****».

* «Р. и. библ.», т. II, № 132.

** А. М. И. Д. Портф. Миллера, кар. № 477, св. II, № 5.

*** А. И., т. III, № 123.

**** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. 5.

Но это разрешение последовало только от Федора Борисовича и его царицы-матери, а острог впервые был расширен и в нем была устроена жилецкая слобода не ранее 1606 года*. В 1607 году верхотурский воевода жаловался царю Василию, что в соборной церкви Живоначальной Троицы служба бывает только летом, а зимой совершается в съезжей избе, и просил о разрешении построить теплый храм. Разрешение было дано, но теплый храм, как видно из других документов, поставлен не отдельно, а в виде пристройки к Соборной церкви. Затем в самом начале царствования Михаила Федоровича основана еще новая церковь во имя Воскресения Христова**.

Следует также упомянуть, что вскоре после построения Верхотурского острога около него между речками Калачиком и Свягой положено основание мужскому монастырю. Еще в 1602 году черный поп Иона-пошехонец бил челом царю Борису, что он дал обет устроить монастырь в Верхотурье во имя Николая Чудотворца, но воеводы не дают лесу для постройки храма и келий. Царь пожаловал и велел верхотурским воеводам дать Ионе для монастыря строительный материал***. Из последующих челобитных того же Ионы видно, что хотя верхотурские воеводы и дали ему лес для постройки храма и келий, но только не даром, а взаимы, и требовали возврата долга. Из этого заемного леса Иона построил стены для храма св. Николая и несколько келий. В начале 1604 года строитель снова обращается к царю с челобитной, в которой, во-первых, просит «не править с него заемного лесу, а во-вторых, дать ему еще строительного материала для окончания монастырских построек»****. В том же году Иона отправился в Москву и выпросил у царя «церковное строение» в новопостроенный храм, себе жалованье по 6 р. в год и дьячку по 3 р., а вместо хлебной ржи получил пашни и покосы*****. Впоследствии, именно в 1621 году, первый архиепископ Сибирский Киприан сообщал патриарху Филарету, что Николаевский Верхотурский монастырь построен Ионой «мирскою дачей»*****, но выщепри-

* «Ежемес. соч.» 1764 г., янк., стр. 15.

** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 184.

*** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 184.

**** А. И., т. II, № 48.

***** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 184.

***** Ibid., № 477, ст. 1.

веденные сведения противоречат этому сообщению: правительство принимало самое живое участие как в основании других сибирских монастырей, так и Верхотурского.

Теперь скажем о населении Верхотурья и о дальнейшем развитии этого города до 1645 года. Первыми обитателями Верхотурья, кроме его строителей, были жители города Лозвы: два человека боярских детей, 46 человек стрельцов и казаков, два подьячих, вогульский толмач, мельник, кирпичник, банник и несколько сторожей. В этом же году из Перми Великой прислан в новый город поп Леонтий и, вероятно, с дьячком для служения в Троицкой церкви, а из Тобольска туда же переведен атаман казачий Пинай Степанов. Весь этот контингент населения получал в разных размерах из казны денежное и хлебное жалованье; всего по 1599 год служилым людям, ружникам и оброчникам приходилось по окладу 247 р. 75 к. денег, 300 ч. муки, $28\frac{1}{8}$ толокна да 100 пудов соли. Но священник верхотурский в первое время получал жалованье не из государственной казны, а от пермской земли — по 15 р. в год, и только в 1601 году пожалован денежной и хлебной ругой — по 6 р., 7 ч. ржи, по чети круп и толокна*. Между обитателями Верхотурья уже во второй год существования этого города встречаются торговые люди и крестьяне. Так, в 1599 году переселены из Вятки два торговых человека — Терентьев и Лашкин, в следующем году — 50 ямщиков и 80 плотников, набранных в разных поморских городах. Кроме того, у служилых, торговых людей и пашенных крестьян встречаются наймиты из вольных людей, которых также нужно отнести к первоначальным жителям города Верхотурья. Благодаря относительной близости этого сибирского города и положению его на большой дороге, в нем появляется такое множество «охочих, гулящих людей», что уже в 1604 году велено верхотурскому воеводе набрать из них 50 человек на службу в Сургут, а в следующем году такое же количество в Томск**. И впоследствии прилив «охочих людей» в город Верхотурье был довольно значительный; правительство и частные лица пользуются этим элементом как для разных работ, так и для заселения разных мест Сибири. По дозору Михаила Тюхина в 1624 году Верхотурье представляет-

* А. И., т. II, №№ 3 и 37; «Опис. Сиб. Ц.», стр. 267; см. гр. ц. Борса от 20 февр. 1599 г.

** А. И., т. II, №№ 40, 46, 51 и 52.

си уже довольно застроенным и заселенным городом*. В нем находились два храма с приделами, государев гостиный двор с четырьмя горницами для приезда торговых людей и 60 амбаров для склада их товаров, две государевы житницы, съезжая изба, 13 лавок, принадлежащих разным частным лицам, и 112 дворов, из них два воеводских, 7 священно- и церковнослужителей, 1 сына болгарского, 3 подьячих, 1 сотника стрелецкого, 39 стрелецких дворов, 26 дворов посадских людей, 25 дворов пашенных крестьян и несколько дворов, принадлежащих профорнице, палачу, сторожку и т.п. Относительно количества обывателей в вышеупомянутых дворах можно только сказать, что их было не менее 110 семейств, не считая при этом холостых служилых людей и разных наймитов, живших по чужим домам. А по «списку с окладной книги 1626 г.» в городе Верхотурье было людей, получающих денежное и хлебное жалованье, 162 человека, из них служилых людей, стрельцов, казаков и пушкарей — 66, детей боярских — 7, подьячих — 7 и пр.**.

Около города, кроме Ямской слободы, о которой скажем ниже, находились два монастыря: мужской Николаевский и девичий Покровский, основанный в 1621 году Сибирским архиепископом Киприаном. В первом в 1624 году было 4 кельи — игумена, строителя, черного попа и старца да двор для монастырских рабочих людей; в девичьем монастыре было в то же время только три кельи: одна игуменьи и две кельи, в которых жили десять стариц***.

Далее, просматривая материал, касающийся Верхотурья, мы не заметили никаких выдающихся явлений в жизни этого города до самого конца намеченного периода, таких явлений, на которые следовало бы указать. Можем только упомянуть, что количество верхотурцев, получающих хлебное жалованье, постепенно уменьшается: в 1626 году таковых было 162 человека, в 1633 г. — 100, а в следующем году 94 человека****. Такое уменьшение указывает на развитие хлебопашества в Верхотурском уезде, многие служилые люди отказываются от хлебного жалованья, а вза-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, ст. 181, «Список с верхот. дозорных книг посаду и уезду...». 1624.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. №№ 10 и 160. «Список с окладных книг...» 1626 г.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 190.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. №№ 35 и 41.

мен получают земельный надел и занимаются земледелием. Боярские дети — 7 человек в 1636 году все стали служить «с пашни».

Чтобы иметь представление о числе и роде населения города Верхотурья в год смерти Михаила Федоровича, сообщим здесь сведения из рукописи, озаглавленной «Книга, кто именем верхотурские и приезжие люди приведены к присяге (царю Алексею) с 15 октября 1645 г. по 3 июня 1646 г.»; при этом мы исключаем приезжих людей*.

Детей боярских	9 человек
Архиепископский боярский сын	1
Подьячих съезжей избы	8
Таможенных и заставных голов	5
Целовальников	3
Житничных дячков	2
Церковных и площадных дячков и дячков	11
Таможенных подьячих	3
Гостиного двора дворник	1
Мельников	7
Сторожей	17
Палач, кузнец, верстник и котельник	4
Вогульских толмачей	2
Сильный князь Матвей Великопермский	1
Служилых людей	100
Жильцов	3
Купцов	2
Посадских людей	43
Крестьян	10
Гулящих людей	617

По этому документу количество населения в городе Верхотурье в указанное время простиралось до 849 человек, кроме женщин, детей, братьев и других свойственников, живших самостоятельно, и кроме священников и их семейств. Мы, однако, не ручаемся, чтобы все гулящие люди — 617 человек — проживали в самом городе; упомянутая присяжная книга не дает нам на этот счет точных указа-

* Ibid., кн. № 194.

ний, хотя и несомненно, что количество этого бездомного люда, проживавшего в Верхотурье, как мы уже упоминали, всегда было довольно значительно. Этот люд, как увидим впоследствии, составляет главный контингент для набора войск, пашенных и оброчных крестьян.

Одновременно с основанием города Верхотурья начал заселяться русским элементом и Верхотурский уезд. В этом заселении участвовали разные факторы: правительство, верхотурские монастыри, священно- и церковнослужители, служилые люди, посадские, крестьяне и ямские охотники. Помимо дальнейшей цели обрусения края, правительство старалось заселять Сибирь, будучи побуждаемо к тому прежде всего экономическими расчетами: подвоз хлеба из Европейской Руси в сибирские города дорого обходился правительству, был слишком тяжелой повинностью, хотя и оплачиваемой для областей, на которые возложена обязанность доставлять ежегодно в Сибирь известное количество разного хлеба, и, наконец, этот способ прокормления сибирских городов не всегда был верен. Та же экономическая нужда заставляла и монастыри, и частных лиц, поселившихся в сибирских городах, заводить пашни, устраивать на них хутора, из которых впоследствии развивались деревни и села. Служилые люди, ружники и оброчники сибирских городов хотя и получали от казны хлебное жалованье, но последнее давалось в таком количестве, что одним жаловавшим невозможно было прокормиться человеку, даже получающему высший хлебный оклад, а тем более стрельцам, казакам и пушкарям*. Верхотурские боярские дети, стрелецкие десятники, служилые люди, ружники[†] и оброчники били челом государю, что хлебного жалованья в 1602 году «не стало до сроку» и они принуждены были занимать хлеб из государевых житниц**. Но не всегда и царские житницы аккуратно пополнялись хлебом; например, в 1608 году не было довезено в Верхотурье разного хлеба 629 четвертей; пока об этом предмете шла переписка, верхотурцам приходилось жить впроголодь. Случалось даже хуже, и не

* Боярские дети получали хлебного жалованья в год по 10 ч. ржи, или около 50 пудов; стрельцы, казаки и пушкари — по 5 ч., или около 25 пудов.

** А. И., т. II, № 41.

один раз. В 1609 году тобольский воевода писал в Пермь, что «служилые всякие люди бьют челом о денежном и хлебом жалованье беспрестанно, а дать им нечего: денег и хлеба на 1609 год с Руси не прислано, а в казне денег и в житницах хлебных запасов нет. От служилых людей всех городов доука великая, а говорят, приходя к нам, только-де им хлебного жалованья не будет, и им всем от голоду с женами и детьми брести на Русь, а сибирские города и остроги покинуть, чтобы им с голоду не помереть...».

Нечего уже и говорить, сколь сибирские города страдали от недостатка хлеба во время междуцарствия! Из грамоты князя Пожарского, писанной из Ярославля к верхотурским воеводам, видно, что в 1610 и 1611 годах в сибирские города с Вятки, с Выми, с Устюга Великого и Сольвычегодска денег и хлеба ничего не прислано. Вследствие этого по указу всей земли верхотурскому воеводе велено, если на 1612 год не будет прислано хлеба, то всяких тех городов торговых людей, которые приедут в Верхотурье, схватывать «и доправить» на них хлебные запасы и деньги*. Если ружники часто голодали, то тем более должны были чувствовать недостаток хлеба те, которые не получали из казны хлебного жалованья. Нужно заметить, что до 1609 года торговые люди под опасением конфискации товара не смели торговать хлебом в Сибири, и, значит, тамошним жителям приходилось или отправляться за покупкой хлеба за Уральский хребет, или обращаться к царским житницам, но тот и другой способ приобретения хлеба был сопряжен с большими затруднениями. Только царь Василий Иванович по жалобе служилых людей в упомянутом году разрешил в сибирских городах свободную торговлю хлебом**. Все эти вышеуказанные обстоятельства заставили и правительство, и частных лиц заниматься хлебопашеством, заселять удобные места земледельческим людом, и мы видим, что уже в первой четверти XVII века по всему Верхотурскому уезду возникают русские поселения.

Одновременно с основанием Верхотурья правительство поселило около Верхотурского острога несколько крестьянских и посадских дворов, которые составляли так называемые

* А. И., т. II, №№ 94 и 337; А.А.Э., т. II, № 101.

** А. Э., т. II, № 141.

мую «Жилецкую слободу». Разные обязанности несли жители этой слободы: крестьяне должны были обрабатывать государеву пашню, находившуюся под городом, и делать, по тогдашнему выражению, «разные изделия»: приготовить солод, муку, крупу, толокно, возить дрова, делать венники для бань, драть лыко, собирать сено, отправлять обязанности житничных целовальников, рубить амбары, суда и т.п. Хотя некоторые из «изделий» и были оплачиваемы царской казной, но тем не менее они входили в круг натуральных повинностей, от которых крестьяне не могли отказаться. Посадские люди закупали хлеб в царские житницы, оценивали ясачную казну вместе с торговыми людьми, служили в таможенных и заставных головах и т.д. Наконец, с 1624 года они обложены еще были оброком в разных размерах — по рублю, по 50 копеек, «смотря по животом и семьянитости»*. Но как посадские, так и крестьяне верхотурские занимались торговлей и обрабатывали «собинную» пашню, которой они наделялись за отправление вышеозначенных повинностей. Мы выше упомянули, что в 1605 году Жилецкая слобода внесена в острог, и, таким образом, пашенные крестьяне сделались городскими жителями и были «присудны», как и посадские, к городу. Но в то же время они составляли особую Подгороднюю волость и в актах называются «подгородными пашенными крестьянами». Это название ввело в заблуждение Словцова и дало повод думать, что не позже 1623 года под Верхотурьем основана особая Подгородная слобода. Упомянув об основании этой слободы, почтенный историк Сибири замечает: «Руководитель Миллер относит основание этой слободы к половине XVII века, но, как Сулешов упоминает о ней в своем распорядке, надлежало ей существовать прежде»**. Действительно, Миллер в своей «Сибирской истории» говорит, «что при Верхотурье около сего времени (1648 г.) построено предместье, кое составляют дворы, стоящие на южной стороне реки Туры, против города, и называется Заречною слободою. К заведению сего предместья, — продолжает он, — подала повод церковь, которую городские жители на противоположном берегу реки во имя Одигитрия Пресвятыя Богородицы

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 185.

** «Истор. обозр. Сибири», изд. 2-е, стр. 22.

построили»*. Из этой выписки видно, что Миллер говорит об основании какого-то предместья в половине XVII века, которое в его время называлось Заречною слободою, но не о Подгородной слободе. Подобной слободы не было, как и не основывалось в половине XVII века никакого предместья под Верхотурьем. Но, как далее мы увидим, на южном берегу Туры против Верхотурья еще в начале XVII века и служилые люди, и посадские, и пашенные верхотурские крестьяне вследствие тесноты в городе и ради пашни ставили дворы, количество которых в половине XVII века столь увеличилось, что городские жители просили о постройке там церкви, т.е. существование там дворов, принадлежащих разным жителям Верхотурья, подавало повод к основанию церкви, а не наоборот, как предполагает Миллер.

Итак, мы будем говорить о развитии Подгородной волости, а не Подгородной слободы. Зерном, из которого развилась Верхотурская Подгородная волость, были те самые крестьяне, которые поселились в Верхотурье. Обрабатывая государеву пашню, они в то же время заводили и свои собственные. Но как ближайшие к городу земли частью отошли под государеву пашню, частью были заняты ямщиками, посадскими и служилыми людьми, то большинству крестьян приходилось искать удобные места для хлебопашества вдали от города, заводить там так называемые «отъезжие пашни». При этом они мало стеснялись расстоянием и захватывали земли под пашню за 50, за 100 и более верст от Верхотурья. То же, впрочем, и вследствие того же обстоятельства принуждены были делать и другого рода верхотурские жители — посадские и служилые люди: не всех же могла удовлетворить подгородная земля! Тем более что количество удобной для хлебопашества земли под самым Верхотурьем было довольно ограничено: к северу от города почва была каменистая, а к югу покрыта дремучими лесами, и только к западу и востоку возможно было с успехом заниматься хлебопашеством. Поэтому уже в 1612 году верхотурские ямщики, пашенные и торговые люди били челом русским воеводам Трубецкому и Пожарскому, чтоб их пожаловали урочищем пашенными землями по рекам Тагилу и Мулгазо, потому что «под городом-де им пахать негде». «И мы, — писали упомя-

* «Ежемес. соч.» 1764, стр. 506.

нутые воеводы к воеводе верхотурскому, — по совету всей земли велели им те земли дать на пашню и в половники припущать». Это урочище, как объявили сами челобитчики, находилось от Верхотурья верст за 50, но в 1599 году торговые жилецкие люди просили о пожаловании им земли по сю сторону Уральского хребта, именно по реке Косве и впадающим в нее притокам, чтобы там ставить дворы, амбары и пользоваться разными угодьями. Правительство охотно удовлетворяло подобные челобитные, и верхотурские жители в короткое время заняли громадное пространство земли в своем уезде. Одно условие требовалось при этих пожалованиях — чтобы земли просимые до того времени никому не принадлежали, были землями вольными*.

На занятых пашнях верхотурцы ставили дворы, в которых поселяли своих свойственников или гулящих людей в качестве половников², и только немногие жили там сами; например, по первой дозорной книге из верхотурских жителей только десять человек посадских людей жили по своим деревням, а остальные имели дворы в самом городе. Название «деревня» не должно нас вводить в заблуждение относительно количества населения в них — это скорее хутора, состоящие из одного, двух, трех дворов и принадлежащие большей частью одному семейству. Но эти хутора были зерном, из которого развились целые села. Семейство вследствие естественного размножения увеличивалось, некоторые члены выделялись, строили отдельные дворы, и хутора таким образом разрастались. На такое происхождение сибирских сел указывает и то, что жители этих сел иногда носят одну фамилию. Кроме того, правительство постоянно наказывало верхотурским воеводам прибирать крестьян на государеву пашню «из охочих людей», давая им льготу и подмогу. Новоприбранные или селились в деревнях прежних верхотурских пашенных крестьян, или основывали свои деревни. Но как старые, так и новые крестьяне обязаны были обрабатывать за право пользования землей государеву пашню; при этом те крестьяне, которые обрабатывали пашню, находящуюся под городом, и составляли Подгородную волость, а сами крестьяне назывались «подгородными», хотя бы они жили за сто верст от города.

* А. И., т. II, №№ 28 и 341.

К концу первой четверти XVII века эта волость состояла из следующих крестьянских деревень:

Деревни при реке Туре	Число дворов
Ивашки Савельева Бутакова	1
Демки Евсюгина	1
Семейки Мартемьянова	1
Оксенки Бабинова	1
Бориски Петухова	3
Ивашки Бутакова	
Пиминки Федотова	1
Микитки Вагина	1
Захарки Смольянина	
Худяка Пурегова	1
Терешки Жолобова	1
Шестака Удинцова	2
Семейки Удинцова	2
Фони Петухова	1
Ерзовка (при реке Ерзовка)	6
Д. Кунашева	1
Матвей Смольянина	5
Рычки Иванова	1
Федьки Щапова	2
Митки Худорошкова	2
Митки Трубина	3
Оксенки Загонова	2
Серегы Загонова	2
Бр. Литовских (озеро Литовское)	3
Бр. Литовских (ibid) ⁴	3
Офоньки Таскина	2
Мартемьянова	1
Еремки Загонова	1
Меркуши Федотова	3
Васьки Лалтева	2
Овери Шилова	1
Ивашки Черемного	1
При реке Пие	
Ивашки Чеснокова	2
Васьки Зыряна	1
Тренки Таскина	3
Левки Борзунова	1

При реке Салде

Сергушки Нифонтова	2
Лентевского Савки	1
Путинцевых (5 братьев)	2
Семейки Кутакова	1
Васьки Жернокова	2
Балакиных	1
Васьки Боровского	1
Розази Петрова	3

Всех деревень в 1624 году в Подгородной волости было 44, 2 починка и 6 пустошей, а в деревнях 80 дворов, в которых жило 102 человека, кроме женщин и детей. Кроме того, на левом берегу Салды, ниже деревни братьев Балакиных, находился погост, а при погосте храм во имя Прокопия Устюжского и три двора, принадлежащих церковному причту¹⁰.

Крестьяне вышеупомянутых деревень пахали на себя «доброй земли» 750 ч. в поле, что составляло 30 вытей, так как в это время в Верхотурском уезде в выть полагалось 25 ч. в поле; за теми же крестьянами было: пашни в починках 145 ч., перелогу 1079 ч. и сенных покосов на 13425 копен. За пользование этой землей и угодьями подгородные крестьяне должны были обработать государевой пашни, находящейся под городом, по две десятины за каждую выть, итого 60 десятин, но ни пашни в починках, ни перелог, ни покосы не «верстались» в выти.

Здесь следует заметить, что каждый крестьянин пользовался землей как собственностью и соответственно величине своего участка обрабатывал известное количество государевой пашни: если его участок равнялся выти, то он должен обработать на государя две десятины, если четверть выти, то половину десятины, и т.д. Но в то же время некоторые крестьяне имели общую пашню, которая называлась «артельной пашней», потому что она обрабатывалась сообща и сообща за нее крестьяне пахали на государя, а равным образом имели и общие деревни. Так что наряду с личным землевладением встречается и общинное, только в Подгородной волости последнего рода земель было очень мало*.

* Архив Министерства юстиции. Сиб. гр., кн. №№ 4 и 5.

Не все вышеупомянутые деревни имели будущность, многие из них скоро после основания уничтожились вследствие того, что владельцы бросили там пашни, находя невыгодным обрабатывать оные, и заводили пашни в других, более плодородных местах. Но некоторые деревни развивались и встречаются в конце XVII века на атласе Ремезова, в половине XVIII века в списках деревень, составленных Миллером, и в настоящее время.

Далее мы не можем следить за возникновением деревень в Подгородной волости, для этого у нас нет материала. Но относительно увеличения количества людей в этой волости мы можем сообщить вполне точные сведения. Так, в 1632 году в Подгородной волости старых пашенных крестьян был 131 человек, у них детей, братьев и племянников — 52 человека, пашни на государя они пахали 85 десятин^{*}; в 1633 году в той же волости было 99 человек, детей, братьев и племянников — 52 человека да новоприборных 2 человека^{**}; в 1640 и 1641 годах в списках пашенных крестьян Подгородной волости показано одинаковое количество людей — 98, братьев и племянников — 42 человека, новоприборных 3 человека^{***}; наконец, в 1645 году подгородных крестьян было 109 человек, детей, братьев и племянников — 41 человек; пашни на государя пахали 73 десятины, да вновь прибрано 4 человека^{****}. Из этой росписи, как и из других данных, просмотренных нами в архиве, видно, что количество пашенных крестьян в Подгородной волости в это время увеличивалось главным образом «новоприборными из охочих людей». Воеводы ежегодно прибирали и сажали на государеву пашню новых крестьян по одному человеку, по два, а иногда и по десять человек; эти новоприборные крестьяне ставили свои дворы или в деревнях старых крестьян, или же основывали собственные деревни. Если же иногда замечаем уменьшение пашенных крестьян в этой волости, то это было или вследствие бегства крестьян, или перехода из пашенных в оброчные, или, наконец, количество пашенных крестьян уменьшалось от того, что само правительство выселило часть их в другие места. Например, в 1632 году пашенных крестьян был

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 35.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 41.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6132/88, л. № 519, кн. № 43.

**** Ibid, кн. № 203.

131 человек, а в следующем году — 99 человек. Воевода в «рописи государевой подгородной пашни» объясняет эту убыль тем, что один крестьянин сбежал, 10 вышли на оброк, а 21 человек с женами и детьми посланы в Томск*. В 1645 году количество оброчных крестьян в Подгородной волости было уже 14, а всех крестьян, исключая детей, собственников и жещин, — 127 человек. Таким образом, Подгородная волость состояла главным образом из деревень по рене Туре, но некоторые крестьяне той же волости имели деревни по Салде и Пие. Другие пашенные крестьяне — старые верхотурские и новоприборные — заняли земли по Тагилу и Невье с их притоками и основали там свои деревни. И так как они обрабатывали государевы пашни, находящиеся при реках Тагиле и Невье, то назывались тагильскими и невьянскими.

По Тагилу и его притоку Мулгаю начали возникать поселения с 1612 года, и таким же образом, как в Подгородной волости. Прежде всего, конечно, основали там свои деревни пашенные крестьяне, которые жили в Верхотурье, а потом уже новоприборные крестьяне из охочих людей; при этом некоторые из последних основали деревни при Туре, Салде и Пие и все-таки причислялись к тагильским крестьянам.

По дозорной книге 1624 года** Тагильскую волость составляли следующие деревни пашенных крестьян:

Деревни при реке Тагиле	Кол-во дворов
Фомина	1
Кандрошки Калинина	1
Меньшичка Молодого	1
Лошкино	3
Балакина Ивашки	2
Бр. Пуреговых	2
Болотова Ляри	2
Дементьева	1
Дедохина	2
Борисова Панка	1
Черепанова	1
Онисимова	2
Чалурина	1
Гаврилова	1

* А. М. Ю. Сиб. пр., кв. № 41.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кв. № 5, л. 238.

Матвея Берсенева	2
Якушки Берсенева	1
Леонтьева	1
Ортемьева	1
Гаева	4

При реке Пше

Заллатина	2
Цыпелева	1
Федькина	1

При реке Салде

Жернокова Васьки	3
------------------	---

При реке Нырье

Бр. Горстких	5
--------------	---

При реке Мулгае

Роисина	1
Богдашки Тогоркова	2
Федьки Губа (речка Губина)	2
Константинова	1
Белоусова (речка Белоусовка)	2
Газрилки Берсенева	2
Похалуева	1
Фомкина	2
Новгородцова	1
Самойлика Рыкова	4

При реке Турье

Овчинникова	3
Корчемкина	2

Всего деревень тагильских пашенных крестьян было 36, дворов в них 65, за ними пашни доброй земли — 625 ч. в поле, или 25 вытей, перелогу 800 ч., сена 8780 копен, а государевой пашни они обрабатывали 50 десятин, по 2 десятины на выть.

В центре Тагильской волости, на правом берегу Тагила, при речке Булихе, находился монастырь с храмом во имя Преображения Господня и приделом в честь святого Михаила. Трудно сказать, когда здесь возник монастырь, а еще труднее опре-

делить время его закрытия. Можно только полагать, что этот монастырь основан не ранее 1612 года, так как русские поселения при Тагиле начали появляться, как мы упомянули выше, именно с этого времени. Архиепископ Киприан в 1621 году послал в этот монастырь игумена Авраамия и с ним старца строителя Варлаама. По дозору Тюхина в Тагильском монастыре было 6 келий: одна для игумена, другая для строителя и четыре кельи для нищих, но о простых монахах в дозорной книге 1624 года не упоминается. А вместо того в том же документе находим известие, что на монастырском дворе были два двора, принадлежащих белому духовенству — священнику и дьячку, двор пресфорницы и двор крестьянина. Существование белого духовенства указывает уже на то, что здесь, кроме монастыря, находился и погост. Но после 1624 года мы ни в одном документе не встречаем упоминание о Тагильском монастыре, и, кажется, он покончил свое существование вследствие набега на Тагильскую волость калмыков в 1625 году. Следствием этого набега, между прочим, было то, что на Тагильском погосте по просьбе крестьян Тагильской волости построен в том же году острожек, а с основанием острожка здесь начали селиться крестьяне и образовали Тагильское село*. Несколько ниже от Тагильского монастыря, по реке Тагилу, находилась еще деревня Архангельского Устюжского монастыря, в которой жили старец Захей и слуга его. Относительно дальнейшего развития вышеупомянутых деревень мы не можем судить за отсутствием соответственного материала, но о количестве населения во всей Тагильской волости в 1624 году и о постепенном его увеличении до 1645 года можем здесь сообщить точные статистические данные за несколько лет.

<i>В Тагильской волости было:</i>	<i>Колич. двор.</i>	<i>Людей</i>	<i>Государевой пашни</i>
в 1624 году	65	103	50 дес.
в 1626 году**	89	134	55 дес.
в 1633 году***	124	175	88 дес.
в 1639 году****	108	175	78 дес.

* А. М. И. Д. Портф. Миллера. № 477; А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6306/262, л. 232.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 10.

*** *Ibid.*, кн. № 35.

**** *Ibid.*, столб. № 6306/262, л. 232.

в 1641 году*	115	166	73½ дес.
в 1645 году**	113	152	75 дес.

В 1639 году пашенных крестьян в Тагильской волости показано менее, чем в 1633 году. Это потому, что в 1634 году правительство переселило из этой волости в Томский и Красноярский остроги 24 семейства, а 9 семейств вышли на оброк***. В 1645 году таких оброчных дворов в Тагильской волости уже 11; они уплатили в этом году оброчного хлеба 151 четверть ржи и 136 четвертей овса. Стало быть, всех крестьянских дворов в этой волости в конце царствования Михаила Федоровича было 124.

Несколько позже начали колонизоваться реки Невья, или Нейва, и Реж с их притоками, и поселения здесь возникали в первое время исключительно по распоряжению правительства. Совершенно несправедливо говорит Миллер, что начало Невьянской слободы в 1619 году положил известный Артемий Бабинов, тот самый, который проложил верхотурскую дорогу****. Действительно, он в 1619 году бил челом государю, «чтоб государь пожаловал ему землю по Криве-реке, вверх реки Ницы, ниже устья реки Режа, десять верст и чрез гору по Криве-реке до камня десять верст на льготу на пять лет пашенными местами и рыбными ловлями, и санными покосами владеть и пашенных крестьян на то место призывать». Но, во-первых, здесь идет речь о пожалованной земле ниже устья реки Реж и по реке Нице, между тем как Невьянская слобода возникла несколько выше, именно по реке Невье за устьем реки Реж. Во-вторых, едва только Бабинов с товарищами поселился на пожалованной земле, как инородцы Туринского острога подали царю жалобу, что Бабинов с товарищами завладел их вотчиной: «звери, лоси, соболи и лисицы бьют, а в реках бобров выбивают, рыбу ловят, хмель дерут, и им государева леса ныне и впредь добывать стало негде, и они в конец погибли...». По этой жалобе в 1620 году царь велел верхотурскому воеводе Милославскому сызкати, что если инородцы давно владеют той землей, которую захватил Бабинов, то отдать ее прежним владельцам*****. Что инородцы были

* Ibid, столб. № 6132/88, л. 519.

** Ibid, кн. № 195, л. 64.

*** Ibid, кн. № 41.

**** «Ежем. соч.» 1764, стр. 484.

***** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, кн. № 1.

удовлетворены, в этом нет никакого сомнения, и деревень Бабинова по дозорной книге 1624 года мы здесь не встречаем. Невьянская слобода возникла совсем иным путем, и не в 1619-м, а в 1621 году. Но, кажется, несомненно то, что дело Бабинова имело отношение к основанию этой слободы. По поводу его правительство узнало, что на устье Режа есть прекрасная земля, на которой можно завести государеву пашню, и прислало туда в 1621 году для поселения пашенных крестьян 41 семейство, набранных в казанских дворцовых селах. Из этих «переведенцев» 10 семейств поселились на южном берегу Невы и основали Невьянскую слободу, а другие «переведенцы» поселились вверх по Невье¹³ и Режу и основали несколько деревень:

	Колич. дворов
Деревня при Ключе	10
Деревня при Реже	5
Деревня Фильки Вылежанина	3
Деревня Куземкино	5
При реке Невье: Елань	6

Всего при Невье и Реже казанских переведенцев была слобода и 5 деревень, людей в них был 41 человек, а детей, братьев и племянников — 85 человек. Пахотной доброй земли они имели в 1624 году 20 вытей, или 512 четвертей в поле, сена косили 5900 копен. Да в том же 1621 году Федор Тараканов прибрал из охочих людей на льготу 47 семейств, из которых 4 семейства поставили дворы в Невьянской слободе, а 21 семейство основали следующие деревни:

	Колич. дворов
При реке Невье и ее притокам:	
Патрикоева	1
Кабакова	2
Сизикова	2
Сизикова	1
Смольникова	1
Трифорова	2
При реке Тагил	
Перевалова	2
Гулянова	1

Маркова	2
Гуляимова	1
Ортышки Маркова	1
Васькина	1
Федькина	1

При реке Реж

Ячменова	2
Елизаровых	1

В этих 15 деревнях в 1624 году дворов было 21, а людей в них — 26 человек; пашни они на себя пахали $7\frac{1}{2}$ выти, а на государя — 15 десятин в поле. Остальные крестьяне из прибранных Таракановым частью поселились в Тагильской волости, а частью разбежались.

Невьянская слобода с вышеупомянутыми деревнями составляли новую волость в Верхотурском уезде — Невьянскую; всего народонаселения в ней, кроме женщин и детей, в 1624 году было 165 человек*. Но хлебородные земли и разные угодья привлекли новых поселенцев на Невью и Реж, и Невьянская волость довольно скоро увеличила свое население настолько, что стала многолюднее Подгородной и Тагильской волостей. Уже в 1625 году в Невьянской волости основалась новая слобода «на безводных полях на реке Невье, выше старой слободы...». Первыми поселенцами в этой слободе были 58 человек из «охочих людей», прибранных верхотурским боярским сыном Федором Вужениновым, а в следующем году еще прибрано 29 человек. Эти пашенные крестьяне получили на 4 года льготы 139 $\frac{1}{2}$ рубля в подмогу и 364 рубля ссуды. Этой суммы тогда было вполне достаточно для первого хозяйственного обзаведения. В 1626 году крестьяне Невьянской волости били челом государю, чтоб им было разрешено поставить в слободе острог «для приходу от калмыцких людей»**. Разрешение дано, но неизвестно, в каком году построен был острог; несомненно только то, что острог поставлен в новой Невьянской слободе, что «на безводных полях». Слободские остроги представляли собой небольшие деревянные крепостцы вокруг сажен 40 или 50, а защитниками их были в первое время

* А. М. Ю. Сиб. пр., книги №№ 4 и 5.

** А. М. И. Д. Поргф. Миллера, № 477, св. II.

служилые люди, временно присылаемые из городов. Но подобные посылки скоро были отменены, и временные защитники заменены постоянным войском, состоящим из беломестных казаков. Эти служилые люди набирались большей частью также из охочих людей, но они служили в острожках не за жалованье, а «с пашни», т.е. за свою службу получали земельный надел и за пользование последним не платили никаких податей. Около 1635 года в Невьянском острожке было 17 беломестных казаков, а вооружение заключалось в 4 пищалях затинных, полковой медной пищали и 27 пищалях солдатских со всеми необходимыми принадлежностями*. Как ни ничтожен был этот острожек, но он все-таки пугал калмыков и ногайцев; население Невьянской волости было более уверенным в своей безопасности, и крестьянские деревни при Невье и Реже все более и более заселялись охочими людьми. В 1632 году в Невьянской волости уже было 186 дворов, людей в них 350 человек, пашни государевой они обрабатывали 183 десятины в поле**. Но в следующем году из невянских крестьян 32 человека с женами и детьми были отправлены в Томский, Енисейский и Красноярский остроги***. И после мы встречаем переводы из Невьянской волости в разные отдаленные места Сибири, но тем не менее количество пашенных крестьян в ней год от году увеличивалось: в 1639 году невянских крестьян был 231 двор, людей в них 359, да вновь прибрано 54 человека; в 1641 году — 277 дворов****. Наконец, в 1645 году всего взрослого населения мужского пола в Невьянской волости было 423 человека, государевой пашни они обрабатывали 200 десятин в поле*****. Кроме того, при реке Невье, выше Невьянской слободы, с 1622 года начал строиться монастырь старцем Серапионом. Но постройка подвигалась очень медленно: к 1624 году по дозору Тюхина строитель срубил только 12 венцов храма Преображения Господня да поставил келью и клеть. Однако земли захвачено было Серапионом очень много: доброй пахотной земли у него было 9 ч., сенных покосов на 300 копен, перелогу на

* А.М.Ю. Сиб. пр., столб. № 6440/40.

** Ibid, кн. № 35.

*** Ibid, кн. № 41.

**** Ibid, книга № 128, столб. 6132/88, л. 524.

***** Ibid, книга № 203, л. 80—91.

500 ч., да от речки Тетери по речку Моленку он занял «чистых мест» на 10 верст. Этот монастырь впоследствии назывался Богоявленским, потому что построенный Серапионом храм освящен не во имя Преображения Господня, как предполагалось, а во имя Богоявления.

Доселе мы говорили о слободах и деревнях в Верхотурском уезде, основанных или переведенцами из Европейской Руси, или новоприбравными из охочих людей, или же верхотурскими крестьянами. Последним в 1624 году принадлежало 20 деревень, так что почти каждое семейство имело свою деревню, но и другие обитатели Верхотурья, а равным образом ямщики и монахи, поселившиеся около Верхотурского острога, были виновниками возникновения многих деревень в Верхотурском уезде. Их колонизационная деятельность имела тот же характер, шла тем же путем и начиналась в то же время, как и верхотурских крестьян, и они сначала основывали деревни по Туре, Салде, а с 1612 года — по Тагилу и Мулгаю, или Мугаю.

По дозору Тюхина у верхотурских всяких служилых людей и подьячих были следующие деревни по Туре и ее притокам.

<i>Деревня</i>	<i>Дворов</i>
Завьялки Матвеева	1
Ивашки Долтого	1
Федьки Догтерева	1
Степани Пахалужа	1
Степани Михайлова	1
Братьев Глазуновых	1
Федьки Вискунова	1
Васьки Каргополова	1
Вдовы Елтышевой	1
Лари Путинцева	1
Окулы Михайлова	1
Посника Тимофеева (при Салде)	1
Васьки Кокшарова (при Тагиле)	1
Ивана Слицына (там же)	1
Подьячего Карлова (там же)	1
Васьки Латова (при Шайтанке)	1
Трифона Дьяконова (при Юре)	1

Кроме того, два стрельца имели дворы с пашнями в деревнях пашенных крестьян, пять человек имели пустоши и один — починок; всего служилые люди пахали доброй земли 218 ч. в поле, сена косили 4300 копен да перелогу имели 253 ч.

<i>Деревни посадских людей</i>	<i>Дворов</i>
При реке Туре	
Гаврилки Смокотина	1
Вдовы Русаковой	1
Федьки Чаплына	1
Овчинникова	2
Герасимкова	2
Серебряникова	1
Прокофьева	1
Шубина	2
При реке Отраднe	
Федьки Отрадного	2
Меркушова	1
При реке Тагил	
Цыпелева	2
Толмачева	2
При реке Салде	
Кошкова	1
Сизикова	1
Глазунова	3

Во всех этих деревнях по дозору Тюхина было 23 двора, а людей — 30 человек. Пашни за ними в деревнях и починках было 339 ч., перелогу — 387, сенных покосов — 5670 копен. За пользование пашнями и угодьями посадские люди с 1623 года начали платить «пятинный сноп».

Верхотурские священники также имели свои деревни:

1) Деревня троицкого священника (при реке Туре).

2) Деревня воскресенского священника Лариона (при Тагиле).

3) Деревня воскресенского священника Авдея (там же).

Верхотурскому Никольскому монастырю принадлежало две деревни: одна при реке Туре, другая — при речке

Юре, да под монастырем пашня и двор, в котором жил Федька Прянишник. Всей пашни за монастырем в 1624 году была 41 ч. в поле, перелогу — 70 ч., сенокосов — на 660 копен. В деревнях жили монастырские половники: в первой три человека, а во второй два. За пользование землей монастырь платил «пятинный сноп».

Теперь скажем о Ямской слободе и о деревнях, основанных верхотурскими ямщиками. Ямская слобода начала строиться не ранее 1600 года. С проложением Бабиновской дороги ямскую службу от Верхотурья до Соликамска вначале отправляли лалинские вогуличи. Последние еще в 1599 году жаловались царю, что всякие служилые люди берут у них лишние подводы, и просили избавить их от этой тягости. Борис Федорович в том же году указал впредь с инородцев подвод не брать и велел устроить по Верхотурской дороге ямы*. Но из одной челобитной самих верхотурских ямщиков видно, что они начали отправлять ямскую службу только с 1601 года**. В 1600 году ямщики в количестве 50 семейств были уже в Верхотурье и оттуда били царю челом, чтобы дать им льготы от их должников на три года, а они в те льготные годы построят себе дворы и пашни заведут. Царь пожаловал и велел верхотурскому воеводе «не давать в эти льготные годы на них суда и управы ни в каких долгах»***. За ямскую службу ямщики сначала получали на пай по 20 рублей денег и по 12 четвертей ржи и овса, но едва только они завели свою пашню, как хлебное жалованье было совсем отнято, а денежное уменьшено на 7 рублей. Между тем тягость их службы по мере увеличения дорог от Верхотурья все более и более возрастала. В 1619 году они жаловались: «гоняют они всякие службы зимние и летние ежедневно на 6 дорог на Соликамск, на Чусовую, на Епанчин, на Пелым, на Лялю, на Тагил верст по 400 и 500 и от тех многих дальних служб лошадьми опали и одолжали великими долгами, жен и детей позакладывали и многие их товарищи разбрелись»****. И действительно, в следующем году верхотурских ямских охотников осталось только 39

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 2, л. 183.

** А. И., т. III, № 78.

*** Ibid, № 35.

**** Ibid, № 78.

человек, а 11 сбежали неизвестно куда. Царь велел прибавить жалованье ямщикам и на место выбывших прибрать новых, но окотников не нашлось, а из старых ямщиков еще бежали пять, так что к 1624 году осталось на ямской службе из 50 только 34 человека. Верхотурские ямщики за ямскую службу, кроме денежного жалованья, получали земельный надел под самой слободой по чети в поле на человека да за рекой Калачиком по 2 чети в поле. Но эти земли не отличались плодородием, и ямщики, бросив их, заняли в 1612 году пашню по Тагилу, Мулгаю и в других местах и основали там свои деревни. По дозору Тюхина верхотурские ямщики в 1624 году имели следующие деревни:

Дворов

При Туре Максима Вычегжанина	1
При Ахтае Елтынцева	1
При Ахтае Пятибратова	1
При Салде Фефилова	1
При Тагиле:	
Яковлева	1
Кишкина	1
Ерзова	4
Махнева	9
Бр. Пареваловых	3
Ощепковых	2
Чепуриных	1
Анисимова	4
При Мулгае:	
Геврилова	1
Фефиловых	1
Комарова	1
При Реже Поткина	2

В этих 16 деревнях было в 1624 году 34 двора, людей с детьми и братьев — 65 человек, пашни за ними было пахотной 478 ч. в поле, перелогу 410 ч., сенных покосов на 6300 копен. Между тем несколько ранее издан указ, по которому каждый ямщик наделялся 7 четями в поле и только с этой пашни не платил «пятинного снопа». Но по дозору Тюхина за ямщиками оказалось пашни более против положенного на 61 ч., поэтому с этой последней они обязаны были платить выдельной сноп.

Всего в Верхотурском уезде в 1624 году было две слободы и 149 деревень, а взрослого мужского населения в городе и уезде было 1273 человека. К этому числу нужно прибавить захребетников, половников и бобылей, которых в это время было 49 человек. Всякого чина люди обрабатывали своей пашни 2220 ч. в поле, а на государя пашенные крестьяне пахали 166 десятин в двух полях; сена косили верхотурцы на себя 49315 копен, да на государя пашенные крестьяне косили по две копны с десятины*.

Из всего сказанного нами доселе о заселении Верхотурского уезда следует, что это заселение происходило главным образом посредством основания хуторов; в первой дозорной книге упоминаются только две слободы — Ямская и Невьянская. К сожалению, мы не имеем материала, чтобы проследить как дальнейшее развитие уже существующих хуторов, так и возникновение новых в этом уезде. Имеющийся у нас под руками материал исключительно относится до основания правительством слобод в разных местах. К обозрению этого рода заселения Верхотурского уезда мы теперь и перейдем. Мы уже упомянули, что в 1625 году выше старой Невьянской слободы построена новая Невьянская слобода, и в том же году возник Тагильский острог. Но несколько ранее, именно с 1624 года, начала заселяться река Ница. Здесь уже существовало земледелие, которым занимались турки-татары, а потому при заселении этой реки возникали постоянные распри между русскими и инородцами. Еще в 1619 году, как мы упоминали, основал на Нице около устья Режа несколько дворов Артемий Бабинов с товарищами, но эти русские поселенцы по жалобе татар были согнаны верхотурским воеводой. Тем не менее в 1623 году правительство велело тобольскому воеводе основать здесь государеву пашню и на нее перевести из Тобольска и Тюмени ссыльных людей, а равным образом велело призывать охочих на льготу на два года и давать подмоги на человека по 10 рублей денег, по 5 четвертей ржи, по чети ячменя, по 4 чети овса и по три пуда соли**. Новая слобода заложена при реке Нице, именно между впадающими в нее речками Кожей и Ключевой. Так как строителем был верхотурский слободчик Ощеп-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. №№ 4 и 5.

** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477.

ков, то и слобода называлась Ощепковой-Ницынской, а первыми ее обитателями были 12 человек осмыльных, переведенных из Тобольска и Тюмени. В 1626 году эти поселенцы били челом: «как-де они посланы из Тобольска и Тюмени на Ницу в крестьяне и в ту пору даво им государева жалованья подмоги денег по 11 рублей с полтиной, и они на те деньги купили лошадей дорогой ценой — по 6 и 7 рублей и больше за лошадь, и с тех купленных лошадей и с иного, кто что купит или продаст, берут на них в Тюмени и в Туринске пошлину, и государь бы их, ницынских крестьян, пожаловал для их скудости, для новой селитьбы и для распашки государевой пашни не велел у них с тех купленных лошадей и с иных товаров брать пошлин...». Государь пожаловал, не велел с них брать в течение двух лет пошлину с кулли и продажи, если доведется им купить или продать «не великое», стоимостью не свыше пяти рублей*. Но, несмотря на хорошую подмогу и льготы, упомянутые крестьяне недолго жили в новой слободе. В 1626 году кончились льготные годы, и ницынские крестьяне должны были обрабатывать государеву пашню; в начале того же года в Ницынскую слободу прислан приказчик, боярский сын Степан Молчанов, для суда и расправы над крестьянами и для надзора за пашней. Вероятно, он слишком усердно начал радеть о государевой прибыли, положил большие пашни на крестьян, что последние подняли бунт, убили Молчанова и бросили его в воду. В убийстве приказчика участвовали 11 человек, и все они по государеву указу были сосланы в Кузнецкий и Томский остроги, а двенадцатый еще ранее сам сбежал неизвестно куда. Верхотурский воевода, донося в Москву о ницынском бунте и других крестьянских бунтах, просил разрешения строго наказывать бунтовщиков, а если, замечал он, «по твоему государеву указу не будут они наказаны, то и впредь от них чаять еще больше того дурна, потому что в Сибири мужики схожие из разных городов, от всякого воровства бегаючи»**. Таким образом, Ницынская слобода осталась без крестьян. Снова велено бирючам «кричать не один день», призывать пашенных крестьян на государеву пашню в эту слободу, и в

* А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 1, с. 31.

** А. М. Ю. Сиб. ср., ст. № 6078/34; А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, с. 1.

том же 1626 году явились 12 человек новых поселенцев. Затем год от году поселение Ницынской слободы увеличилось, и в 1630 году в ней было 76 семейств пашенных крестьян*. Развитию этой слободы способствовало, между прочим, и то, что в это время была проложена новая сухопутная дорога, кратчайшая из Туринска к Верхотурью, которая шла чрез разные слободы и в том числе чрез Ницынскую на Тагил; по новой дороге начали ездить служилые, торговые и промышленные люди, от которых жители имели немалый доход. Для сбора государевой пошрины «с тутошних и проезжих людей» в Ницынской слободе основана таможня, а опасность от неприятельских нападений «Кучумовых внучат» заставила правительство построить там острожек. С построением таможни и острожка в Ницынской слободе появились целовальники и служилые люди — беломестные казаки, которых около 1635 года было уже 30 человек**. Вместе с тем и количество крестьянского населения значительно увеличилось: в 1637 году пашенных крестьян в этой слободе было 144 человека, государевой пашни обрыватьвали 87 десятин***. Кроме массы хлеба, Ницынская слобода доставляла правительству много и других доходов, так что ницынскому приказчику велено завести «сметные книги», в которые писать всякие доходы по статьям****.

Для примера приведем из сметной книги 1637 года данные относительно государевых денежных доходов и расходов в этой слободе. Прежде всего читаем в этой книге, что от прошлого года на нынешний 1637 год осталось за всякими расходами 56 р. 28 к. На 1637 год помечено взять (соответственно сбору прошлого года) всяких пошрин 79 р. 9 к., а взято 140 р. 57 к.

С судных дел взято	3 р. 9 к.
с ницынских мельниц	36 р. 69 к.
яченого с пива и браги	3 р. 60 к.
с зеленого откупа	3 рубля.

Всего дохода в 1637 году собрано 186 р. 95 к., а израсходовано за тот же год: разным людям за службу 72 рубля, да

*А. М. Ю. Сиб. пр., № 6202/158; А.М.И.Д. Портф. Миллера, № 478, с. 2.

** А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6440/40.

*** Ibid, кн. № 93.

**** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, с. 76.

мелких расходов, как, например, на чернила, бумагу и т.п. — 3 рубля. Таким образом, доход более чем вдвое превосходил расход, и к следующему году с остатками от прошлого года в государственной казне было 162 р. 79 к.*. После 1637 года население Ницынской слободы не только не увеличивалось, но даже значительно уменьшилось, так что в 1640 году старых пашенных крестьян осталось только 68 человек**. Это уменьшение объясняется, во-первых, тем, что правительство переселяло ницынских крестьян в другие уезды; во-вторых, слободчики прибирали в этой слободе крестьян в другие слободы и, наконец, в-третьих, некоторые крестьяне сами выходили из Ницынской слободы и основывали на своих пашнях собственные деревни. Так, в 1639 году из этой слободы выселился Мишка Зырянин с четырьмя товарищами и основал деревню на Ключе Ключевку, которая впоследствии стала называться по имени основателя «Зырянской». В следующем году в этой деревне уже было 17 крестьянских дворов, из них пять дворов переселились туда из слободы Рудной***. Тем не менее плодородные земли и рашные угодья при реке Нице привлекли новых поселенцев в Ницынскую слободу, и крестьянское население последней в 1645 году состояло уже из 120 дворов, а людей в них было 144 человека взрослого мужского пола. Но количество государственной пашни, обрабатываемой ницынскими крестьянами, значительно уменьшилось: в 1645 году эти крестьяне пахали на государя только 48 десятин в поле, тогда как восемь лет назад они обрабатывали государственной пашни 87 десятин в поле. Это обстоятельство объясняется тем, что большая часть ницынских крестьян недавно поселилась в этой слободе и пользовалась еще льготными годами****. К западу от Ницынской-Ощепковой слободы при реке Нице в 1630 году основана была слобода Рудная. Поводом к ее основанию послужило открытие в 1628 году железной руды в одном болоте, находящемся на южном берегу реки Ницы. Правительство, узнав об этом, велело построить там железный завод, а для работы на нем поселить при реке Нице несколько крестьянских семейств; прибранные крестьяне в количестве 16 се-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 87.

** Ibid, кн. № 43.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., № 6132/88.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., № 203, л. 101.

мейств и положили начало Рудной слободы. Жители этой слободы обязаны были работать на заводе с 1 сентября по 9 мая и за это время выделывать 400 п. железа; зато они освобождались от всяких податей и повинностей, пользовались землей, не платя за нее обычного «пятинного снопа», да еще получали денежное жалование в год по 5 рублей^{*}. Однако труд на заводе был столь тяжелый, что крестьяне при первом удобном случае бросали слободу и разбегались в разные стороны^{**}. Мы не имеем никаких данных относительно количества населения в Рудной слободе после 1630 года, потому что жители оной, благодаря своему особенному положению, не писались ни в «списках пашенных крестьян», ни в «ужимых», ни в «сметных книгах хлебных запасов», а эти книги суть единственные, сохранившиеся до нас от того времени документы, по которым мы можем судить о населении той или другой слободы.

Вскоре после Рудной возникла слобода Ирбитская. В 1632 году по указу царя верхотурский слободчик Иван Спицын прибрал отчасти из охочих людей, а отчасти в других слободах от отцов детей, от братии братьев, от дядей племянников 20 человек крестьян и поселил их при устьях реки Ирбеи, или Ирбита, с тем, чтобы они обрабатывали основанную здесь государеву пашню. Прибранные крестьяне получали подмогу по 10 рублей за десятину и льготу на два года. Но этим крестьянам не пришлось обрабатывать государевых десятин: едва только минули льготные года, как они били челом, чтоб государь пожаловал, велел брать с них оброчный хлеб вместо обработки пашни. Государь пожаловал, и ирбитские крестьяне должны были за пользование землей с каждой $\frac{1}{2}$ выти доставлять ежегодно в царские житницы по 20 четвертей ржи и 20 четвертей овса, да за сеньные покосы и за всякие «годовые изделия» по 5 четвертей ржи^{***}. Несмотря на значительный оброк, которым были обложены ирбитские крестьяне, Ирбитская слобода развивалась довольно быстро: чрез восемь лет после ее основания в ней старых и новоприбранных крестьян было уже 85 человек^{****}, а в 1645 году одних вышедших из льготы

* Ibid, столб. № 6076/32, л. 175.

** Ibid, столб. № 6132/88, л. 798.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., № 43.

**** Ibid, кн. №203, л. 107.

крестьян было 82 человека, плативших оброк 570 четвертей ржи и 712 четвертей овса, т.е. с каждого человека (двора) собиралось в государевы житницы разного хлеба почти по 63 меры, да новоприбранных крестьян в этом году в Ирбитской слободе было 15 человек*. Около 1640 года в этой слободе построен острожек, а для защиты его прибраны беломестные казаки, которых в 1645 году было 25 человек.

От Ирбитской слободы, лежавшей около устья реки Ирбит, нужно различать слободу Усть-Ирбитскую, заложенную на реке Бобровке при впадении последней в Ирбит. В «Списке с чертежа Сибирской земли 1672 г.» она зовется «Усть-Ирбитскою, что на р. Бобровке», и расстояние ее от Ощепковой-Ницынской слободы показано там 20 верст**. Но впоследствии слободы с подобным названием мы не встречаем ни на атласе Ремезова, ни в списках Миллера; по всей вероятности, она стала называться Бобровкой по имени речки, при которой была основана. Об основании Усть-Ирбитской слободы мы можем привести «из книги верхотурских пашенных крестьян» следующие сведения: «в 1642 году в Верхотурском уезде на Усть-Ирбите заведена новая слобода, в которую с 1642 года по 1646 год призвано на оброк 18 человек со льготою на 6 лет, а как льготные годы кончатся, им платить государев оброчный хлеб каждому с десятины (т.е. с $1/2$ выти) по 20 четвертей ржи и по 25 четвертей овса».

Через два года после основания Усть-Ирбитской слободы в 20 верстах от последней, на правом берегу реки Ирбит, возникла слобода Белослудская. Строителем ее был приказчик Ирбитской слободы Василий Муравьев, а первыми обитателями были 8 крестьян, прибранных этим приказчиком из окочих людей на оброк со льготою на шесть лет, затем в следующие два года прибрано на тех же условиях еще 62 крестьянина. По прошествии льготных лет упомянутые крестьяне должны были платить оброчного хлеба в государевы житницы 310 ч. ржи и 387 ч. овса***.

В конце же царствования Михаила Федоровича в Верхотурском уезде возникли слободы Арамашевская на Реже, Мурзинская и Краснопольская на Невье. Впрочем, Миллер

* Ibid, кн. № 195.

** «Временник» 1849, кн. 3.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., № 195.

относит основание первой слободы к более раннему времени — к 1631 или 1632 году*. Правда, в одной отписке тобольского воеводы от 1639 года Арамашевская слобода упоминается уже существующей в это время**, но зато ни в «рописях» сбора государева хлеба, ни в «списках» крестьян Верхотурского уезда мы не встречаем до 1641 года этой слободы. Можно думать, что она основана именно в 1639 году и что часть крестьян из 38 семей, прибранных в этом году в Невьянскую, Ницынскую и Арамашевскую слободы, и были первыми поселенцами в последней. В 1645 году в ней было уже 32 человека, пахавших государевой пашни 14 десятин в поле***. Вскоре после основания Арамашевской слободы в ней построен острог, в котором было казаков в 1645 году 16 человек.

Одновременно с Арамашевской слободой возникла и Мурзинская при реке Невье. Основателем ее был верхотурский боярский сын Андрей Бужанинов; в 1639 году он прибрал туда на оброк 40 человек крестьян и построил церковь****, а в 1645 году в этой слободе вышедших из льготы крестьян было 45 человек да новоприбранных 8 человек*****.

В самом конце обозреваемого нами периода, именно в 1645 году, начала строиться в Верхотурском уезде при реке Вилюе, впадающей в Невью, Краснопольская слобода; тот же Бужанинов прибрал и первых ее обитателей — 10 человек крестьян*****.

Кроме того, нужно заметить, что с проложением Бабиновской дороги по ней в разных местах устроены были караулы с таможнями, около которых к концу царствования Михаила Федоровича образовались небольшие поселки крестьян, из которых впоследствии разрослись значительные села. Таких караулов на новой дороге было три: первый построен был на реке Ляле на том месте, где новая дорога пересекала эту реку; второй — при пересечении той же дорогой реки Павды, впадающей в Лялю; третий под названием Ростес поставлен по Бабиновской дороге на горах, которые отделяют

* «Ежемес. соч.» 1764, стр. 495.

** А. И., т. III, № 211.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., № 203, л. 94.

**** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. II.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., № 182, л. 284.

***** Архив М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. II.

Сибирь от России. Эти караулы построены не позже 1600 года, и поводом к основанию их послужило следующее обстоятельство. Новой дорогой пользовались торговые и промышленные люди, но, чтобы не платить десятины со своих товаров, они еще в 1598 году, дойдя до того места на Ляле, где нужно переезжать эту реку, остановились и начали торговать со здешними инородцами. Узнав об этом, верхотурский голова послал за ними стрельцов, чтобы они шли для торговли в Верхотурье, но русские купцы отказались ехать в город и, не заплатив никакой пошрины, возвратились за камень¹¹². Тогда-то, вероятно, и решено было построить упомянутые караулы с таможенными постами, на которых собирались пошрины со всяких проезжих людей и куда собирались инородцы для торговли с русскими купцами. Из «приходской верхотурской книги» 1627 года видно, что подобная торговля происходила на Лялинском и Ростеском караулах: в 1627 году на Лялинском карауле взято пошрины 8 р. 10 к., а на Ростеском — 13 р. 7 к. При этих караулах образовались впоследствии села Караульное, Павдинское и Ростес. При последнем карауле еще в 1627 году жило несколько крестьян, но в следующем году они, как доносил верхотурский голова, разбежались от разбойников¹¹³. Подобное происхождение имеет Чусовская слобода, возникшая на Чусовой дороге, где построен караул и таможня и где уже в 1624 году была деревня одного верхотурского пашенного крестьянина и Кошайское село, образовавшееся из Кошайского караула. Постройка последнего вызвана следующим обстоятельством. При реке Негле, впадающей в Сосву, по указанию одного вогула найден соляной ключ, и построена там варница. По первому опыту казалось, что «варничное дело» будет иметь успех: уже в 1602 году солевар Вороншилов выварил 313 пудов соли¹¹⁴. Но этой варнице постоянно угрожали неприятельские нападения соседних инородцев, а потому там велено устроить караул. В 1605 году варница действие свое прекратила, потому что расход по эксплуатации здешнего соляного ключа не окупался результатами самого дела, но караул остался, так как в это время мимо Сосвы с Верхотурья на Пелым проложена была дорога, и по ней начали ездить торго-

¹¹² А. М. Ю. Сиб. пр., № 2, л. 160.

¹¹³ Ibid, столб. 6063/19.

¹¹⁴ А. И., т. II, № 39.

вые и промышленные люди. Для сбора пошлин с торговли, возникшей между русскими людьми и сосвинскими вогулами, при Кошайском карауле построена таможня, которая в 1627 году доставила в казну 16 р. 20 к. пошлинного сбора, ту же сумму в этом году дала и Чусовская таможня*.

Заселяя Верхотурский уезд русским элементом, московское правительство при этом прежде всего преследовало экономические цели, стремилось развить земледелие по ту сторону Уральского хребта, чтобы Сибирь могла иметь свой местный хлеб. Теперь интересно знать, насколько эта цель была достигнута в обозреваемый нами период? Громадные расходы, затрачиваемые казной на пашенных крестьян, окупались ли их земледельческой деятельностью на государевых пашнях? Приведем некоторые данные из современных документов, касающихся Верхотурского уезда, из разных «сметных книг хлебных запасов» и «книг ужимных», чтобы судить об успехах земледелия в этом уезде. Но предварительно считаю нужным заметить, что вышеупомянутые книги были заведены в Сибири только в конце первой четверти XVII века, а потому и сведения наши относительно состояния хлебопашества в этом крае будут относиться только к позднему периоду, именно ко второй половине царствования Михаила Федоровича; более ранних документов, касающихся этого предмета, мы не встречали. Правда, еще в 1619 году государь указал, чтобы сибирские воеводы составили описи городов, острогов, сел и деревень с подробным означением жителей оных, их промыслов, их занятий, а равным образом, чтобы и на будущее время составляли ежегодные сметы хлебных и денежных доходов и расходов и «именные списки» пашенных крестьян, но воеводы не спешили с этим делом, даже несмотря на повторительные указы. Только с прибытием в Тобольск в качестве воеводы боярина Юрия Сулешова в 1623 году и по его распоряжению сибирские воеводы в 1624 году составили «дозорные книги», а с 1625 года начали ежегодно составлять «сметные книги хлебных и денежных доходов и расходов» и «именные списки пашенных крестьян». Тот же Сулешов издал подробное «уложение», которым точнее определено: а) количество государевой пашни, которую должен обрабо-

* А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6063/19, л. 192.

тать пашенный крестьянин за пользование землей и разными угодьями, б) сбор «пятиного хлеба» с непашенных людей и с) количество разных пошлин со всяких торгов и промыслов. После этого «уложения» размер государственной пашни в Сибири и количество выделенного хлеба с непашенных людей, как равным образом и сборы разных пошлин, значительно увеличились. Уложение Сулешова имело большое влияние на развитие земледелия в Сибири; сибирские воеводы «пашенных городов» с этого времени начинают доносить в Москву, что «в Сибири теперь заведена государева пашня большая, а прежде была малая» и что «сибирские всяких чинов люди пашут на себя пашни пред прежнем большия». Крестьяне с этого времени преимущественно стали заниматься хлебопашеством, тогда как прежде они более обращали внимание на разные промыслы.

Для примера возьмем 1628 год и посмотрим, сколько собрано за этот год в Верхотурском уезде разного хлеба в государевы житницы, а по этому сбору можно судить и вообще о состоянии хлебопашества в этом уезде. Всего с государственной пашни в трех волостях: Подгородной, Тагильской и Невьянской — в 1628 году собрано 4489 четвертей ржи и 6959 четвертей овса. По моему расчету, урожай был: ржи — сам 10, овса — сам 8, да выдельного хлеба со всяких людей взято 930 четвертей ржи, 112 четвертей ярицы и пшеницы, 392 четверти овса. Между тем вышло в расход с 1 сентября 1628 года и по 1 сентября 1629 года на жалованье ружникам, оброчникам и служилым людям ржи 462 четверти, овса — 248 четвертей; семли из государственной пашни: ржи — 494 четверти и овса 1125 четвертей*. Таким образом, за удовлетворением местных потребностей в государевых житницах оставалось еще значительное количество хлеба; большую половину остатка верхотурский воевода отослал в другие сибирские города**. Затем с увеличением государственной пашни в Верхотурском уезде увеличился и сбор хлеба, так что, например, в 1640 году из Верхотурья отправлено в Тобольск местного хлеба 15 тысяч четвертей***. В одной Невьянской волости в этом году со 192 десяти

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6063/19, л. 31.

** Ibid, кн. № 18.

*** Ibid, столб. № 6138/94, л. 612.

собрано ржи и овса 6092 четверти, т.е. с десятины почти по 32 четверти, и при этом верхотурский воевода замечает, что «хлеба получилось менее против опыта, потому что во время молотбы хлеб был еще зелен»*.

Тем не менее верхотурские воеводы постоянно жаловались на недород хлеба на государевых пашнях, и этот недород объясняли тем, что «крестьяне пахут государевы десятины под самое и яровое смешно, а не в три поля, как в дворцовых селах московских городов... а только-де пахать сряду и на ту пашню скот пускать и навоз возить невозможно, и хлеба будет недород». Правительство обратило внимание на это обстоятельство и в 1635 году велело разверстать государевы пашни в три поля, но это распоряжение исполнено было только в 1640 году**. И как велика была разница в сборе хлеба при двухпольной и трехпольной системах, можно судить по следующим данным: в Подгородной волости, например, с 72 десятины в первом случае собрано овса 1430 четвертей, а во втором с этой же пашни умолочено 1879 четвертей овса***. Вообще Верхотурский уезд тогда был житницей для Сибири. Конечно, урожай не во всех его частях были одинаковы, однако средний урожай в этом уезде был ржи сам 10 и овса сам 12. Но в некоторых местах урожай бывали необыкновенные, например, в Ирбитской слободе в 1640 году собрано оброчного хлеба 505 четвертей ржи да куплено в ней в том же году ржи 927 четвертей****.

Если теперь обратим внимание на государевы денежные доходы в городе Верхотурье и его уезде, то увидим, что здешние местные средства не только покрывали расход, но доставляли значительный излишек. Считаем не лишним здесь указать на самые доходные статьи города Верхотурья за 1627 год и отметить выдающуюся разницу в некоторых статьях доходов за 1628 год*****.

С 1 сентября 1627 г. по 1 сентября 1628 г. собрано:

1) Таможенной пошлины — 487 р. 87 к.

2) Отъезжей пошлины — 513 р. 54 к. (1628 г. —

1865 р. 54 к.).

* Ibid, столб. № 6132/86, л. 733.

** Ibid, лл. 516 и 519.

*** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 184.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. 6127/83, л. 180.

***** Ibid, ст. № 6063/19, см. «Список сметных книг денежных доходов и расходов г. Верхотурья 1628 года».

- 3) С государева кабака — 455 р. 14 к. (1628 г. — 1071 р.).
- 4) Явочной пошлыны — 5 р. 87 к.
- 5) С откупного кабака — 13 р.
- 6) Штрафных с ярыжных¹³ людей за игру в зернь в кабаке — 2 р. 63 к.
- 7) Банных денег — 63 р. 78 к.
- 8) С судных дел и заемных кабал — 46 р. 33 к.
- 9) Сенных денег (продано государева сена) — 157 р. 81 к. (1628 г. — 211 р. 54 к.).
- 10) С холопных кабал — 14 р.
- 11) Печатной пошлыны — 74 р. 81 к.
- 12) Ярыжных оброчных денег — 282 р. 34 к. (1628 г. — 430 р.).
- 13) Оброчных денег с бобылей и захребетников — 10 р. 84 к.
- 14) Мельничных и оброчных денег — 62 р. 66 к.
- 15) За государево ухоботье¹⁴ и за яровую солому — 27 р. 30 к.
- 16) Амбарной и лавочной пошлыны — 4 р. 37 к.
- 17) С рыбных ловель — 6 р. 15 к.
- 18) Пролубного — 9 р. 13 к.
- 19) Оброчных денег с посадских людей — 29 р. 48 к.
- 20) Откупных денег с кваса и харчи — 52 к.
- 21) Поголовных и заповедных денег и за государеву мякину — 25 р. 87 к.

Перечисленные доходные статьи показывают, что самый крупный доход составляли сборы десятой пошлыны с товаров и отъезжей пошлыны с торговых и промышленных людей. Последнего рода пошлына свидетельствует о большом торговом движении чрез город Верхотурье, стоявший на бойком месте, на большой дороге, ведущей из Европейской Руси в Сибирь и обратно; отъезжей, или проезжей, пошлыны с 1 сентября 1628 года по 1 сентября 1629 года взято четырехпроцентного сбора (4 к. с рубля) — 1865 р. 54 к., это значит, что чрез Верхотурскую таможенную заставу провезено товаров более чем на 46¹/₂ тысячи рублей. Но правительство московское не пренебрегало никакими статьями доходов, как бы они ни были ничтожны: продавало мякину, ухоботье, солому, отдавало на откуп проруби, торговлю квасом и харчами. Кабак, как и везде и всегда, так и

в Верхотурье, составлял очень важную статью казенных доходов и в то же время был величайшим злом для верхотурского населения и для проезжих людей. Как видно из вышеприведенной росписи, верхотурский кабак в 1628 году доставил казне 1071 рубль — сумму по тому времени довольно большую, свидетельствующую о значительном развитии пьянства в этом городе. Правительство не только не боролось с этим злом, но даже стремилось к распространению оного, как показывает дело о верхотурском кабаке. Верхотурский воевода Никита Петрович Борятинский и его товарищи, видя, как губительно действует царев кабак на верхотурское население, решили сделать представление правительству об уничтожении оного по примеру города Тобольска. В начале 1623 года они писали в Москву: «Верхотурские служилые люди, стрельцы, казаки, ямские охотники и пашенные крестьяне в верхотурском кабаке многие пропились, и верхотурские служилые люди от государевой службы многие отбыли, многие ямские охотники разбрелись, а пашенные крестьяне от того же кабака одолжали и обнищали...». На это представление верхотурский воевода с товарищами получил грозную грамоту от царя и великого князя всея Руси Михаила Федоровича. «И все то пишете к нам, — читаем в этой грамоте, — не радея о нашем деле, что кабак хотите оставить, а кабак заведен давно на Верхотурье до московского разорения задолго и преж вас многие наши воеводы на Верхотурье бывали, а о том кабаке к нам не писывали, а вам, где было искать пред прежним во всем прибыли, а и старое хотите растерять... и вы, делая леностью своею и не хотя нам служить, пишете к нам не делом, или на то смотрите, что в Тобольске велено кабак свести, и то вам не образец...».

Радея о кабацких доходах, правительство в то же время понимало, что оно может потерпеть большой убыток от неисправности служилых людей, ямских охотников и пашенных крестьян, и поэтому предписало: «унимать от пьянства тутошних людей» и заботиться об увеличении продажи вина людям приезжим, «чтобы на верхотурском кабаке кабацких денежных доходов перед прежними годами собрати с прибылью». Нужно заметить, что сумма доходов с верхотурского

кабака и явочная пошлина далеко не дает нам полного понятия об употреблении количества вина в Верхотурье. Дело в том, что до 1627 года в том городе не было еще казенной «винной и пивной поварни», а вино и пиво в верхотурский кабак доставляли по уговору верхотурские служилые, посадские ямщики и пашенные люди. «Они куряли вино и варили пиво, — читаем в одной отписке, — у себя по домам, в деревнях и по селам своим котлами». Само собой понятно, что эти «уговорщички» не все количество выкуриваемых спиртных напитков доставляли в царев кабак, а значительное количество оставляли для собственного употребления и для тайной продажи; например, воевода Гагарин доносил, что те служилые, посадские и пашенные люди и ямские охотники, сваря вино, выпивали сами. Вследствие этих злоупотреблений «уговорщичков» тот же воевода в 1627 году отобрал у всяких людей винные котлы и трубы в царскую казну и устроил «винную и пивную поварню» в Верхотурском остроге, и запретил частным лицам курить вино и варить пиво на верхотурский кабак. Правительство вполне одобрило эту меру, как клонящуюся к увеличению дохода с верхотурского кабака, и только приказало воеводе выдать деньги из царской казны за отобранные винные «суды». И впредь царь наказывал зорко смотреть, «чтобы на Верхотурье и в Верхотурском уезде винных судов ни у кого не было, чтобы чрез то нашему верхотурскому кабаку никакой порухи и нашей казне недобору не было»*. Проложенные вышеуказанной меры, по-видимому, в первый же год дали блестящий результат: по смете предполагалось доходов с верхотурского кабака в 1628 году 455 р. 14 к., а собрано более чем вдвое — 1071 р. Воевода по этому поводу замечает, что «питухов было более»**. Но, кажется, «питухов было более» в верхотурском кабаке в 1628 году не вследствие уничтожения частного винокурения, а зависело от большого количества проезжих людей чрез Верхотурье в этом году; на это ясно указывает сумма отъездной пошлины. Но тайное винокурение и тайная продажа вина продолжали существовать, и борьба с этим злом была не по силам представителям царских интересов, а равным образом и жалобы верхотурских воевод на пьянство всяких верхотурских людей встречаются и впоследствии.

* А. И., т. III, № 122.

** А. М. Ю. Сиб. пр., № 6063/19, л. 192.

Выше мы сообщили роспись казенных доходов, исключительно собиравшихся в городе Верхотурье, но и уезд доставлял значительную сумму; и там собирались разного рода пошлины на караулах и на слободских таможах, и там продавалась государева мякина; всех доходов с Верхотурского уезда в 1628 году собрано было 468 рублей. Если эту цифру сложим с цифрой доходов города Верхотурья, то получим довольно крупную сумму всех доходов за 1628 год, именно — 4484 рубля, не считая ясака. Между тем как окладных и неокладных расходов за тот же год сделано только на сумму 2240 рублей, из нее уплачено жалование верхотурским служилым людям, ружникам и оброчникам — 117 человекам — 569 рублей, да ямским охотникам — 50 человекам — 750 рублей, а неокладные расходы главным образом производились на подмогу крестьянам. Вообще в Верхотурье доход значительно превышал расход: в 1625 году в «сметной книге денежных доходов и расходов» показан остаток 1758 рублей, в 1627 году — 1065 рублей, в следующем году — 2344 рубля, а в 1629 году — уже 3089 рублей*. К этим доходам нужно прибавить еще ясачный и поминочный сборы мягкой рухляди с инородцев Верхотурского уезда. Так, в 1628 году собрано ясака и поминков по московской цене на 1227 р. 8 к.**, в следующем году — на 977 р. 66 к.***, в 1635 году — на 671 р.****, в 1644 году — 814 р.*****.

* Ibid, л. 195, кн. № 8, л. 99.

** Ibid, кн. № 17, л. 34.

*** Ibid, кн. № 19, л. 423.

**** Ibid, кн. № 61.

***** Ibid, кн. № 163.

Глава III

Туринск и его уезд (1600—1645). Основателем этого города был тюменский голова Федор Янов. В начале 1600 года от царя Бориса к нему послана грамота, которой предписывалось отправиться на реку Туру, в Епанчин юрт, с тобольскими и тюменскими служилыми людьми и основать там ям и государеву пашню, а для защиты ямщиков и пашенных крестьян построить острог. В этой грамоте ясно высказываются мотивы, побудившие московское правительство к основанию нового города по реке Туре: именно необходимость устроить ям на половине дороги между Верхотурьем и Тюменью и развитие здесь хлебопашества. До того времени ямскую службу на дороге между этими городами несли инородцы Епанчинского юрта, но они постоянно жаловались на эту тягость и были неисправны в этом деле, так как оно было им «не за обычай». С другой стороны, попытки правительства завести хлебопашество в Пельымском и Тарском уездах дали пока плохие результаты; не особенно процветало земледелие и в Тобольском уезде. Между тем, по сообщению служилых людей, на Туре около Епанчинского юрта «места уожные, крепкие и государеву пашню завести мочно». Но, помимо всего этого, правительство, кажется, при основании Туринского острога руководилось и стратегическими соображениями: середина реки Туры была совершенно не прикрыта, а между тем в Москву уже доходили слухи о враждебных движениях ногайцев, которые с юга без всякого препятствия могли делать нападения на юрт Епанчина и другие окольные инородческие юрты. Верхотурье и Тюмень были слишком удалены, чтобы могли защищать этих ясачных людей. И вышеупомянутая царская грамота к Янову предупреждает, «чтоб он жил с великим бережением... и про нагайских людей, и про сырянцов проведывал, чтобы нагайские люди и сырян-

цы пришед безвестно дурна не учинили». Скоро мы увидим, что подобные опасения московского правительства были не напрасны.

Постройка Туринского острога совершена была в том же 1600 году около того места, где находился юрт остяцкого князя Епанчи¹⁵, именно при впадении реки Ялынки в Туру. Острог отличался очень незначительными размерами: вокруг него даже после расширения в 1603 году было не более 360 сажен. Между тем в нем, помимо разных казенных зданий, должны были поставить свои двory служилые люди и ямщики. Кроме того, в том же году построен в остроге храм во имя святых Бориса и Глеба, а с Верхотурья присланы священник и пономарь, которые также в остроге поставили свои двory. Вследствие этого образовалась такая теснота, что ямщики били челом государю, чтобы перенести их двory за острог на то место, где жил Епанча «с товарищи». Разрешение было дано, и инородцы должны были снести свои юрты и переселиться в Епбаев юрт, который находился при Туре же, за речкой Сибяевкой, от Туринского острога в пяти тогдашних верстах*. Таким образом, около Туринска на восточной стороне, на месте инородческих юрт в 1601 году возникла русская Ямская слобода. Вследствие этой же причины и некоторые служилые люди, крестьяне и посадские также поставили свои двory вне острога, именно на западной его стороне, и образовали посад. Скоро, именно в 1604 году, и на посаде построена была церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, при которой в том же году возник мужской Покровский монастырь.

Что же касается населения Туринска, то оно в первый же год его существования было довольно значительно. Со строителем города Федором Яновым прибыли 10 тюменских казаков и пушкарей из Пелыма, по царскому указу присланы 10 человек черкасов¹⁶; верхотурскому воеводе велено было туда же отправить «ланшевских и тетюшских полоненников и новокрещенцев 55 семей, да ямских охотников 6 человек, да охочих пашенных людей, сколько приберется, и десять человек стрельцов»**. В грамоте к пельмес-

* «Описание Сиб. цар.» Миллера, стр. 236 и др. См. гр. царя Бориса к Янову от 30 января и 12 октября 1600 г., атлас Ремезова, л. 7.

** Ibid., см. грамоты.

кому воеводе от 17 апреля 1600 года говорится также, чтобы он прислал к Федору Янову пашенных людей, которые переведены из Казани. Той же грамотой предписывается, чтобы пельмские пашенные люди, «пришед в Епанчин... поставили дворы до полые воды и почали пахать государеву пашню сее весны»*. В 1603 году в Туринск прислано из Тары 25 семейств пашенных крестьян из казанских, лаишевских и тетюшских «переведенцев». Поводом к этому переводу послужило то, что упомянутые крестьяне, как доносил в Москву тарский воевода, «хлеба себе не напашивают, а кормятся из царских житниц». Царь велел их перевести в Туринский острог «и дать им подмоги на дворовое строение» по рублю на человека**. Кроме того, воеводе Федору Янову и его преемникам постоянно наказывалось, «чтобы они прибирали на государеву туринскую пашню охочих людей на льготу и давали им подмогу сколько пригоже». Неизвестно, много ли удалось туринским воеводам льготой и подмогой привлечь вольных людей на государевы десятины, но уже в 1605 году всех пашенных крестьян вместе с новоприборными в Туринском остроге был 91 человек, кроме женщин, детей и разных свойственников. Таким образом, не прошло и пяти лет после основания этого города, а число пашенных людей в нем собрано разными мерами довольно значительное. Из этого можно видеть, что правительство особенное внимание обращало на развитие хлебопашества в Туринском уезде, и, как мы увидим впоследствии, его заботы об этом предмете увенчались полным успехом: почва здесь была довольно плодородная, и хлеба с государевых пашен собиралось ежегодно большое количество. Следует, однако, при этом упомянуть, что местность около самого города оказалась слишком сырой и неблагоприятной для развития здесь скота, по крайней мере конский падеж бывал почти ежегодно и в течение долгого времени. Уже в конце 1605 года туринские крестьяне — 91 человек — били челом царю Димитрию Ивановичу (самозванцу), что у них на всех осталось только семь лошадей и им «на весну пашню пахать не на чем». Царь приказал

* А. М. И. Д. Портф. Мидлера, № 478, св. 1 и 18. См. две гр. Борса к пельм. воеводе от 30 апреля и 8 марта 1600 года.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 79.

верхотурским воеводе и голове: «как на Верхотурье посош-ные люди из городов с хлебными запасами придут и учнут лошадей продавать, и вы б купили у них для нашей пашни лошадей, сколько будет пригоже по таможенной цене... и послали тех лошадей в Туринский острог, чтоб наша пашня за лошадьми не стала...»*. О служилых людях и ямщиках туринских мы уже упоминали; последних сразу прибрано значительное количество — в 1601 году их было 50 семейств. Относительно туринских посадских и торговых людей нам не приходилось встречать ранних указаний, можно только сказать, что их в первые два года существования Туринска не было ни одного, потому что в общих челобитных от туринских жителей они не упоминаются. Поэтому, когда торговые посадские люди начали появляться в этом городе, то большей части из них приходилось селиться за острогом, так как острог был уже застроен.

Ко времени первой переписи Туринск уже значительно был заселен. По дозору письменного головы В. Беглецова, в 1624 году этот город состоял из двух частей — острога и посада. Замечательно, что в этом документе мы не находим известий ни о стенах, ни о башнях, ни вообще о каких-нибудь укреплениях, известий о таких предметах, о которых дают столь подробные указания дозорщики других сибирских городов. Правда, не о всех городах мы сообщаем подобные сведения, но это потому, что немногие дозорные книги дошли до нас в полном, не испорченном виде, чего нельзя сказать о дозорной книге Туринска, составленной Беглецовым. Но о разных казенных зданиях, дворах частных лиц и о населении Туринска в 1624 году мы находим в упомянутом документе самые точные указания. В остроге в это время помещались церковь во имя Бориса и Глеба, несколько казенных зданий, как съезжая изба, тюрьма и др.; двор воеводский, два двора причта, два двора подъячих, земский двор, двор приказчика пашенных крестьян, двор пушкаря, просфорницы, палача и сторожа; дворов стрельцких — 23, торговых и посадских людей — 7, пашенных крестьян — 38 и 9 дворов бобылей. На посаде — Покровский монастырь с семью кельями, двор попа Покровской церкви, двор сына боярского, двор подъячего, двор пушкаря, стре-

* А. М. Ю. «Дела верхотур. уезд. суда», см. грам. царя от 2 янв. 1606 г.

лецких дворов — 4, торговых и посадских людей — 22, пашенных крестьян — 74 и два двора бобылей. Всего населения в остроге и на посаде — 202 человека, исключая женщин, детей и разных свойственников; впрочем, из посадских людей семь человек жили в уезде на своих пашнях или по подворьям. К общему числу жителей Туринска нужно еще присоединить гулящих людей и ярыжных, которых в это время было около 40 человек. Ямская слобода, по дозору Беглецова, состояла из 43 дворов, да восемь ямщиков имели дворы на своих пашнях, а всех ямщиков в 1624 году было 57 человек*.

Относительно дальнейшего развития населения города Туринска до 1645 года мы в разных документах находим следующие сведения. Число служилых людей как в первый год существования Туринска, так и впоследствии, до 1633 года, было одинаковое, именно 30 человек. Но в этом году переведено из Пелыма в Туринск еще 30 человек стрельцов**, а в конце царствования Михаила Федоровича разных служилых людей в Туринск вместе с ружниками и оброчниками был 81 человек, кроме, конечно, женщин, детей, братьев и племянников***. Число торговых и посадских людей после 1624 года не только не увеличивалось, но и постепенно уменьшалось — в 1645 году их осталось только 32 человека. Это уменьшение зависело от того, что правительство все более и более прибавляло на них оброка и повинностей. Долгое время они со своих дворов, санных покосов и пашен не платили ни оброчных денег, ни выдельного снопа, а только несли разные службы. Но с 1621 года торговые и посадские люди обложены годовым оброком: «прожиточные» платили по 3 руб., «средней статьи» — по 1½ руб., «молотные» — по 30 и по 10 алтын****. Затем около 1628 года с них же велено брать выдельной сноп. Эти тягости заставляли их или бежать, или записываться в пашенные крестьяне; последнее, впрочем, не всегда удавалось, так как их товарищи в таком случае жаловались царю и просили снова обратить таких «выбылых» в класс посадских людей. Также и ямщиков ту-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 514—647.

** А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6138/94, л. 537.

*** Ibid, книга № 35 и 88.

**** Ibid, столб. № 6151/107.

ринских после первой переписи не только не увеличилось, но к 1630 году значительно убыло: в этом году их было только 25 человек, а остальные разбежались. Ямщики туринские устроены на тех же условиях, как и верхотурские, т.е. наделены землей, за пользование которой они не платили никаких податей и не давали «выдельного снопа», да, кроме того, на каждый пай отпускалось из казны жалованья по 15 рублей в год, всего на 50 паев 750 рублей. Сначала они должны были давать подводы только до Верхотурья и до Тюмени; по свидетельству самих ямщиков, они гоняли водой до Верхотурья 700 верст, а сухим путем — 400 верст, вниз по Туре до Тюмени — 400 верст, а сухим путем — 300. Таким образом, у туринских ямщиков «гоньбы» было гораздо менее, чем у верхотурских, но со времени основания слобод в Туринском уезде и им значительно прибавилось службы. Вместе с тем и начинаются жалобы туринских ямщиков то «на жестокую ямскую гоньбу», то на падеж лошадей или на недостаточность жалованья и земельного надела. В Москве не всегда вовремя обращали внимание на подобные жалобы ямщиков, а следствием этого было столь знакомое нам «бегство врозь». В 1631 году туринский воевода писал царю Михаилу Федоровичу, что «из Туринского острога ямские охотники от жестокой ямской гоньбы и великой нужи разбрелись 25 вытей (или паев), потому что им государева денежного жалованья и пашен за ними мало...». Вместе с тем воевода просил «учинить указ, кем тот ям строить». Вследствие этого донесения велено тобольскому воеводе послать в Туринск письменного голову, который бы сыскал старых ямщиков и снова посадил бы их на старые пай, а вместо тех, которых не сыщет, прибрал бы в ямщики из гулящих, захребетников, половников и посадских людей. Но в Сибири трудно было угоняться за беглецами: большая часть туринских ямщиков были люди бессемейные, и им как легко было бежать, так и скрываться. Поэтому письменному тобольскому голове удалось сыскать и посадить на ям только 5 человек, а на место остальных выбылых прибрать гулящих людей. В 1645 году Ямскую слободу населяли 49 ямщиков*.

Число крестьян в Туринске, несомненно, постепенно увеличивалось и вследствие естественного размножения, и вслед-

* А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6151/107 и 6138/94.

стве воеводского «прибора», но точно определить в разное время количество оных в самом городе мы не можем, так как документы, дошедшие до нас, упоминают о них вместе с уездными крестьянами, а выделить из общего числа тех, которые жили в Туринске, нет возможности. Поэтому о приросте крестьянского населения вообще скажем после.

Теперь обратимся к Туринскому уезду. Колонизационная деятельность туринских обитателей была в высшей степени слаба сравнительно с такой же деятельностью верхотурцев. Из туринцев только пашенные крестьяне на своих пашнях строили хутора или деревни, а остальные классы хотя и занимались хлебопашеством, но имели пашню большей частью около города и деревень не основывали. Пашни распахивали и сено косили они довольно значительное количество. По дозору Веглецова, посадские и торговые люди в 1624 году пахали на себя «доброй земли» 225 ч. в поле, а сена косили 2860 копен, служилые люди — 52 ч. в поле, сена косили 500 копен, туринские ямщики — 163 ч. в поле, сена косили 3730 копен, ружники, т.е. церковные причты, подьячие, пушкарки и т.п. пахали 60 ч. в поле, а сена косили 1150 копен. Но туринские крестьяне основали несколько деревень. Эти деревни возникали тем же путем и имели такое же значение, как и в Верхотурском уезде. Однако относительно деревень туринских крестьян нужно заметить следующее: они — общинные, принадлежат товариществам. Правда, и в Верхотурском уезде встречалось то же самое, но как единичные случаи. Товарищества эти иногда состоят из свойственников, а большей частью из лиц, не имеющих между собой никакого родства; они совместно владеют землей и совместно обрабатывают государевы десятины. По первой переписи у туринских крестьян было десять деревень.

Дворов

При реке Туре

Деревня Ивашки Лыжина с тов.	3
Деревня Якушки Половинки с тов.	3
Деревня Стеньки Митрофанова с тов.	5
Деревня Афоньки Пупышова с тов.	4
Деревня Кондрашки Пузырева с тов.	3
Васьки Кайгородцева с брат.	2
Пант. Пермькова с брат.	3

При речке Ялынке

Деревня Ивашки Назарова с тоа.	3
--------------------------------	---

Афоньки Хомякова с тоа.	2
-------------------------	---

При колодцах деревня Усеиновская	9
----------------------------------	---

Всего в десяти деревнях 37 дворов, а людей в них с детьми и свойственниками — 95; пашни за ними — 34 выти, а на государя они обрабатывали 77 десятин в поле, за каждую выть по $2\frac{1}{4}$ десятины в поле. Другие туринские крестьяне имели заемщика с дворами или отъезжие пашни в разных местах и также обрабатывали государеву пашню. Всего в Туринске и в уезде в 1624 году дворов пашенных крестьян было 154, людей в них — 142, а братии, детей и племянников — 162. Пашен за ними — 67 вытей, севных покосов на 17700 копек, а на государя они обрабатывали 151 десятину в поле*. Некоторые из вышеупомянутых деревень, как, например, Усеиновская, Пермикова и Лыжина, основаны, вероятно, еще в начале XVII века, на это указывает значительное количество переложной земли, находящейся под этими деревнями.

Вообще тогдашний Туринский уезд до 1624 года довольно мало был заселен русским элементом. Это объясняется тем, что охочие гулящие люди, служившие главным контингентом для заселения Сибири, по переходе за Уральский хребет прежде всего оседали в Верхотурском уезде и немногие из них доходили до Туринска. Вот почему ни служилые люди, ни посадские, ни ямщики этого города не основывали деревень, ибо трудно было найти половников и ярыжных людей, чтобы поселить их в деревнях и при помощи их обрабатывать свои пашни. Между тем по реке Нице находились прекрасные земли, на которых можно было с успехом заниматься хлебопашеством и скотоводством. На это обстоятельство одновременно обратили внимание и тобольские, и верхотурские воеводы и решили по реке Нице основать русские слободы, чтобы увеличить хозяйство своих уездов. Мы уже упоминали о двух слободах, возникших при этой реке. — Рудной и Ницынской-Ощепковой; они были основаны верхотурскими воеводами. Другие же, как

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5.

Киргинская, Чубарова, Верхне-Ницывская, Нижне-Ницывская, или Красная, обязаны своим возникновением заботам тобольских воевод; поэтому они были приписаны к Тобольску и считались слободами «тобольского присуду Туринского уезда». Но так как эти слободы построены были на землях, принадлежащих туринским ясачным людям и некоторое время зависели от Туринска, то мы считаем удобным сказать о них в этой главе при исследовании заселения Туринского уезда. Из вышеупомянутых слобод ранее всех возникла слобода Чубарова, или Чубарово городище; она так называлась потому, что около нее находился татарский город Кичубаевой волости Зубар — резиденция главы этой волости мурзы Гильдейки Кельдебанова. Начало этой слободы положено в 1623 году. В этом году тобольский воевода Ю.Я. Сулешов писал туринскому воеводе: «По государеву указу велено в сибирских городах прибрать на Чубарово городище из охочих людей пашенных деловых крестьян и тебе бы, воеводе, послужить и прибрать 50 человек, а сказывать охочим людям государева жалованья на платье и на всякий обиход денег по 5 рублей человеку, по две лошади, по корове, по две овцы, по свинье и по 10 кур, да месячные им по полу-осмине (2 меры) ржи и овса, да им же присовать на себе по чети ржи и по две чети овса государевыми семенами, а на государя им пахать по 2 десятины ржи человеку». Кроме этого жалованья, как единовременного дарового пособия, всем охочим людям, изъявившим желание поселиться в Чубаровом городище, обещана ссуда по 12 рублей на человека с тем, чтобы они немедленно построили избы, клетки и дворы*. Такая широкая помощь оказывалась правительством потому, что охочих людей в Туринске было мало и их нужно было привлечь из других уездов, а привлечь и возможно было только такими пособиями. Как видно из отписки туринского воеводы и челобитвой татар Кичубаевской волости, на Чубаровом городище в том же 1623 году уже поселилось несколько семейств крестьян. Воевода туринский в начале 1624 года писал Сулешову, что присланные деньги 100 рублей уже все раздал на подмогу крестьянам и что приходят новые охочие люди и просят госу-

* А. М. И. Д. Портр. Миллера, № 477, св. II, л. 14.

дарена жалованья. По этой отписке тобольский воевода послал еще 250 рублей для той же цели*. Благодаря этим пособиям Чубарова слобода заселялась довольно быстро: в 1624 году в ней было 50 человек крестьян, прибранных из захребетников и гулящих людей; в следующие два года туда же прислано из Тобольска ссыльных людей 11 человек и велено их устроить в пашенные крестьяне**.

Затем почти ежегодно по одному и по два человека из гулящих и из ссыльных людей туринские воеводы селили в Чубаровой слободе. Но в 1634 году на эту слободу, как и на другие слободы по реке Нице, напали «Кучумовы внучата», разорили и пожгли много дворов, увели значительное количество скота и несколько человек убили. Правительство снова пришло на помощь, и всем пострадавшим для постройки дворов и для покупки скота прислано 200 рублей денег. В 1640 году в Чубаровой слободе было 70 человек пашенных крестьян, обрабатывавших государевой пашни 46 десятин в поле***. Наконец, в 1645 году в ней было уже 85 человек, пахавших на государя 50 десятин в поле****. Крестьяне Чубаровой слободы ежегодно доставляли в Тобольск значительное количество разного хлеба с государевой пашни, а равным образом и для себя столько обрабатывали земли, что могли ежегодно продавать правительству по 400 и 500 четвертей ржи*****. Около 1628 года в этой слободе поставлена таможенная застава, а после вышеупомянутого погрома «Кучумовыми внучатами» в ней построили острожек, в который ежегодно на все летнее время, когда можно было ожидать нападения неприятелей, присылались из Тюмени или из Туринска служилые люди. Но постоянно в этой слободе находились 4 затинные железные пицали, 47 пицалей ручных¹⁷ и несколько пудов пороха, свинца и пушечных ядер*****.

Чубарова слобода доставляла и денежные доходы казне, и в ней велись разные сметные книги. Доходы эти были незначительны, но зато и расходы были совсем ничтожны. Например, в 1638 году собрано всяких денежных доходов

* Ibid, л. 15; А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6132/87, л. 811.

** А. М. Ю. Сиб. пр., № 6202/158, л. 64—67.

*** Ibid, кн. № 131, л. 203.

**** Ibid, кн. № 182, л. 265.

***** Ibid, столб. № 6127/83, л. 185.

***** А. М. Ю., разб. столб. № 400.

28 р. 62 к., к 1637 году — 33 р. 20 к., в следующем году — 33 р. 81 к., между тем как ежегодные расходы не превосходили и полутора рублей. Эти расходы производились на следующие предметы: на бумагу, чернила и холст 1 р. 20 к. и на «государевы задравные молебны» — по 22 к. ежегодно*. К чести жителей Чубаровой слободы относится то, что они не любили судиться: за три года правительство ни копейки не получило с судебных дел, «потому что, — замечает составитель сметной книги, — таковых дел не было никаких».

Через год после основания Чубаровой слободы возникла при реке Нице слобода Красная. Строителем оной был боярский сын Степан Молчанов, тот самый, которого впоследствии убили крестьяне Ницынской-Ощепковой слободы. По приказанию тобольского воеводы Сулешова этот Молчанов взял из Тобольска 26 человек крестьян да в Тюмени 30 половников и четырех пашенных крестьян и в 1624 году поселил их при реке Нице «на урочище между двух речек, впадающих в Ницу, — Кандыбой и Блуком»**. Место, где поселились эти крестьяне, называлось Красная Елань, а от этого и слобода получила свое прозвание Красной, или Еланской. Но с основанием новой слободы при реке Нице Верхне-Ницынской Красная стала называться Нижне-Ницынской, потому что находилась недалеко от устьев реки Ницы.

Крестьяне Красной слободы поселились на тех же условиях и с теми же пособиями от правительства, как и чубаровские крестьяне. В 1628 году и в этой слободе построен острожек, в который ежегодно в летнее время «для побегу пашенных крестьян и для приходу воинских людей» присылались из Тюмени по 5 человек служилых людей, но эти временные защитники оказались ненадежными, часто «бегивали, не дожив до сроку», т.е. до осенних грязей. Поэтому в 1634 году велено приказчику Нижне-Ницынской слободы П. Перхурову прибрать из гулящих людей в конные казаки 10 человек, обещая им государева жалованья $4\frac{1}{2}$ рубля денег, пашни по 4 десятины в поле и сенных покосов по 80 копен на человека. Эти условия так показались привлекательными гулящим людям, что Перхурову в том же

* Ibid, кн. № 87.

** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. II, л. 17.

году удалось прибрать из них требуемое число конных казаков^{*}, а около 1640 года количество служилых людей в Нижне-Ниццынском острожке увеличилось 10 беломестными казанами, также прибранными из вольных людей^{**}. Что же касается пашенных крестьян, то количество их быстро увеличилось, и Нижне-Ниццынская слобода вскоре стала самой населенной из всех сибирских слобод. Мы видели, что начало слободе положили 60 человек крестьян. Но в 1637 году их было уже 144 человека, пахавших на государя 87 десятин в поле^{***}, в 1640 году — около 200 человек^{****}, а в 1645 году в Нижне-Ниццынской слободе было уже 300 человек, которые в этом году пахали на государя более 100 десятин в поле, а «в дву потомуж»^{*****}. Такой прилив населения в эту слободу объясняется здешней плодородной почвой и богатыми угодьями: жители ее ежегодно продавали правительству сотнями четвертей разного хлеба^{*****}.

Вышеупомянутая Верхне-Ниццынская слобода построена в 1628 году при реке Нице, верст на 15 ниже Чубаровой. Первыми ее насельниками были 45 человек крестьян, прибранных из вольных людей боярским сыном А. Бужаниновым^{*****}. Почва здесь оказалась столь плодородной, что государь в 1632 году указал туринскому воеводе позаботиться об увеличении населения новой слободы и, между прочим, велел немедленно отделить у туринских пашенных крестьян от отцов детей, от братьев братьев 5 человек и послать их на пашни в Верхне-Ниццынскую слободу, «чтобы государева пашня пред прежним умножилась»^{*****}. Благодаря этим заботам в Верхне-Ниццынской слободе в 1640 году было уже 77 человек пашенных крестьян, а в 1645 году — 85 человек, которые в этом году пахали государевой пашни 4 десятины в поле^{*****}.

Выше Чубаровой слободы, при реке Нице, в 1635 году заложена слобода Киргинская; она получила свое название от

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6081/37, л. 87.

** Ibid, столб. № 6111/87, л. 462.

*** Ibid, кн. № 93.

**** Ibid, кн. № 131.

***** Ibid, кн. № 182, л. 252.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6127/3, л. 118.

***** А. М. Н. Д. Портф. Миллера, № 477, св. II, л. 27.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6078/34, л. 10.

***** Ibid, кн. №№ 131 и 182.

реки Кирги, которая недалеко от слободы впадала в реку Ницу*. Нам не пришлось найти каких-либо сведений о первых поселенцах в этой слободе, но, по всей вероятности, их сначала прибрано ничтожное количество, потому что в 1639 году Киргинская слобода доставила хлеба только 57 четвертей, между тем как к этому году прибранные крестьяне в 1635 году должны были уже «выйти со льготы»**. Затем с 1637 года начинается быстрое увеличение народонаселения этой слободы, и в 1640 году старых крестьян было 39 человек, пахавших на государя 13 десятин в поле, и новоприбранных крестьян в Киргинской слободе было 256 человек***. В 1637 году в Киргинской слободе построен острожек, в котором в 1645 году было 10 человек конных и 10 человек беломестных казаков.

Других слобод по реке Нице, кроме вышеупомянутых, в обозреваемый нами период уже более не строилось. Чтобы закончить обозрение заселения тогдашнего Туринского уезда в этот период, нам еще остается сказать о слободе Сусатке, или Благовещенской, основанной в 1639 году «на высоком поле при впадении реки Чукреевки в Сусатку». Об ее возникновении и первоначальных обитателях мы находим следующие сведения. В 1639 году туринский воевода Кофтырев писал Михаилу Федоровичу: «Вверх по Туре-реке есть речка Сусатка от Туринского острога верст за 50 и более, а по той речке есть дикое поле, и в нынешнем 1639 году я ездил на то поле и досматривал, а на том диком поле государеву пашню завести можно, и тою речкою Сусаткою весною, в большую воду, хлеб судами сплавлять в Туру можно... и лес к той речке для судового дела, для постройки государевых житниц и крестьянских дворов есть верстах в четырех или пяти и пашенного места много... И я, холоп твой, в нынешнем же году в Туринском остроге прибрал на то высокое поле на реку Сусатку 14 человек пашенных крестьян и дал им льготы на шесть лет да денег в осуду по 3 и 4 рубля человеку для приуки, чтобы охочие, гулящие люди и впредь шли на льготные года, а дозировать за теми крестьянами я велел туринскому стрельцу Еремке Кондратьеву, чтобы они на себе пашню пахали и хороминный лес ронили неоплошно, и впредь ему, Еремке, быть в прикалчихах

* Ibid, столб. № 6132/88, л. 811.

** Ibid, ст. № 6127/83, л. 180.

*** Ibid, кн. №№ 131 и 182.

можно, потому что пашенное дело и новая селитьба за обычай*». В этом же году прибранные крестьяне били челом государю, что им без крама быть невозможно и чтобы государь велел устроить храм и пожаловал книги, образа и колокола, а попу денежное и хлебное жалованье**. Храм в «слободе на высоком поле» построен только в 1642 году во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а с того времени и слобода стала называться Благовещенской. Льготные года, денежная ссуда, хлеб «на семена и на емена» действительно привлекли в новую слободу массу поселенцев, и уже в 1645 году в ней было жителей 80 человек***.

Таким образом, в короткое время в Туринском уезде основано пять слобод, и все они к концу царствования Михаила Федоровича были довольно населены. Затем обратимся несколько назад и посмотрим на развитие крестьянского населения в самом Туринске и в деревнях Туринского уезда, основанных до 1624 года. Документы свидетельствуют, что количество этих крестьян постепенно возрастало и вследствие естественного размножения, и вследствие воеводского прибора из вольных людей, а вместе с тем развивалось и земледелие в Туринском уезде. Это очевидно будет из нижеследующей росписи количества крестьян и обрабатываемой ими государевой и своей пашен за пять лет.

	Колич. крестьян	У них детей, своих	Государ. пашни	Своей
В 1624 г.	142	162	151 дес. в поле	67 выт.****.
В 1632 г.	215	214	207 дес. в поле	ок. 92 выт.*****
В 1634 г.	158	196	173 дес. в поле	ок. 77 выт.*****
В 1640 г.	211	275	189 дес. в поле	ок. 84 выт.*****
В 1645 г.	238	334	193 дес. в поле	ок. 86 выт.*****

Относительно «своей» пашни, количество которой мы представили в выгях, считаем нужным сделать следующее замечание. В это время в Туринском уезде в выгь полагалось 20 ч. в

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6238/94, л. 288.

** Ibid, столб. 6132/88, л. 698.

*** Ibid, кн. № 75.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 657.

***** Ibid, кн. № 35.

***** Ibid, кн. № 42.

***** Ibid, кн. № 43.

***** Ibid, кн. № 203.

поле, государева пашня «разверстывалась по вытню», и за каждую выть земли крестьянам приходилось, по уложению Сулешова, обработать на государя $2\frac{1}{4}$ десятины в поле. Руководствуясь этим, мы, точно зная количество обрабатываемой крестьянами государевой пашни, указали на приблизительное количество вытей земли, обрабатываемой ими на себя. Говорим приблизительно, потому что не всегда упомянутое уложение соблюдалось воеводами, а ради государевой прибыли и своей службы последние «накидывали», как жаловались крестьяне, по $\frac{1}{2}$, по $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ десятины в поле на двор, между тем как своей пашни у них распахивалось прежнее количество. В 1645 году на каждый двор в среднем количестве приходилось своей пашни по $7\frac{1}{2}$ ч. в поле, но некоторые туринские крестьяне в то же время обрабатывали на себя по 30 и более четей в поле, потому что были «семьянисты и прожиточны».

Мы выше упомянули, что количество крестьян в Туринске и в деревнях год от года увеличивалось, но, по-видимому, роспись 1634 года противоречит этому заключению. Поэтому мы считаем нужным относительно уменьшения числа крестьян за этот год сравнительно с предыдущим заметить, что в 1633 году несколько семейств переведено в Енисейск, а 38 человек сбежали*.

Всего русского взрослого населения мужского пола в Туринске и его уезде в конце царствования Михаила Федоровича, исключая монахов, половников, захребетников и гулящих людей, простиралось до 1600 человек, а ясачных людей в то же время было не более 120 человек.

Земледелие в Туринском уезде, можно сказать, процветало: одной государевой пашни в 1645 году обработано 442 десятины в поле. Средние урожаи в этом уезде были не одинаковы во всех его частях: в Ницлинских слободах сам 8, а в других местах — сам 6. К концу царствования Михаила Федоровича за удовлетворением местных потребностей с государевых туринских десятин отправлялось в Тобольск и Пелым ежегодно по 10 и 15 тысяч четвертей разного хлеба, да еще в царских житницах оставался значительный запас.

Что же касается денежных доходов, то в этом отношении Туринск значительно уступал Верхотурью: здесь местные средства были недостаточны для покрытия расходов; в

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6138/94.

«сметных туринских книгах» замечается постоянный дефицит. Мы не будем перечислять доходных статей города Туринска, они те же, что и в Верхотурье, только статья кабацких доходов отсутствует в туринских сметных книгах, потому что в Туринске не было государева кабака. Но и здесь мы встречаем сборы «банные», «явочные», «зерновые», видим статью доходов с «государевой микины», с «государевой соломой» и т.д., а главный доход, как в Верхотурье, так и в Туринске, доставляла царской казне таможня. В 1628 году всяких денежных доходов собрано 640 р. 67 к., из них таможенных — 320 рублей, а расход в этом году простирался до 845 рублей*; в следующем году собрано денег 871 р. 81 к., а израсходовано 1043 рубля** . Тем не менее до 1630 года Туринск доставлял еще царской казне прибыль, если в сумму денежных доходов включить ясак, которого ежегодно собиралось с туринских ясачных людей до 300 и до 500 рублей. Но после 1630 года вследствие увеличения в Туринске служилых людей вообще местные доходы, включая и ясак, не покрывали расходов, например, в 1637 году собрано денег около 1000 рублей, а израсходовано 1912 рублей***. Поэтому для покрытия расходов в Туринск ежегодно присылались деньги то из Тобольска, то из Верхотурья, по крайней мере так было до 1645 года.

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6063/19, л. 148.

** Ibid, кн. № 18, л. 216.

*** Ibid, кн. № 87.

Глава IV

Тюмень и ее уезд (1586—1645). Если не считать построенного около 1585 года Мансуровым при устьях реки Иртыша Обского городка¹⁸, не имевшего будущности, то Тюмень является древнейшим из всех сибирских городов, основанных русскими людьми. Это первая опора русского владычества в Сибири, базис, опираясь на который, русские начали вторично, после смерти Ермака, завоевывать Сибирское царство. Весть о смерти победителя Кучума быстро разнеслась по инородческим юртам и возбудила у инородцев радостные надежды. Им уже казалось, что иго власти Белого царя окончилось вместе с гибелью того, кто наложил оное: инородцы видели, как храбрые сподвижники Ермака, сидевшие в Искере, узнав о смерти своего вождя, бросили столицу Кучума и во главе воеводы Глухова поспешно убегали из Сибири¹⁹; видели также, что и воевода Мансуров с отрядом казаков, шедший на помощь Ермаку, вследствие той же громовой вестии направился не к Искеру, а к реке Оби, т.е. последовал по стопам Глухова. Это был критический момент в истории русского завоевания Сибири! Теперь судьба Кучумова царства зависела от единодушия сибирских инородцев и от такого и иного поведения московского правительства. Не покажи последнее энергии и настойчивости для поддержки дела Ермака, дай оно одуматься, собраться с силами ошеломленным подангом первого завоевателя инородцам — и Кучум, а может быть, и его потомство еще долго господствовали бы в Передней Сибири. Трудно определить с точностью время, когда в Москве узнали о катастрофе, постигшей сибирских завоевателей, а это обстоятельство важно было бы знать, чтобы судить о поведении московского правительства. Несомненно, что Мансуров отправился в Сибирь в 1585 году, и ему, веро-

ятно, удалось совершить большой переход прежде, чем Глухов прибыл в Москву с печальной вестью, а в противном случае он был бы остановлен на своем пути и для продолжения похода подкреплен был бы новыми силами: не могли же в Москве рассчитывать, что Мансуров с сотней казаков будет иметь успех в Сибири, когда там уже не оставалось никакого другого русского войска. Отсюда с вероятностью можно заключить, что воевода Глухов явился в Москву не ранее весны 1585 года, и, значит, московское правительство узнало о смерти Ермака месяцев через десять после этого события. А новая экспедиция для завоевания Сибири отправлена только чрез год после возвращения Глухова. Из этого можно видеть, что правительство Федора Ивановича слишком долго думало над сибирским вопросом, прежде чем принять то или иное решение. Очевидно, оно было поражено катастрофой, случившейся с Ермаком и его храбрыми сподвижниками, и не знало, на что решиться. Дело покорения Сибири, так блистательно начатое волжскими «ворами», теперь, когда их вождь «велеумный и храбрый ритор Ермак убиен бысть», приняло дурной оборот и грозило кончиться позорным образом. Царский воевода Глухов, имевший до 150 человек войска, не решился защищать завоевания воров, оставил Сибирь, а прибежавши в Москву, вероятно, чтобы оправдать свое бегство, не преминул преувеличить силы врагов русского владычества за Уральским хребтом. Эти соображения невольно нам приходят в голову, когда мы думаем относительно намерений московского правительства после того, как оно узнало от Глухова о положении дел в Сибири: почти в течение целого года оно не предпринимало ничего, чтобы подать помощь Мансурову и вообще поддержать престиж своей власти в новопокоренной стране. Только в 1586 году, и не ранее весны этого года, и, вероятно, уже в то время, когда Мансуров, бросив свой временный приют при устье Иртыша, был уже на пути в Москву, отправлена в Сибирь экспедиция из 300 человек под начальством двух воевод — Василия Борисовича Сукина и Ивана Мясного — и письменного головы Данила Чулкова. Итак, правительство Федора Ивановича решилось продолжать дело Ермака, но решилось не без борьбы. И мне кажется, что на это решение, хотя, может быть, от-

части, имело влияние следующее обстоятельство: зимой 1585—1586 гг. явился в Москву «с великой реки Оби Куновата городка, да Ильчмы городка, да Лянина городка, да Юила городка, да Березова городка князь Лугуй» с просьбой, чтобы русские ратные люди, засевшие в городе на великой реке Оби, при устье Иртыша, не воевали тех его городков и разрешить ему самому привозить дань в Вымскую землю царским приказным людям. Само собой очевидно, каких ратных людей и какой русский городок при устье Иртыша имеет в виду остяцкий князь, — это Мансурова с казаками и его временный приют Обский городок. Федор Иванович пожаловал и дал Лугую свою царскую грамоту. Хотя эта грамота дана уже в августе 1586 года, но как еще Миллер⁴ справедливо догадывался, что Лугуй был в Москве зимой 1585—1586 гг., еще тогда, когда Мансуров находился в Обском городке⁵. Покорность остяцкого князя дала право московскому правительству думать, что дело покорения Сибири далеко не так дурно, как это казалось после рассказов Глухова, и только после этого обстоятельства снаряжена и отправлена в Сибирь новая экспедиция. Я, конечно, далек от того, чтобы положительно утверждать, что дело было именно так; может быть, совпадение вышеупомянутых обстоятельств — покорность Лугуя и отправление Сукина и Мясного — было случайное, не имевшее между собой никакой связи, но тем не менее я решился высказать свое предположение для объяснения поведения московского правительства, которое целый год чего-то ожидало и только в 1586 году, наконец, решилось на вторичное завоевание Сибири.

Как бы то ни было, трехсотенное войско под начальством Сукина и Мясного, переваливши Уральский хребет, продолжало путь по Лозве и Тавде и, вероятно, в половине июля достигло реки Туры. Отсюда, вместо того чтобы идти к столице Кучума, воеводы повернули вверх по реке Туре и, как свидетельствует тобольский летописец, 29 июля дос-

⁴ «Ист. Сиб. цар.» Миллера, стр. 160. Грамота, напеч. в Сиб. Г. Гр. и Д., ч. II, № 54.

⁵ Приж. Мансуров мог оставить свой приют только весной 1586 года, со вскрытием реки Оби, чтобы на судах продолжать свой путь на Русь, а Лугуй, очевидно, ранее этого времени отправился в Москву, т. е. прежде удаления из Сибири Мансурова.

тигли татарского городка Цымги, или Чимги, отстоящего от устья Тавды на 85 тогдашних верст. Трудно определить, что заставило русских воевод избрать этот путь и далеко удалиться от конечной цели похода — завоевания столицы Сибирского царства? На этот счет можно только высказать более или менее вероятные предположения. Может быть, достигнув устьев Тавды, воеводы узнали, что Мансуров уже бежал на Русь, а в столице Кучума утвердился новый претендент на Сибирское царство — потомок Едигера князь Сейдяк. Считая свое войско недостаточным для изгнания из Искера Сейдяка, воеводы решились предварительно покорить туринских татар, засесть на крепком месте на реке Туре и ожидать подкрепления войском от своего правительства. Кроме того, русское войско уже в это время должно было чувствовать, что взятых на Руси съестных припасов, именно хлеба, надолго не хватит, и об этом предмете они должны были прежде всего позаботиться. Между тем по реке Туре существовало хлебопашество, которым занимались здешние татары, и русские воеводы, покорив последних, могли воспользоваться и нивами.

Мы упомянули, что к концу июля русское войско, двигаясь вверх по реке Туре, достигло старинного татарского городка Чимги, где когда-то зимовал^{*)} покойный Ермак со своими сподвижниками. Это место находилось на южном берегу Туры при впадении в нее с юга речки Тюменки и отличалось природной крепостью; здесь воеводы решились остановиться и построить крепость, из которой затем можно было бы продолжать завоевание Сибири. Эта крепость была заложена в самых устьях речки Тюменки на восточном ее берегу, так что одной стороной она прилегала к возвышенному берегу реки Туры, а другими двумя — к речке Тюменке. Значит, только одна сторона была доступна и не имела естественного укрепления, а потому воеводы русские окопали оную рвом.

Таково было начало города Тюмени, и таковы обстоятельства, сопровождавшие его основание, а относительно дальнейшего развития этого города мы можем сообщить следующие сведения. По свидетельству тобольского летописца, вместе с

^{*)} *Прим.* Относительно походов Ермака я более доверяю тобольскому летописцу, чем летописи Строгановой.

крепостью построена и церковь во имя Всемилостивейшего Спаса. Но это свидетельство, которому доверяет Миллер, на самом деле неверно. В документах того времени «начальной» церковью в Тюмени называется храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы, он же и был «соборною» церковью. Что касается церкви Всемилостивейшего Спаса, то она построена позже, и не в крепости, которая в документах называется городком, а в остроге. До 1600 года в Тюменском городе было уже два храма — Рождественский и Никольский и придел к последнему во имя Феодора Стратилата, между тем как в остроге не было еще ни одной церкви*. Поэтому жители острога: литва[†], казаки, стрельцы, всякие служилые и пашенные люди — били челом царю Борису, что они по своему обещанию хотят в остроге построить храм во имя святых великомучеников Бориса и Глеба с приделом св. пророка Илии, а воевода велит строить оный в городе. Интересен мотив этой челобитной: обитатели острога, между прочим, пишут, что хотя в городе есть три храма, но им приходится туда молиться «заочно», потому что там молятся воеводы**. Царь пожаловал, но или челобитчики не воспользовались царским разрешением, что трудно предположить, или, может быть, вместо церкви Бориса и Глеба построили церковь во имя пророка Илии, по крайней мере в дозорной книге 1624 года церкви Борисо-Глебской совсем не упоминается.

В 1601 году в Тюмени устроен был ям из пятидесяти паев. Ямщики, присланные из Руси, сначала поселились в самом остроге, но так как им пашни были отведены между речками Тюменкой и Барымской, то они в 1604 году просили у царя позволения выселиться из острога за Тюменку, чтобы жить около своих пашен. Разрешение дано, и в 1605 году за Тюменкой была основана Ямская слобода***.

Относительно времени основания тюменских монастырей мы положительно можем только сказать, что в 1616 году в конце Ямской слободы монахом Нифонтом заложен был мужской Преображенский монастырь, тот самый, который впоследствии с построением в нем церкви во имя

* Архив Министерства иностранных дел. Портф. Миллера, № 184, см.

† Челобитную тюменского попа к царю Борису в 1609 г.г.

** Ibid, см. гр. дара Бориса в Тюмень от 1601 г.

*** «Ежемес. соч.», 1764, стр. 10.

Святой Троицы назывался Троицким*. Что же касается женского монастыря, то трудно определить, с какого времени он начал свое существование. Из одной грамоты Михаила Федоровича видно, что этот монастырь находился при церкви св. пророка Илии. В этой грамоте приводится челобитная от 1623 года двух монахинь города Тюмени, в которой они просят царя о пожаловании их хлебной и денежной ругой наравне со старцами Ильинского монастыря, и быть им в этом монастыре с ружскими старцами вместе**. Значит, женский тюменский монастырь существовал еще до 1623 года. Теперь спрашивается, когда же он возник? Чтобы ответить на этот вопрос, мы выскажем следующие соображения: челобитная тюменских жителей о постройке церкви св. Бориса и Глеба относится еще к 1600 году. Очень может быть, как мы уже упомянули, что эти жители вместо церкви Борисо-Глебской построили церковь во имя св. пророка Илии. Затем в 1601 году в Тюмень прислан был черный поп Никон, он-то, вероятно, и положил начало Ильинскому монастырю при вышеупомянутой церкви. Мы думаем, что этот монастырь был гораздо древнее Преображенского или Троицкого. Ибо невозможно предположить, имея в виду русские обычаи, чтобы в Тюмени до основания этого последнего, или до 1616 года, не было никакого монастыря; вероятнее всего, что Ильинский монастырь начал свое существование с построением церкви во имя пророка Илии и с прибытием в Тюмень монаха Никона. Но первоначально в этом монастыре жили вместе монахи и монахини, а с основанием в 1616 году Преображенского монастыря монахи переселились в этот последний, монахини же остались жить в Ильинском.

С «Сибирекой истории» Миллера упоминается царская грамота от 1595 года к тюменским воеводам, которой последним предписывается выдать жалование тюменским жителям «за городовое строение». Миллер думает, что «это городовое строение» состояло в возобновлении первой тюменской крепости, построенной Сукиным и к этому времени пришедшей в ветхость, но мне кажется, что тут следует разуметь постройку стен острога, ибо невозможно предположить, чтобы построй-

* Ibid, стр. 11 и 12.

** «Р. И. В.», т. II, № 140.

ки, совершенные в 1586 году, могли уже значительно обветшать к 1595 году^{**}. К тому же мы знаем, что город Тюмень вновь построен в 1622 году. На это положительно указывает документ, найденный нами в одном из портфелей упомянутого историка и содержащий в себе современное описание вновь построенного города. По этому документу новый город имел в окружности 260 саженей, по стенам его возвышались две башни с проезжими воротами и шесть башен, называвшихся «глухими»; крепостные стены были вышиной от земли «до обламок» $1\frac{1}{2}$ сажени и от обламок до кровли — 1 сажень, а ширина стен — $1\frac{1}{2}$ сажени. Острог был обнесен двумя стенами в 1048 саженей, одна от города простиралась подле речки Тюменки, а другая — от этой последней до реки Туры. По стенам острога также было построено несколько башен, из которых две проезжие, 6 глухих, одна четырехугольная на столбах с воротами к реке Туре и, наконец, одна башня с шести углах. «А крепость у города и острога, — читаем в том же документе, — с одной стороны река Тура, с двух сторон речка Тюменка, а с нижней стороны с приезде сибирские дороги от Туры до Тюменки от поля устроены надолбы тройные»^{**}.

По дозорной книге 1624 года Тюмень в отношении построек и населения представляется в следующем виде. В самом городе находилось две церкви — Рождественская и Николаевская, съезжая изба, две избы караульных у ворот, десять государевых житниц, два амбара, девять дворов, в которых жили воевода и другие начальные лица, архиепископский десятник и церковный причт, людей в них — столько же. В остроге: три церкви — Спасская, Михайловская и Ильинская, гостинный двор с тремя избами (две гостинные и одна таможенная), 24 государевы лавки, 13 лавок и 9 мясных полок, принадлежащих служилым, посадским и пашенным людям, дворов разных служилых людей — 177, людей в них — 222 человека, дворов посадских — 66, людей в них — 80, да 77 посадских людей, которые дворов своих ни в городе, ни в остроге не имели, а жили по подворьям, в Ямской слободе и по своим деревням; вдовных дворов — 14, людей — тоже, бо-

* «Ежемес. соч.» 1764, стр. 5.

** А. М. Н. Д. Портф. Михлера, № 45, тетр. 5, «Описание города Тюмени».

быльских дворов — 6, людей — тоже, дворов пашенных крестьян — 46, людей в них — 71 человек, один двор оброчного крестьянина, пять дворов ницынских крестьян и, наконец, государева баня, тюрьма и несколько кузниц*.

Итого в городе Тюмени к 1624 году было 318 дворов, а взрослого мужского населения — 465 человек, включая в это число и тех посадских людей, которые своих дворов не имели.

За острогом города Тюмени, за речкой Тюменкой, как мы упомянули выше, в 1601 году была основана слобода Ямская. Эта слобода находилась в столь тесной связи с городом, что ее можно отнести к последнему; многие ямщики жили в самом городе по подворьям, а около 25 дворов тюменских посадских людей находилось в Ямской слободе. Относительно ее обитателей нужно заметить следующее. Старые ямские охотники в 1622 году так обнищали от конского падежа, как они жаловались Михаилу Федоровичу, что не в состоянии уже были более отправлять ямскую службу и «по государеву указу велено им быть в пашенных крестьянах и платить в казну выдельной пятый сноп с своих пашен». Ямская гоньба после этого возложена была на инородцев Тюменского уезда. Но постоянные жалобы последних на тягость ямской службы и неисправность их в этом отношении скоро заставили правительство снова устроить русский ям**. В 1629 году Михаил Федорович указал «прибрать на Тюмени в новые ямские охотники из посадских, из оставленных ямщиков, из захребетных и прихожих гулящих людей и устроить ям из 50 пав, как было до татарской гоньбы, и дать годового жалованья на каждый пай по 10 р. денег, по 30 ч. в трех полях пашни и по 100 копен сена». Но ямская служба была столь тяжела в Сибири, что немногие русские люди соблазнились этим жалованьем и немногие откликнулись на призыв воеводы, и если ямщиков набрано столько, сколько требовалось указом, то это потому, «что воевода велел насильно писать в ямские охотники», как впоследствии жаловались последние. Новоприбранных ямщиков велено поселить там же, где и прежде была Ямская слобода, купив для них дворы тамошних жиль-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, см. «Дозорную книгу Тюменского города письменного головы Никиты Наумова»

** А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6111/67, л. 83.

цов. А так как в этой слободе в 1629 году оказалось только 28 дворов, то остальным ямщикам позволено жить в остроге, на посаде и по деревням на своих пашнях. Но уже в 1630 году новые ямщики — 50 человек — били челом государю, что им не справиться с ямской гоньбой, потому что они люди бедные и бессемейные, а государь пожаловал бы, велел бы к ним в помощь прибрать еще 50 человек, чтобы в каждом паше было по два человека, не увеличивая, однако, денежного жалованья. Государь разрешил, и уже в том же году Тюменский ям состоял из 88 дворов, а людей в них был 171 человек с детьми и братней. Ямские охотники обзывались за вышеупомянутое жалованье «гонять ямскую гоньбу от Тюмени до Тобольска и до Туринска, или где по государеву указу и по подорожным надобны будут подводы, а держать им на ямскую гоньбу на пай по 3 мерина добрых, зимою с санками, летом с седлами и телегами и со всякой гоньбой снастью, а для водяного пути держать им всякие гребные суда с веслами, с бечевами и со всякой судовой снастью ежегодно безпереводно»*.

Несмотря на вышеупомянутое облегчение для тюменских ямщиков, не прошло и пяти лет со времени устройства яма, как они жаловались царю, что «от той ямской гоньбы и монского падежу обнищали и задолжали великими долгами, жен и детей своих позакладывали», и требовали увеличения жалованья до 20 рублей: «а за десятирублевое жалованье, — писали они в своей челобитной, — и половину года невозможно нести ямской службы». Эта челобитная не была кланчаньем, выпрашиванием у правительства прибавки жалованья: содержание ее наполнено доказательствами справедливости жалоб. Ямщики в своей челобитной а) указывают на то, что они не могут успевать «гонять ямскую гоньбу», так как городов и острогов в Сибири стало больше, и ссыльных русских и литовских людей в сибирские города пред прежними годами значительно умножилось, а они всюду и для всех должны давать подводы; б) воеводы и всякие служилые люди, которые ездят из Москвы в сибирские города и остроги и обратно, причиняют им жестокие обиды, кладут своих запасов на подводу пудов по

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 21, л. 1—6, 126—145.

30, так что им класть корму для лошадей негде, а от того лошади падают на дорогах с насады, тем более что переезды между сибирскими городами и острогами длинные, а дорога дурная; с) челобитчики представили выпись из «гонебных книг 1633 г.», из которой оказывается, что Тюменский ям «под соболиную казну, под воевод и всяких служилых людей, под колодников до разных городов и островов, под ясачных сборщиков до разных татарских городов, под выдельщиков хлеба в Тюменский уезд» дал 1476 подвод на все дороги сухим и водяным путем. Но так как подобного количества подвод ямщики не могли дать своих, от яма, то принуждены были нанять 572 подводы, за которые заплатили разным охочим людям 496 рублей. В этом документе мы находим интересные данные относительно времени, в которое ямщики доставляли пассажиров на место, и цены, которые они уплачивали за наемные подводы. «С Тюмени до Туринска летним водяным путем легким судном поспевали в 5 и 6 дней, а тяжелым — в 10 и 12 дней; зимним путем от Тюмени до Туринска налегке доезжали в 4 и 5 дней, а тяжелым возом — в 6 и 7 дней. С Тюмени до Тобольска летним путем проплывали легким судном в 6 и 7 дней, а тяжелым — в 12 дней; зимним путем от Тюмени до Тобольска досажали налегке в 7 дней». Что касается цен за наемные подводы, то они таковы: «от Тюмени до Тобольска ямщики платили охочим людям за подводу зимой по 40 копеек и $1\frac{1}{2}$ р., а по последнему зимнему пути — по 2 и по $2\frac{1}{2}$ р.; летом нанимали гребцов на суда по 1 р. и по 1 р. 20 к.».

Таким образом, у Тюменского яма, уплатившего в 1633 году за наемные подводы 496 рублей, оставалось от царского жалованья только 4 рубля. Сумма слишком недостаточная, чтобы ям мог иметь нужное количество лошадей, саней, телег, «всякой гонебной снасти, а для водяного пути держать всякие гребные суда с веслами, бечевами и всякую судовую снасть...». Правда, этот ям имел значительное количество пашен — 750 десятин в трех полях, которыми он пользовался даром, но трудно предположить, чтобы от проданного хлеба тюменские ямщики выручали достаточно денег для покрытия расходов по ямской службе, особенно в годы неурожайные и мало урожайные; к тому же за свой тяжелый труд они имели право рассчитывать и на барыш. Отсюда понятны жа-

лобы ямщиков, и они справедливо могли жаловаться, что ради ямской службы посягали на жен и детей. Тюменский ям для иллюстрации своего тяжелого положения вследствие недостаточности царского жалования в своей челобитной указывает еще правительству на условия, при которых отправляют ямскую гоньбу ямщики в Европейской России, и тут оказывается, что сибирские ямщики поставлены в гораздо худшие условия. Например, говорят они, в Нижнем Новгороде устроен ям из 70 пашей, и на каждый пай положено государева жалования в год 23 рубля, пашни по 5 ч. в поле, да поверстных прогонов по 15 к. со 100 верст; Касимовский ям существует на тех же условия. Поэтому, пишут челобитчики, если бы им платили поверстные деньги, то по расчету казна должна была в 1633 году уплатить яму одних прогонных денег 846 р. 60 к.

В заключение своей жалобы тюменские ямщики пишут: «только-де государева жалования не будет ныне прибавки, то им впредь никакими мерами ямской гоньбы невозможно гонять и разбрестись будет всем розно...». «Брести розно» — эта угроза редко не действовала на московское правительство, от кого бы она ни исходила: от ямщиков ли, служилых людей или пашенных крестьян. Жалоба Тюменского яма была услышана, и государь указал: а) на каждый ям давать жалования по 20 р. в год, а б) воеводам и всяким служилым людям класть на подводы зимой не более 25 пудов, а летом не более 20 пудов клади⁴.

Теперь обратим внимание на уезд города Тюмени. Из дозорной книги 1623 года видно, что Тюменский уезд, несмотря на давнее основание города, в то время был еще довольно мало населен. Тем не менее русские поселки уже в это время охватили почти все течение Туры в Тюменском уезде и появились даже на некоторых из ее притоков с правой стороны. Образование этих поселков шло тем же путем, как и в уездах Верхотурском и Туринском; основанием своим они обязаны разным обитателям города Тюмени, Ямской слободы и составляли в большинстве случаев частную собственность отдельных лиц, без различия происхождения последних. Все эти поселки, за исключением села Каменного и нескольких деревень, принадлежат к типу хуторов, основанных тюменскими жителями на своих пашнях, а возникновение оных, очевидно, относится еще ко времени поселения в Тюмени самых основателей. Мы

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6090/46, л. 1—54.

ничего не могли сказать о времени появления в Тюмени разных классов общества, но уже в 1595 году там, кроме служилых людей, были и посадские, и пашенные крестьяне. Поэтому можно думать, что возникновение многих деревень или хуторов в Тюменском уезде относится еще к XVI веку; по крайней мере к этому времени нужно отнести деревни, ближайшие к городу; на давность основания всех ниже перечисленных деревень указывает и большое количество «перелого», находящегося под каждой деревней.

По первой переписи, произведенной в 1623 году письменным головой Зловидовым и подьячим Салтанаковым, в Тюменском уезде существовали следующие поселки*.

<i>1. Деревни разных служилых людей</i>	<i>Колич. дворов</i>
При реке Туре вверх от города	
Васьки Лепешки	1
Тренки Пельмского	1
Митьки Голая Шуба	1
Опешки Насекина	1
Михалки Насекина	1
При Кривом озере	
Степана Молчанова	1
Федьки Вятчина	1
Тренки Кулакова	2
Гришки Данилова	1
Савки Каклятина	1
новокрещенца Андрюшки Чермисина	1
При Липовском озере	
Семейки Карачевца	1
Исачки Сосюкина	1
Над озером в трех верстах от города	
Пронки Мощеникова	1
При реке Каптагае	
Ивашки Проскурняка	1
Васьки Проскурякова	1

* А. М. Ю. Сиб. зр., № 5, л. 451—539, см. «Список со списка с тюменских книг...».

При реке Кармаке	
Мансурки Мальцева	2
Елистратки Вазилного	1
Васьки Кокшара	1
Ивашки Мальцева	1
Ивашки Бусьги	1
Андрюшки Деревнина	1

При реке Шешуковке	
Якуньки Свечкина	1
По Туре вниз от города	
новокрещенца Олешки Налимова	1
новокрещенца стрелецкого десятника Титки Васильева	1
Ермачка Колмогорца	1
Федьки Дружинина	1
новокрещенца Ивашки Часовердина	1
Семейки Фефилова	1
Васьки Бутакова	1
Суботки Михайлова	1
Манькова	2
Онтошки Осипова	1
Васьки Васильева	1
Пронки Максимова	1
Терешки и Мишки Онтоновых	1
Угрюмовых	2
Шаликулова	1
Ондрюшки Угренина	1
Гаврилки Васильева	1
Кондрашки Коняка	1

Таким образом, до 1623 года из всех служилых людей города Тюмени только 42 человека имели свои деревни в уезде. Затем десять человек имели «займища», два — «жеребья» и 78 человек только пашни в разных местах. Всех занимавшихся хлебопашеством было 132 человека, которые пахали «доброй земли» 972 ч. в поле, а сена косили 10090 копен.

2. Деревни посадских людей	Колич. дворов
По Туре вверх от города	
Ивашки Яковлева	1

Семейки Зырянина	1
Васьки Вятчина	1
Якушки и Ивашки Пановых	1
Евси Шоломенцова	2
По Туре вниз от города	
Тарутина	1
Микитина	1
Федьки Сета	1
Игнатки Вятчина	1
Кирилки Матвеева	1
При реке Шешуковке	
Микитки Движанина	1
Селиванки Спферьева	1
Костьки Шешукова	1
Семейки Гилова	2
Лучки Игнатьева	1
Митки Зырянина	1
Село Коломенка на берегу Туры при устье реки Каменки	7

Это село справедливее было бы назвать Усольским, потому что основано было посадскими людьми — «усольцами». В 1623 году в этом селе было 6 дворов посадских людей, один двор попа, у которого жили дьячок и пономарь. Но как посадские, так и причт — все были усольцы. Относительно причта в дозорной книге замечено, что «он пашен на себя не пашет, а питается от церкви Покрова Пресвятой Богородицы, которая находится в этом селе». Кроме того, посадским людям принадлежало 5 займищ. Всего посадские люди — 85 человек — пахали доброй земли 376 ч. в поле, а сена косили 1950 копен.

3. Деревни пашенных крестьян	Колич. дворов
По реке Туре вверх от города	
Субботина	2
Ларки Гусельникова	4
Ивашки Казанца	1
Братьев Мартемьяновых	1
По Туре вниз от города	
Первушки Бужина	2

Митьки Мохирева	1
Петруши Мохирева	1
Петруши Чусовитяна	2
Созонки Быкова	1
Васьки Голсвина	2
Богдашки Шелдукова	1
Семейки Ошкокова	1
Братьев Угрямовых	1
Братьев Сысовых	1
Амоски Чусовитяна	1
Ивашки Москвитина	2
Братьев Шешуковых	1

При реке Каменке

Афонки Гусельникова	3
---------------------	---

При реке Липке

Гольшкова	1
Митьки Розмаза	1
Андрюшки Клыкова	1
Сережки Новоселова	1
Петрушки Рачкина	3

При реке Кармаке

братьев Букиных	1
-----------------	---

Всего в деревнях пашенных крестьян — 39 дворов, да в 7 займищах 4 двора, а в них живут 86 человек. У некоторых посадских и пашенных крестьян встречаются «их крепостные люди», «купленные люди из калмыков», «прокормленники» и «половинники». Пашен доброй земли тюменские пашенные крестьяне пахали на себя 627 ч. в поле, которые составляли 31 выть, полагая в каждую выть 20 ч. в поле, а государевой пашни они должны были пахать на каждую выть по $2\frac{1}{4}$ десятины, итого 69 десятины в поле, сена на себя косили 4390 копен.

Из оброчных крестьян в Тюмени был только один, пахавший на себя 15 ч. в поле, а оброка платил со своей пашни 15 ч. ржи и 11 ч. овса.

4. Деревни ямских охотников	Колич. дворов
По реке Туре	
Елшовка (Шешуковых)	13
Коклягина	2
Калтагай	2
Мягелова	3
Разсоха (братьев Гивриловых и Сергеевых)	6
При Б. Кармаке — Зырянская	5
При М. Кармаке — Мальцова	1
При озере — Зубарева	3

Деревни ямщиков сравнительно с деревнями служилых людей, посадских и даже пашенных крестьян резко отличаются численностью населения: из них только одна деревня состояла из одного двора, и нет ни одной, в которой взрослого мужского населения было меньше двух человек. Но некоторые, как, например, Елшовка, в это время заключала в себе 13 дворов с 40 душами населения, и Зырянская, которая состояла из 6 дворов и 14 человек взрослого мужского населения. Из этого можно заключить, что их происхождение несколько иное: возникновение таких многодворных деревень, вероятно, обязано не отдельным личностям, а товариществам ямщиков, паям; по крайней мере это должно быть справедливо относительно Елшовки, Зырянской и Разсохи. Всех ямщиков, которые жили в деревнях, — 95 человек с детьми, братней и племянниками. Другие жили в слободе и в остроге, но все занимались хлебопашеством. По дозору Зловидова они пахали на себя «доброй земли» 725 ч. в поле, что составляло несколько больше 36 вытей, а сена на себя косили 4410 копен. Мы выше уже упоминали, что эти ямщики в 1623 году оставили ямскую службу. Им велено быть в пашенных крестьянах, а по приговору боярина Сулешова с товарищами за пользование вышеупомянутой землей они должны обрабатывать государственной пашни 81 десятину в поле. Однако из многих документов, просмотренных нами, оказывается, что этот приговор остался без исполнения, эти ямщики составляли особый разряд населения в Тюменском уезде и в разных документах называются «отставленными ямскими охотниками»; пашни государственной они не пахали, а платили со своей пашни пятый сноп. Некоторые из них с образованием нового яма записались в

действительные ямщики, а большинство осталось на положении «отставленных». В дозорной книге упоминается еще деревня «вниз по Туре от города в 30 верстах», принадлежащая тюменскому Преображенскому монастырю. Эта деревня в 1623 году состояла только из одного двора, в котором жили монастырские работники. Пашни у Преображенского монастыря было 43 чет., да пашенных дубрав 39 десятин, а сена на 500 копен.

Из всех вышеупомянутых данных следует, что в Тюменском уезде в 1623 году находилось одно село и 91 деревня, а дворов всех было 146. Из этого мы исключаем Ямскую слободу и архиепископскую Усть-Ницынскую, в которых в это время было 54 двора.

Что же касается количества населения в уезде, то это трудно определить; можно только сказать, что посадских было 85, пашенных крестьян 106 с братией и крепостными людьми и 95 отставленных ямщиков.

Относительно дальнейшего развития русского населения в Тюмени и его уезде в период от 1623 до 1645 года за отсутствием материала мы не можем в достаточной степени удовлетворить любознательность читателя. Имеющийся у нас под руками материал касается только увеличения количества служилых людей, да и то он не дает нам никаких сведений относительно их детей, братьев и других свойственников, относительно половников, захребетников и т.п.

В 1632 году пашенных крестьян было 80 человек, а государственной пашни пахали 104 десятины в поле*, в 1636 году пашенных крестьян было 65 человек, а государственной пашни пахали 97 десятин в поле**, в 1640 году пашенных крестьян было 69 человек, а государственной пашни пахали 104 десятины***, в 1645 году пашенных крестьян было 115 человек, а государственной пашни пахали 170 десятин****.

Собственной пашни тюменские крестьяне обрабатывали в 1645 году около 1622 ч. в поле. Кроме пашенных крестьян

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 35, л. 218. См. «Книга тюменск. госуд. пашни и пашенных крестьян 1632 г.».

** Ibid, кн. № 68, л. 243.

*** Ibid, кн. № 43.

**** Ibid, кн. № 166, л. 237.

ли, были еще оброчные, которых в этом году было 23 человека; последние за пользование пашней платили оброчный хлеб: с каждой выги по 20 ч. ржи и по 25 ч. овса; все упомянутые 23 человека в 1645 году уплатили 128 ч. ржи, 124 ч. овса и в 2 ч. круп. Относительно количества посадских, оставленных ямщиков и гулящих людей в конце царствования Михаила Федоровича, судя по оброчному с них сбору, можно предположить, что первых было около 200 человек, вторых около 70, а последних не менее 100 человек.

Более точные сведения мы можем дать о количестве служилого населения в городе Тюмени. Мы упоминали, что в 1623 году всяких служилых людей, исключая, впрочем, воевод, голов, подьячих, было только 222 человека. Но после 1630 года Тюменскому уезду начинают угрожать постоянными нападениями «Кучумовы внучата» с калмыками: не проходило года, чтобы они не беспокоили этот уезд своими набегами. В 1634 году им удалось даже разгромить много деревень в Тюменском уезде и туринских слобод по реке Нице: Чубарову, Киргинскую, Верхне-Ницынскую и Нижне-Ницынскую, или Красную. Но этот раз упомянутые враги нашли себе союзников между татарами Тюменского уезда: изменив, татары Кимырского городка и Терсяцкой волости и соединившись с «Кучумовыми внучатами» и калмыками, произвели значительные опустошения в русских поселках. Жители тюменских деревень жаловались, что «ноября 11 1634 года приходили под Тюмень кучумовы внучата с калмыками и тюменскими татарами, и в Тюменском уезде их, пашенных крестьян, повоевали, в полон поймали и побили, деревни с хлебом пожгли, лошадей и всякий скот отогнали, и им жеребьев²¹ своих пахать стало невозможно, потому что они стали одиноки и бедны, и безлошадны, от воинских людей совсем разорены»*.

Эти набеги, жалобы жителей и печальные донесения воевод заставили правительство значительно усилить войско в Тюмени: в следующем году сюда прислано из Колмогор 500 стрельцов, из которых 400 записались в конную службу и 100 — в пешую. Царской грамотой от 1635 года велено тюменскому воеводе расставить колмогорских стрельцов по домам служилых людей, пока они поставят свои

* А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6111/67, Л. 152—274.

дворы; велено также отвести им в остроге место для постройки стрелецкой слободы, а если острог мал, то расширить его. Кроме денежного и хлебного жалованья (5 р., 5 ч. ржи, 4 ч. овса в год), эти стрельцы получили пашни по две десятины на человека и притом без выдельного снопа. Но трудно было на пятирублевое жалованье поставить дворы, купить лошадей и вообще обзавестись хозяйством на новом месте. Поэтому мы видим, что колмогорские стрельцы даже в 1636 году не поставили еще своих дворов и продолжали жить по домам тюменских литвы и казаков, несмотря на жалобы последних. В конце 1636 года они послали царю челобитную, в которой, между прочим, писали: «Едучи де они от Колмогор с женами и детьми обнищали и разорились до основания, дворшники и всякий завод пометали — продавать было неколи, которого де часу твоя государева грамота пришла в Колмогоры, тот де час они посланы в Сибирь и теперь службы служить им и коней купить нечем». Челобитчики просили подмоги, но государь указал им довольствоваться жалованьем и на него купить лошадей*. Таким образом, население Тюмени в один год увеличилось на 500 семейств. В конце царствования Михаила Федоровича всяких служилых людей было 790 человек, кроме детей, братьев и племянников, из них 12 человек боярских детей. Кроме того, в Тюмени отправляли военную службу и татары, которых в 1645 году было 108 человек**.

Из всех данных, найденных нами в разных документах, следует, что всего русского населения в Тюмени и ее уезде в конце царствования Михаила Федоровича, включая ружников, оброчников и гулящих людей, было не менее 1750 семейств, тогда как инородческого населения, служилых, пашенных и ясачных татар в то же время было не более 350 семейств.

В заключение сообщим данные из «сметных книг денежных доходов и расходов» и из «сметных книг хлебных запасов», чтобы судить, так сказать, о бюджете города Тюмени и о хлебных урожаях в его уезде.

* А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6132/88, л. 700; № 6111/67, л. 425.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. 43, л. 600; А. М. Н. Д. Порт. Маллера, № 545.

В 1628 году взято:

- 1) С тюменских посадских людей, с лавок, полок, кузниц, мельниц оброчных денег — 125 р. 75 к.
- 2) С площадного письма откупных денег — 46 р. 48 к.
- 3) Таможенных пошлин с проезжих и тюменских людей — 1171 р.
- 4) Пошлин с татарских городков и юрт от продажи с купли хлеба и мелкой мягкой рухляди — 17 р. 36 к.
- 5) С промышленных и гулящих людей оброчных денег — 209 р. 71 к.
- 6) Разных других доходов: судных, корчемных, с рыбных ловлей, с перевоза, с кабал, с пролубей, явочных, с государевых соломы, жмины, ухоботья и пр. — 393 р. 88 к.

Всего взято 1964 р. 18 к., а израсходовано в том же году 2216 р. 75 к. Расход главным образом падал на жалование служилым людям, русским и татарам, ружникам, оброчникам и «гонебным татарам»²⁴. Неокладных, или, по нашему, чрезвычайных, расходов в Тюмени в этом году было очень мало — всего несколько десятков рублей «на подмогу крестьянам и для сыску серебряной руды».

Таким образом, бюджет города Тюмени в 1628 году окончился дефицитом в 252 р. 57 к. Составитель сметы, представив сметные книги доходов и расходов, относительно дефицита спрашивает: «и о том государь как укажет?». Велено недостающую сумму для покрытия расходов дослать в Тюмень из Тобольска*.

Правда, казна не была в убытке: дефицит этого года с излишком покрылся ясаком, которого в 1628 году собрано на 550 р. 12 к.**. Но вообще местные денежные доходы в Тюмени не покрывали таковых же расходов: во все царствование Михаила Федоровича тюменские сметные книги никогда не заканчивались без дефицита. С 1628 года денежные расходы постепенно растут, и доходы, даже включая ясак, далеко не покрывают оные, например, в следующем году собрано денежных доходов 1837 р., ясака — 535 р. 81 к., а израсходовано 2444 р. 56 к.***. В 1630 году

* А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6063/19, л. 473 и далее.

** Ibid, кн. № 20.

*** Ibid, кн. № 18, л. 256.

дефицит получился еще больший, потому что в этом году устроился в Тюмени русский ям, а русские ямщики получали жалованья вдвое более, чем татарские.

Затем с 1635 года, со времени увеличения служилых людей в Тюмени и прибавки жалованья ямщикам, дефицит достиг по тому времени почтенной суммы. Например, в 1637 году собрано всяких денежных доходов 2977 р. 36 к., а вышло в расход 6723 р. 45 к., в следующем году доходов было 3086 р. 3 к., а расходов — 7033 р.*. Увеличение доходов в городе Тюмени замечается только в одной статье, именно по статье таможенных сборов, да и то не всегда; например, в 1629 году таковых доходов собрано 1171 р., а в 1638 году — 2388 рублей. Что же касается сбора ясака, то последний постепенно уменьшался; в 1637 году с ясачных тюменских людей взято мягкой рухляди только на 356 р. 45 к.**.

Но зато разного хлеба в Тюменском уезде правительство собирало значительное количество: местного сбора хлеба не только достаточно было для покрытия местных расходов, но и возможно было тысячами четвертей отправлять в другие «непашенные города». В 1628 году собрано разного хлеба с государевой десятинной пашни (в 200 десятин) — 2592 четверти, выдельного с ружников, посадских и отставленных ямских охотников — 6537 руб., ясачного хлеба с пашенных татар — 108 четвертей, оброчного — 28 четвертей, всего 9265 четвертей, а израсходовано за тот же год на жалованье ружникам, оброчникам и служилым людям на государевы пашни всего 1982 четверти***. За отправкой в Тобольск 2068 четвертей в царских житницах оставался еще значительный запас****. В 1632 году всего собрано разного хлеба 15052 четверти, а вышло в расход 2459 четвертей*****. В следующие годы сборы хлеба еще более увеличились и всегда в несколько раз превосходили расход.

Что касается урожая в Тюменском уезде, то мы, просмотрев за несколько лет (от 1628 по 1645 гг.) «ужимные» и «сметные книги хлебных запасов», пришли к следующему выводу: если не принимать в расчет некоторые неуро-

* Ibid, кн. № 87.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 61.

*** Ibid, столб. № 6063/19, л. 47.

**** Ibid, кн. № 18.

***** Ibid, кн. № 35, л. 162.

жайные годы, то на государевой пашне был урожай, например, ржи сам 8 и 9, а на «собинной» — сам 9, 10 и даже 12; средние урожай яровых — сам 7 и 8. Конечно, бывали неурожайные годы, бывал иногда значительный недобор хлеба против сметы, зависящий от того, что жатву заметало снегом ранее, чем могли собрать хлеб, но голод тюменцам не приходилось терпеть, так как в царских житницах всегда находился значительный запас разного хлеба, например, в 1635 году таких запасов скопилось 17710 четвертей*.

* *Ibid.*, кн. № 42.

Глава V

Тобольск и его уезд (1587—1645). Тобольск с самого начала своего существования сделался начальным городом Сибири; он был центром политическим, административным, а с открытием в нем архиепископской кафедры — и центром церковным. Сюда ежегодно присылалось множество грамот из Москвы и воеводских отписок из других сибирских городов. Казалось бы поэтому, что относительно Тобольска, первого по старшинству русского города в новопокоренном крае, мы не будем чувствовать недостатка в материале, а на самом деле до нас дошло слишком мало о нем древнейших сведений. Еще Миллер, желая что-нибудь сообщить относительно старины этого города, заметил: «За недостатком архивных дел оного времени не можем объявить больше, как то, что подабают нам сибирские летописцы и протчих городов архивы». В свою очередь и мы должны сознаться в том же самом: несмотря на тщательные поиски в Сибирском приказе, нам ничего не удалось найти, что осветило бы старину Тобольска более, чем это сделано историком XVIII века. Нам не попалось под руки ни одного документа, из которого мы могли бы почерпнуть сведения, например, об основании этого города, о первоначальном его населении и пр. Поэтому нам остается передать о старине Тобольска только то, что находим у летописцев и у Миллера. Вероятно, после получения вестей от Мансурова, прибежавшего из Сибири не ранее весны 1586 года, и донесений из Тюмени от воеводы Сукина, московское правительство в начале 1587 года послало в Сибирь новое войско в количестве 500 человек и вместе с ним наказ письменному голове Чулкову, чтобы последний с означенным войском отправился к столице Кучумова царства и около нее на удобном месте заложил новый русский городок, из которого можно было бы вести дальнейшие военные операции в Сибирском царстве. Исполняя наказ, Чулков

летом 1587 года положил основание городу Тобольску заложением небольшой крепости на правом берегу Иртыша, против устьев Тобола и несколько севернее Кучумовой столицы Искера. Эта последняя, как мы упоминали, находилась в это время в руках князя Сейдяка, который воспользовался бегством Кучума, чтобы предъявить свои права на царство своих предков. Несомненно, что соперничество этих двух претендентов много способствовало успеху русского дела в Сибири. После утверждения Сейдяка в Искере иртышские татары не знали, кого признать своим властителем, за кого бороться против русских завоевателей; вероятно, часть из них стояла за Сейдяка, а другая оставалась верной Кучуму. Отсутствие единодушия между иртышскими татарами губительно отозвалось на судьбе обоих претендентов и дало возможность русским почти без борьбы подчинить себе этих инопородцев. Как видно, Сейдяк не отличался энергией, но, захватив в свои руки Искер, лишил Кучума опоры на Иртыше и тех средств для борьбы с русским войском, которые он мог найти у иртышских татар.

Мы не знаем, делал ли Чулков попытку силой выгнать Сейдяка из Искера. Тобольский летописец рассказывает, что однажды русскому воеводе удалось заманить в свою крепость этого претендента вместе с его начальными людьми и частью войска и жестоко расправиться со своими гостями: войско было перебито, а Сейдяк с товарищами взят под стражу и затем отправлен в Москву. По свидетельству же другого летописца, не русский воевода поступил вероломно с Сейдяком, а, напротив, последний хотел вероломным образом захватить Тобольск и перебить русских людей. Но все летописцы согласны в том, что после плена Сейдяка татары его бросили Искер и убежали в степь. «И оттоле, — замечает сибирский летописец, — на всех басурман сибирской земли напал великий страх, и все татары ближние и дальние не смели к государевым городам приходить войною». Хотя мы и знаем, что на самом деле татары далеко не так трусливо смотрели на русские крепости, как думает этот летописец, но тем не менее действительно после разгрома Сейдяка, опустошения Искера многочисленные татарские юрты, расположенные по среднему и нижнему течению Иртыша, волей или неволей должны были признать власть русского царя. Существование русского города на Иртыше, в центре иртышских татар,

препятствовало Кучуму воспользоваться последними для борьбы с русскими завоевателями.

Русское правительство хорошо понимало стратегическое значение Тобольска в новопокоренном крае, держало там всегда значительное войско и постепенно населяло его и посадскими, и пашенными людьми. Сначала Тобольск зависел от Тюмени, но скоро (вероятно, в 1590 году) он сделался не только самостоятельным, но и главой других сибирских городов. С 1590 года воеводами в Сибирь назначались люди знатные — князья, стольники и даже бояре; они имели широкие полномочия от правительства в отношении дальнейшего распространения русской власти в Сибири и общего управления покоренным краем. По свидетельству тобольского летописца, тот же Чулков, который положил основание Тобольску, построил две церкви: одну во имя Живоначальной Троицы в самой крепости, а другую во имя Всемилодивейшего Спаса вне оной. По другому известно город в 1600 году «перенесен с Троицкого мыса на другую сторону торговаго взвозу на мыс», т. е., вероятно, на то место, на котором тобольская крепость начерчена на атласе Ремезова. Затем в 1601 и 1602 годах построено еще две церкви: одна во имя Вознесения Господня, вероятно, в крепости, а другая на горе в честь Николая Чудотворца*. По дозорной книге 1624 года в городе, в остроге и за острогом было уже 10 церквей и два монастыря: Успенский женский с двумя церквями — во имя Успения Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца и Знаменский мужской с церковью во имя Знамения Божьей Матери. Первоначально в Тобольске был один из обоих полов монастырь с церковью Зосимы и Савватия, построенный на левом берегу Иртыша близ старого устья Тобола. О времени основания этого монастыря и об основании его мы ничего не знаем. В 1610 году он был перенесен из-за Иртыша на гору, за острог; здесь при нем была построена церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, и монастырь стал называться Успенским**. В «Кратком показании о воеводах...» мы находим известие, что в 1611 году при

* «Описание Сиб. цар.» Миллера, стр. 171—173; «Ежем. соч.» 1764 г. кн., стр. 28—30; «Сибир. лет.» изд. Спасским, стр. 64—65; лет. Савья Есипова, гла. XXXI и дал.; «Краткое показание»; «Сибир. лет.» в «Сев. архиве», ч. XIX; «Кунгурская летопись», стр. 99.

** «Странник» 1864, авг., см. статью «Капрная, первый архиеп. Тоб.»

том же монастыре жителями Тобольска по обещанию построена другая церковь, во имя Николая Чудотворца*. Вот почему в некоторых древнейших архивных документах, найденных нами в Сибирском приказе и относящихся к Успенскому монастырю, последний называется Успенским и Никольским**. Первый архиепископ Сибирский Киприан по прибытии в Тобольск основал новый монастырь в нижней части города под горой, около устья реки Мостовки; сюда были переведены старцы Успенского монастыря, а старцы остались жить в последнем. В 1624 году в Успенском монастыре было 7 келий, а в новом — только 5. Так как при последнем построена была церковь во имя Знамени Пресвятой Богородицы, бывшего в Новгороде 1170 года, и придел Зосимы и Савватия, то он стал называться Знаменским, или Обителью Знамени Пресвятой Богородицы и преподобных отец Зосимы и Савватия***. Важнейшим событием в истории Тобольска, как и всей Сибири, было учреждение в 1620 году архиепископской кафедры в этом городе. Первым Сибирским архиепископом, как известно, был Киприан, бывший до того времени архимандритом новгородского Спасского Хутынского монастыря. Посвященный в сан архиепископа, Киприан, взяв с собой монахов, протопопа, протодьякона, ключаря, несколько священников, дьяконов, причетников, певчих, детей боярских, несколько простых служителей и даже 8 семей крестьянских, отправился в Сибирь в начале 1621 года и прибыл в Тобольск 30 мая. Прибытие Киприана с целым штатом по крайней мере на 25 семейств увеличило население этого города. Сибирские писатели утверждают, что будто Киприан по приезде в Тобольск «Троицкую церковь в подражание новгородскому собору и в память того, что первый архиепископ был уроженец Новгородской епархии, наименовал собором св. Софии»****. Мы с этим не можем согласиться: в дозорной

* «Крат. показ.», стр. 6—7.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 151, л. 36 и 37. Здесь читаем: «1620 г. Саянн Француженин... тоб. города дал еси в Тобольску в обчей монастырь Успения Пр. Богор. и Николаи Чудотворца вкладу на выгайском острову свою роспань...», или: «1620 старец Герасим продал займище в Успенский и Никольский монастырь...».

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 151, л. 23. «Пеший казак Памешов дал в Обитель Знам. Пр. Бог. и препод. отец Зосимы и Савватия по своим родителям купленную деревню» и др.

**** «Страники» 1864 г., изг.

книге 1624 года церковь Живоначальной Троицы упоминается отдельно от соборной церкви св. Софии, и притом первая находилась тогда в городе, а последняя — в остроге. Судя по тому, что первая царская жалованная грамота (от 20 января 1622 года) дана «Сибирскому архиепископу», а не «в дом Софии Пр. Божией», как обыкновенно писалось в подобных грамотах, нам кажется, что в начале 1622 года еще не существовало церкви Софии Пр. Божией. Но, несомненно, последняя уже была в конце лета 1622 года, ибо следующая царская жалованная грамота от 20 ноября этого года дана именно «в дом Софии Пр. Богородицы». Из этого можем заключить, что Кириана немедленно по своем приезде в Тобольск заложил архиепископский дом и при нем церковь во имя Софии Пр. Божией, а окончено это здание и освящено летом 1622 года. С этого времени уже все пожалования царские давались не архиепископу Сибирскому, а в дом Софии Пр. Божией*. Этот дом, как мы увидим далее, был довольно энергичным фактором в деле населения Сибири.

Ко времени прибытия Кириана в Тобольск этот город был уже довольно обстроен и заселен. В самой крепости, как видно из дозорной книги 1624 года, кроме церквей, находилось много зданий: двор боярский, государева съезжая изба, стрелецкая изба, амбар и погреб. Но острог был довольно обширен, и в нем, кроме церквей, помещались двор архиепископский, двор воеводский, гостиный двор, 52 лавки, 2 двора дьячих, 2 двора земских и 290 дворов, принадлежащих ружникам, служилым людям, новокрещенцам, посадским, гулящим людям и пашенным крестьянам, да за острогом под горой, кроме церкви Боговоления Господня и Знаменского монастыря, колмацкого двора, государевой бани, были 34 двора разных частных лиц; под горой же находились юрты татар и бухарцев**.

Относительно служилых людей здесь считаем нужным сообщить, что между ними в это время были еще сподвижники славного Ермака: они служили в пеших казаках и составляли «старую сотню» под начальством атамана. Несмотря на

* Р. И. Б., т. II, № 127; А. И., т. III, № 96; А. М. И. Д. Порт. Миллера, № 477, св. П.

** Дозорная книга 1624 г., см. «Материалы для истории города Тобольска» Найденова.

свою давнюю службу и прежние заслуги, эти казаки не пользовались никакими особыми привилегиями; рядовые из них получали такое же денежное и хлебное жалование, как и новоприобретенные пешие казаки, именно по 5 рублей денег, по 5 четвертей ржи и по 4 четверти овса. Нам не встречалось ни одной челобитной от них об увеличении государева жалования; кажется, что они были им довольны. Но когда именно в 1632 году Михаил Федорович указал быть над ними начальником тобольскому боярскому сыну Богдану Аршинскому в качестве головы, а не атамана, то они были слишком этим недовольны и отправили царю челобитную следующего содержания: «Тобольского города пятидесятники и десятники в товарищей своих место 100 человек бьют челом — служат они государю в Сибири, в Тобольске от Ермакова взяты лет по 40 и по 50 с атаманами, а не с головами, а ныне бил челом государю Богдан Аршинский в головы к казакам на Григорьев прибор Шестакова*, а их старую сотню велено ведать ему же Богдану, но их челобитья о том, чтобы ведать их Богдану Аршинскому не бывало». В заключение своей челобитной казаки старой сотни просили Михаила Федоровича, чтобы он пожаловал «за прежние их службы и за кровь велел ведать их по-прежнему атаману Гаврилу Ильину, а не Богдану Аршинскому, чтобы им государевы службы не отбыть и врозь не разбрестися». Может быть, казаки «старой сотни» потому еще не хотели служить под началом Аршинского, что последний был по происхождению литвин, сосланный за разбой в Тобольск в 1617 году. Во всяком случае им было почетнее служить под началом своего собрата Гаврилы Ильина, который, как видно из одной его челобитной Михаилу Федоровичу, был одним из старейших казаков «старой сотни», который служил еще с Ермаком «в поле 20 лет и 50 лет в Сибири». Челобитная казаков была уважена**. Число всех тобольских служилых людей в это время мы не можем определить, можем только сказать, что их (боярских детей, стрельцов, конных и пеших казаков, казаков литовского списка, иноземцев, новокрещенных служилых татар) было в 1624 году в городе и в

* *Примеч.* В этом году по указу государя Григорий Шестаков прибрал из ссыльных и гулящих людей в пешие казаки 500 человек к прежним 305 пешим же казакам; между последними находилась и «старая сотня».

** А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6112/68.

деревнях около 325 дворов. Но впоследствии количество служилых людей значительно увеличилось: в 1633 году вместе с новоприборными и новокрещенцами их было 1392 человека*. Посадских людей в 1624 году было 53 двора, в 1633 и в 1640 годах было 88, но в 1641 году осталось только 70 человек, а остальные, по донесению воеводы, разбежались вследствие многих государевых служб, в число этих 70 человек мы включили и 14 человек архиепископских закладчиков**. Крестьян в городе было очень мало; по дозору, в 1624 году их было только 11 дворов.

Теперь обратимся к заселению Тобольского уезда. Уже в первые годы существования города Тобольска обитатели его — служилые люди, посадские, крестьяне и духовные лица — начинают заниматься хлебопашеством и основывать на своих пашнях деревни. Первоначальными насельниками деревень боярских детей, подьячих и духовных лиц были их свойственники и дворовые люди, которых они привозили в Сибирь вместе с собой, а в деревнях казаков, стрельцов, посадских людей и крестьян — их свойственники. Потом население в уезде Тобольском увеличивалось гулящими людьми, но преимущественно ссыльными, которых тобольские воеводы по указу государя раздавали крестьянам, а последние поселяли их в своих деревнях в качестве половников на известный срок по уговору. К 1623 году русские деревни появились на значительном пространстве Тобольского уезда: вверх и вниз по Иртышу, его большим и малым притокам, по дубравам и около озер. По дозорным книгам 1623 года в этом уезде были следующие поселки***.

Колич. дворов

Деревня на Абалаком городище попа Якова	1
Деревня при Куларовском озере попа Андрея	1

Деревни служилых людей от Тобольска вверх по Иртышу и притокам:

Колич. дворов

При Иртыше	
Подчуваши	2

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 45, столб. № 6112/68.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6132/88, л. 512.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., книги №№ 5 и 1207.

Иваново	1
Яковлева	1
братьев Крушинских	1
Булгакова	1
Мординова	1
Дурьининская	3
Выходцева	1
Трошина	1
братьев Измаиловых	1
Сергеева	1
Станиславова	1
Малошкина	1
Сафонова	1
Косовецкого	1
Черного	1
Мельникова	1
Безсонко	1
Поминова	1
При реке Кундуске	
Санникова	1
Денисова	2
Тимофеева	2
Ясыря	2
Сюбы	1
При реке Сибирке	
Черная	1
братьев Выходцевых	1
Котина	2
При реке Туманке	
Аршинского	1
Максимова	2
При реке Плоской	
Ермачкова	1
Измаилова	1
Кобелева	1
Шостока-Дурьини	1

Медлука	1
При озере Шучьем	
Волкова	2
<i>Деревни служилых людей от Тобольника вниз по Иртышу:</i>	
При реке Иртыш	
Любимского	1
Низовского	1
При Кугавском озере	
Чекасова	1
Немчина	1
Гам	1
При реке Подувальной	
Человечкова	1
При озере Лутовинове	
Лутовинова	1
При реке Бобровой	
Байкашина	1
Кречатникова	1
Волчика	1
При реке Сузгунке	
Л. Тьменского	1
И. Тьчинского	1
Ваги	1
Урбатова	1
Кузмина	1
Щоки	1
Яковлева	1
Терентьева	1
Сысоева	2
Митирина	1
Бологова	1
Трушникова	1
Кунгулова	1
При Иштамох. протоке	
Еремеева	1
Ганинова	1
Ушарова	1

Захарова	1
Екбля	1
Полоза	1
При реке Тайменке	
Антонова	1
Шостика-Филипова	2
При реке Аремзянке	
Яновского	2
Киспанова	1
Поднекуни	1
Данилова	1
Шостака-Микитина	1
По Тоболу и притокам	
Дурьни	1
Зыряна	1
Устюжанина	3
Балазина	1
Репина	1
Бубны с товарищи	1
Копылова	2
Дементьева	1
Деульского	1
Поступкова	1
Семейкина	1
<i>Деревни посадских людей</i>	
При старице Иртыша	
Гаврилова	2
Балина	2
При реке Иртыш	
Корякова	1
Шалошникова	1
Балина	1
Худяка	1
При Кугаевском озере	
Рогалева	1
Хворова	1

При Иштаманск. протоке

Дементьева 1

При реке Сузгунке

Котельникова 1

Алексеева 1

Курбатова 1

Некрасова 1

При реке Таймене

Новоселова 2

*Деревни пашенных и оброчных крестьян от Тобольска вверх по Иртышу и притокам.***При реке Иртыш**

Никонова 1

Степанова 2

Токарева 1

Быкова 1

Софонова 4

При реке Мостовой

Ламбина 8

Ермакова 1

На Абалаке

Трезвонова 5

Устинова 2

Яркова 6

На Абалак. городище

Трошкина 2

При реке Кундуске

В. Санникова с братией 14

Сорокопеевника 1

Влжина 1

При реке Сибирке

Черная-Рукосцева 2

Усольца 3

При реке Усе

Н. Полулюва с братией 7

*Деревни лашенных и оброчных крестьян от Тобольска вниз по Иртышу***При реке Тайменке**

Родикорцева 2

Субоярьева	2
При реке Аремзянке	
Максимова	1
При реке Бобровсой	
Ломалева	1
На Черкасском Ерке	
Истомы Беса	1
Юдина	1
<i>По реке Тоболу и притокам:</i>	
На Карачине	
Балахнина	1
Шмшкина	1
При Карачинском озере	
Олупьева	2
Карачино	6
На Долгом яру	
Релина	1
На городище Тобол-Тур	
Смиренного	1
Бурнаша	2
При реке Тобол	
Бабасаны	1
Булаша	2
Паншина	1
Зяблово	1
При реке Чегитке	
Семенова	1
Глазкова	10

Кроме деревень, в Тобольском уезде было два погоста — Преображенский и Рождественский. Первый находился на Абалаке в 20 верстах от Тобольска, в нем было 4 двора причта и 16 дворов посадских, пашенных и оброчных крестьян. Церковь на нем во имя Преображения Господня была приходской для всех деревень, находящихся к югу от города. Второй погост с церковью во имя Рождества Христова лежал при Иртыше вниз от Тобольска в 10 верстах; этот погост состоял из 3 дворов причта и трех дворов пашенных и оброчных крестьян; деревни, находящиеся к северу от Тобольска, а равным образом и те, кото-

рые находились по Тоболу, составляли приход Рождественской церкви.

В вышеуказанных деревнях и двух погостах в первой четверти XVII века было 267 дворов, а взрослого мужского населения — 435 человек. Пашен за ружниками и служилыми людьми было 850 четвертей в поле, за посадскими — 219 четвертей, за оброчными крестьянами — 328, за пашенными — 685 четвертей в поле. Оброчные крестьяне за пользование землей платили вместо обработки десятины в поле: старые и семьянистые — по 15 четвертей ржи, по 11 четвертей овса и по четверти круп, а новоприборные и непрожиточные — по 12 четвертей ржи, по 8 четвертей овса и по четверти круп. Земли пашенных крестьян положены были в выти и составляли 25 вытей по 25 четвертей в поле в каждую выть; за пользование землей они обрабатывали государеву пашню, находившуюся в разных местах Тобольского уезда, за каждую выть по $2\frac{1}{4}$ десятины в поле. Так было до 1623 года, но с этого времени по распоряжению воеводы Сулешова и пашенные крестьяне вышли на оброк и обложены оброчным хлебом, так что все крестьяне в вышеупомянутых деревнях и в городах сделались оброчными. Эта перемена не отразилась на хлебных запасах в царских житницах: «равно прибыли и убыли для государя в том нет», — замечает воевода*. Но для пашенных крестьян такая перемена была выгодна: когда они «сидели на пашне», то должны были пахать государевы десятины и собирать с них жатву ранее, чем со своих пашен, а это иногда вело к тому, что свои десятины осыпались или даже уборка собственной жатвы делалась невозможной вследствие неблагоприятной погоды: бывало и так, что государевы десятины убрали вовремя, а когда приступали к уборке своей жатвы, то начинались уже снежные метели и засыпали последнюю снегом.

Так как земля в Тобольском уезде была среднего качества, то прилив сюда крестьянского населения был довольно слабый: в 1623 году всех крестьян было 129 человек, кроме женщин, детей и свойственников; в 1640 году — 125 человек, а в 1645 году — 149 человек**.

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6202/158, л. 77.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 131, л. 191; кн. № 182, л. 234.

Относительно возникновения разных поселков в Тобольском уезде после 1623 года мы имеем довольно скудный материал, да и тот касается только до основания правительством разных слобод и острожков. Так, в 1635 году основаны были ямские слободы при реке Иртыше — Демьяновская и Самаровская. До того времени ямскую службу между Тобольском, Березовым и Сургутом отправляли инородцы этих уездов, но вследствие их постоянных жалоб на тягость ямской гоньбы правительство решилось устроить два русских яма: один в Демьяновской волости, а другой — «под самаровскими горами» на границе Сургутского уезда. В феврале 1635 года государь указал дьяку Пантелею Гирикову прибрать в поморских городах 100 человек ямщиков с женами и детьми и немедленно отправить их в Сибирь для поселения: 50 человек в Демьяновской волости и 50 — под Самаровскими горами. Прибрать велено людей семьянистых от отцов детей, от братии братью, от дадей племянников, а не из тягла, не из холопей, не из крепостных и не из воров; подмоги велено дать по 5 рублей на пай да подводы до места назначения: семьянистых, у кого 7 и 8 человек в семье, по 4 подводы, у кого 6 человек — по 3, а у кого семья будет сам-третьей или сам-друг, то по 2 подводы. Из отписки дьяка Гирикова видно, что уже в мае этого года было прибрано в разных городах 86 человек, и несомненно, что они в том же году отправлены были в Сибирь, поэтому Миллер несправедливо относит основание вышеупомянутых слобод к 1637 году*. Около того же времени в 50 верстах от Тобольска, при озере Куларовском, возникла слобода Куларовская. Крестьяне, поселившиеся в этой слободе, должны были обрабатывать государеву пашню: в 1640 году их было 14 человек, а в 1645 году — 16 человек, государевой пашни они в этом году обработали 6 десятин в поле**.

Что касается острожков, то в Тобольском уезде в обозреваемом нами периоде построено два — Тарханский и Вагайский; первый был основан около 1628 года при реке Тобол, недалеко от впадения в нее реки Туры, а второй — в 1633 году при реке Вагай, несколько выше устья этой реки. Необходимость основания этих острожков исключительно

* А. М. И. Д. Приказные дела св. 76; «Ежем. соч.», стр. 509.

** А. М. Ю. Сиб. пр., книга № 131, л. 192; № 182, л. 250.

вызывалась стратегическими целями. Мы выше упоминали, что с 1626 года усиливаются нападения «Кучумовых внучат» и их союзников калмыков и ногайцев на Тобольский и Тюменский уезды. Дороги, на которых эти враги предпринимали свои набеги на русские поселения, лежали, между прочим, по рекам Тоболу и Вагаю. Это заставило правительство на упомянутых дорогах построить острожки: один для наблюдения за тобольской дорогой, другой — за вагайской. Но и Тарханский, и Вагайский острожки, подобно тому, как Каурдашский, Тобендинский и Ишимский в Тарском уезде, в обозреваемый нами период не имели постоянного населения, а только на летнее время сюда присылались из Тобольска десятка по два или по три и более, «смотря по вестям», казаков и стрельцов. Вагайский острожек недолго существовал на указанном месте. Скоро оказалось, что он не в состоянии наблюдать за калмыцкой дорогой через Вагай и что калмыкам легко обойти этот острожек при вторжении в Тобольский уезд; показания тобольских служилых людей не оставляли в том никакого сомнения. В 1636 году они говорили тобольскому воеводе: «Поставлен-де тот Вагайский острожек не у места, от большой дороги и от калмыцкой дороги в стороне. И как-де они ходят из Тобольска в поход против калмыков или в посланниках к последним, то идут прямой дорогой на урочище Атбаш²⁵ и Вагайский острожек и вагайских служилых людей совсем не видят, а равным образом, если и воинские люди пойдут той же дорогой на Тобольский уезд, то они незаметно для вагайских служилых людей могут вторгнуться в Куларовскую слободу и русские деревни, и татарские юрты...». Вследствие таких показаний тобольский воевода Михаил Ростовский в том же году велел боярскому сыну Толбузину перенести Вагайский острожек на новое место, именно на урочище Атбаш, которое также находилось при реке Вагай, но только на несколько верст выше Вагайского острожка.

Донося об этом в Москву, тобольский воевода указывал на следующие стратегические преимущества нового острожка пред прежним Вагайским. «Урочище Атбаш, — писал он, — лежит на прямой калмыцкой дороге, которая из-за реки Ишима идет чрез Ашлыцкие юрты и чрез Вагай на Атбаш-

кое урочище, а к этому последнему месту прилегли с одной стороны крепкие леса, а с другой — непроходимые болота, простирающиеся вверх по Вагаю верст на 90; сухого места между рекой Вагаем и болотами только сажен на 12, и этим-то местом проходят калмыцкие воинские люди, а обойти оное совершенно невозможно». Как видно из этого донесения, тобольский воевода не сомневался, что с постройкой русского острожка на том сухом месте вагайская дорога для калмыцких воинских людей будет окончательно заперта*.

Кроме правительства и частных лиц, в заселении Тобольского уезда принимали деятельное участие Тобольский монастырь и «дом св. Софии Пр. Божией», или сибирские архиепископы.

Мужской тобольский монастырь, кажется, начал заниматься хлебопашеством только с того времени, когда из-за Иртыша перенесен был на гору за Тобольский острог и стал называться Успенский. Это видно из того, что первая записка земли этим монастырем относится к 1612 году. В этом году «били челом боярем и всей земли с первоначальна строитель с братиею и того монастыря вкладчики тобольского города и иных сибирских городов, которые служили под Москвою и всякую нужу терпели с бояры и со князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким с товарищи, тобольского города атаман Дурыня с товарищи, чтоб их бояры пожаловали для их старости за их службы и за раны, где б при смертном часу головы свои приклонить к монастырю, а на прокормление били челом о пустом займище о реке Вагае по обе стороны и со всеми угодья и с озера и о Бегишевых горах и с озером Бегишевым и с сеньями покосы и с островом. И государевы бояра пожаловали по их челобитью монастырю пустое займище от города верст с 50 и больше, реку Вагай по обе стороны и вверх по Вагаю, и со сторонами речками, кои паки в Вагай, да Бегишевы горы с Бегишевым озером и с островом и с речкою Лиственною...»**.

Это боярское пожалование впоследствии, именно в 1623 году, утверждено за монастырем грамотой Михаила Федоровича, и вместе с тем монастырские крестьяне

* А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6111/67, л. 137—149.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 644/400, л. 2 и 3.

освобождены от всяких казенных повинностей и податей. Таким образом, Успенский монастырь сразу сделался обладателем громадного количества земли да еще получил очень важную привилегию, которая давала ему легкую возможность привлечь на свое займище крестьян.

Чтобы округлить свою вагайскую вотчину, приобрести некоторые соседние угодья, которые были уже заняты или русскими людьми, или татарами, монастырь не стеснялся в средствах; например, под Бегишевыми горами находились татарские юрты и пашни, монахи вытеснили их оттуда, и земля, которую пахали татары, и сенные их покосы отмежеваны были к монастырской вотчине; на самой реке Вагай находился Вагайский остров, а около — Вагайское озеро, которые были во владении Саввы Французанина, но монахи добивались того, что этот владелец все эти урочища и в том числе пашни с посеянным хлебом отдал в монастырь за помин души; постройки же, бывшие на тех землях: две избы, конюшня, каретник, житницу и баню — продал тому же монастырю за 40 рублей; наконец, между устьем Вагая и государевыми пашнями (где Кураловская слобода) монастырь купил у пашенного крестьянина Рукоспева Куларовское озеро (5 верст длины и 200 сажен ширины) и пашню, которая от монастырской земли в одну сторону простиралась до речки Духовой, а в другую — до Ермаковой перекопи*.

После каждого приобретения тем или иным путем монахи били челом Михаилу Федоровичу об утверждении их во владении и при этом слезно молили, чтоб государь не отказал пожаловать «Обитель Успения Пресвятой Богородицы», или (с 1622 г.) «обитель Знамения Пресвятой Богородицы», чтобы «было чем кормиться и им нищим не умереть с голоду, и не разбрестись врозь, и монастырь не запустел бы...».

Эти «нищие государевы богомольцы», которых в Успенском монастыре в 1621 году было около 10 человек, как увидим сейчас, с одной своей вагайской вотчины могли не только кормиться, но и богато жить по тому времени.

По дозору Максима Трубчанинова в 1621 году в вагайской вотчине за Успенским монастырем была деревня при

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 151, л. 55 и др.

устье реки Вагай, состоящая из 6 дворов, в которых жило 9 семейств монастырских половников. Они обрабатывали земли 29 четвертей в поле да сена косили 1900 копен*. В то же время и на Бегишевых горах, и на реке Березовке, впадающей в Иртыш, и на купленных землях у Рукосцева и у Саввы Французжанина появляются монастырские дворы с половниками и оброчными бобылями. Монахи призывали на свои пашни не только гулящих людей, бывших в Сибири, но и посылали агентов на Русь «для прибора» крестьян. Благодаря этим заботам и льготам, которыми пользовались монастырские крестьяне, к 1642 году за Знаменским монастырем было на Бегишевых горах около озера 8 дворов с 27 крестьянами, за Вагаем — 4 двора с 9 крестьянами, на реке Березовке и по Кударовскому увалу — 20 дворов с 49 крестьянами. Всего в вагайской вотчине на купленных и пожалованных землях, включая и вышеупомянутую деревню (впоследствии село Богословское), по дозору Аршинского в 1642 году было: «дворец» монастырский, в котором жили наемные люди, и 60 дворов половничьих и бобыльских с 133 крестьянами. Пашни они обрабатывали 276 четвертей в поле, перелогу имели 682 четверти в поле и сенокосов на 14600 копен**.

Кроме того, тобольский монастырь и в других местах Тобольского уезда имел пашни и деревни то купленные, то вкладные. Еще в дозорной книге Трубочанинова 1621 года упоминаются за этим монастырем: а) деревня против старого сибирского городища, б) деревня Ивановская по речке Шанталыку, в) деревня на реке Иртыше Шангинская, г) деревня Якимовская на реке Кундуске и, наконец, заимка против города. По дозору же Богдана Аршинского 1642 года, кроме этих деревень, монастырю принадлежали: д) деревня Юрлова-Третьякова на правой стороне реки Шилей, е) деревня над речкой Сузгушкой, ж) деревня Олешкинская, з) деревня Шестакова-Шапошникова, и) деревня Пятская над озером Евтезереем²⁶, к) деревня на озере Кугаеве. Во всех этих десяти деревнях и в заимке в 1642 году было 27 дворов с 52 половниками и бобыльками, которые обрабатывали земли 170 четвертей в поле***.

* Ibid, лл. 44 и 45.

** Ibid, л. 100.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 151. См. дозорные книги Трубч. и Аршин.

Что же касается тобольского девичьего Успенского монастыря, то последний не имел никаких вотчин. Хотя вагайские земли и были пожалованы еще Успенскому монастырю и складчики давали свои деревни и пашни «Успению Пресвятой Богородицы и Николаю Чудотворцу», но после того, как Киприан «развел» старцев и стариц, первые, поселившись в наменском монастыре, не оставили девичьему монастырю ни пядь земли и ни одного крестьянина. Впоследствии, именно в 1653 году, архиепископ Симеон писал государю в челобитной, что «старницы девичьего монастыря 80 и больше питаются Христовым именем меж дворами», и просил о даче им земли*. Между тем к этому времени у старцев хозяйство увеличилось почти вдвое против переписи 1642 года, то есть за тобольским мужским монастырем почти вдвое более было крестьян, и последние вдвое более возделывали земли.

Зато дом Софии Пр. Божией в своей хозяйственной деятельности не только не уступал Знаменскому монастырю, но и значительно превосходил последний: в течение каких-нибудь 20 лет после своего основания он приобрел массу земли и устроил ни слободы и несколько деревень. Начало поземельной собственности и заселения ее крестьянами положил Киприан. Еще в Москве Михаил Федорович пожаловал первого Сибирского архиепископа с его дворовыми людьми и церковным причтом хлебом и денежным жалованием. Тобольскому воеводе велено было давать Киприану ежегодно разного хлеба 1236 четвертей с осипной, меду 60 пудов, вина горячего 100 ведер и денег 609 р. 65 к. Несмотря на эту значительную «ругу»²¹, Киприан по приезде в Сибирь решил заняться земледелием, и сразу в довольно широких размерах. Из Тобольска уже в 1622 году он был челом государю: «Велено мне быть в Сибири в Тобольском городе у Софии Пр. Божией, а вотчин и крестьян, и бобылей у государева богомоля нет... вели, государь, призывать охочих вольных людей с Руси и которые живут в Сибири...». Кроме того, челобитчик просил пожаловать ему луг за Иртышом да пахотной земли за речкой Курдюмкой, где была прежде государева пашня. Михаил Федорович пожаловал, и по его указу тобольский воевода отвел софийскому дому сениных покосов на 400 копен, а пахотной земли — 53 четверти в поле²². Но еще ранее, именно

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 400.

²¹ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6618/573, л. 3—5.

в 1621 году, тот же архиепископ сделал заимку в Тюменском уезде при устье реки Ницы и поселил на ней тех 8 семейств крестьян, которых он вывез из Руси. Это было начало Усть-Ницынской слободы. По первому его челобитью там отведено в дом Софии Пр. Божией сто десятин пахотной земли и сенных покосов на 400 копен, а по второму — еще столько же того и другого. Но в 1623 году Киприан опять бил челом государю, что ему, государеву богомольцу, дано при устье Ницы 200 десятин в одном поле, и государь пожаловал бы, велел бы отвести еще два поля по 200 десятин. И государь пожаловал!* Да тюменский посадский человек «дал вкладу в дом Софии Пр. Божией свою пашню 17 десятин, двор и сеньные покосы, находящиеся около Усть-Ницынской слободы».

В то же время Тобольский архиепископ разным путем увеличил и пожалованную курдюмовскую вотчину. Так как последняя с разных сторон граничила с пашнями некоторых тобольских жителей, то он постарался приобрести эти пашни, чтобы округлить упомянутую вотчину: одни пожертвовали свои пашни в дом Софии Пр. Божией, а другие продали. Так что ко времени отъезда Киприана из Тобольска под этой вотчиной находилось 177 четвертей пахотной земли, много сенных покосов и разных угодий. Кроме того, Киприан основал недалеко от города четыре деревни и поселил в них крестьян. По переписи, произведенной в 1625 году, т.е. пред вступлением на архиепископскую кафедру Макария, за домом Софии Пр. Божией были следующие деревни:

1. Деревня Камарица на реке Бобровка, а в ней жильцов 7 человек крестьян.
2. Деревня Матвеевская (что дал вклад боярин Матвей Годунов) над речкой Тайменкой, а в ней один крестьянин.
3. Деревня Киселевская (что дал Кисель) на реке Сузгунке, а в ней два крестьянина, из которых у одного два взрослых сына.
4. Деревня Безсоновская в Сузгуне над речкой Тайменкой, а в ней один крестьянин.

В этих деревнях пахотной земли было 44 четверти в поле да перелогу 188 четвертей**.

* А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477. См. грамоты Михаила Федоровича к верхогурскому воеводе Федору Пушкину и голове Неудаче Молчанову.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 7, л. 161. См. «Список с переписных книг вотчин тобольского и сибир. архиепископа в 1625 г.», а также Разб. столб. № 314.

Мы выше упоминали, что Киприан в 1621 году положил начало Усть-Ницынской слободе, эта слобода начала быстро заселяться благодаря церкви, основанной там в 1622 году. По вышеупомянутой переписи в этой слободе в 1625 году было 22 семейства крестьян, которые в том году сеяли ржи 56 десятин и разного ярового хлеба 65 десятин, а собрали всего хлеба 1406 копен*. Почти одновременно с Усть-Ницынской слободой Киприан основал и слободу Тавдинскую. В 1622 году он бил челом Михаилу Федоровичу о пожаловании в дом Софии Пр. Божией отъезжей пашни между реками Тавдой и Тоболом по обе стороны, именно просил «остров займище царя Кучума»**.

Из описания дозорщика Полутого (1623 г.) видно, что это займище находилось по реке Тавде там, где с восточной стороны в эту реку впадала речка Бизик, а с западной — речка Ангирка; на последней в то время было татарское городище. Государь и в этой просьбе не отказал Киприану. Несмотря на то, что почва здесь была мало плодородная, крестьяне, как видно, охотно заселяли новое займище дома Софии Пр. Божией. По переписи 1625 года в Тавдинской слободе было уже 16 дворов, а людей в них 22 человека. Переписчик замечает, что крестьяне сеют хлеба мало — всего 17 десятин, но он же указывает, что недалеко от слободы находятся «Тихая Тавда и старая прорва Тавды», где крестьяне имеют рыбные ловли. Эти-то уголья, вероятно, и привлекли крестьян в новую архиепископскую слободу***.

Таким образом, хозяйственная деятельность первого Тобольского архиепископа имела значительный успех: своему преемнику он оставил громадное количество земли, 68 крестьян, помимо дворовых людей, и 133 «кабальных записей в деньгах и хлебе». Макарий по своему приезде в Тобольск взыскал по этим кабалам довольно крупную по тому времени денежную сумму — 1405 рублей и 211 четвертей разного хлеба****. Второй Сибирский архиепископ далеко не был таким хозяином, как его предшественник. Хотя он пробыл на кафедре более десяти лет, но хозяйство софийского дома при нем не особенно

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 7. См. переписную книгу Толбузина.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6618/573, л. 10.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 315.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 7, л. 76 и др.

расширилось, как можно было бы ожидать. Ему уже не было надобности увеличивать поземельную собственность, которой и без того было слишком много, а все его хозяйственные заботы должны были клониться к усилению рабочих рук в софийском хозяйстве. Полученная им денежная сумма по кабалам давала для этого достаточные средства. Между тем при нем вышеупомянутые четыре деревни, основанные Киприаном, совершенно запустели, и крестьяне разбрелись. Он успел основать только одну новую деревню — на «старой Сибири», да и то только с одним крестьянским двором. В Тавдянской слободе при нем прибавилось только два крестьянина. Но Усть-Ницынская слобода обязана этому архиепископу увеличением своих жителей на 32 человека. Кроме того, Макарий приобрел в доме Софии Пр. Божией оброчных крестьян: в Тюмени 16 и 17 — в Тобольске, да при нем же за софийский дом заложилась 14 посадских людей: 6 — в Туринске и 8 — в Тобольске. Всего он оставил своему преемнику Нектарии 91 четверть пашенных крестьян, 33 оброчных и 14 закладчиков из посадских людей, да дворовых старцев, детей боярских, пельчих, дыжков и подъяков и всяких деловых людей 70 человек, а также много денег, хлебных и других запасов и скота*. Этот архиепископ и умер в Сибири. Между другими архиепископами он резко выделяется, между прочим, тем, что не любил докучать царю челобитными; в то время как другие ежегодно, а иногда в год по несколько раз писали слезные прошения царю то об увеличении денежного и хлебного жалования, то об увеличении поземельной собственности софийского дома; от Макария мы не встретили ни одной подобной просительной челобитной. Зато последующие сибирские архиепископы, Нектарий и Герасим, отличались необыкновенной страстью к стяжанию — страстью, доходившей до алчности. Нектарий прибыл в Тобольск в 1636 году. Ему сейчас же была вручена перепись Веревкина вотчины, крестьян и вообще движимого и недвижимого имущества дома Софии Пр. Божией. Из нее он увидел, что крестьяне четырех деревень архиепископских «разбрелись неизвестно куда». Вследствие этого первой его хозяйственной заботой было отыскать беглецов и посадить их на прежние места; заботы его увенчались полнейшим успехом — с его приезда опять начинают свое существование упомянутые деревни. Вместе с тем он начал

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 326.

призывать в софийские деревни новых крестьян, обещая им льготы и подмогу; на его призыв, как увидим, откликнулись очень многие: одни садились на пашни, другие на оброк, некоторые записывались в софийские закладчики. Но в то время, как хозяйственная деятельность Нектария шла так успешно, правительство наносило ему один удар за другим. Прежде всего денежное жалование софийскому дому было уменьшено до половины: вместо 609 р. 65 к. велено давать только 321 р. 65 к. Затем в 1638 году прислан указ тобольскому воеводе, чтобы со следующего года давать софийскому дому вместо хлебного жалования деньгами, а с 1642 года совсем прекратить хлебную руту. Этот указ велено показать Нектария, «чтобы он вперед на государево хлебное жалование не надеялся и строился своею пашнею»^{*}. Но, вероятно, Нектарий знал, что эти распоряжения исходят не столько от царя, сколько от правителей Сибирского приказа, знал, что религиознейший Михаил Федорович не может так обижать дом Софии Пр. Божией. Поэтому немедленно же одно за другим послал к царю два слезных прошения. В одном из них он бил челом, что ему строить свою пашню нечем, «пашенных крестьяншек и бобыльков за софийским домом мало». Но так как в Москве из переписи Веревкина^{**} знали, что и земли, и крестьян у архиепископа достаточно, то Нектарий в своей челобитной жаловался, «что в этой переписи пашенные крестьяне писаны вдвое, отцы с детьми, а дети малы и не пашут, с Ницязской и Тавадинской слобод идет хлеб невеликий, а оброчные дают в софийскую казну только по 50 коп. в год»^{***}. В другом прошении Нектарий писал: «Ныне (1639 г.) государь, мне богомольцу твоему и софийским соборянам и дворовым людям дают за твое государево жалование за хлеб деньгами за четверть ржи по полтине, а на торгу, государь, твою казенную четверть (4 меры) покупают по 1 р. 25 к. и против, государь, торговой цены дают менее половины», между тем софийские соборяне и дворовые люди постоянно жалуются ему, что они, «покупая хлеб дорогой ценой, в конец погибли и одолжали великими долгами». Затем архиепископ просил, чтобы давали в дом Софии Пр. Божией хлебную руту по-прежнему

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 314.

** *Примеч.* Обыкновенно писалось три экземпляра верхних и доорных книг, из которых один отсылался в Москву, в Сибирский приказ, другой оставался в слезной избе, а третий вручался архиепископу.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 324.

му хлебом, а не деньгами. В заключение челобитной читаем обыкновенный жалобный припев сибирских архиепископов: «Государь, смилуйся, пожалуй, чтоб от хлебной скудости нам, нищим твоим богомольцам, в конец не погибнуть и врозь не разбрестись и твое царское богомолье без службы не было бы»*. Михаил Федорович не мог устоять против такой челобитной и велел снова давать софийскому дому хлебную ругу, впрочем, только до 1642 года. Теперь посмотрим, насколько справедливы эти жалобы Нектария на нищету софийского дома. Может быть, и в самом деле «государевы богомольцы дальней сибирской вотчины», несмотря на их громадную поземельную собственность и достаточное количество крестьян, бедствовали и терпели нужду в самом необходимом? Совершенно справедливо, что хлеб в Сибири в 1639 году значительно поднялся в цене благодаря неурожаю в этом году, справедливо и то, что воеводы, выдавая софийскому дому хлебную ругу деньгами, обсчитывали ружников в свою пользу: воеводам указано «давать деньгами по прямой сибирской торговой цене, какой ценой в котором году учнут хлеб на торгу покупать», а они давали за четверть только по 50 коп. вместо 1 р. 25 к. Но дело в том, что софийскому дому не было никакой надобности обращаться за покупкой хлеба к торговым людям: в его житницах всегда находились громадные запасы хлеба, а в погребах и кладовых было в изобилии всяких пивий и яств. Данные об этих запасах столь интересны, что мы считаем нужным выписать здесь оные из переписных книг.

В 1636 году в софийском доме были следующие запасы: разного хлеба — 39100 пудов, масла коровьего — 65, соли — 418, меду пресного — 132, хмеля — 19, вина горячего — 236 ведер, меду кислого — 79 ведер, пива простого — 224 ведра, пива поддельного — 35 ведер, вина церковного — 13 ведер, романин красной — $\frac{1}{4}$ ведра, уксуса — 20 ведер, масла конопляного — 6 ведер, масла орехового — $\frac{1}{4}$ ведра, воска — 6 пудов, жира рыбьего — 10 фунтов, лимонов — 110 штук.

В сушилах: осетра — 202 штуки, стерляди — 163, нельмы — 243, щуки — 260, семги — 7, икры черной — $\frac{1}{4}$ пуда.

Просольной рыбы: щуки — 1343 штуки, нельмы — 50, стерляди — 120, язя — 301, окуня — 140, осетра — 17 штук.

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 326.

Добавим к этому, что у софийского дома было в это же время 32 рабочие лошади и множество рогатого скота*. Для каждого очевидно, что этим одним запасом «нищие богомольцы», которых с деловыми людьми в 1636 году было 70 человек, могли не только прокормить себя, но вместе с тем в течение двух лет могли кормить всю армию Ермака, с которой он завоевал Сибирское царство. Трудно предположить, чтобы при таких запасах можно было этим богомольцам голодать или чтобы они действительно имели намерение «брести врозь». Не ведь это только запасы, остатки от ежегодных приходов. В том же году они должны были получить из казны хлеба 6180 пудов, меду 60 пудов, вина горячего 100 ведер, за рыбные ловли 110 р. 13 к., денежного жалованья — 321 р. 65 к. Несправедливо также жаловался архиепископ Нектарий, что с вотчин софийского дома «идет невеликий хлеб». Из переписных книг Веревкина видно, что в 1636 году с одной Ницынской слободы привезено в Тобольск в софийские житницы разного хлеба 4535 пудов**. Таковы были средства софийского дома до вступления Нектария на сибирскую кафедру. Но при нем эти средства должны были значительно увеличиться: каждый год селились на софийских вотчинах новые крестьяне, и, значит, каждый год усиливалось хлебопашество, а вместе с тем и количество «пятинного хлеба», собираемого софийскими выдельщиками, все более и более увеличивалось. По переписи, произведенной после оставления Нектарием сибирской архиепископской кафедры, т.е. в 1640 году, за софийским домом числилось крестьян: в деревнях Комарицкой, Матвеевской, Киселевской и Безсоновской — 58 человек, в Ницынской слободе — 182 человека, в Тавдинской — 79 человек, да бобылей в Тобольске, Тюмени, Туринске и Верхотурье — 111 человек, всего 427 человек взрослого мужского пола***, тогда как Нектарий унаследовал от Макария только 138 человек. Кроме того, своему преемнику, архиепископу Герасиму, он оставил разного хлеба 18125 пудов, ссудных и заемных кабал и памятей — 756, денег по этим кабалам — 1906 р. 26 к., хлеба — 11323 пуда, 61 лошадь да массу рогатого скота и

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 70.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 74.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., табл. ст. № 314.

всяких съестных припасов и питий*. Помимо всего этого, с казны заемного хлеба Герасим имел получить 1500 четвертей ржи и 500 четвертей овса.

Казалось бы после этого, что преемнику Нектария уже невозможно будет жаловаться на нищету софийского дома, а на самом деле было далеко не так.

Архиепископ Герасим выехал из Москвы не с пустыми руками: ему дали взаймы из государевой и патриаршей казны 200 бархатов на сумму 69 р. 78 к. и 1000 рублей деньгами. Но по приезде в Тобольск Герасим немедленно отправил к царю челобитную, в которой, жалуясь на нищету софийского дома, просил те заемные деньги зачесть за хлеб, который взят взаймы казной при архиепископе Нектарии. Михаил Федорович пожаловал. В то же время этот государь послал тобольскому воеводе указ, чтобы с 1642 года хлебной руги не давать софийскому дому, а пусть архиепископ «строится своею пашнею». Это первая неприятность для Герасима, а другая заключалась в следующем. Еще в конце 1639 года туринские посадские и пашенные крестьяне били челом государю, «что в Туринском остроге и в Туринском уезде живут на государевой земле архиепископские закладчики — 6 человек с женами и детьми, пахут на себя пашню, косят сено, а государевых людей теснят и со своих дворов и пашен денежного оброка и выделного хлеба в государеву казну не платят». В заключение челобитчики просили, чтобы эти закладчики «тянули» вместе с ними всякие государевы подати. В ответ на эту челобитную из Москвы в 1640 году прислан туринскому воеводе указ, которым велено тех закладчиков отписать на государя, и впредь тем, которые живут в посадах, ничьими закладчиками не называться. Вероятно, узнав об этом решении, и тобольские посадские люди жаловались на 14 человек софийских закладчиков, что последние живут в Тобольске на государевой земле, торгуют в своих лавках и на площади, промышляют всякими промыслами, а с ними, посадскими людьми, никаких государевых служб не служат и оброка в казну не платят, и затем тобольские челобитчики просили того же, что и туринские**. Из этих челобитных,

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 311.

** А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 315.

между прочим, видно, что положение архиепископских закладчиков было очень выгодное: заплативши в дом Софии Пр. Вожией небольшой оброк (50 к. или 1 р.), они уже были свободны от всяких казенных податей и повинностей. Однако не всегда было так, не все архиепископы довольствовались от своих закладчиков одним этим obroком. Те же тобольские архиепископские закладчики, 14 человек, о которых упоминается в челобитной посадских людей, в конце 1640 года подали Михаилу Федоровичу на Герасима следующую жалобу. Упомянув в ней о том, что «одни из них заложились за Макария, а другие за Нектария, чтобы они заступались за них во всяких обидах», челобитчики пишут: «Се ныне стало невозможным жить за архиепископом, притеснения и налоги великие как от самого архиепископа, так и его дворовых людей; детей наших берут насильно замуж за своих пашенных крестьян, а за твоих государевых людей отдавать не велют, накладывают на нас, сирот, налоги не в меру, заставляют насильно пахать свои пашни, архиепископ торговать не велит и из Тобольска не пускает, а мы люди торговые, а не пашенные... и от тех притеснений, государь, один из нашей братии сбежал, бросив жену и детей, другой, Михалко огородник, от его мученья удавился, а одного закладчика жена удавилась от того же архиепископского мученья...». В заключение этой жалобы закладчики просили жить за государем и вместе с посадскими людьми «тянуть» службу и тягло*.

Комментарии к этой челобитной излишни. По поводу нее можно только вспомнить некоторых крепостников-помещиков XVIII века вроде знаменитой Салтычихи. Что в этой челобитной нет преувеличений, мы не сомневаемся: только жестокие притеснения этого «нищего государева богомольца» могли заставить закладчиков желать изменения своего положения, потому что вообще закладчикам и крестьянам как в Европейской России, так и в Сибири за софийским домом и за монастырями жилось лучше, чем за государем.

Вследствие этой челобитной в 1641 году прислан тобольскому воеводе указ, которым велено взять тех закладчиков в посад и быть им за государем, и вместе с посадскими людьми платить казенные подати и служить всякие служ-

* А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6132/88, л. 527.

бы. Таким образом, софийский дом при Герасиме лишился 20 закладчиков. Это подало повод Сибирскому архиепископу послать Михаилу Федоровичу одну за другой две слезные челобитные, каковые писал его предшественник Нектарий. В одной из них Герасим писал, что ему и его дворовым людям с 1642 года не указано давать хлебного жалования, а велено заводить свои пашни, но ему заводить пашни некем и нечем, так как у него взято в Тобольск шесть человек. Государь смиловался и велел выдавать софийскому дому хлебную ругу и после 1642 года в течение трех лет. В другой челобитной Герасим просил, чтобы государь возвратил в дом Софии Пр. Божией вышеупомянутых туринских и тобольских закладчиков, «чтоб софийская домовая пашня не залегла, дом Софии Пр. Божией не оскудел, и чтобы дворовые люди от голода не разбрелись врозь». Чем кончилось дело о закладных, мы не знаем. В одном докладе, поданном Алексею Михайловичу по этому поводу, сказано: «велено тех закладчиков взять на государя, но взяты ль, того неизвестно»*. Вообще религиозный Михаил Федорович слишком снисходительно относился к своим сибирским богомольцам и, если иногда издавал указы, запрещающие софийскому дому увеличивать число крестьян и количество поземельной собственности, то по первой же челобитной Сибирского архиепископа немедленно изменял оные. Это мы видели из вышесказанного, а еще очевиднее будет то же самое, если мы обратимся к хозяйственной деятельности архиепископа Герасима. В 1641 году тюменского Преображенского монастыря черный поп с братией дали вклад в дом Софии Пр. Божией — свою займку, находящуюся в Тюменском уезде по нижнему течению Туры, за Щучьим озером и за речкой Терентьевой, впадающей в Туру, — займку на 150 десятин пахотной земли и на 500 копен севных покосов. По распоряжению тобольского воеводы эти земли были отведены софийскому дому и записаны в книги. Тогда Герасим бил челом государю об утверждении в правах владения той займкой. Но в Москве посмотрели на эту уступку иначе, чем тобольский воевода. Государь, выслушав о ней доклад, решил, что Герасим «то делает не по делу, что хочет иметь в софийской дом монастырские зем-

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 314 и 315.

ли — вклад, ему владеть теми землями, какими владели прежние архиепископы, а до монастырских земель ему нет никакого дела». На основании этого решения послана (в 1643 г.) тобольскому воеводе грамота, чтобы он ни под каким видом не отдавал вышеупомянутых земель в дом Софии Пр. Божией и впредь «смотрел бы накрепко, чтобы никто никаких земель архиепископу вновь не давал, и архиепископ бы ничьих земель вновь не захватывал». Очевидно, правительство поняло, что софийским домом просто овладела страсть к стяжанию, к увеличению земель без всякой надобности, ибо и без этой заимки за домом Софии Пр. Божией числилось по переписным книгам громадное количество поземельной собственности — несколько тысяч четей. Это первый указ, ограничивающий страсть к стяжанию сибирских архиепископов. Но это ограничение, как мы сейчас увидим, было только на бумаге, а не на деле.

Вероятно, Герасим предвидел подобный исход дела в Москве и, не ожидая оного, постарался разными средствами укрепить за софийским домом право владения вкладом тюменского монастыря: в 1642 году он поселил на тех землях 20 семейств софийских богомыльков, построил острожек и церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Узнав же о царской грамоте, Герасим немедленно, именно в августе 1643 года, послал Михаилу Федоровичу челобитную, в которой, ссылаясь на поселение в новом селе крестьян и на постройку там «государева богомылья», просил дать грамоту за красной печатью, чтоб та земля была крепка за софийским домом. Вместе с тем в той же челобитной Герасим просил, чтобы и на будущее время государь велел отводить в дом Софии Пр. Божией те земли, какие он прищел, так как прежней земли за софийским домом мало и его дворовым людям хлеба пахать негде. И что же? Михаил Федорович пожаловал и указал (1643 года, окт.) тобольскому воеводе не отнимать у софийских богомыльцев уступленных тюменским монастырем земель, потому что там уже стоит «государево богомылье храм Покрова Пресвятой Богородицы»*. Таково было начало и таковы были обстоятельства, сопровождавшие основание на левом берегу Туры, недалеко от впадения этой реки в Тобол, слободы Покровской.

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 314.

Несмотря на царское запрещение софийскому дому впредь не увеличивать земель «ни которыми делы», под Покровскую слободу отведен новый значительный кусок земли. В 1644 году архиепископ Герасим бил челом государю, что с 1645 года государеву богомолью — софийскому дому — не велено давать хлебного жалованья, и он, архиепископ, теперь заводит пашню, чем бы ему и его дворовым людям прокормиться и не умереть с голоду, а под Покровским селом уступленной тюменским монастырем земли мало и новых крестьян посадить негде. Владетие этого Герасим просил отвести к этому селу земли и сениые покосы, которые лежат вниз по Тоболу, по речке Усалке и по речке Иске по обе стороны. Государь пожаловал. Но в то же время (дек. 1644 г.) тобольскому воеводе послана подтверждающая грамота, чтобы впредь в софийский дом и в сибирские монастыри ни русские, ни татары, ни остяки никаких земель, сениых покосов и угодий не давали, а какие земли после этого указа найдутся за Сибирским архиепископом или за сибирскими монастырями городов тобольского разряда, то отбирать на государя бесповоротно и безденежно, и чтобы тобольский воевода и другие воеводы смотрели за этим «крепко накрепко». Однако Герасим несколько не смутился подобным указом: он привык уже считать такие запрещения мертвой буквой и знал, что челобитная от «софийского государева богомолья» сильнее указов. В следующем году, едва только Алексей Михайлович вступил на престол, как Герасим бил ему челом, что земля Усть-Ницынской слободы выпалась, а смежная с нею земля за рекой Мостовой около 300 десятин пустая и в дачах ни за кем не была, и просил отвести в дом Софии Пр. Божией эту землю. И государь пожаловал и в то же время послал указ, чтобы впредь и т.д.*.

Этим мы пока окончим обозрение хозяйственной деятельности тобольского Знаменского монастыря и тобольского архиепископского дома. Следствием этой деятельности было, как мы видели, основание слобод Усть-Ницынской и Покровской в Тюменском уезде, слободы Тавдинской, села Богословского и нескольких деревень в уезде Тобольском. Во всех этих поселках к концу царствования Михаила Федоровича находилось до 650 человек взрослого

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 314, 315, 324 и 326.

мужского населения, а количество земли за монастырем и за домом Софии Пр. Божией в это время можно считать уже тысячами десятин. Судя по краткости времени, в которое основаны и заселены вышеупомянутые поселки, мы должны признать, что тобольский монастырь и софийский дом были очень энергичными факторами в истории заселения Сибири. Правительство уже вступает в борьбу с ними: ограничивает их право относительно увеличения земельной собственности и крестьян, приказывает воеводам отбирать от монастыря и софийского дома лишние земли и лишних крестьян на государя бесповоротно и безденежно. Но, как мы увидим в другой части нашего исследования, и при этих условиях монастырь и софийский дом делают новые заимки, увеличивают год от года число крестьян и находят средства укреплять за собой противозаконные приобретения.

Всего русского населения в Тобольске и его уезде в конце царствования Михаила Федоровича было до 2330 семейств, а инородческого населения в то же время было около 1300 семейств.

В заключение этой главы сообщим сведения о казенных денежных и хлебных доходах по городу Тобольску. До 1623 года количество местного хлеба, собираемого в тобольские царские житницы, было незначительно, оным и пятой доли не покрывалось местных расходов. Воевода Сулешов несколько увеличил этот сбор: прибавил на пашенных крестьян государевой пашни, на оброчных крестьян — оброчного хлеба, обложил «пятинным снопом» пашню ружников и посадских людей и «десятинным снопом» пашни тех служилых людей, которые получали из казны полные оклады хлебного жалованья. Но почва в Тобольском уезде не отличалась плодородием: средний урожай озимого — сам $4\frac{1}{2}$, а ярового — сам 3. Поэтому, несмотря на то, что со времени Сулешова сбор хлеба увеличился, его все-таки далеко не хватало для покрытия расходов. Например, в 1628 году всего собрано разного хлеба 2330 четвертей, а израсходовано 6527 четвертей*. С 1633 года расход хлеба значительно увеличился вследствие того, что число служилых людей в Тобольске увеличилось на 500 человек, а между тем хлебного сбора против 1628 года прибавилось в царских житницах,

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6063/19; кн. № 27.

сравнительно с расходом, небольшое количество — всего около 700 четвертей. В конце царствования Михаила Федоровича расход хлеба превосходил доход приблизительно на 7000 четвертей. Далеко не в таком отношении в Тобольске находились денежные доходы к денежным же расходам: тобольские «сметные книги денежных доходов» не только заканчивались без дефицита, но ежегодно отмечался в них значительный излишек, и этот излишек постоянно возрастал. Так, в 1624 году всяких денежных доходов собрано 5780 р. 24 к., в 1625 году — 6581 рубль, а в следующем году — 6635 рублей. Считаем, однако, нужным заметить, что эти суммы показывают только «окладные денежные доходы верного бранья», а были еще неокладные, или, по нашему выражению, чрезвычайные доходы. Например, в 1625 году «продано 15 лошадей, которыми ударили челом государю калмыцкие послы разных тайш» за 48 р. 52 к., в том же году продано мяткой рухляди (брак, который не отсылался в Москву) на 110 рублей. Между тем как окладных и неокладных расходов ежегодно выходило не более 5500 рублей.

Главная статья денежных доходов — это сборы таможенной и проезжей пошлин с торговых людей: в 1625 году первой пошлины взято 4198 р. 91 к., а второй в том же году — 713 р. 39 к. Крушным же расход составлял плату жалованья служилым людям, оброчникам, ружникам и юрговским служилым татарам: в 1625 году такого жалованья уплачено 4234 р. 93 к., а в следующем году — 4735 р. 24 к.* Впоследствии с увеличением числа служилых людей в Тобольске и с устройством Самаровского и Демьянского ямов хотя и значительно прибавилось денежных расходов, зато мы видим и значительное увеличение денежных доходов. Тобольск был главным торговым центром для русских людей, татар, бухарцев, коганцев, калмыков и ногайцев; торговые операции здесь постепенно расширялись, а вместе с тем увеличивался и сбор пошлин. Первое место в делах торговых, несомненно, занимали бухарцы; их торговые обороты, как видно из таможенных тобольских книг, производились на довольно значительные суммы, случалось, что в один месяц приезжие бухарские купцы распродала сво-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 8.

их товаров в Тобольске более чем на десять тысяч рублей — эта сумма по тому времени громадная. Бухарцы начали вести торговлю с русскими людьми в Сибири еще с «Ермакова взятя», некоторые из них даже совсем переселились из Бухары в русские сибирские города — Тару, Тобольск и Тюмень. Московское правительство особенно покровительствовало бухарским купцам, наделило их особой привилегией пред всеми другими торговыми людьми, не исключая и русских; так, все другие купцы платили со своих товаров в государеву казну десятую пошлину, а бухарцы — только двадцатую. Предметы их торговли были очень разнообразны, они привозили в Тобольск женок, парней, лошадей, верблюдов, овец, рогатый скот, хлопчатую бумагу, сафьяны, шелк, пшено сарачинское, разные материи под названием «бязь», «зеидень семиди», выбойки, куртки и кафтаны зеиденные, азиямские и проч. Калмыки и ногайцы пригоняли в Тобольск целые табуны лошадей, а местные татары торговали мягкой рухлядью и остячками. Таможенная и проезжая пошлины с товаров брались в государеву казну то натурой, то деньгами; с «женок ногаек и остячек», вероятно, собиралась пошлина на государя исключительно деньгами, потому что этого рода товара привозилось немного, всего штуки по две и по три, не более, так что брать натурой десятую или двадцатую долю на государя было невозможно. Да и деньгами не всегда удавалось таможенным головам брать пошлину с женок: купцы умели скрывать этот товар, обходить правило о пошлинах. Например, один «бухаретин привез с собой двух женок ногаек, — пишет в книге таможенный голова, — и с тех женок пошлин на государя не взято, потому что он сказал: те-де женки в жены у него место, а не продать-де». Само собой понятно, что этот бухаретин обманул таможенного голову, впрочем, может быть и то, что сам голова за взятку покрывил пред государем душой и скрыл эту пошлину.

Чтобы иметь понятие о тогдашней рыночной цене в Тобольске на людской товар, мы приведем здесь некоторые данные об этом предмете. Например, «25 декабря 1640 года, — читаем в таможенной книге, — у татарина у Меличка Елусанова с купленной им женки остячки взято пошлины 8 алтын 2 деньги»; «29 декабря того же году у татарина у

Мемеделья Кизилбаева с купленного им парня ногаетина взято пошлины 8 алтын 2 деньги (или 26 коп.)»; а так как с татар бралось пошлины десять процентов, то, стало быть, женка и парень проданы по 2 р. 60 к. Относительная цена этого товара, как видно из сравнения с тогдашней ценностью других предметов торговли, была довольно высокая; по крайней мере упомянутые люди были проданы дороже, чем в то же время и на том же рынке продавались лошади и быки.

Русским людям московское правительство строго запретило эту постыдную торговлю. Еще Борис Годунов указал, «чтобы служилые и всякие люди не возили на Русь полоненников и ясырь (купленные люди) и у себя в Сибири не держали...»; он же приказывал сибирским воеводам, чтобы они обыскивали русских людей, и если у кого найдут полоненников или купленных людей, то отбирать и отсылать их на родину, объявляя, что государь дарует им освобождение...^{*}. Последующие государи также не раз подтверждали этот указ^{**}. Но тем не менее тайный провоз на Русь пленных и ясырей существовал, и в Сибири у всяких русских людей были они в услужении; из дозорных книг видно, что даже пашенные крестьяне имели у себя «крепостных» и «купленных людей» и ими обрабатывали свои пашни. Мы выше упомянули, что калмыки преимущественно торговали в Тобольске лошадьми, но из одной отписки тобольского воеводы видно, что они продавали русским людям еще какую-то траву под названием «шар» и семена этой травы. Неизвестно, какое назначение имела эта трава. Нам попался только один документ, касающийся этого предмета калмыцкой торговли, но из него нельзя вывести положительного заключения относительно назначения «шара». Содержание документа следующее. В 1640 году один крестьянин говорил тобольскому воеводе, «что у тобольских у многих людей — у русских, татар и бухарцев — есть трава, а называют ту траву шаром и пьют ее вместо табаку для пьянства дымом рогами», т.е. курят, ибо московские люди и относительно курения табака выражались «пьют табак», «пьянствует табачным дымом», а курящих называли «пи-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 2, л. 101.

** Д. в. А. И., т. № 62.

тухами» и «пропойщиками». Но очевидно, что шар — не табак, донсочик различает эти травы. По извету этого крестьянина тобольский воевода велел сделать у русских людей обыск, велел искать толченой травы — «шар» в клетях и сеянный в огородах. Извет наполовину оправдался: у одного боярского сына было посеяно этой травы на трех грядках, у тобольских пеших казаков — у Ермачка на 7 грядках, а у других — на пяти и на 15 грядках; у казака Морозова найдено в клетях 30 каченов и толченого «шару» 3 гривенки. Всех тех, у кого была посеяна или лежала в клетях трава, потребовали в съезжую избу к воеводе. Но на допросе виновные все в один голос утверждали, «что они той травы не пьют, а держат для лечения, что эту траву в толченом виде они присыпают к ранам, и раны заживают»⁴. Других показаний воевода не добился. Мы, со своей стороны, заметим, что очень может быть, что эта трава «шар» имела двойное назначение, т.е. употреблялась как лекарство и для курения вместо табака, как говорит изветчик. Тобольским обитателям мало было развлечений: кабак был давно уничтожен, а за курение табака, как известно, при Михаиле Федоровиче резали носы. И вот жители Тобольска за невозможностью иметь другие развлечения, отуманивающие голову, начали курить «шар»; если нельзя «пьянствовать вином» или «пьянствовать табачным дымом», то им казалось, что, может быть, правительство будет снисходительно относиться к «пьянству шаровым дымом». К сожалению, мы не знаем, какое решение Михаил Федорович постановил относительно последнего рода пьянства. Но тобольские обитатели чувствовали, что «шар» — запретный плод, об этом можно судить по тому, что калмыки продавали эту траву секретно и на таможенных заставах не являли этот товар: мы просмотрели таможенные книги за 12 месяцев 1640 года, и ни в одном месте не встретили упоминаний о шаре, хотя в них записывали столь ничтожной цены товары, что десятой пошлины взималось с них на государя только четверть деньги. Вероятно, трудность взимания подобных мелких пошлин и заставила одного тобольского воеводу обратиться к Михаилу Федоровичу со следующей челобитной. «В твоих, государь, русских городах, — писал он около 1640

⁴ Архив М. Ю. Сиб. прик., столб. № 6132/88, л. 571.

года, — для торговли живут твои государевы мелкие деньги — московки и полушки, а в Тобольске и в других сибирских городах мелких денег нет, и вследствие этого в торговых и во всяких делах бывает медленность и казне убыль; торговые же люди таких мелких денег в Сибирь не возят...». В заключение этой челобитной воевода просил, чтоб государь прислал из Москвы тысячи две или три московок и полушек для размена всяким людям копеек*.

Вообще торговля в Тобольске процветала, хотя нужно заметить, что на тобольском рынке русские люди несравненно более покупали товаров, чем продавали. Мы выше упомянули, что государевы денежные доходы в этом городе к концу царствования Михаила Федоровича значительно увеличились. Это будет очевидно из сравнения сумм пошлинных сборов в Тобольской таможне в разное время: в 1624 г. таможенных десяткой и двадцатой пошлин взято 3182 рубля, в 1625 г. взято 4118 р. 91 к., в 1640 г. таких пошлин собрано 5692 рубля; соответственно этому увеличился сбор и других пошлин, как проезжей, поамбарной, посаженной, явчей, померной, поголовной и т.п., например, проезжей пошлины в 1625 г. взято 713 р. 39 к., в 1640 г. — 1092 рубля. Общая же сумма всяких пошлинных сборов в 1640 году достигла почти 8000 рублей. По нашему вычислению, на тобольском рынке в течение года продано разных товаров на 82405 рублей, а провезено товаров чрез Тобольск на 27300 рублей. Заметим, однако, что последняя цифра не вполне еще определяет количество товаров, провезенных через этот город, потому что с тех товаров, с которых проезжая пошлина взята, например, в Таре, в Тобольске уже таковая не взималась. Выше приведенные цифры пошлинных сборов показывают, что в Тобольске в конце царствования Михаила Федоровича была «миллионная торговля», ибо тогдашняя ценность денег по крайней мере в десять раз превосходила нынешнюю. Тобольский рынок особенно оживился в июне месяце, об этом можно судить по тому, что за этот месяц взято пошлин на 2595 р. 36 к.**. Таким образом, местные казенные денежные доходы в Тобольске с из-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6127/83, л. 175.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 44. См. «Список с таможенной книги 1640», заключающей в себе 988 листов.

лишком могли покрывать таковые же расходы. Сбор ясака с тобольских инородцев также значительно увеличился к концу обозреваемого нами периода: в 1628 году собрано мягкой рухляди с ясачных людей на 663 р.^{*}, в 1629 г. — на 786 р.^{**}, в 1640 г. — на 1997 р.^{***}. Наконец, к концу царствования Михаила Федоровича сбор этой рухляди простирался на 2233 рубля^{****}.

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 17, л. 27; см. «Ясачную книгу 1628 г.».

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 20, см. «Приходскую книгу казанского дворца 1629 года».

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 9, см. «Ясачную книгу 1640 г.».

**** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 163, см. «Приходскую книгу Сибирского приказа 1644 года».

Глава VI

Тара и ее уезд (1594—1645 гг.). Тобольские воеводы в течение короткого времени распространили русское господство над иртышскими татарами далеко вверх по Иртышу: последняя татарская волость — Ямынская, с которой они брали ясак, отстояла от Тобольска на 15 дней пути. По мере распространения русской власти в этих местах царь Кучум все далее и далее подвигался к верховьям Иртыша. Этот энергичный кочевник не складывал оружия, а в каждое удобное время он оборачивался назад и, не будучи в силах предпринять что-нибудь против Тобольска, делал нападения на отдаленные от этого центра русской власти татарские волости, грабил оные, брал в плен татар и, прежде чем тобольские воеводы получали об этом весть, скрывался в верхних местах Иртыша. Из Тобольска трудно было настичь Кучума, чтобы нанести ему решительный удар, и трудно было оберегать от его нападений отдаленные татарские волости, уже платившие ясак московскому царю. Вследствие этого некоторые из татар, чтобы спокойно жить, принуждены были давать двойной ясак, т.е. в одно и то же время платить дань и московскому царю, и своему прежнему властелину Кучуму. При таком положении дел Кучум был непобедим: он постоянно мог находить новые средства к борьбе между прежними своими подданными, иртышскими татарами, и время от времени появляться в подвластных Москве татарских волостях в качестве грозного мстителя. Это был грозный, опасный и неутомимый враг. Сокрушить его было необходимо, чтобы обеспечить уже сделанные по Иртышу завоевания. Вот почему русские завоеватели в это время не могли остановиться в своих завоеваниях на каком-нибудь пункте Иртыша, несмотря на то, что их власти уже покорилась громаднейшая часть Сибири; они волей-

неволей должны были подвигаться вверх по Иртышу по мере того, как Кучум все далее и далее отодвигался от центра своего бывшего царства. Чтобы удобнее было преследовать этого беглеца и вместе с тем оберегать от его набегов подвластные, но отдаленные от Тобольска татарские волости, московское правительство решилось построить новый русский город на Иртыше, поближе к кочевьям царя Кучума, в волости Ялынской. В 1594 году Федор Иванович велел князю Андрею Васильевичу Елецкому идти в Сибирь на реку Иртыш к татарскому городку Ялом, находящемуся при реке Таре, и там или в другом удобном месте построить город. С этим воеводой отправилось 147 московских стрельцов и двадцать человек плотников из Перми, да в Тобольске должны были с ними соединиться казанские стрельцы — 50 человек, лаишевские и тетюшские пленники — 50 человек, польские казаки, казанские и свияжские татары и башкирцы — 400 человек, посланные туда из Казани и Уфы волею, сухопутной дорогой. Это войско должно было еще усиливаться разными сибирскими служилыми людьми и татарами. Таким образом, для постройки нового русского города в Сибири и военных операций над Кучумом назначалось довольно значительное войско, простиравшееся до 1540 человек. Но воевода Елецкий не дошел до реки Тары, а заложил город почти при устьях небольшой речки Ангарки, впадающей с западной стороны в Иртыш, в самом центре татарских юрт Ялынской волости. Хотя ему правительство наказывало ставить город на 300 квадратных сажених и вокруг построить острог от 300 до 500 сажен, но воевода, вероятно, по случаю позднего прихода на Иртыш, заложил внутренний город, или крепость, на 42 квадратных сажених и острог в длину на 200 и в ширину на 150 сажен. Таково было начало Тары. Новый русский город удержал за собой имя реки Тары, как он назван еще в наказе, ибо предполагалось построить его именно при этой реке.

Главная цель постройки русского города на указанном месте — «Кучума царя истеснить», как писалось в наказе Елецкому. Как увидим, правительство московское не ошиблось в своих расчетах. Едва только Кучум узнал о движении русского войска к татарскому городу Ялом, как приказал своему сыну Алею перевести ялынских татар в более верх-

ние места Иртыша, на Черный остров, а сам подался еще далее, к реке Оми. В исполнение наказа воевода Елецкий немедленно после постройки города начал проведывать о месте кочевья Кучума и вместе с тем покорять разных татар, плативших ему ясак. В течение зимы 1594—1595 гг. он отправил с этой целью две экспедиции, и обе окончились успешно: покорены были те ялыские татары, которые держались Кучума, но оставались еще в Ялынской волости; сделано было нападение на городок на Черном острове, и городок сожжен, а его обитатели частью перебиты, частью захвачены в плен, только немногие спаслись бегством и принесли Кучуму неприятные вести. Из показаний пленных русский воевода узнал, что Кучум кочует в верхних местах Иртыша, на 20 дней пути от Тары. А потому весной 1595 года он отправил новую экспедицию. На этот раз было покорено несколько других татарских волостей, как Терени, Любарь и Бараба, но до ставки Кучума русским не удалось добраться*. Второй тарский воевода, сменивший Андрея Елецкого в 1595 году, Федор Елецкий продолжал дело своего предшественника. Из похвальной к нему грамоты Федора Ивановича в 1596 году видно, что этот воевода во главе 467 человек служилых людей настиг самого Кучума в городе Тунусе, разбил его войско, взял город, но Кучум спасся бегством, служилые люди за этот подвиг получили награды по полтине на человека**. Однако все эти победы не привносили особенных результатов. Правда, в несколько экспедиций русскими воеводами истреблено множество татар, множество их захвачено в плен; силы Кучума, таким образом, все более и более ослабевали. Но он сам был еще жив и пользовался значительным влиянием между татарами; это видно из того, что в следующем году покоренные уже русским оружием татарские волости Терени, Любарь и другие снова изменили Белому царю и стали на сторону Кучума. Мало того, последний уже собирался предпринять общими силами наступление против города Тары. Решительный удар последнему русские нанесли только в 1598 году. В 1597 Федора Елецкого сменил воевода Степан Кузмин. Товарищ последнего Андрей Воейков в августе

* «Сиб. ист.» Мидлера, стр. 207—237. См. наказ воеводе Андрею Елецкому и две грамоты царя к Федору Елецкому.

** Архив Министерства юстиции. Сиб. пр., изд. № 33, л. 18.

1598 года предпринял со значительными силами поход против Кучума. Он снова завоевал отпавшие было татарские волости, перебил много татар, много захватил в плен и от пленников узнал, что «царь Кучум кочует на реке Оби, где у него сеян хлеб». По этим вестям воевода Воейков во главе 400 казаков, литвы и юртовских татар, как он доносил в Москву, «покинув свой кош²⁸ на озере Ике, пошел на царя Кучума на спех, и день и ночь, и шол Кучума на Оби реке, выше Чат три днища, на лугу на Ормени». 20 августа, едва только взошло солнце, как противники устремились друг на друга, завязалась битва, которая продолжалась за полдень. Несмотря на то, что Кучум имел войска более 500 человек, победа осталась на стороне русских. «Божим милосердием и твоим государевым счастьем, — доносил Воейков, — Кучума-царя побил, детей его и цариц поймал»*. Из поименной росписи пленных, присланных тем же воеводой, видно, что захвачена в плен почти вся семья Кучума: 5 царевичей, 8 цариц — Кучумовых жен, 8 царевых дочерей, жена, сын и дочь царевича Алея и жена другого царевича Каная... Кроме того, в числе пленных были дочь и две внучки ногайского князя, пять князей и мурз Кучумовых да 50 человек простых людей. Относительно этих последних Воейков доносил, что их частью перестреляли, частью перевешали. Убито было в этом бою более 20 князей и мурз, пять «аталыков» и в числе их тещь Кучума, три царевича, брат Кучума и 150 служилых людей, да во время бегства в Оби-реке потонуло до 100 человек**. Но сам Кучум опять спасся бегством, а с ним же убежали его сын Алея и небольшое число татар. Воейков бросился было преследовать беглецов. «Плавал я, — писал он царю, — на плотах по Оби и за Обью-рекою, по лесам искал Кучума и нигде не нашел». После этих поисков воевода, посплав одного из знатных пленников к Кучуму с поручением звать его на службу к государю и обещать ему царское жалованье, сам отправился в Тару. Очевидно, русский воевода думал, что после разгрома 20 августа бывшему сибирскому царю ничего не останется, как покориться московскому царю и службой заслужить у него жалованье. Но он жестоко ошибся в Кучуме. 5 октября этого же года посланный к Кучуму воз-

* А. И., т. II, № 1.

** А. И., т. II, № 2.

вратился в Тару и рассказал воеводе следующее. Настиг он Кучума за рекой Обью, вниз по Оби, в лесу, а с ним три его сына и 130 человек людей. На предложение сдаться на волю победителей Кучум отвечал: «Не поехал-де я к государю по государеве грамоте своею волею, в кою-де пору я был совсем цел, а за саблей мне-де к государю ехать не по что, а нынче-де я стал глух и слеп и безо всего живота: взяли-де у меня промышленника сына моего, Асманак царевича, хоть бы у меня-де всех детей поймали, а один бы-де у меня остался Асманак и я бы при нем еще пожил, а теперь иду в Нагаи, а сына своего посылаю в Бухары»*. Таков-то был царь Кучум! Старый, глухой, слепой, лишившийся почти всего своего семейства, всех владений и всего имущества, он тем не менее был горд и непреклонен. Несмотря на свою дряхлость и несчастья, постигшие его со времени Ермака, он в душе остался тем же заносчивым и свободолюбивым сыном степей, каким был в ранней молодости и на высоте своего могущества. Разве в ответе, данном в 1598 году Кучумом посланному Воейковым, мы не узнаем того сибирского царя, который 30 лет назад писал Грозному: «Хочешь мира, и мы помиримся, а хочешь войны — будем воевать»**. Грозный не захотел с ним воевать. Но явился Ермак и прогнал Кучума с юрта²⁹. Русские воеводы продолжали дело первого завоевателя Сибири, и Кучум с того времени уже не складывал оружия. Последнее достоверное известие об этом сибирском царе мы находим в рассказе того же посланника Воейкова. Он передает, что Кучум вместе с ним прибыл на поле битвы 20 августа, в течение двух дней ходил по полю и хоронил трупы своих сподвижников, павших в этом бою. В то же время он послал двух человек в татарскую волость Чаты, к мурзе Кошбахтыю, с просьбой прислать ему лошадей и платья, «чем можно было бы подняться». Мурза прислал ему коня и шубу, а на другой день и сам приехал, чтобы иметь свидание с Кучумом. Но последний, почему-то заподозрив мурзу в дурных замыслах, не пожелал его видеть, а сел на коня и отправился вверх по Оби***. О дальнейшей судьбе Кучума, кроме противоречивых свидетельств сибирских летописей, мы ни-

* А. И., т. II, № 5.

** Собр. Госуд. гр. и дог., ч. 1, № 42.

*** А. И., т. II, № 5, стр. 7.

чего не знаем. Достоверно только то, что он скоро покончил жизнь свою где-то далеко от своего царства²⁰.

Заговорив о борьбе татарских воевод с Кучумом, мы несколько отступили от своего предмета, подлежащего нашему исследованию. Но нам хотелось показать, что цель постройки города Тары «истеснить Кучума» вполне достигнута. Бывший царь Сибирского царства уже более не появлялся в своих прежних владениях. Русскому господству в Сибирском царстве уже не угрожал этот опасный враг. Правда, вскоре появились новые враги в лице детей и внучат Кучума, которые в соединении с калмыками иногда делали опустошительные набеги на русские области, но эти враги не были страшны, как Кучум, который носил с собой знамя сибирского царя и который пользовался обаянием между татарами.

Другая цель постройки Тары была экономическая: еще в наказе Андрею Елецкому предписывалось «завести в Таре пашню и соль устроить». О пашне мы скажем после, но относительно соли, в которой так нуждалась Сибирь, здесь заметим, что тарским воеводам действительно удалось добраться до соляного Ямышева озера и вывозить оттуда ежегодно по несколько тысяч пудов, например, в 1629 году привезено в Тобольск с Ямышева озера²¹ 21778 пудов 22 фунта*. Теперь обратимся к самому городу Таре. Кроме домов и разных казенных зданий, которые встречаются в каждом городе, вероятно, еще при Елецком основаны церкви: в крепости — соборная во имя Успения Пресвятой Богородицы и в остроге — во имя Николая Чудотворца, а в царствование Бориса Годунова построена другая церковь в остроге во имя Бориса и Глеба. О времени основания тарских монастырей мы не нашли в документах никаких указаний. По дозору 1624 года мужской монастырь с церковью во имя Всемилоственного Спаса находился за острогом на посаде, а девичий с церковью во имя Параскевы «нарицаемой пятницы» — в остроге. Миллер считает мужской Спасский монастырь самым древнейшим из всех сибирских монастырей²². По описанию Василия Тыркова город Тара в 1624 году имел следующий вид. Место, которое занимала крепость, незначительно — вокруг

* А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6063/19.

** «Ежемес. соч.» 1764 г., стр. 408.

164 сажени, в крепость вели двое ворот — Спасские и Водяные, в разных местах крепости поставлены 5 башен, а между башнями не стены, как в других городах, а какие-то «городни»³², которых было 116; в крепости же раскат³³ круглый о 8 углах, а на раскате медная полуторная пушка. Внутри этой крепости находились следующие здания: соборный храм с двумя приделами³⁴, съезжая изба, 2 амбара, 2 государевы житницы³⁵ и 40 житниц частных лиц, тюрьма, караулка, пороховой погреб и 4 двора: воеводский, стрелецкого десятника, пушкаря и воротника со сторожем. Острог занимал более значительное место — вокруг 500 сажен, по острогу шесть башен, из них четыре с проезжими воротами и две башни глухие, а на башнях стояли две медные пушки, одна пицаль железная скорострельная и четыре пицали железные под названием «волконеек». Внутри острога помещались два храма с приделами, девичий монастырь с церковью и 9 келий для 9 стариц, а четыре старицы жили по дворам, гостинный двор с избой для приезжих торговых людей, 14 государевых лавок, 17 лавок служилых людей, двор воеводский, два двора боярских детей, два двора атаманов ясачных людей, двор таможенного подьячего, двор подьячего съезжей избы, двор толмача, двор таможенного головы, двор кузнеца, четыре двора церковного причта, а пять человек из церковных дворов не имеют и живут по подвoryям, 53 двора конных казаков, 42 двора казаков литовского списка, 51 двор пеших казаков, 42 двора стрельцов, 4 двора пушкарей, 5 дворов отставных служилых людей, 8 дворов вдов служилых людей, 2 двора гулящих людей и 2 двора пашенных крестьян. За острогом на посаде монастырь с церковью и 4 кельями для 4 монахов, дворов новокрепченцев 5, дворов разных служилых людей — 36, дворов пашенных крестьян — 5 да за острогом три юрта бухарских, в которых жил 21 человек*. Таким образом, в городе Таре в 1624 году всех дворов было 263, а жителей 400 человек, кроме монахов, монахинь, женщин и детей. В списке тарского населения нас поражает прежде всего отсутствие посадских людей и ничтожное количество пашенных крестьян. Относительно посадских еще понятно, почему их не было. Город Тара находился вдали от

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 319—399.

других сибирских городов и, главное, в стороне от общего торгового движения русских людей в это время. Посадским людям тут делать было нечего; если была какая торговля в Таре, то она находилась в руках служилых людей, и в особенности у бухарцев, живших в юртах под самым городом. Но непонятно, почему было так мало пашенных крестьян, когда около Тары была необыкновенно плодородная земля. Мне кажется, что это зависело главным образом от первых неудачных опытов земледелия. Служилым людям, пока был жив Кучум, некогда было заниматься хлебопашеством, они почти круглый год находились в походах: то гонялись за Кучумом, то покоряли татар по Иртышу и его притокам. А люди, присланные завести в Тарском уезде пашню, оказались совершенно непривычными к хлебопашеству. Они состояли исключительно из ссыльных, которые, вероятно, и на родине никогда не занимались земледелием. Первое известие относительно пашенных крестьян в Таре находится в грамоте царя Бориса от 1600 года. В ней говорится, что в Тару посланы три человека латышей и два семейства беглых крестьян, которых велено тарскому воеводе посадить на пашню, дать им семян и корма для прокормления, чтобы с голоду не умерли*. Из другой грамоты от 1603 года узнаем, что в том же 1600 году отправлено в Тару 25 семейств пашенных крестьян из тетюшских и лаишевских переведенцев да ссыльных латышей, стрельцов, боярских детей и кушалинских мужиков 38 человек, и «всех велено устроить в пашенные крестьяне». Но мы уже упоминали об этих «переведенцах» в главе о Туринске. Из отписки тарского воеводы оказалось, что упомянутые тетюшевы и лаишевы оказались совсем плохими хлебопашцами: «пашут землю худо, хлеба на себя не напахивают, и их кормят из царских житниц». В данном случае воевода ничего не говорит о плодородии тарских земель и плохие результаты земледелия этих крестьян прямо ставит в зависимость от их неумения, но правительство московское, кажется, поняло эту отписку из Тары в том смысле, что тарские земли неплодородны и что 25 семейств переведенцев только даром там тратят силы, а потому велело их переселить на туринские государевы пашни**. Иначе трудно

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 68.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 79.

себе объяснить, почему этих крестьян, которые уже устроились в Таре, где правительство более нуждалось в хлебопашцах, чем в Туринске, приказано перевести на другие пашни и подать подмогу по рублю на человека. Очевидно, что тут вышло какое-то недоразумение. И после правительство долгое время совсем не заботилось об увеличении пашенных крестьян в Таре, несмотря на то, что город этот был далеко и доставка туда хлеба стоила очень дорого. Только изредка попадаются известия, что на Тару отправлены один или два колодника и велено их устроить в пашенные крестьяне. Но эти ссыльные бьют челом государю, чтобы он их пожаловал навестать в служилые люди, а пашни пахать не велел, потому что им «черная работа не за обычай»*. Если же государь не удовлетворял их просьбу, то они убегали «безвестно куда». Вот почему, несмотря на то, что город Тара основан в 1594 году, в нем в 1624 году было только семь крестьянских дворов с 10 человеками крестьян. Что же касается служилых людей, то их в Таре всегда было много, и почти все они занимались хлебопашеством. Некоторые из них на своих пашнях основали деревни, а большая часть имела отъезжие пашни. По дозору Василия Тыркова в Тарском уезде в 1624 году были следующие деревни служилых людей**.

Число дворов

При реке Чекруше

Демоньева	1
Яковлева	1

При Степановом озере

Кирилова	1
Машинского	1

При реке Кривуше

Иванова	5
атамана ясачных людей	1

При реке Байгилдейке

Черкасова	2
-----------	---

При Байгилдеевом озере

Терентьева	1
Малова	1
Колачникова	1

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 195.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 347.

На Красном Яру около р. Уя

Романова 1

Старчинова 2

При Мамешеве озере

Мамешова 5

При Имшитике

Прокудина 1

При Ильчике озере

Мосалитина 1

Абреймса 1

При Иртыше

Гаврилова 1

При реке Балчике

Лукьянова 1

За рекой Аркаркой в дубравах

Пантелеева 1

Курмина 1

Годуновых 1

Семенова 1

При Зуеве озере

Ефтина 6

Кулударова 1

При реке Ибайке

братьев Сафроновых 2

Сотомина 1

При реке Оше

Жаденова 1

Трещкина 1

При Ананьином озере

Ананьина 2

Кроме того, 6 человек служилых людей имели займища и 77 четвертей отъезжей пашни. Во всех упомянутых деревнях и займищах было 46 дворов, а людей в них — 150 человек. Пашни они распахивали 827 четвертей в поле, сена косили на 35886 копен.

Пашенными крестьянами основана только одна деревня Чекруш при реке Чекруше. В 1624 году в этой деревне было четыре двора да две землянки, а живущих в них крестьян — 8 человек, тех же самых, которые имели свои дворы в городе. Положение тарских крестьян было несколько

особое: два из них не пахали государевых десятин, единственная обязанность их заключалась в том, чтобы «быть беспрестанно у государевой бани», а остальные 6 человек были посажены на государевы пашни и ежегодно обрабатывали 43 десятины в трех полях. Кроме того, эти последние крестьяне несли много других обязанностей: «к соборной церкви, к трапезе, к съезжей избе и к государевой бане возят дрова и делают веники на весь год, на калмыцкие и татарские расходы солоды растят и пива варят, мелют и пекут хлебы...». Вероятно, вследствие этих обязанностей крестьяне долгое время на себя земли не обрабатывали и «только недавно, — замечает дозорщик, — они начали на себя присевать 7 четвертей в поле...». За исполнение вышеозначенных обязанностей крестьяне получали из казны обувь, одежду и на каждый двор в год 36 мер ржи. Но видно, что этой «месячной» невозможно было прокормиться: по замечанию дозорщика, тарские крестьяне большей частью «кормятся Христовым именем». Из монастырей только Спасский занимался хлебопашеством: в 1624 году за этим монастырем было два половника, которые обрабатывали 12 четвертей в поле да сена косили 1000 копен. Белое же тарское духовенство совсем не занималось земледелием, а кормилось государевой хлебной ругой.

И после первой переписи русское население в Таре и в Тарском уезде увеличивалось чрезвычайно медленно. Из дозорной книги Тыркова и из «сметных книг хлебных запасов» 1623 и 1624 гг. правительство узнало, что тарские земли очень плодородны и небольшая государева пашня дает значительное количество разного хлеба. Вследствие этого оно решилось увеличить в Таре число пашенных крестьян. В 1625 году тарскому воеводе Исленеву из Москвы прислана грамота, чтобы он позаботился о развитии государева хлебопашества, потому что земли доброй в Тарском уезде много. Вместе с тем послано и тобольскому воеводе предписание «послать из Тобольска в Тару ссыльных людей с женами и детьми, сколько пригоже, дать им подводы и подмогу», и на будущее время велено тобольскому воеводе пересылать в Тару ссыльных людей и устраивать их на пашни*.

А из другого документа узнаем, что в 1626 году прислано в

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 306.

Тару ссыльных сваяжских приставов и толмачей 9 человек да разных беглых людей 13 человек, и всех их велено посадить на пашни*. Так что пашенных крестьян в этом году было уже 29 человек, а пашни на государя они должны были вспахать $29\frac{1}{2}$ десятины в поле**. Из десяти старых тарских крестьян к 1626 году осталось только семь, а три сбежали.

Впоследствии во весь период, исследуемый нами, мы не только не замечаем увеличения крестьян в Таре против 1625—1626 гг., но даже видим уменьшение, несмотря на частые присылки из Тобольска новых ссыльных. Например, в 1626 году пашенных крестьян в Таре было 25 человек, и все они пахали государевой пашни 25 десятины***; в 1640 году их осталось 21 человек, а пашни государевой пахали 19 десятины****; наконец, в 1645 году пашенных крестьян было в Таре снова 29 человек, а пашни они пахали 21 десятину в поле*****. Если число крестьян в последний год царствования Михаила в Таре было такое же, как в 1626 году, но зато количество обрабатываемой ими земли уменьшилось на $8\frac{1}{2}$ десятины в поле. Это уменьшение пашни зависело, во-первых, от того, что старые крестьяне умирали или убегали, а новоприсыльные крестьяне всегда некоторое время пользовались льготой, а во-вторых, от недостатка лошадей вследствие конского падежа. В 1639 году воевода тарский доносил, что у тарских крестьян осталось только по одной лошади на трех и даже на четырех человек*****.

Посадских людей в Таре мы совсем не встречаем и после первой переписи. Некоторое время в этом городе замечается значительный прилив гулящих людей. Мы упоминали, что в 1624 году этого элемента было только три человека, но в 1625 г. — уже 17, в 1626 г. — 43, а в 1628 г. — 211, а в следующем году гулящих людей в Таре было 315 человек. Но затем количество таких людей быстро уменьшается; в 1630 году тарский воевода, донося в Москву об освобождении им из тюрьмы двух пашенных крестьян, ко-

* Ibid, л. 314.

** Ibid, л. 426. См. «Тетрадь тарским пашенным крестьянам 1626 г.».

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 68, л. 348.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 43.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 166, л. 285—288.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6138/94, л. 265.

торы посажены были его предшественником за то, что они отказались пахать государеву пашню, писал, что на выбылые места пашенных крестьян прибрать некого, так как гулящих людей в Таре нет ни одного человека. Только служилые люди к концу царствования Михаила Федоровича значительно увеличились в числе, хотя и не настолько, как следовало бы ожидать, ввиду постоянных тревог от врагов Тарского уезда — детей и внучат Кучумовых и калмыков. Так, в 1624 году рядовых служилых людей в Таре было около 380 человек, в 1626 г. — около 400. Но в 1636 году тарские служилые люди лишились значительного числа своих товарищей. Осенью этого года тарский воевода отправил на 6 дощаниках 50 человек служилых людей во главе сотника Григория Медоварчева в Тобольск за хлебом, но они все под Тобольском замерзли. «И теперь, — писал в Москву этот воевода, — служилым людям дать хлебного жалованья нечего, потому что в тарских государевых житницах хлеба нет нисколько». Вероятно, начавшийся в это время голод заставил многих служилых людей «брести врозь». Тот же воевода сообщает, что в 1637 году сбежало нижегородских иноземцев и вологодских стрельцов 42 человека⁴. Таким образом, в течение года в Таре произошла значительная убыль служилых людей, но эту убыль скоро пополнили новоприсыльными из разных мест, и к концу царствования Михаила Федоровича всех служилых людей в Таре вместе с ружниками и оброчниками было до 500 человек. Конечно, с таким количеством служилых людей в Таре трудно было защищать Тарский уезд от потомком Кучума и калмыков. Но в Тару почти ежегодно на некоторое время, преимущественно с весны до осени, присылались из Тобольска по несколько десятков человек казаков, стрельцов и служилых татар, а смотря «по вестям», и более того. Эти посылки сделались особенно часты с 1630 года, когда усилилась опасность от вышеупомянутых врагов. Для защиты же Тарского уезда от нападения детей и внучат Кучумовых и калмыков между 1628 и 1632 гг. построены в этом уезде острожки: Каурдатский на правом берегу Иртыша, Тебенденский около озера Уватского и недалеко от последнего, на левом берегу реки Иртыш, несколько выше ус-

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6112/88, л. 113.

тья этой реки, острожек Ишимский. Эти острожки должны были прикрывать средину реки Иртыш между Тобольском и Тарой и не допускать Кучумовых потомков и калмыков проникать на Иртыш по ишимской дороге. Они не имели постоянного населения, а туда посылались служилые люди в количестве 20 или 30 человек то из Тары, а большей частью из Тобольска и посылались притом только на известное время, в которое можно было ожидать нашествия вышеупомянутых степных врагов. Обыкновенно последние предпринимали свои походы или весной, когда просохнут дороги, и потом в течение всего лета, или же осенью, после первых морозов до появления больших снегов. Поэтому и служилые люди в упомянутых острожках жили одни с конца весны и приблизительно до августа, или до наступления осенних грязей, а другие со времени заморозков и до выпадения больших снегов.

Всего русского населения в Таре и его уезде к концу царствования Михаила Федоровича было около 535 человек, кроме женщин и детей, а инородцев ясачных — 684 человека и служилых около 80 человек.

В заключение этой главы сообщим некоторые данные из тарских «сметных» и «ужимных книг». Мы выше упоминали, что в Тарском уезде были прекрасные земли, но тем не менее хлебопашество здесь в обозреваемый нами период находилось еще в зачаточном состоянии: местного хлеба было слишком недостаточно для удовлетворения местных потребностей, и тарским воеводам ежегодно приходилось посылать служилых людей за хлебом в Тобольск или в Тюмень. Например, в 1625 году с государевых десятин собрано разного хлеба 420 копен, а умолочено 533 четверти да выдельного хлеба у ружников, подьячих и служилых людей взято 70 четвертей — всего собрано в государевы житницы 603 четверти разного хлеба. Между тем нужно было дать хлебного жалованья ружникам, крестьянам и служилым людям 4611 четвертей⁴. Таким образом, недоставало значительного количества хлеба, чтобы удовлетворить тех, которые получали казенное хлебное жалованье. Но в 1625 году был необыкновенный урожай в Тарском уезде: на государевых десятинах было посеяно 36 четвертей, а собрано 533 четверти. Поэтому тарский воевода на деньги, присланные из Тобольска, мог

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11; см. «Смета госуд. хлебному запасу 1625 г.».

купить у частных хлебопашцев разного хлеба 1855 четвертей. И цена на хлеб в это время в Таре стояла очень низкая: казенную четверть (5 пудов) ржи воевода покупал по 18 и 21 коп., яровое куплено по 18¹/₂ коп. Но видно, что частные хлебопашцы сеяли мало хлеба и не могли продать столько, сколько требовалось казной. В 1628 году с государевых десятин молочно разного хлеба 492 четверти, между тем на этот год сняли вдвое больше, чем на 1625 год, и значит, урожай был значительно хуже; выдельного хлеба собрано 52 четверти. Расхода же хлеба с сентября 1628 г. и по сентябрь 1629 г. по смете должно было быть 3032 четверти; в этом году израсходовано хлеба менее против 1625 года, потому что еще в 1626 году 70 человекам служилых людей не велено давать хлебного жалования, а велено им служить с пашки*. И в следующие годы расход хлеба значительно превосходил приход: по сметным книгам даже заметно увеличение расхода и уменьшение прихода сравнительно с прежними годами. Поэтому ежегодно казне приходилось покупать хлеб то у тарских хлебопашцев, а более всего присылать из Тобольска, куда свозился хлеб из Европейской Руси, из Туринска, Тюмени и Верхотурья.

Но в неурожайные годы закупка хлеба дорого обходилась правительству; например, в 1636 и 1637 гг. приходилось покупать в Верхотурье 5-пудовую четверть ржи по 4 р., а в Таре и Сургуте — по 6 рублей**; цена слишком высокая, если ее сравним с ценой 1625 года.

Денежных доходов в Таре казна также собирала мало; в обозреваемый нами период ни одна «сметная книга денежных доходов и расходов г. Тары» не заключалась без значительного дефицита.

Доходные статьи этого города те же, что и в других сибирских городах. Поэтому мы выпишем здесь из сметных книг только итоги за несколько лет.

В 1624 г.	доходов было — 447 р. 27 к.,	расходов	— 2450 р.;
в 1625 г.	доходов — 356 р. 87 к.,	расходов	— 2450 р.;
в 1628 г.	доходов — 355 р. 57 к.,	расходов	— 2464 р.;
в 1629 г.	доходов — 319 р.,	расходов	— 3524 р. 39 к.***,

* А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6663/19, л. 61.

** А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6112/68, л. 102.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 353 и др.; ст. № 6663/19, л. 70; кн. № 18, л. 320 и др.

В следующие годы денежные расходы еще более увеличились, потому что прибавилось количество служилых людей, но доходы никогда не превышали 500 рублей. Самая важная статья денежных доходов сибирских городов — это таможенные сборы, но в Таре этих сборов было слишком мало — всего от 160 до 300 рублей, потому что большая часть торговых людей уплачивали пошлину со своих товаров в Тобольске. Из доходных статей Тары следует отметить как новость, которую мне не приходилось встречать в сметных книгах других сибирских городов, а именно статью «с ходин по челобитьям в судных делах». Эта статья отдавалась на откуп за 1 рубль в год. Зато в Таре «государева мякина» и «государево ухоботье» не продавались, потому что не было покупателей на этот предмет торговли.

Ясачной мягкой рухляди в Тарском уезде собиралось значительное количество, хотя ценность оной никогда не доходила до 2 тысяч рублей; например, в 1624 г. взято ясачной и поминочной рухляди на 1631 р., в 1627 г. — на 1408 р., в 1635 — на 1231 р., в 1643 — на 1909 рублей*.

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 215; кн. № 17, л. 52; кн. № 61; кн. № 163.

Глава VII

Пелым и его уезд (1593—1645 гг.). Тобольские воеводы, распространяя русское господство по Иртышу и его притокам, уже в 1592 году покорили инородцев, живших по реке Конде³⁶, и собрали с них ясак, но верхние места этой реки, а также река Пелым, впадающая в Тавду, слишком далеко отстояли от Тобольска, и потому тамошних вогулов и остяков трудно было заставить плагить дань. Тем более что там господствовал пелымский князь Аблегириг, который не только не хотел покориться русскому царю, но и сам предпринимал, как и его предшественники при Едигере и Кучуме, набеги за Уральский хребет на русские области, в Пермь Великую. Поэтому московское правительство сочло необходимым построить при реке Тавде и держать в повиновении верхоякутских и вельямских инородцев. Еще в начале июля 1592 года велено Максиму и Никите Строгановым прибрать в своих вотчинах 100 человек добрых молодцев, которые стрелять бы умели и ратное дело знали бы, и притом велено 50 человек собрать немедленно и отправить их с военными и съестными запасами в Пермь Великую к воеводе Никифору Траханиоту, а остальных 50 человек выставить по первому царскому указу*. А из наказа, данного князю Петру Горчакову, видно, что в это время правительство уже решило предпринять поход против Аблегирига, и строгановские люди вместе с другими прибранными в разных городах служилыми людьми именно предназначались для этого похода. Упомянутый наказ предписывал князю Горчакову вместе с воеводой Никифором Траханиотом и другими товарищами отправиться в Сибирь на службу, чтобы прибыть в город Лозву к весне 1593 года, а оттуда, как пройдет лед, по реке Лозве спуститься в Тавду

* Д. к. А. И., т. I, № 138.

и построить город Таборы или на месте татарского городка Таборы²⁷, или в другом каком-нибудь месте. Из книги «Большой чертеж» видно, что этот татарский город находился при устьях реки Таборы, впадающей в Тавду, и ниже речки Пелымки верст на 120. Но так как упомянутым воеводам наказано было по прибытии на Тавду «промышлять» над пелымским князем, то они решились остановиться около устья реки Пелымки и здесь заложить русский город, который назвали Пелымом по имени этой реки. Сначала велено построить острог, церковь во имя Рождества Христова, царские житницы, амбары и дворы для обитателей нового города; велено строить острог из легкого леса и поспешно, чтобы возможно было жить на новом месте «безстрашно». Нам трудно объяснить необходимость такой поспешности, когда мы знаем, что инородцы, жившие по нижнему течению Тавды — таборинцы и кошуки, — во владениях которых предполагалось основать русский город, уже подчинились русской власти и платили ясак тобольским воеводам. Впрочем, в упомянутом наказе есть некоторые данные, которые указывают на причину этой поспешности. Вместе с Горчаковым был в походе второй воевода — Никифор Траханиот, который имел другое поручение: именно идти к березовским осякам на Березов остров, на реку Обь, и там тоже построить русский город. Но ему велено не прежде оставить Горчакова, как последний укрепится на избранном месте настолько, что будет в состоянии отразить нападение каких-нибудь врагов. Между тем Траханиоту предстояло пройти еще длинный путь, а он должен был, конечно, достигнуть Березова острова непременно летом, а в противном случае ему невозможно было бы начать постройку там города. Вот почему этот воевода по наказу мог оставаться при Горчакове одну или две недели, и в это-то время последний и должен был успеть построить острог. Очень может быть, что московское правительство вместе с тем и боялось Аблегирима, считая его сильнее, чем он был на самом деле, и ожидая с его стороны смелых нападений на русское войско. Как бы то ни было, но новый русский город был заложен в том же 1593 году и притом без всякой помехи со стороны инородцев. «А укрепясь, — предписывал наказ воеводам, — промышлять, чтобы приманить пе-

лымского князя Аблегирима да сына его большего Тагая, да племянников его, да внучат и лучших людей его пять-шесть, которые самые пушние, от которых смута была... казнить... меньшего сына с железом и детьми Микифору взять с собой в Тобольский город, а черных людей всех обласкать и обнадежить, чтобы жили по своим юртам, платили ясак и приходили в город, ничего не опасаясь*².

Мы не имеем никаких данных, чтоб судить о том, как воеводы исполнили эту часть наказа; знаем только, что с этого времени имя Аблегирима уже нигде не упоминается, а один из его сыновей и внук Учат³⁰ в 1598 году находились в Москве под стражей³¹. Из этого можно заключить, что наказ относительно пельмского князя и его семейства был исполнен русским воеводой в точности. Но город Пелым первый пельмский воевода Петр Горчаков не успел достроить: он был смещен в 1594 году новым воеводой Василием Толстым. А из грамоты царя в 1595 году к третьему воеводе Богдану Палеву видно, что еще в это время город не был доделан, и притом этой грамотой вследствие челобитной от жильцов Пельмского города на разные тягости, и в том числе на тягость постройки города, велено пока прекратить «городовое дело» впредь до указа³². Этот наказ последовал только в 1597 году. Между тем в этом году пельмский воевода доносил в Москву, что башни в остроге уже все развалились,

* Р. И. В., т. II, № 56. См. наказ Петру Горчакову. В этом документе недостает того места, где должно было быть обозначено время написания наказа. Поэтому издатели сделали пометку под наказом: «около 1594 г.». Но эта дата неверна. Из содержания этого документа легко можно видеть, что он писан или в 1592 г., или в начале 1593 г., и особенно из следующего места: воеводе Горчакову, между прочим, велено взять «с пермской земли 20 человек ведицев без жен и детей... а жены им велено взять по весне во 102 г. (1594 г.), как они (в первом городе) устроятся, дворы себе поставят...». Значит, упомянутые ведицы должны будут устроиться еще в 1593 г. Отсюда понятно, что наказ о постройке Пельма должен относиться к 1592 г. или нач. 1593 г. Это собственно важно для определения года заложения Пельма, а что он был заложен в 1593 г., в этом нет никакого сомнения: не только содержание упомянутого наказа доказывает, но мы имеем и другой документ, именно челобитную к царю таборинских вогулов, в которой они пишут: «в прошлом, государь, во 101 г. (1593 г.) как твой государев Пельмский город стал...». См. А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 2.

³⁰ Р. И. В., т. II, № 64.

³¹ Ibid, т. II, № 57.

ров от Пелымки-реки засыпался и ему достраивать город некем, потому что служилые люди целое лето заняты разными другими службами, а черные люди в то же время пашут пашни*. Так что неизвестно, когда этот город был окончательно достроен. В 1617 году пелымский воевода уже доносил в Москву, что крепостное строение в Пелыме почти совсем сгнило и отчасти обвалилось, и что если вогулы забунтуются и придут к городу, то защищаться от них будет негде. Но скоро, именно в 1621 году, случился пожар, и город Пелым весь сгорел. Новый город после пожара был уже строен не жильцами только пелымскими, а вогулами и даже служилыми людьми, присланными для этой цели из Тобольска**. К 1623 году город был уже совсем отстроен. По дозору 1625 года город Пелым состоял из острога, в окружности 220 сажен, и посада: в первом находились храм во имя Рождества Христова, двор воеводский, житница государева, таможенная и съезжая избы, несколько лавок, 9 дворов ружников и 3 двора детей боярских; а на посаде — 37 стрелецких дворов и 4 двора пашенных крестьян***. Что же касается первоначального населения города Пелыма, то оно состояло из десяти человек боярских людей, 50 человек конных казаков, 100 человек пеших, набранных в разных поморских городах, 11 семейств ссыльных (непашенных людей), 40 семейств крестьян, прибравших в Пермской и Вятской областях, ссыльного попа угличского и дьякона из Ростова. Эти люди прибыли в Пелым еще с Петром Горчаковым. Вскоре потом сюда же отправлено ссыльных угличан до 30 семейств. Население Пелыма, таким образом, в первые годы его существования было довольно значительное и разнообразное. Правительство хотело, чтобы и служилые люди, и ссыльные, и переведенцы были хлебопашами: велено служилым людям отвести пашни, а ссыльным и переведенцам обрабатывать государеву пашню из четвертого снопа. Но земля под городом оказалась мало плодородной, а потому положение обитателей его было в высшей степени печальное. Служилые люди, если мало собирали хлеба со своих пашней, то могли еще кормиться хлебным жалованьем, да и они вследствие неак-

* *Ibid.*, т. II, № 61.

** «Ежемес. соч.» 1764 г., стр. 395.

34 А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 273.

куратного подвоза хлебных запасов из Европейской Руси иногда чувствовали недостаток в хлебе. Нечего уже и говорить о пашенных крестьянах, которые должны были довольствоваться четвертым снопом из собранной государевой жатвы. Уже в 1596 году ссыльные каргопольцы — 7 человек — били челом государю, что они, обрабатывая государеву пашню, одолжали великими долгами, помирают голодной смертью с женами и детьми и что четвертым снопом им прокормить свои семейства невозможно. Положение этих каргопольцев тем более было плачевно, что они «были люди не пашенные» и сами, не умея пахать, нанимали за себя казаков и на эти наймы тратили все свои средства. Каргопольцы просили государя освободить их от пашни, но их не освободили от нее, а только увеличили им процент из обрабатываемой ими государевой пашни; пельемскому воеводе велено выдавать челобитчикам половину из собранного государева хлеба за вычетом, впрочем, семян на пашню*. Вскоре после этого, именно в 1600 году, жаловались государю на свое тяжелое положение все пашенные люди города Пельма: пермичи, угличане, усольцы, каргопольцы, кайгородцы и калужане. В своей челобитной они писали, что до 1598 года они пахали на государя 75 десятин, а потом на них прибавили еще несколько десятин, да их же посылают ежегодно по 6 человек пахать в Таборы и на многие другие службы, «а хлеб на Пельме не родится, и им повытного хлеба достается понемногу, и они помирают голодной смертью с женами и детьми». Челобитчики просили, чтобы государь освободил их от прибавочной пашни и от уплаты в царские житницы заемного хлеба и, кроме того, разрешил им кормиться по другим городам, так как в Пельме цена на хлеб очень дорогая, по 2 р. 25 к. четверть ржи, да и за эту цену не всегда можно купить. Эта челобитная оставлена без последствий, и челобитчикам «велено пахать пашню и делать всякие государевы изделия по-прежнему»**.

Скоро, однако, и само правительство убедилось, что совершенно бесполезно держать в Пельме такое количество крестьян и морить их там голодом, что они могут привести не-

* А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 4.

** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, тетр. 1, св. № 16.

сравненно большую пользу в местах более плодородных, те более что несколько крестьян уже сбежали, поэтому пельымские крестьяне частью были переселены в новый город Туринск, частью в слободы Таборинскую и Гаринскую, а в Пельиме в 1625 году осталось только 8 человек*. Точно так же и количество служилых людей в Пельиме скоро значительно уменьшилось. После гибели Аблегирима и его семейства и вообще после первого удара, нанесенного русскими воеводами пельымским инородцам, последние помирились со своим положением и исправно платили ясак. Так что правительство нашло возможным значительную часть служилых людей перевести в Туринск. В смутную эпоху и в начале царствования Михаила Федоровича, хотя Пельиму и грозила опасность со стороны инородцев, но тем не менее количество служилых людей в этом городе не было увеличено. В 1613 году их осталось только 70 человек из 160**, а в 1625 г. было 75.

Всего населения в Пельиме вместе с ружниками и оброчниками в 1625 году было только 106 человек.

А еще менее русского элемента было в это время в уезде Пельымском. По первой переписи он состоял только из двух слобод — Таборинской и Гаринской и одной деревни. Таборинская слобода была основана на правом берегу реки Тавды между двумя небольшими речками Таборинкой и Лошкой, впадающими в Тавду. Основание первой слободы Миллер относит к 1621 году в одном месте своей истории, а в другом — к 1618 году***. Но, кажется, ни то, ни другое не верно. Еще в 1608 году царь Василий Иванович велел пельымскому воеводе прибрать охочих людей от 50 до 100 человек и поселить на пашни в Таборах. На этот указ воевода отвечал, что «в Пельиме охочих людей нет, а в Перми и у Соликамской охочих людей на таборинскую пашню добыть можно». После этого послана царская грамота пермскому воеводе, чтобы в Перми и Соликамской прибрать в Таборы пашенных крестьян человек с 50 и до 100 из охочих людей. В то же время пельымскому боярскому сыну велено ехать туда же и прибрать пашенных людей в Пельымский уезд****. Трудно пред

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 278.

** А. И., т. III, № 5.

*** «Ежемес. соч.» 1764 г., стр. 28 и 484.

**** А. И., т. II, № 251.

положить, чтобы это распоряжение царя не было исполнено тогда же. Можно только сказать, что на этот призыв откликнулось охочих людей очень мало, в Таборинской слободе даже вместе с переселенцами из Пелыма пашенных крестьян в 1625 году был только 21 человек. На более раннее основание этой слободы указывает и то обстоятельство, что в 1618 году в ней уже было более 40 десятин переложной земли*.

Вторая слобода Пелымского уезда основана на правом берегу Сосвы, несколько выше соединения этой реки с Лозвой и между вогульскими юртами Елышевскими и Еболдинскими. Она, несомненно, основана в 1623 году. Еще в сентябре 1622 года пелымский воевода по государеву указу велел подьячему Путилу Степанову, стрельцу Терентию Захарову и пашенному крестьянину Неверову «ехать вверх по Тауде-реке до Елышевских юрт и, приехав туда, досмотреть пашенного места Гарей — можно ли там пахать и какова земля, есть ли угодья и сколько крестьян на государеву пашню посадить можно»**. Известия дозорщиков были благоприятны: между указанными юртами и двумя небольшими реченками было достаточно сухого места — около 100 десятин с почвой среднего качества, — на котором можно завести государеву пашню и поселить 30 человек пашенных крестьян. Поэтому уже к 1623 году там поселено 10 человек крестьян, а в следующем году послана пелымскому воеводе грамота, чтобы он прибрал «на новое усадище на Гарей» еще 20 человек. При этом желающим поселиться в новой слободе объявлена четырехлетняя льгота и подмога на десятину по 10 рублей денег и по 10 четвертей хлеба, «а если не возьмут, то давать им по 16 рублей денег»***. Но, несмотря на эти выгодные обещания, на призыв пелымского воеводы немногие из охочих людей откликнулись. В 1625 году в Гаринской слободе было только 11 дворов, а крестьян — 13 человек. Кроме двух слобод, в Пелымском уезде, кажется, одновременно с Таборинской слободой основана деревня при Ворьинском озере житничным целовальником Деревенским. В 1625 году в ней было три дома. А людей в

* А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 1, № 69. См. «гр. в Пелым от 1618 г.».

** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 2, № 9.

*** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. 11, № 12.

них тоже три. Таким образом, по первой переписи в Пелыме и его уезде всего русского населения с ружниками и оброчниками было 143 человека, исключая женщин, детей, братьев и племянников. Из них пашенных крестьян 45 человек, которые пахали на государя 35 десятин в поле, а на себя «средней земли» — 74 четверти в поле и сена косили 2000 копен. Кроме русских пашенных людей, в Пелымском уезде, именно в Таборинской волости, государеву пашню пахали таборинские татары и вогулы, около 60 человек. Эти последние посажены на пашни и вместе с этим освобождены от ясака еще в 1594 году. По распоряжению воевод они в первые годы сеяли на государя разного хлеба 138 четвертей ежегодно, но в 1596 году по их челобитью государь велел пашенных таборинских татар и вогулов «в пашне полегчить» и сеять на государевых пашнях по 40 четвертей ржи и по 80 четвертей овса ежегодно, т.е. пахать 20 десятин под озимое и 20 под яровое*.

После первой переписи и до 1645 года в Пелымском уезде мы замечаем то слабое увеличение русского элемента, то слабое уменьшение. Это будет видно из следующих статистических данных.

В 1634 г.** пелымских крестьян было 13, таборинских — 28, гаринских — 18; в 1637 г.***: пелымских — 14, таборинских — 27, гаринских — 17; в 1640 г.****: пелымских — 14, таборинских — 26, гаринских — 16; в 1645 г.*****: пелымских — 14, таборинских — 26, гаринских — 16.

Таким образом, в конце царствования Михаила Федоровича русского населения в Пелымском уезде было 56 человек взрослого мужского пола, а в самом Пелыме (по присяжной книге) разных людей 126 человек*****, между тем как ясачных людей в Пелымском уезде было в то время до 620 человек.

* Р. И. Б., т. II, № 58.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 42. См. «Книга пелымским подгородным и гаринским крестьянам 1634 г.».

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 67. См. «Список с посевных книг 1636/7 г.».

**** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 43. См. «Книга пелым., подгор. и гарин. крест. 1640 г.».

***** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 303, л. 256.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 194. См. «Пелым. Города имянная книга приведенных к присяге Алексею Михайловичу. Дек. 1645».

Относительно пашенных инородцев следует заметить, что количество их постепенно увеличивалось до 1632 года, а потом начало уменьшаться вследствие смертности: в этом году пашенных татар и вогулов было 70 человек, в 1635 году — 60 человек, а к концу царствования Михаила Федоровича осталось только 33². Государевой пашни в Пельымском уезде к концу обозреваемого нами периода уменьшилось до 66 десятин в поле.

Что же касается доходных статей города и его уезда, то правительство в обозреваемый нами период никогда не могло покрыть местными средствами ни хлебных, ни денежных расходов. Сметные пельымские книги как хлебных запасов, так и денежных доходов всегда заканчивались дефицитом, и воеводы, указывая на последний, ежегодно спрашивали: «А о том, государь, что укажет?». Почва в Таборах и на Гарях считалась средней по качеству: самые высокие урожаи не превосходили сам $5\frac{1}{2}$, а подгородная почва давала только сам-два, три и редко сам-четыре. В 1631 году был самый большой присев хлеба на государевых пашнях, так что в следующем году озимого и ярового хлеба собрано 1116 четвертей да выделного хлеба взято 29 четвертей. Между тем как в расход хлеба с 1 сентября 1632 г. по 1 сентября 1633 г. вышло 1301 четверть; одним ружникам, оброчникам и служилым людям следовало дать хлебного жалованья 937 четвертей³. Но в следующие годы количество государевой пашни постепенно уменьшалось, чего, однако, нельзя сказать относительно расходов хлеба: в конце царствования Михаила Федоровича расход хлеба в Пельyme превосходил местный сбор одного почти на 400 четвертей. Поэтому ежегодно в Пельым присылали хлеб то из Тобольска, то из Верхотурья. Пашенные крестьяне, хотя и достаточное количество обрабатывали своей земли, но редкий год могли прокормить себя без заемного хлеба из государевых житниц, так что они были в постоянном долгу. Например, в 1634 году они задолжали уже казне 563 четверти разного хлеба, между тем как уплатить в этом году могли только 16 четвертей ржи и овса; денег они были должны 87 р. 50 к., а уплатили в этом году только 12 р. 4 к. Воевода по этому поводу замечал в «смет-

² А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 166, л. 314—315.

³ А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 35, л. 251.

ной книге», что крестьяне люди бедные и взять с них нечего*. Вот почему Пелымский уезд так медленно и слабо заселился русским элементом: малоплодородная почва да еще частый падеж скота не могли сюда привлечь охочих людей.

Еще менее были удовлетворены денежные доходы города Пелыма; годовой итог оных был ничтожен, а потому для покрытия денежных расходов ежегодно присылалась некоторая сумма из Тобольска. В 1628 году всяких денежных доходов в Пелыме было 137 р. 26 к., а в расход вышло около 500 рублей, в следующем году денежных доходов собрано 45 р. 90 к., а израсходовано 526 р. 25 к., и т.д. Вообще средний ежегодный дефицит простирался до 350 рублей**. Зато пелымские воеводы собирали столько ясака с инородцев Пелымского уезда, что оным можно было с излишком покрыть как хлебные, так и денежные местные расходы. В 1628 году собрано ясака и поминков на 645 рублей***, в 1635 году — на 872 рубля****, в 1643 году — на 850 рублей*****. При этом нужно заметить, что полный ясак никогда не собирался с инородцев Пелымского уезда, всегда был недобор, и очень значительный. Я просмотрел ясачные книги Пелыма за 10 лет, и ни за один год инородцы не заплатили ясака столько, сколько требовалось по окладу, — недобор иногда простирался до 600 рублей и более.

Но если взять среднюю величину всяких доходов и расходов, то Пелымский уезд все-таки давал прибыль государственной казне ежегодно около 250 рублей.

Березов и его уезд (1593—1645 гг.). Строителем этого города был тот самый Никифор В. Траханиот, о котором мы упоминали, говоря об основании Пелыма.

Наказ, данный этому воеводе, не сохранился и о поручении, которое он имел от своего правительства, мы узнаем

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 42. См. «Пелымскую сметную книгу 1634 г.».

** А. М. Ю. Сиб. пр., книги №№ 18, 43, 87 и др. Сметные книги г. Пелыма денежных доходов и расходов.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 19, л. 578. См. «Ясачная книга Пелым. уезда».

**** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 61. См. «Приходо-расходную книгу города Тобольска».

***** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6147/103.

только из наказа Горчакову. Из этого последнего документа видно, что Траханиот должен был пробыть некоторое время с Горчаковым, пока он укрепится в новом городе, и затем отправиться в Тобольск, а оттуда на Березов остров. Хотя в упомянутом документе ничего не говорится о том, зачем Траханиота послали на этот остров, но несомненно для постройки там русского города. Летом 1594 года город Березов уже существовал, и первым воеводой в нем был Траханиот, как свидетельствует об этом царская к нему грамота от 1594 года 17-го дня*. Новый русский город был заложен на левом возвышенном берегу реки Сосвы при впадении в эту реку речки Вогулки. Нужно заметить, что между Сосвой и Обью находилось несколько протоков, которые соединяли эти реки; Березов был построен при самом северном протоке и, таким образом, водное сообщение Березова с Обью находилось под самым городом, но этим протоком, вероятно, по его мелководью не пользовались, а путь из Березова в Обь и обратно шел через средний проток, называвшийся Большой Пырсым, и потом по реке Сосве верст около двадцати.

Город Березов первоначально был заложен на небольшом пространстве. Поэтому после построек разных казенных зданий, церкви и дворов для обитателей его в нем образовалась столь большая теснота, что служилые люди принуждены были 15 дворов вынести за острог; также в 1605 году построена новая церковь во имя Воскресения Христова. Но жить за острогом скоро оказалось очень опасно, и служилые люди в 1606 году били челом государю о расширении оного. Разрешение было дано в 1607 году, и заострожные постройки соединены с городом**. Мы не знаем, какая церковь первоначально построена была в Березове, но что она существовала — в этом не может быть сомнения; обыкновенно во всех сибирских городах церковь строилась одновременно с заложением города. Но, кроме того, на существование церкви в Березове до 1599 года указывает и следующее обстоятельство. В этом году кодская княгиня, принявшая крещение, била челом государю, чтобы в ее вот-

* «Опис. Сиб. цар. Миллера, стр. 201. См. грам. Федора в Березов город воеводе Н.В. Трах. от 17 авг. 1594 г.

** Р. И. Б., т. II, № 76.

чине Коде построить церковь³⁰. Государь пожаловал и велел березовскому воеводе приготовить попа в Березов^{*}. А если в Березове существовало духовенство, то, значит, и существовала там церковь, потому что в сибирских городах несравненно было легче построить церковь, чем найти для нее священнослужителей. Кодекая церковь Живоначальной Троицы просуществовала недолго: в 1607 году основательница ее княгиня Настасья приняла участие в остяцком бунте и за это посажена в тюрьму. Тогда игумен Евстратий, служивший в той церкви, просил государя перевести его в Березов, потому что ему в Коде делать нечего и приходу нет никакого, а в Березове у него есть дети духовные. Государь перевод разрешил и в то же время велел «служить ему в Березове у церкви, где пригоже»^{**}. Эта последняя фраза показывает, что в этом городе, кроме Воскресенской церкви, существовала еще другая.

Относительно первоначального населения города Березова следует заметить, что оно состояло из духовенства, торговых, служилых и гулящих людей. Как было велико количество одного, мы не можем сказать. Из документа 1608 года видно, что в этом году служилых людей в городе было 323 человека, кроме воеводы, дьяка и подьячих^{***}. Впоследствии, после замирения Березовского края, число служилых людей в этом городе значительно уменьшилось: в 1629 году служилых людей вместе с ружниками и оброчниками осталось около 240 человек, в 1634 году того же населения было 259 человек и в 1645 году — 260 человек. Ни торговых людей, ни крестьян во вторую половину царствования Михаила Федоровича в Березове не было.

Цель постройки города Березова состояла в том, чтобы удерживать в повиновении обских остяков, югорских остяков и вогулов, уже плативших ясак, наложить ясак на самоедов, кочевавших в разных местах в северной части Березовского уезда, и, наконец, следить за тамошней торговлей и за приезжими торговыми и промышленными людьми. Цель эта была вполне достигнута. Иностранческое население Березовского уезда, хотя и было сравнительно много-

* Ibid, № 68.

** Р. И. В., т. II, л. 79.

*** Ibid, № 73.

численно, но оно не могло сопротивляться «огненному бою» русских завоевателей и волей-неволей должно было подчиниться русскому царю и платить ясак. Правда, в смутную эпоху и в начале царствования Михаила Федоровича тамошние инородцы не раз пытались освободиться от русского ига, нападали на город Березов, но их военные предприятия были безуспешны, а во вторую половину царствования Михаила Федоровича об этих попытках уже не было и слуху. Но несравненно труднее было березовскому воеводе справиться с торговыми и промышленными русскими людьми, заставить их со своих товаров платить разные пошлины в государеву казну. Территория Березовского уезда была обширная, торговых путей из Руси в Сибирь было несколько, а потому следить за проезжими русскими людьми было чрезвычайно трудно. Тем более трудно, что со здешними инородцами русские люди были уже давно знакомы, вели взаимную торговлю еще со времени новгородцев, и инородцы даже доставляли русским людям средства для перевозки товаров с Уральского хребта далее в Сибирь. Главных дорог, по которым торговые промышленные люди пробирались в Сибирь, было три. Во-первых, морская, которая шла через Карское море по речкам Мутной, Зеленой в Обскую и Тазовскую губы, а из последней — в реку Таз. Эта дорога, собственно, вела в так называемую Мангазею* — золотое дно для торговых и промышленных людей. Правительству этот путь был долгое время мало ведом, или, вернее, оно не имело о нем точных определенных сведений, хотя и знало, что промышленные и торговые люди плавают морем в «Мангазею» и «на Енисею»**. Точные сведения о морском пути правительство получило только в начале 1616 года от тобольского воеводы Куракина. Последний, сообщая в Москву сведения об этом пути, в то же время высказал опасение, что оным могут воспользоваться немцы для торговли с сибирскими инородцами, как уже и были с их стороны по-

* *Примеч.* Эта страна в древние время называлась Мулганей и Молгазель — объяснение этого названия от слова «манган» совершенно несомнительно: еще в первой половине XVII века в некоторых документах эта страна называлась своим собственным именем, а не исковерканным «Мангазель». Подробнее об этом мы скажем во второй части нашего исследования.

** А. И., т. II, № 30.

пытки, по рассказам торговых и промышленных людей. «А по здешнему, государь, — писал этот воевода, — по сибирскому смотря делу, некоторыми обычай немцам в Мангазею торговати, ездити поволить не можно; да не токмо им ездити, ино-б, государь, и русским людям морем в Мангазею от Архангельскаго города для немец ездить не велеть, чтоб на них смотря немцы дороги не узнали, и приехав-бы воинские многие люди сибирским городам, какые порухи не учинил»*. Это сообщение так напугало правительство Михаила Федоровича, что оно в том же году запретило под страхом смертной казни плавать тем путем в Мангазею и обратно**. Те торговые и промышленные люди, которые рассказывали Куракину о попытках немцев пробраться в Сибирь, и не подозревали, что эти рассказы им же принесут великое горе. Поэтому они, узнав о правительственном распоряжении относительно морского пути, запели уже иную песню. «В сыску в Мангазее многих городов торговые и промышленные люди сказали, что из двинского устья морем в енисейское устье большими и малыми кочами сами не бывали и изначала про ходокон русских и кинских иных людей не слышали; а то-де они слышали, что от Мутные реки и до обского устья и к енисейскому устью морем непроходимые злые места от великих льдов и всякие нужи, а у Карские-де губы кораблей немецких не видали, а с моря по Енисею кораблями или кочами про проход немецких людей не слышали и на Карскую губу за большим льдом ездити не можно». Но в то же время торговые и промышленные люди били челом, чтоб им разрешили ездить в Мангазею и обратно прежним путем «большим морем». Несмотря на резко бросающееся в глаза противоречие между «показаниями по сыску» относительно морского пути и упомянутой просьбой, правительство забыло свой страх и в начале 1618 года снова разрешило ездить по этому пути. А одного из рассказчиков про немецких людей, так напугавших московское правительство, — Еремку даже велено «за то бити нещадно, чтоб на то смотря иным неповодно воровством смуту затевать»***. Однако русские люди недолго, по крайней мере

* Р. И. В., т. II, № 254, 11, стр. 1055.

** Ibid, стр. 1059.

*** Р. И. В., т. II, стр. 1066—67.

открыто, пользовались морским путем. Тобольский воевода, получивши грамоту о разрешении этого пути, сделал на этот предмет столь существенные замечания, что правительство снова изменило свое решение. В следующем году он писал, что если дозволить торговым и промышленным людям ездить в Мангазею «большим морем», то а) невозможно будет с них пошлину собирать и б) немецкие люди могут по следам русских людей пробраться в Мангазею и в Енисею, и тогда государевой казне наверно будет ущерб^{*}. Эти заключения приняты во внимание, и в конце 1619 года издан указ, которым снова строжайше запрещалось торговым, промышленным и всяким людям плавать морем в Мангазею^{**}. А чтобы это запрещение не нарушалось, в 1620 году велено было построить острожек на волоке между речками Мутной и Зеленой и посылать туда с Березова и Тобольска служилых людей человек по 50, чтобы они следили за русскими и немецкими людьми и никого не пропускали тем путем в Мангазею и обратно. Это распоряжение исполнено только в 1624 году^{***}. С этого времени ежегодно в упомянутый острожек посылалось 20 человек с Березова и 20 человек служилых людей с Тобольска на время от разлива рек и до заморозков. Таким образом был прегражден морской путь в Сибирь.

Вторая дорога в Березовский уезд из Руси в Сибирь шла через Усу, приток реки Печоры, речку Елец и затем чрез небольшой волок в Сось, впадающую в реку Обь. Этот путь тоже давний. Тут на волоке в Уральских горах русские люди для временного пристанища построили Роговой городок⁴⁰, о котором правительство также долгое время не имело никаких сведений. Но следующий случай в 1607 году заставил правительство обратить внимание на этот пункт. В этом году березовский воевода Петр Черкасский писал в Москву. В Носовом городе в Обдоре березовские служилые люди, посланные туда для сбора ясака и десятой пошлины, захватили торговых людей человек 45 без проезжих грамот и, разделив их на две партии, отправили под конвоем в город Березов. Но одна партия (человек около 25)

* Ibid, стр. 1071—72.

** Ibid, стр. 1075.

*** Ibid, стр. 1094.

дорогой напала на своих конвойных двух казаков, ограбила их и бросила на тундре, а сама разбежалась; самоеды нашли этих казаков нагих и голодных и привезли в Носовой городок. Другая же партия торговых людей прибыла в Березов, и воевода, взяв с них пошлину, отпустил в Пустозерск. Но далее он сообщал: «А приезжают пустозерцы в Березовский уезд по вся годы многие люди и ходят Печорою рекою в судах с великими товарами... под камень в Роговой городок и тут они осенеют; а как дорога (зимняя) станет, и к ним приезжают самоеды, их знакомцы и други и у тех торговых людей наймутся и товары их возят по тундрам к ясашной хуиной самоеды, а иные многие свои товары меняют в Роговом городе...». Вследствие этого, продолжал тот же воевода, не только в десятинной пошлине бывает убыль, но и недобор в ясаке, потому что торговые люди меняют свои товары на мягкую рухлядь прежде сбора с самоедов государева ясака. Получив эту воеводскую отписку, правительство приказало, чтобы торговые и промышленные люди исключительно торговали в Березове, на гостином дворе с платой десятой пошлины и притом не прежде начинали торговлю, как будет собран с инородцев ясак*. Но трудно было заставить русских торговых и промышленных людей подчиниться этому распоряжению. Им легко было обходить и Обдорский городок, и Березов; доплыв до устья Соби, они входили в Обь и затем направляли свой путь куда угодно: и в Мангазею, и в Тобольск, не будучи замеченными ни из Обдора, ни из Березова, и тем путем же возвращались на Русь. Правда, в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова при устье Оби была застава, и объехать последнюю было очень трудно, но она скоро была уничтожена, и торговым людям открылся свободный путь. Но при Михаиле Федоровиче правительство хорошо разузнало о тех обходах, которые делают русские люди, чтобы со своих товаров не платить никаких пошлин, и потому в 1618 году велено тобольскому воеводе возобновить Собскую заставу и ежегодно посылать туда на летнее время по несколько человек служилых людей и целовальника для сбора пошлины с торговых, промышленных и всяких проезжих людей**.

* Р. И. Б., т. II, № 77.

** Р. И. Б., т. II, № 256, стр. 1076.

Собская застава поставлена была не при самом устье реки Соби, а несколько выше него. Почти против этой заставы на правой стороне устья Оби, при реке Полуй, еще в царствование Федора Ивановича построен был острожек Обдорск, или Носовой городок. Он назначался, собственно, для сбора ясака с самоедов и остяков, которые в известное время приходили в этот город и приносили ясак. Поэтому и здесь, как и на Собской заставе, до самого конца царствования Михаила Федоровича не было постоянного населения, а жили временно служилые люди, присылаемые то из Тобольска, то из Березова. Эти же служилые люди собирали и пошлину с русских торговых и промышленных людей. Но так как служилые люди были неопытны в оценке товаров: «таможенное дело, — говорили они, — нам не за обычай», то при Михаиле Федоровиче в Обдорск, как и на Собскую заставу, начали посылать сначала целовальников из посадских людей, а с 1635 года таможенных голов*.

Благодаря Собской и Обдорской заставам русским людям было уже совершенно невозможно тайно пробраться в Мангазею и обратно на Русь чрез камень; в течение трех летних месяцев, т.е. когда возможен был водный путь, на этих двух заставах сторожили таможенные головы, а по окольным местам с той же целью последние рассылали служилых людей. В другое же время путь здесь был невозможен. В одном наказе собским и обдорским головам говорится: «Жить им на тех заставах немногое время — всего три месяца: июнь, июль и август, а больше того жить там нечего, потому что торговым и промышленным, и всяким людям мимо Обдора и Собского устья после Семена дня в осень и во всю зиму, и весной ездить нельзя; то место пустое, и в сибирские города в то время той дорогой никто не едит»**. Но существовал в Березовском уезде еще третий путь из Руси в Сибирь — югорский, который из-за Уральского хребта выходил на реку Киргас⁴¹, приток Сыгвы. Этим путем легко было обойти Березов и Собскую и Обдорскую заставы: спустившись по Сыгве в Сосву, русские купцы и промышленники вместо того, чтобы плыть по Сосве к Березову, выплывали из Сосвы в самую южную протоку, которая соединяла Обь с Сосвой. Эта протока, называвшаяся

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6106/62, лл. 5—6, см. «Доклад государю».

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6106/22, л. 76.

Испаловой, отстояла от Березова южнее верст на 80, а потому из этого города было невозможно уследить за проезжими по югорскому пути. После возобновления Собской заставы русские торговые, промышленные и беглые люди пользовались этим путем и для въезда в Сибирь, и обратно. Кажется, московское правительство долго не знало об обходе русскими людьми своих сибирских таможенных застав через Ияспалову протоку, по крайней мере оно долгое время не принимало против этого обхода никаких мер. Только во второй половине царствования Михаила Федоровича тобольские и березовские воеводы начали сюда посылать в летнее время служилых людей для наблюдения за проезжими людьми по указанному пути. Застава, основанная здесь, называлась Киртасской, вероятно, потому, что в то время, в начале XVII века, верхняя часть Сосвы называлась Киртас, а не Режма, как в конце XVII века. На это указывает следующее место из «памяти», данной тобольским воеводой таможенным березовским головам: «Посылать им из Березова в Березовский уезд вверх реки Сосвы, выше Ияспаловы протоки, которая пала из Оби в реку Сосву, на реку Киртас, а приехав на проток реки Сосвы и на реку Киртас, велеть поставить на тех реках заставу служилых людей, которым стеречь проезжающих из Мангазеи, Сургута, Томского города и других сибирских городов торговых и промышленных людей, чтобы мимо заставы никто и никуда не проехал бы». Трудно предположить, чтобы в данном случае имелась в виду та речка Киртас, которая чрез Сыкырью сливается с Сыгвой — она слишком далеко отстоит от Березова.

Та же «память» предписывает служилым людям, которые будут на этой заставе, осматривать у всяких проезжих людей мягкую рухлядь по их проезжим грамотам, и если найдется мягкая рухлядь сверх таких грамот, а торговые люди захотят торговать на Сосве и на Киртасе, то брать с купцов десятую пошлину, и в этом месте «памяти» река Киртас ставится наряду с Сосвой².

Таким образом, в Березовском уезде устроено четыре заставы для борьбы с торговыми, промышленными и другими людьми проезжими. Теперь московское правительство могло быть спокойным относительно сбора пошлин в тамо-

² А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6106/62, л. 266, см. «Память таможенным и заставным головам...».

женных местах: миновать указанные заставы, основанные на трех сибирских дорогах, а других не существовало, не было никакой возможности. Таможенные головы наделены были большими полномочиями в таможенном деле и в то же время за малейшие злоупотребления подвергались жестокой ответственности. Вот почему посадские люди, из которых выбирались головы, с неохотой принимают таможенные посты и постоянно жалуются на тяжесть этой обязанности. Конечно, злоупотребления бывали, но тем не менее с устройством заставы и с учреждением таможенных голов на Соби и Обдоре с 1635 года сборы пошлин в Березовском уезде, по сознанию самого правительства, значительно увеличились, а «книги таможенного сбора» показывают нам, что эти сборы доходили до крупных сумм.

Нужно заметить, что Березов и Собская застава были такими же важными торговыми центрами, как и Тобольск. Сюда летом прибывало множество русских купцов или их приказчиков, для меновой торговли с остяками, вогулами и самоедами; при этом они останавливались на Собской заставе и здесь разменивались товарами с инородцами, другие отправлялись для той же цели в Березов, в Обдорск и в Мангазею. Торговля в этих местах несравненно более доставляла барышей русским людям, чем в Тобольске, где им, как я упоминал, приходилось более покупать, чем продавать; здесь они сбывали инородцам разные дешевые вещи русского наделия и даже поношенные порты и рубахи, а взамен получали соболей и бобров. Конечно, не для одних инородцев русские купцы привозили свои товары, но и для русских служилых людей, живших в сибирских городах и острожках. Чтобы иметь понятие о предметах русской торговли, сообщим здесь из собской и киртасской таможенных книг названия некоторых товаров: медные котлы, пуговицы, булавки, колокольчики, чарки, солонки, перстни, оловянные блюда и пуговицы, железные наконечники для стрел, топоры, сковороды, сукно английское и сермяжное, полотно ярославское, зипуны и кафтаны, рубахи мужские и женские, шитые золотом, сапоги мужские и женские сафьяновые и телячьи, рукавицы, подошвы, башмаки, чулки, пояса шелковые и гарусные, шубы бараньи, зеркала, струны, огнивы, масло коровье, мед, воск, ладан, прядь не-

воднал, веревки, нитки, писчая бумага, порох, свечи, мыло костромское, сахар, пряники и пр. Некоторые из этих предметов по тогдашнему времени стоили довольно дорого, например, кафтан «из доброго английского сукна с золотыми шнурками» оценен таможенным головой в 5 рублей, а за эти деньги можно было тогда купить пять лошадей; сковорода ценилась в 50 к., пуд меди в котлах — 10 рублей, десять писчей бумаги — 24 к. Другие товары поражают своей дешевизной: фунт коровьего масла — 4 к., аршин тонкого ярославского полотна — 6 к., семь женских рубах поношенных — 11 к., и т.п. Со всех этих товаров на Собской, Киртасской и Обдорской заставах взималась государева пошлина: десятая — если товары продавались на заставе, и проезжая (4 к. с рубля) — если купцы везли свои товары в Березов или в Мангазею. Пошлина здесь собиралась преимущественно деньгами, но встречаются примеры, и довольно частые, что брали и натурой.

Вследствие этого иногда попадаются довольно курьезные отметки таможенных голов: «взят на государя десятая пошлина собачьего корма»*. Что в данном случае пошлина взята натурой, в этом нет никакого сомнения, ибо когда пошлина с товаров взималась деньгами, то после наименования товара и оценки оного таможенный голова отмечал: «взята на государя десятая пошлина с того товара» 3 алтына или 5 денег и т.п. Из таможенных книг видно, что платеж пошлины натурой или деньгами исключительно зависел от владельца товара — чем хотел он, тем и платил. Поэтому в государственной казне собиралось множество товаров и самых разнообразных: соболи, бобры, кафтаны, салоги, поношенные рубахи, собачий корм, оловянные и медные пуговицы и др. Теперь спрашивается, куда девались подобные товары, какое из них делалось употребление? Ответом на этот вопрос служат самые определенные указания; только мягкая рухлядь отсылалась в Москву, все же другие товары или распродавались теми же таможенными головами и целовальниками, или же ими уплачивалось жалование служилым людям. Как ни мелки были пошлины, взимаемые на Обдорской, Собской и Киртасской заставах, тем не менее в течение лета их собиралось на значи-

* *Прим.* Эта пошлина взята с промышленника, который вез корм «для промышленных собак».

тельную сумму, особенно со времени учреждения на этих заставах таможенных голов и паловальников: в 1625 году на первых двух заставах собрано всяких пошлин на 404 р. 39 к.^{*}, но в 1641 году уже собрано на 950 р. 3 к.^{**}. К сожалению, мы не можем точно определить сумму пошлин, собираемых в течение лета на заставе Киртасской, мы видели только одну таможенную книгу с этой заставы, да и та настолько ветха, что трудно было читать оную, а тем более сосчитывать по ней пошлины, притом же половина этого документа совсем уничтожена. Впрочем, почти наверное можно определить, что сумма пошлин с Киртасской заставы не превышала 50 рублей; из прочитанной нами части упомянутого документа видно, что на этой заставе русские купцы не останавливались для торговли, а проезжали далее в Березов и в Мангазею; вследствие этого с них здесь взималась только проезжая, или печатная (с проезжих грамот), и головная пошлина, которые не могли составить значительную сумму^{***}.

Березовская таможня собирала еще более пошлин, чем Собская и Обдорская, и к концу царствования Михаила Федоровича этот сбор значительно увеличился. Так, в 1625 году в Березове собрано всяких пошлин на 653 рубля, в 1629 году — 1814 рублей, в 1643-м — более двух тысяч рублей. Другие денежные статьи доходов города Березова были незначительны: таких доходов собиралось в год рублей на 50, на 100, не более. Что же касается расходов в этом городе, то они хоть и были значительны, тем не менее в конце царствования Михаила Федоровича с излишком покрывались местными денежными средствами даже помимо ясака. Главная статья расходов в Березове, как и в других сибирских городах, это хлебное и денежное жалованье ружникам, оброчникам и служилым людям. С 1628 года и до конца обозреваемого нами периода хлебного жалованья ежегодно выходило несколько более 3000 четвертей, а денежного — от 1350 до 1500 рублей. Но несомненно, что ранее этого времени того и другого жалованья выплачивалось гораздо более, потому что число служилых людей с 1628 года в Березове значительно уменьшилось^{****}.

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 8.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 142, дл. 1—259.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 142, л. 252.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., книги №№ 17, 18, 42 и 43; ст. № 6063/19, л. 67.

Но мяжкой рухляди — ясака и поминков — с инородцев Березовского уезда всегда собиралось на больше по тому времени суммы: в 1628 году собрано на 3887 рублей, в следующем году — на 3654 рубля, в 1643 году — на 1552 рубля*.

* А. М. Ю. Сиб. пр., книги №№ 19, 20 и 163.

Глава VIII

В предыдущих главах, насколько позволял нам материал, мы обозрели заселение некоторой части Сибири до 1645 года. Из этого обозрения видно, что в какие-нибудь пятьдесят лет после завоевания этой страны в ней возникло семь русских городов, несколько острожков, застав, слобод, сел и сотни деревень; русские поселения сначала появились по главным рекам, текущим в Передней Сибири: по Туре, Тоболу, Тааде, Иртышу, Оби, а потом и по их притокам. О постепенности заселения, собственно говоря, не может быть и речи: русские города и разных типов поселки появились почти одновременно на всем этом громадном пространстве. На упомянутых главных сибирских реках, в местах, которые более или менее были заселены туземцами, или местах стратегических основывался русский город, а около него возникали и русские деревни; постепенность в заселении можно наблюдать только в колонизации уезда известного города, но не относительно всего покоренного края. Мы видели также, что количество русского населения далеко не соответствовало обширности занятой им территории; оно было даже ничтожно сравнительно с громадным пространством завоеванной страны. Но тем не менее русского населения к концу обозреваемого нами периода все-таки было вдвое более, чем туземного, инородческого: в 1645 году в семи уездах количество русских людей простиралось до восьми тысяч семейств, а инородцев не было и пяти тысяч. Важно то, что русской колонизации открылись теперь простор и безопасность, теперь переселенцы из Европейской Руси могли найти за Уральским хребтом временный приют и пропитание, а потому в следующий период число оных должно значительно увеличиться.

После этого естественным является вопрос, каким образом заселялась Сибирь, какими путями проникло туда

русское население и каково было положение русских и нерусских переселенцев в этой громадной окраине Московского государства? Исследование этих вопросов и будет составлять предмет настоящей главы нашего сочинения.

Заселение Сибири, как и других окраин Русского государства, было двойного вида — правительственное и вольнонародное. С самого утверждения русского владычества в Сибири московское правительство переселяло туда русских и нерусских людей то «по прибору», то «по указу». Первыми, конечно, насельниками покоренного края были те служилые люди, которые и завоевали его. Воеводы и головы, назначенные на службу в Сибирь, сами и через других правительственных агентов набирали войско отчасти из служилого класса, а отчасти из разных вольных «охочих людей»; каждую сопровождали духовенство, а иногда и посадские люди и крестьяне, тоже «прибранные», а иногда и ссыльные. Начальные лица, совершив поход, т.е. покоривши инородцев известной местности и построивши там город, через год или два возвращались обратно на Русь; их сменял новый штат, но остальной состав экспедиции водворялся в Сибири в новопостроенном городе. Едва только эти новые жители покоренного края поставят свои дворы, как бьют челом государю, чтобы к ним были переведены из Руси их семейства, а боярские дети, духовные лица, разные подьячие таким же образом выписывали и своих крепостных людей. Так что уже во второй год существования города русских жителей в нем было достаточное количество. Но, как мы упоминали в предшествующих главах, не все они оставались жить в городе, а многие селились на своих пашнях, и таким образом началось заселение уезда. При обозрении городов мы уже касались самого контингента первоначального населения каждого города и указывали на то, что городское население вначале было вместе с тем и уездным. И впоследствии московское правительство теми же способами, т.е. «по прибору» и «по указу» заселяло дальнюю государеву вотчину, переселяло туда духовенство, служилых людей и крестьян. Сибирь особенно нуждалась в священниках, и сибирские митрополиты постоянно били челом государю о присылке попов в этот край, но охотников находилось немного. Мы упоминали, что вместе с первым Сибирским архиепископом Киприя-

ном отправилось несколько белых и черных попов, прибранных большей частью в самой Москве. Этот «прибор» был не совсем удачен, и вместе с тем видно, что белые попы скорее по указу переселились в Сибирь, чем по доброй воле. Уже в 1622 году Киприан писал Михаилу Федоровичу и святейшему патриарху Филарету, что «те попы ключарь Иван с товарищами с ним, с архиепископом, в соборе в церковных службах быть не хотят и в церкви не служат, и его ни в чем не слушают, да кроме того составляют на него ропот многой и государеваго денежнаго и хлебнаго жалованья не взяли и живут самовольством». Между тем это жалование было достаточное и на него можно было жить безбедно; например, протопоп получал в год денег 25 р. и разного хлеба 60 четвертей, протодынок — 15 р. и хлеба 36 четвертей, а священники по 10 р. и по 26 четвертей хлеба, т.е. эти духовные лица «верстались» таким окладом, который получали только служилые люди высшей «статьи»*. Но они все-таки не были довольны своим положением и в том же 1622 году «самовольством побежали в Москву». На дороге их задержали и по государеву указу возвратили в Тобольск. Из грамоты Киприана от 1623 года видно, однако, что и после этого они не хотели служить и не брали жалованья. «Нам-де за церковную службу, — говорили эти попы архиепископу, — приняться нельзя, потому что доброты их пишут из Москвы, что им однолично вскоре быть на Москве попрежнему». Само собой понятно, что при добровольном переселении этих духовных лиц невозможно было бы ожидать с их стороны такого упорства. Михаил Федорович и патриарх Филарет, получив вышеупомянутые грамоты от Киприана, указали: «тех бездельников и воров попов за их воровство и ослушание... разослать из Тобольска в дальние сибирские города в Мулгазею (Мангазею), в Кетский и Кузнецкий острожки порознь тотчас бессрочно и быти им в тех городах в рядовых попах»**. Но этот указ не был исполнен; заменить этих попов было нечем, а между тем они, вероятно, испугавшись еще более далекого заточения, помирились со своим положением, приняли государево жалование и начали отправлять свои обязанности. Они жили в Тобольске еще при Алексее Михайло-

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. столб.

** А. М. И. Д. Порт. Милл., № 541, кн. 1.

виче, как это видно из их челобитной к этому государю о прибавке им денежного и хлебного жалованья.

Затем каждый новый архиепископ при своем отправлении на тобольскую кафедру прибирал черных и белых попов и тоже, вероятно, при приборе не всегда сообразовался с доброй волей последних, а пользовался содействием высших властей. Некоторые документы свидетельствуют, что посылка духовных лиц в Сибирь была в некотором роде повинностью для духовного сословия, точно так же, как для служилых людей и крестьян известной области посылка туда же своих собратий: казаков, стрельцов и «пашенных людей». Например, в 1635 году Михаил Федорович указал архиепископу Вологодскому и Великопермскому Варлааму выбрать в его архиепископии в Тобольск к соборной церкви и в другие сибирские города архимандрита, пять черных попов и 10 или 12 белых. При этом предписывалось выбирать черных и белых попов «людей добрых, крепкожительных, духовных учителей, которые бы были по преданию и по правилам святых апостолов и св. отец, а не бражников». Но прошло несколько времени, и от Варлаама никакого известия об этом деле не приходило в Москву. Тогда послана была новая подтвердительная грамота, чтобы он поспешил прибором, и при этом делался выговор за нерадение. Но архиепископ был не виноват: несмотря на то, что «посадские и волостные попы учинили меж себя дать подмогу тем попам, которые согласятся ехать в Сибирь, по 30 и 40 рублей, многие попы для такого дальнего проезде разбежались, не желая оставлять своих домов». Узнав об этом, государь указал Варлааму объявить: «Кто в Сибирь выбраны будут, тем дано будет на подъем жалованья из нашей казны, подможных денег на платье и на харчи архимандриту по 40 р., протопопу 35 р., черным и белым попам по 30 р. человеку, да кроме того казенный корм в дороге и казенные подводы им и под их жен, детей и работников...». Эта казенная «подмога», однако, не исключала той, которую обещали дать посадские и волостные попы белым попам, а монастыри черным попам (по 20 р.), и, стало быть, переселенцы в Сибирь получали подъемных по 60 рублей. Эта сумма по тому времени составляла капитал. Только после этого вызвалось несколько лиц из черного и, белого духовенства отправиться в Сибирь. Из списка этих пересе-

ленцев видно, что в Вологодской епархии прибраны: архимандрит, протопоп, 5 белых попов и 3 черных. С белыми попами ехали их жены и дети, разные свойственники и работники, с архимандритом — келейники да 4 человека людей; всех переселенцев отправлялось в Сибирь 60 человек. Кроме того, в самой Москве «написались своею волею черных два попа да белых попов 6 человек»*. Но, несмотря на то, что в Сибирь правительство отправляло попов целыми партиями, в них все-таки постоянно чувствовался недостаток. В 1638 году третий Сибирский архиепископ Нектарий жаловался царю: «В Сибири теперь черными попами стала скудость великая — в Тобольске и во всем городе, и в монастыре, и у меня только один черный поп, да и тот отец мне духовный, а в городах Мангазее, Пелыме, Кузнецке и в новых монастырях, что вновь строятся, нет ни одного черного попа, и тех людей, которые желают постричься, некому постричь, и постоянно бьют мне челом о черных попах»**. Из других челобитий сибирских архиепископов видно, что такая «скудость великая» была и на белых попов. Причина этого недостатка в священническом чине очевидна. Немногие добровольно соглашались оставить родину, друзей и родственников, чтобы отправиться в мало известный и далекий край, а те из священников, которые и переселились в Сибирь, при первой возможности старались возвратиться назад. И сами они, и их «доброхоты» постоянно били челом царю и патриарху о возвращении на родину. Некоторые из этих челобитных удовлетворялись, а те священники, на чьи челобитные в Москве не обращали внимания, просто бежали из Сибири. Дело в том, что жизнь в Сибири в то время не для всех была привлекательна. Черным попам на Руси жилось хорошо и им не было нужды от хорошего житья идти в Сибирь и искать неизвестного. Что же касается белых попов, то хотя их положение и на родине было незавидное, тем не менее они не могли стремиться в Сибирь, потому что там жизнь белого духовенства была еще печальнее. С самого приезда в Тобольск архиепископ Кириан начинает жаловаться царю и патриарху на грубое к себе отношение воевод и прочих служилых сибирских людей и «на жестокости», кото-

* Р. И. В., т. II, № 164.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 9138/94.

рые причиняют последние белому духовенству. По этим жалобам правительство посылает сибирским воеводам грозные грамоты, но видно, что они не обращали никакого внимания на эти грамоты, потому что и после Киприана его преемники продолжают жаловаться на то же самое и в тех же самых выражениях. «В сибирских городах, — читаем в этих архиепископских жалобах, — твои государевы воеводы и приказные люди во всякие наши святительские и духовные дела и суды вступаются и церковников попов, дьяконов, дьячков, пономарей и всяких причетников к твоему государеву всякому делу и к письму от твоего царского богомолья от Божних церквей насильно берут, во всем их судят и смиряют и от церквей Божних отставляют и с попов скуфьи снимают, в тюрьму сажают и батогами бьют и побивают... в Сибири же от Божних церквей к твоему государеву выдельному хлебу и к письму берут попов, дьяконов, дьячков и пока, государь, те выдельники на тебя в городах и в слободах пятый сноп выделят, и в то время церкван стоят без пения... и в том попам... и причетникам в Сибири от воевод и от приказных людей обида и притеснения великие»*. Отсюда понятно, почему попы, переселившиеся в Сибирь, стремятся поскорее убежать оттуда и почему немногие из них добровольно вышываются на переселение, так как очевидно, что рассказы о притеснениях сибирских воевод были всем известны на Руси, как известно и то, что защиты от этих притеснителей трудно было тогда найти. Из тамошних же жителей тоже немногие прельщались священническим чинном. «Ставить в попы некого, — жалуется царю один сибирский архиепископ, — потому что в Сибири, государь, люди все ссыльные и в попы ставиться охотников мало».

Как черных и белых попов, так и служилых людей правительство прибирало в Европейской Руси и отправляло на службу в Сибирь. Мы могли бы указать множество случаев подобного переселения, но, чтобы не утомлять читателя подробностями, ограничимся только некоторыми: так, в 1631 году в поморских городах было прибрано 500 человек казаков и стрельцов**, в 1635 году в Устюге Великом при-

* А. М. И. Д. Порт, Милл., № 184 и 477; А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6440/100.

** А. М. И. Д. Порт, Милл., № 488, св. I.

брано 50 человек стрельцов отчасти из служилых людей от отцов детей, от дядей племянников и т.п., а отчасти из вольных, гулящих людей*. Обыкновенно этот прибор совершался таким образом: сначала прибирался сотник, а этот прибирал в свою сотню десятников, а десятники — рядовых казаков или стрельцов. Десятники с рядовыми служилыми людьми давали сотнику запись следующего содержания: «Се аз десятник N, да его десятка (NN)... поручились есмь промеж себя всем десятком, десятью человеки, друг по друг у сотника (N) в том: быти нам на государеве службе в городе (N) на житье в стрельцах (или казаках конных или пеших) и государева служба служити, а не воровати, корчмы и блядни не держати, и зерню не играти, и не красти, и не бежати, а кто из нас из десяти человек сбежит и на нас на поручниках, на мне на десницком и на товарищах моих, государево жалованье, денежное и хлебное, и пени государева, а в пене, что государь укажет, и наши поручниковы головы в его голову место. Нато послуси... NN**». Прибранные таким образом служилые люди получали из казны подмогу (например, десятник 2 р. 25 к., рядовые женатые по 2 р., а холостые по 1 р. 50 к.) и на казенных подводах отправлялись в Сибирь. Нередко правительство переводило из Руси в сибирские города казаков и стрельцов просто по государеву указу; в таком случае «с переселенцев» записей не брали, но по прибытии их на место они должны были присягнуть в том, что «пришли своими головами полное число, а в их места за отцов детей, за братию братьев, за дядей племянников и наймитов нет ни одного человека»***.

Но как приборные служилые люди, так и переведенцы свое путешествие в Сибирь сопровождали страшными разбоями и грабежами; для населения тех областей, чрез которые они проезжали, наступали тогда дни величайших бедствий. Движение этих переселенцев напоминало русским людям татарских баскаков во времена монгольского ига, когда эти последние с отрядами татар появлялись для сбора дани. Едва только делалось известным приближение казаков и стрельцов к городу или селу, как жители запирали

* А. М. И. Д. Присяжные дела № 76.

** Р. И. Б., т. II, № 53.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6111/67, л. 506.

дома, прятали жен и дочерей, угоняли в леса скот и с ужасом ожидали это орды. Вся забота населения известной области, в которую вступали переселенцы, заключалась прежде всего в том, чтобы поскорее спровадить их далее, избавиться от их продолжительной стоянки, поэтому подводы, которые жители должны были выставить под переселенцев по проезжим грамотам, приготавливались заранее и по неделе и по две ожидали своих пассажиров на известном месте. Наконец орда прибывала, население встречало ее, пило и кормило, давало «поминки» натурой и деньгами в виде откупа, словом, делало все для этих ужасных гостей, лишь бы подешевле и поскорее от них отделаться, но последнее не всегда удавалось: переселенцы не спешили, иногда жили на известной стоянке по неделе и более и кутили столько и как им заблагорассудится. Самый лучший исход для населения при отправке переселенцев состоял в том, если оно отделялось от них только кормом, добровольными поминками и прибавкой нескольких лишних, сверх проезжих грамот, подвод; подобные проводы можно считать мирными, не выходящими из ряда обыкновенных; жители таким исходом были довольны даже в том случае, если во время гостеприимства переселенцы позволяли себе небольшие грабежи и разные насилия. Мы говорим: жители были довольны такими проводами именно потому, что в большинстве случаев переселения в Сибирь служилых людей сопровождались для них несравненно худшими бедствиями. Для иллюстрации мы приведем здесь некоторые случаи иного рода проводов. В 1593 году «сын боярский, — читаем в царской грамоте к воеводе Горчакову, — с атаманом и с казаками, едучи в Сибирь, воровали. В вотчине боярина Д.И. Годунова крестьян били и грабили, жен крестьянских соромотили, убили из лица крестьянина, а у иных многих крестьян животину коров, свиней побили и платье пограбили, да другие боярские дети с атаманом и казаками, которые отпущены из Москвы, по дороге многих людей били и грабили и ямщикам за подводы прогонов не давали и пр.*». Но иногда проходили в Сибирь такие партии служилых людей, что опустошали целые уезды, подобно тому, как де-

* Р. И. Б., т. II, стр. 115 и 116.

дали татары во время своих известных «наездов». В четвертой главе мы упоминали, что в 1635 году по государеву указу переведено в Тюмень 500 человек колмогорских стрельцов, переход их по русским областям сопровождался страшными грабежами и разбоем. Это видно из разных на них челобитных, поданных царю в том же 1635 году. «Бьют челом, — читаем в одной из них, — сироты твои Соли-Вычегоцкий всеуездный земский старостишка Васька Юрьев, да Соли же Вычегоцкой посадские земские и волостные целовальничешки и всеуездные посылчишки во всех остальных посадских людей и волостных крестьян место всего усольского уезда: в нынешнем в 1635 году в марте ехали по твоему указу с Колмогор мимо Соли Вычегоцкой Прохор Данилов, стрелецкий голова Андрей Кубасов, пять сотников, да 500 человек колмогорских стрельцов, а писано, государь, им по подорожным Данилову три подводы, Кубасову четыре подводы, сотникам по три подводы, женатым стрельцам по две подводы и холостым по одной. И мы, государь, по тем подорожным собрав все подводы сполна — всего 950 подвод, ждали их, Данилова и голову Кубасова с стрельцами у Соли, на посаде с конями более недели и подводы дали сполна против подорожных, а как они прибыли, то начали старостишку Ваську, посадских целовальников и волостных крестьян и земского дьячка во дворе бить и увечить на правеже ослопами на смерть и вымучили у нас великие поминки денег 220 руб.». Затем челобитчики пишут, что эти переведенцы не спешили брать подводы и для своей бездельной корысти прожили на посаде более недели, и во все это время били, держали на правеже⁴², дома разорили и разграбили и множество лишних подвод доправили. От этих непомерных смертных «правежей» упомянутые ямской староста, посадские и волостные целовальники и земской дьячок нашли было себе убежище в съезжей избе у воеводы Головачева, но те же стрельцы со своими начальниками проникли и туда с пищалями, саблями, шпагами и с ослопами и опять их били, а воеводу ругали «всякими мат... словесы». Так разбойничали эти «переведенцы» в городе, где был воевода и у которого, конечно, были служилые люди, то можно себе представить, что они позволяли себе по селам и деревням, где жители решительно не могли

найти никакой защиты против этой разбойнической орды. 28 марта, говорится в той же челобитной, голова, сотники и стрельцы выехали из Соли и в Усольском уезде по деревням били и мучили крестьян, забирала коров, овец, свиней и всякое имущество, ломали житницы и выбирали хлеб, били и мучили проводников и пр. И от тех грабежей и насильств волости Усольского уезда запустели и крестьяне оскудели*. Другие уезды также подверглись опустошению. Один из этой шайки, голова Данилов, о котором уже упоминалось в предыдущей челобитной, впоследствии доносил Михаилу Федоровичу, что колмогорские стрельцы в Устюжском уезде допрашивали на крестьянах рублей 300 и более, да в Важском уезде с крестьян же взяли денег, а сколько, не помнит. «А когда я, — писал тот же Данилов, — начал унимать их от воровства, то стрельцы, скопясь с товарищи, учали меня лаять мат... всякою неподобною лавою и хотели убить до смерти, а потом они поехали вперед и по деревням воровали, крестьян били и грабили**». Сам воевода сольвычегодский Головачев, жалуюсь царю на грабежи и разбои колмогорских стрельцов, писал, что в Устюжском уезде последние угнали более 500 лошадей***. Вот что значили в то время переселения в Сибирь служилых людей! Мы упомянули здесь о случаях грабежей и разбоев не единичных, не исключительных: в Сибирском приказе нам попадались несколько подобных документов и с почти тождественным содержанием, в некоторых еще добавляется, что казаки или стрельцы по деревням брали жен и дочерей крестьян «на постель», а некоторых даже увозили с собой в Сибирь. По жалобам челобитчиков царь обыкновенно приказывал воеводе того сибирского города, куда переводились служилые люди, «смыскать накрепко и виновных бить батогами, сажать в тюрьму до указа, животов их ограбить, а пуцего вора повесить». Само собой понятно, что подобные приказы сибирский воевода, если бы и хотел, то не мог исполнить! И в самом деле, грабили и разбойничали все — и головы, и сотники, и рядовые служилые люди; таким образом, воеводе приходилось или всех грабителей наказывать, на что у

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6143/104, л. 2 и 4.

** Ibid., л. 386 и 387.

*** Ibid., л. 1.

него не хватило бы сил, или, как обыкновенно это делалось, он отписывал в Москву, что «в тюрьму виновных по сыску сажал и из тюрьмы вылив кнутом бил». Так отписывал и тюменский воевода относительно колмогорских стрельцов*.

Пашенных крестьян также правительство переселяло в Сибирь «по прибору» и «по указу». Прибирали (почти исключительно в тех же поморских городах) или здешние правительственные агенты, или же воеводы присылали из Сибири для той же цели боярских детей, приказчиков и слободчиков; желающим переселиться в Сибирь «на государеву пашню» обещались льготы на два, на три года и более, подмога и ссуда в разных размерах. Иногда же правительство возлагало прибор известного количества крестьян на какую-нибудь область в виде повинности. Например, в 1590 году велено в Сольвычегодске и в уезде прибрать в Сибирь пашенных крестьян 30 семейств и чтоб у каждого человека было по три мерина добрых, по три коровы, по две козы, по три свиньи, по пяти овец, по два гуся, по пяти кур, по две утки, хлеба на год, соха для пашни, сани, телега и «всякая житейская рухлядь». В таких случаях сами жители области прибирали крестьян и сами давали «подмогу», разверстывая эту повинность «посошно», а потому прибранные таким образом крестьяне назывались «посошными». Упомянутым 30 крестьянам велено дать подмоги по 25 р. на семейство, но посадские и волостные люди сольвычегодские дали им подмоги по 110 р., потому что, как говорили они, 25 рублями им подняться в Сибирь невозможно. Но царь указал дать подъемных денег по 50 р., а остальную собранную сумму зачесть на будущее время на тот же предмет**. Отсюда можно видеть, что правительство московское заботилось о том, чтобы крестьяне переселялись в Сибирь с полным хозяйством: на 50 р. в то время можно было купить все то, что должен был иметь, по указанию правительства, каждый прибранный крестьянин в Сольвычегодской области. Но бывали примеры, что такие посошные крестьяне получали подъемных денег по 135 рублей***.

* Ibid., л. 388.

** А. А. Э., т. 1, № 349.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст.

Равным образом и те крестьяне, которые переводились в Сибирь «по указу», получали достаточную помощь от правительства. «По указу» переводились или из дворцовых сел, или разные преступники; первые относились к разряду «переводенцев», и о тех мы упоминали в предшествующих главах, а вторые — к разряду ссылных. Об этих последних мы намерены здесь сказать несколько подробнее с той целью, чтобы вообще выяснить колонизационное значение для Сибири ссылки. Но прежде всего считаем нужным привести здесь взгляды на этот предмет некоторых сибирских писателей. Н. Ядринцев, по-видимому, специально занимавшийся вопросом о значении ссылки, в своих статьях «Исторические очерки русской ссылки» и «Колонизационное значение русской ссылки» делает следующие заключения: «Мера эта (т. е. ссылка) у древних русских царей была чисто административной и почти всегда сопровождалась заточением на месте ссылки». «Хотя мы видим в конце XVII века начало колонизационных стремлений, так как уже в указах Алексея Михайловича приказывается сосланных преступников устроить с женами и детьми на пашни, давая им ссуды и всякие угодыя на пропитание, но никаких сведений об этом заселении мы нигде не встречаем; известен только один факт, что ссылных определяли на работы в Тюмени...». «Ссылные на месте ссылки содержались в заточении». «Хотя ссылка по-прежнему носит карательный характер, но при Петре I мы встречаем уже ясные стремления утилизировать ее: на преступников начинают смотреть, как на даровую рабочую силу...». «Колонизационное значение ссылки было слабо...». «Ссылные не входили, — продолжает Ядринцев, — однако, здесь (в Сибири) в число свободного населения; первоначально их содержали в тюрьмах и под конвоем употребляли на общественные работы»*. Вслед за Ядринцевым то же о значении ссылки в Сибирь повторяет и И. Щеглов в «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири». Здесь он говорит: «Ссылка в Сибирь в первое время не имела значения заселения страны, но ею правительство хотело избавиться от людей беспокойных или опасных, которых не хотело под-

* Дело 1870 г., № 10, стр. 208, 211, 221; № 12, стр. 3.

вергать смертной казни. По этому самому в первое время ссылались преимущественно люди значительные и государственные*». Этот взгляд на значение ссылки совершенно не верен: на самом деле в течение всего XVII века было наоборот, т.е. московское правительство почти всегда приказывает сибирским воеводам или верстать ссыльных в службу, или устроить на пашни, и в очень редких случаях ссыльные запирались в тюрьмы на месте ссылки. Да иначе и быть не могло. Московские цари, как мы видели, были слишком расчетливы, чтобы сотни преступников, ссылаемых в Сибирь, держать в заточении в тюрьмах и кормить их даром. Если они утилизируют такие предметы своего хозяйства, как мякину, ухоботье, солому, если они не пренебрегали такими мелкими пошлинами, которых ценность нельзя выразить никакой монетой, если, наконец, они собирали десятину с «собачьего корма», привозимого в Сибирь промышленными для своих «промышленных собак», или десятину с поношенных рубах и штанов, ввозимых русскими торговыми людьми, как предметы торговли с остяками и вогулами, то трудно допустить, чтобы такие расчетливые хозяева, какими были всегда наши московские цари, не воспользовались дешевым трудом ссыльных при своей хозяйственной деятельности в «дальней сибирской вотчине», в которой еще так мало было населения. Даже для таких преступников, как государственные изменники, разбойники и душегубцы, которых правительство приказывало сибирским воеводам «заключать в тюрьму», это тюремное заточение продолжалось год, два года и редко более, а потом служилые люди верстались в службы и государевым денежным и хлебным жалованьем, а крестьяне сажались на государеву пашню и притом получали от казны подмогу и осуду, как и приборные из гулящих людей. Мало того, царь Алексей Михайлович приказывает одному сибирскому воеводе «верстать в службу на выбылые места не гулящих людей, а ссыльных, чтоб в нашем годовом жалованье лишних расходов не было»**. Чтобы не быть голословными, мы постараемся подтвердить наше мнение о значении ссылки множеством фактов. Мы просмотрели в архивах Министер-

* «Хронол. перечень...» С. 59. Ирк. 1883 г.

** Д. к. А. И., т. II, № 63.

ства иностранных дел и Министерства юстиции, в Сибирском приказе и в разных печатных изданиях исторических актов до 200 царских грамот к сибирским воеводам о ссыльных в период от 1593 г. и до 1645 г., и весь этот обширный материал привел нас к заключению, что московское правительство прежде всего смотрело на ссылку в Сибирь, как на средство заселения этого края. В обозреваемый нами период заселения Сибири всего сослано около 1500 человек⁷, не считая жен и детей, и разных свойственников. Из них не русских подданных около 650 человек; под этого рода ссыльными мы разумеем, во-первых, тех людей из неприятельских армий, «которые иманы на бою и в языцах», и, во-вторых, иноземцев, служивших в русском войске и сбежавших во время войны к неприятелю и потом захваченных в плен. Между этими военнопленными были поляки, литвины, немцы «цесарской земли», немцы ливонские и шведские, латыши, черкасы, один «французенин». Из русских подданных сослано в это же время около 850 человек, из них до сотни семейств инородческого происхождения, 366 человек черкас, а остальные ссыльные, судя по их месту жительства, принадлежат к великорусскому племени. Считаем, однако, нужным заметить, что если мы определяем число ссыльных людей от 1593 до 1645 гг. в 1500 человек, то разумеем только тех ссыльных, царские грамоты о которых мы имели в руках, а на самом деле, конечно, число ссыльных за этот период было гораздо более: многие грамоты о них нам не попались под руку и еще большее количество оных, вероятно, не сохранилось до нас. Точную цифру ссыльных мы можем указать только за десятилетний период — от 1614 до 1624 гг., именно за это время сослано в Сибирь 560 человек⁸.

⁷ *Примеч.* В это число мы не включаем осыльных государственных людей, которых правительство сосылало в Сибирь на житье как людей, почему-нибудь ему опасных или неприятных, как, например, ссыльный Борисом Годуновым Романовых и тому подобных.

⁸ *Примеч.* О ссыльных за этот период мы имеем все царские грамоты. Нужно заметить, что о всех ссыльных в Сибирь посылались царские грамоты тобольским воеводам, и эти грамоты воеводы списывали в особую книгу. Одна из таких-то книг, заключающая в себе более ста грамот, сохранилась до нашего времени и находится в Архиве Министерства иностранных дел в портфелях Миллера. Это «Список с государевых... Михаила Федоровича грамот, каковы приланы в Тобольск в прешлых от 122 до 132 гг. о осыльных людях, которые по государеву указу присланы в Сибирь...». См. № 541, кн. № 1.

Теперь рассмотрим на самих фактах вопрос о ссылке и о положении ссыльных в Сибири. При обозрении первоначального заселения города Пелыма мы уже упоминали, что в 1593 году вместе с князем Горчаковым отправлено несколько десятков русских семей, которые велено посадить на пашню. Из наказа этому воеводе собственно не видно, ссылались ли эти люди в качестве ссыльных как преступники или только как «переведенцы» переселялись на житье в Сибирь. Но относительно девяти семей каргопольцев мы наверное знаем, что они принадлежали к первому роду переселенцев. Они, как видно из их челобитной, в 1586 году посланы из Москвы в Каргополь как опальные, а потом оттуда в 1593 году сосланы в Пелым. Таким образом, этих людей мы можем считать первыми ссыльными в Сибирь с целью заселения этого края; а через год или через два туда же сосланы 30 семейств угличан, и эти последние также устроены на пашню. В предшествующих главах мы также упоминали, что некоторые сибирские слободы заселялись ссыльными, несколько таких людей были первоначальными насельниками города Тары и пр. Но, так сказать, систематически московские цари начинают пользоваться разного рода преступниками для заселения Сибири только со времени Михайла Федоровича, и ссылка с этой целью постепенно все более и более усиливается в течение всего XVII века. Обратим сначала внимание на ссылку военнопленных или вообще не русских подданных и посмотрим, какое значение они имели в деле заселения сибирского края. В 1614 году сосланы поляк Ядровский, литвины Гронский и Чанский, и всем им велено служить в разных сибирских городах наряду с прежними иноземцами; в том же году посланы в Тобольск изменники — литовские люди: два человека и один пахолок, и велено их «посадить в крепкую тюрьму и беречь накрепко, чтобы они никуда не ушли... а корм им давать по две деньги человеку на день»; в том же году послан в Тобольск Савва «Фряччюженин», а «велено ему служить с литвою вместе и из города никуда его не отпускать, чтобы он, с кем сговорясь, не убежал и был бы у вас всегда в лицах». Но этот ссыльный принял православие, навсегда остался жить в Сибири и дослужился до боярских детей; помимо службы, он занимался хлебопашеством, строил де-

ревни и одну из них пожертвовал в тобольский Успенский монастырь. В 1615 году сосланы в Тобольск ротмистр литовский Павел Качинский, а в 1617 году — 60 литовских пахолков, и велено их «раздать пашенным крестьянам для пашенного науку». Через два года Михаил Федорович указал тобольскому воеводе всех этих пахолков во главе ротмистра Качинского возвратить в Москву для размена с поляками пленными. На это требование тобольский воевода отвечал: «19 человек, будучи посланы в Томск на пашню, на дороге перебили служилых людей, с которыми были отправлены, захватили государеву казну и убежали за камень; ротмистр умер, 23 пахолка пересылает на Русь, а остальные 17 человек крестились (т.е. приняли православие) и бьют челом, чтобы им остаться в Сибири на государевой службе». В 1617 году послано в Тобольск две большие партии литовских пахолков: одна в 99, а другая в 75 человек, и всех их велено устроить на пашню, где пригоже. В 1622 году сосланы в Тобольск иноземцы: «швед Павлик, а русское имя Дмитрий, немчин цесарской земли Карбаим, а русское имя Лаврентий»; им велено служить вместе с иноземцами и поверстать их денежным и хлебным жалованьем. В том же году из Кириллова монастыря посланы в Тобольск немец Анца Локман да немецкий поп Матюшка, и велено того и другого поверстать в службу и дать денежное и хлебное жалованье наравне с другими служилыми иноземцами. Всего не русских подданных с 1614 по 1624 гг. сослано 319 человек, из них некоторые с женами и детьми.

Затем укажем за тот же период на несколько фактов ссылки в Сибирь малороссии, или черкас. В 1614 году послан на житье в Тобольск черкашенин Пронка, и велено ему служить с литвою и дать денежное и хлебное жалованье; в 1618 году сослан в Томск атаман запорожских черкас Михалко Скиба, и велено его поверстать на службу «с кем в версту» и дать жалованье. В 1619 году алатырский воевода доносил в Москву, «что присланные в Алатырь 50 человек выезжих запорожских черкас ходят в городе со всяким боем и чинят великий задор, а по которым дворам они стоят, и те дворники приходят к нему и говорят, что те черкасы похваляются всяким лихим злым умышлением и выпрашивают, сколь далече к Дону, а к Алатырю прилегла

степь, дикое поле, а те черкасы все конны и лошади у них добры, а Алатырский город безлюден, и алатырские казаки все на государевой службе...». Получив это донесение, Михаил Федорович велел выбрать из тех черкас 40 человек и в сопровождении русских служилых людей отправить в Тобольск, а тобольскому воеводе послана грамота о том, чтобы этих черкас поверстать в службу в пешие казаки и дать денежное и хлебное жалованье наравне с последними. Несколько черкас, «которых за измену довелось казнить смертью, а государь пожаловал, отдал им жизнь», в 1623 и 1624 гг. сосланы в Сибирь, и их «велено устроить на пашню и дать подмогу для пашенного заводу»; всех черкас за это десятилетие сослано в Сибирь 76 человек.

За тот же период русских людей сослано в разные места Сибири 165 человек; между ними встречаются воеводы, князья, дьячки, стрельцы, боярские дети, разные мастера, посадские люди и крестьяне разных состояний. В 1615 году сосланы боярские дети Максим Трубчанинов и Михаил Ушаков; им велено служить в боярских же детях и дать жалованья по 10 р. денег, по 9 четвертей хлеба, ржи по четверти, то же круп и толокна и по 3 пуда соли. В разных документах они упоминаются даже в конце царствования Михаила Федоровича. В 1618 году сосланы в Тобольск, Тару, Тюмень и Томск 11 человек русских людей, которые были в плену у литовцев; их велено раздать пашенным крестьянам «для пашенного науку» или «под наук», поить и кормить хлебом до тех пор, пока они научатся пахать; в следующем году таких же русских людей сослано в разные места Сибири 12 человек, и также велено их устроить на пашню и на тех же условиях, как и вышеупомянутых. В 1621 году сослан атаман казачий Митька. «А довелся тот Митька, — говорится в царской грамоте, — за измену смертной казни, но мы его помиловали, смертную казнь ему отдали, велели послать его на житье в Сибирь и устроить в службу, в какую пригодится». В том же году сосланы люди боярские 3 человека и казак, и велено их устроить в пашенные крестьяне, и «дать всякого пашенного заводу». В 1623 году сосланы два брата Прасоветских из Ярославля, им велено поставить двор и две избы, чтобы они никуда не выходили и ни с кем не разговаривали. В следующем году сосланы посадские люди 7 человек с же-

нами и детьми, несколько крестьян, казаков, стрельцов и беглых людей тоже с женами и детьми, и всех велено в разных местах устроить на пашню и дать «подмогу» для первого хозяйственного обзаведения*. Из всех 560 человек, сосланных с 1614 по 1624 гг., устроено на службу 169 человек, на пашню — 348 человек, в посадские — 2 человека, заключено в тюрьму 19 человек и послано «на житье без съезду» 22 человека. В последующее время ссылка в Сибирь год от году усиливается: высылаются военнопленные и преступники, высылаются одиночками, небольшими партиями и целыми массами. Так, в 1633 году сослано две партии военнопленных: одна в 73 человека, а другая в 83; первую велено устроить на пашню, а вторую поверстать в службу**. В том же году сослано в Сибирь два старца из Соловецкого монастыря. На этих чернецов игумен жаловался, «что один чернец новокрещенец-поляк живет в монастыре самовольством, бесчинство и воровство чинит многое, а унять его монастырским смирением невозможно»; другой же говорил, «что-де в иноческий чин пострижен, а до пострижения в православную веру нигде не крещен». Тот и другой сосланы в сибирские монастыри, но их велено устроить царским жалованьем, как и прочую братию***. В 1634 году сосланы шляхтичи, 14 человек, а в следующем году 140 иноземцев, и всех их в разных городах Сибири поверстали в службу****. В 1640 году сослан в Верхотурье стрелец с женой; несмотря на то, что он обвинен в торговле табаком и в разбое, государь пожаловал, велел ему быть в пашенных крестьянах. Около же этого времени сосланы в Сибирь белгородские изменники черкасы с женами и детьми — всего 179 человек. В 1635 году сосланы в Сибирь на пашню крестьяне Смоленского и Ярославского уездов — 104 человека; в том же году сосланы 11 человек черкас с женами и детьми за то, что «в Путиле воровали и в порубежных делах ссору чинили и людей побивали до смерти», и их велено устроить на пашню*****.

* Все эти сведения о сосланных мы заимствовали из «Списка государственных грамот... об опальных...». Портф. Милл. № 541.

** Р. И. В., т. II, № 153.

*** Ibid, л. 526.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6306/262, л. 307; Р. И. В., т. II, № 182.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6141/97; в этом столбце заключается множество грамот о сосланных в Сибирь, а также и в книге под № 11.

Приведенных фактов вполне достаточно, чтобы иметь верное понятие о значении ссылки для Сибири: она давала этому краю значительный контингент населения. Правда, не все ссыльные доходили до места назначения. Хотя они отправлялись большей частью скованными и всегда под значительным конвоем из казаков и стрельцов, но тем не менее некоторым из них удавалось бежать еще до перехода через Уральский хребет. Правительство всегда жестоко наказывало конвойных, если они упустили кого-нибудь из ссыльных: приказывало сибирским воеводам таких виновных «бить кнутом нещадно, сажать в тюрьму и ограблять их животы». Случалось иногда, что ссыльные из военнопленных и черкас, у которых редко отбиралось оружие при ссылке, вступали на дороге в глухих местах в кровопролитный бой с конвоем, причем некоторые погибали в этом бою, а иным удавалось бежать. Но редко проходили большие партии ссыльных без того, чтобы они не разграбили несколько селений, чрез которые им приходилось идти в Сибирь; жалобы на грабежи и разбой ссыльных были довольно часты, а иногда и сами провожатые принимали в этом участие; особенно буйствами по пути в Сибирь отличались черкасы. Мы выше упомянули, что около 1640 года послано в ссылку 179 человек черкас. Несмотря на то, что их сопровождали 80 человек стрельцов, они свой путь сопровождали грабежами и убийствами, а кроме того, как доносил воевода, несколько человек из них убежали, оставив жен и детей. Из Сибири также многим удавалось бежать, бегство отсюда не представляло особенных затруднений, но, вероятно, немногим приходилось добраться до родины. Так, в 1621 году ссыльные черкасы, будучи отправлены тюменским воеводой за солью на Ямышевое озеро, изменили царю, как доносил воевода, и убежали к калмыкам. Эти беглецы, вероятно, принадлежали к той партии черкас, которые в 1619 году сосланы в Сибирь из Алатыря. Из такого же «соляного похода» бежала неизвестно куда часть тех иноземцев, которые сосланы в числе 140 человек в 1635 году. Но вот интересный случай бегства 30 человек ссыльных, и довольно подробно описанный в разных воеводских отписках. В 1620 году тобольский воевода на нескольких судах отправил хлебные запасы в город Томск с 18 человеками ка-

заков во главе Первушки Шершня, сосланных в Сибирь в 1619 году, и 19 литовскими пахолками²¹ из тех 60, которые сосланы в 1617 году, а сопровождать этих ссыльных назначены несколько томских казаков. Вслед за тем воевода послал в город Томск тоже с томскими служилыми людьми 560 рублей денег. «Но 23 июля, — доносил этот воевода Михаилу Федоровичу, — прибежал в Тобольск томский казак и сказал, что он наехал при устье Иртыша на ладьи с хлебом, да на тех ладьях две женки, которые ему сообщили: «Шершень с товарищами и литовскими людьми перебили томских казаков, а затем, дождавшись тех служилых людей, которые везли в Томск деньги, тоже перебили и захватив государеву казну, побежали вниз по Оби чрез камень». Узнав об этом погроме, тобольский воевода немедленно послал приказ воеводе в Березов, чтобы он нарядил служилых березовских людей и волостных остяков и велел им «на собском устье и по рекам и волокам дорогу перенять и чинить поиск над беглецами, сколько Бог помочи подаст». Но перенять беглецов не удалось: последние благополучно выплыли в Сось, здесь напали на торговых людей, плывших на двух стругах, отняли у них 180 р. денег и 20 золотников жемчуга. Служилые березовские люди далее не преследовали беглецов потому, как видно из одной отписки тобольского воеводы, что сами в одном месте на Соби напали на русских купцов, принялись грабить последних и тем дали возможность беглецам переправиться через камень только тобольский боярский сын Третьяк Юрлов с пятью казаками последовал за ними чрез Уральский хребет. Не спрашивается, куда же бежали эти ссыльные? Из их показаний оказывается, что они направили свой путь в Литву — путь длинный, простиравшийся за несколько тысяч верст. Они плыли обыкновенной собской дорогой, т.е. из Соби через волок в речку Елец, в речку Усу и по ней в Печору. Первая опасность угрожала им в слободе Ижемской, находившейся при реке Ижме, недалеко от впадения этой реки в Печору. Здесь случайно в это время был пустозерский воевода Павел Акинфов с 20 пустозерскими стрельцами. Но беглецы нашли у него отличный прием: он их напоил и накормил, продал несколько склянниц вина и даже парил в бане. Впоследствии этот воевода объяснял, что он оказа-

такое гостеприимство беглецам по незнанию; на вопрос его, куда они идут и за каким делом, беглецы отвечали, что они томские казаки и идут к государю с великим делом «на-спех». Но ижемские мужики говорили Третьяку Юрлову, когда последний прибыл в Ижемскую слободу: «Воры Шершень с товарищами, собрав меж себя денег 50 рублей, дали воеводе Акинфозу, чтоб он пропустил дальше». Показания последних, вероятно, справедливы. Когда Третьяк Юрлов объяснил пустозерскому воеводе, что это за люди, и просил его отправить немедленно за ними в погоню служилых людей, то воевода отвечал: «Так хотя-де они и воры и нам-де до них какое дело, куда-де они пошли, туды и пойд...». Мало того, он даже насильно продержал у себя Юрлова два дня и тем не дал ему возможности вовремя предупредить относительно ссыльных воеводу города Яренска. Между тем беглецы по реке Ижме спустились в речку Ухту и через «вымский волок» достигли реки Выми. Тут на пути их находилась слобода Весляная, в которой они, «накупив хлеба и всяких харчей», поплыли далее по Выми, спустились по ней в речку Вычегду и благополучно миновали город Яренск. Впоследствии яренские воевода, староста и целовальники рассказывали: «Проехали те воры Яренский город в половину дни, и они видели беглецов и спрашивали, что они за люди и куды они идут, а они отвечали: «А вам-де какое дело, что они за люди и куда идут». Вышеупомянутый Третьяк Юрлов сам прекратил погоню, а приказал преследовать беглецов тобольскому казаку Тимошке. Этот Тимошка прибыл в Яренск и узнал, что уже несколько дней прошло, как воры проплыли мимо города, а на его вопрос, почему воевода не преследует их, последний сказал: «Служилых-де людей у меня нет, послать за теми ворами было некого, а земских людей он ни на какие службы не посылает». Но Тимошка все-таки продолжал преследование. Он надеялся, что в Сольвычегодске воров задержат, но надежды его оказались тщетны. Недалеко от этого города, не доходя до Коряжемского монастыря, беглецы остановились на одном острове и намеревались ночью проплыть Сольвычегодск. Но тут от них убежали два казака, и это заставило беглецов оставить стоянку и продолжать путь мимо города днем, рассчитывая, что они могут проплыть Сольвычегодск прежде,

чем те казаки дадут о них весть сольвычегодскому воеводе. Действительно, им удалось миновать опасность, которая ожидала их в Сольвычегодске, но не потому, что убежавшие от них казаки вовремя не прибыли в этот город, а благодаря тому, что сольвычегодский воевода Аргамаков не обратил должного внимания на принесенную ему весть о беглецах. Тимошка рассказывал о поведении воеводы Аргамакова следующее: «Те казаки прибежали к Соли наперед воров и сказывали воеводе, что бегут мимо города изменники казаки и литва, погромя государеву казну и побив служилых людей, и он бы велел их перенимать, а воевода, видя в те поры, как они ехали мимо города, над ними поиска не учинил, а как проехали, то он послал за ними в погоню березовского беглого казака и с ним 50 человек людей». Но и эта погоня не имела успеха и скоро возвратилась. Ссылные, выплыв из Вычегды в Двину, поплыли вниз по этой реке, но, «не доезжая Емецкого острожка (недалеко от Холмогор) вышли на берег, суды свои испросекли и пошли пеши возле речки Емцы на Мехренгу». Здесь беглецы потерпели первый погром: на них напали крестьяне, убили пять человек и четырех взяли в плен. «После этого погрому, — говорится в одной воеводской отписке, — вору ушли на Владиславской волок, а с волока на реку Онегу, а этой рекою шли вверх к Каргополю и идучи имали вожи⁴⁴ и пытали того, чтоб им пройти в Литву». Но тут между ними открылась измена: один казак отстал от своей шайки, прибежал в деревню Каргопольского уезда и сообщил крестьянам о бегстве ссылных; в то же время убежал от них проводник и дал весть о них каргопольскому воеводе. По этим вестям бросились за беглецами многие крестьяне и 50 человек каргопольских стрельцов и настигли их в лесу в Волковской волости; здесь во время боя поймано 6 казаков и литовских людей 4 человека, а 7 человек успели было скрыться, хотя и ненадолго: в Двинском уезде снова напали на них мехренгские «погонщики» и убили трех человек, но четыре человека во главе Шершня все-таки убежали и скрылись от преследователей⁴⁵. Что случилось с последними — неизвестно.

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 541, кн. 1.

Этот случай бегства из Сибири мы рассказали с той целью, чтобы показать, как трудно было московскому правительству удержать на месте сосланных из служилых людей, хотя места сосланных были и слишком отдаленные; при первой возможности многие из них бросали службу и бегали на родину. Но вместе с тем видно, что сибирские воеводы держали сосланных на свободе и поручали им многие службы: отправляли сосланных из русских и из военнопленных иноземцев с хлебными запасами в разные сибирские города, за солью на Ямышево озеро и даже в походы против сибирских инородцев. Затем многие из сосланных военнопленных даже добровольно оставались на вечное жительство в Сибири. В таких случаях католики и протестанты принимали православие, женились на русских женщинах, и Сибирь делалась для них вторым отечеством; а так как большинство из этого рода сосланных были люди грамотные и сравнительно развитые, то скоро они дослуживались до сотников, атаманов и голов, им поручались даже такие важные обязанности, как «письмо и дозор» сибирских городов и уездов: дозорщики Богдан Аршинский, Савва Француженин, Ян Павлоцкий, о которых мы упоминали, были из сосланных военнопленных. Большинство боярских детей в Сибири при Михаиле Федоровиче тоже были из таких сосланных. Около 1630 года этот государь даже указал, чтобы «все сосланные из иноземцев, которые примут православную веру, верстались в боярские дети»⁴. А списки служилых людей в разных сибирских городах показывают, что таких «новокрещенцев»⁵ было очень много.

Что же касается русских сосланных, то последние между сибирским населением во второй половине царствования Михаила Федоровича составляли значительный процент. В Сибирь посылались не одни только действительные преступники, но ни в чем неповинные их жены и дети, а если преступником был глава дома, то вместе с ним иногда сосылался в Сибирь и весь дом, т.е. племянники, братья и зятья и пр.; в других случаях за домохозяином последние отправлялись в ссылку добровольно. В большинстве случаев, как мы можем судить об этом по царским грамотам, просмотр-

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр. Ст. № 6306/2, л. 307.

⁵ *Примеч.* «Новокрещенцами» в Сибири назывались как инородцы, принявшие крещение, так и иноземцы, перешедшие в православие.

ренным нами, сначала сослался преступник, а потом последний, устроившись на месте ссылки, т.е. поставивши двор, бил челом государю о том, чтобы к нему было переведено все семейство. При этом иногда оказывалось, что жены и дети ссыльного уже были в холопстве у разных лиц и даже насильственно закабалены. Например, в 1639 году сослано 11 человек, но эти ссыльные из Сибири били челом: «Как-де их из путивльской тюрьмы отпустили в Сибирь, и в то время подьячий и дети боярские жен и детей взяли насильством в холопство... чтоб государь велел сыскать и прислать к ним в Сибирь, чтоб им с женами и детьми в разлуке не быть»*. Имущества «животы» ссыльных или пересылались вместе с ними, или же впоследствии само правительство продавало их и пересылало деньги в Сибирь. Вот одна из древнейших царских грамот, по которой можно судить о ценности «животов» ссыльных. «От царя Бориса Ф. всея Р. в Сибирь в Тарской город воеводе нашему Якову И. Старкову, да головам П.В. Павлову и Ф. П. Рябилину. По нашему указу посланы на Тару в пашенные люди латыши Васька Петров, Иванка Якубов, лазунчик Индрик Матцуев, да Семионовы беглые крестьяне Шарапко с женою и детьми, Офонкина жена Будликовского Марфица с сыном с Кирсанком, да Офонкиных животов Будликовского сыскано и послано на Тару на 23 р., на 28 алтын, на полторы деньги, да Офонкин же мерин продан, а что на нем возьмут и те деньги послать на Тару же, да Ондрюшкиных животов Суворова, который послан преж сего на Тару сыскано и продано на 2 р., полпята алтына и те деньги по тож посланы с ним ж вместе. А как к вам ся наша грамота придет и те пашенные люди приедут и вы б им пашню велели пахати с пашенными крестьяны вместе, и наши им лошади, чем им пахать и хлеб на семя и рожь и овес давали по нашему указу и запас им из наших житниц давали, смотря по их нужам и по семьям, чем им до нашего хлеба прокормиться, чтобы с голоду не померли... Писано в Москве 7108 г. (1600 г.), апр. 15 д.»**. Но каково бы ни было имущество ссыльных, всегда они пересылались на казенный счет, т.е. им и

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6141/97, л. 90.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 19.

их семействам давались казенные подводы и деньги на корм до самого места ссылки. Конечно, этот корм был не изобильный: мужу и жене в день выдавали по 3 деньги, а детям — по две деньги, при этом безразлично, к какому бы классу общества ни принадлежали ссылные; только людям важным давалось по гривне на день, а казакам, стрельцам, посадским и крестьянам был одинаковый корм. В 1635 году, например, послано из Москвы в Тобольск 7 партий ссылных из служилых, посадских людей и крестьян — всего около 25 человек с женами и детьми и на всех выдано на корм до места ссылки 35 р. 70 к.*. В редких царских грамотах указывается преступление, за которое постигала преступника ссылка; до уложения Алексея Михайловича и до указа 1653 года ссылка еще не входила в кодекс русских законов как наказание за известное преступление**. Но *de facto* московские цари начали ссылать в Сибирь преступников уже с 1593 года, и можно сказать, что до Алексея Михайловича правительство московское смотрело на ссылку не столько как на наказание, сколько как на средство заселения новопокоренного края. Не редкость встретить в грамотах Михаила Федоровича, что ссылается «разбойник» и «душегубец», у которого на родине, как говорится, ни кола ни двора, за его преступление по тогдашним законам следовало казнить, а между тем царь ссылает его в Сибирь и велит воеводе или поверстать на службу и дать царское и денежное, и хлебное жалованье наравне с другими рядовыми служилыми людьми, или устроить в пашенные крестьяне, причем наделить его значительным куском земли, велит дать ему денег для первого хозяйственного обзаведения и выдавать «месячину» из царских житниц до тех пор, пока он будет иметь хлеб со своей пашни, а первые семена на эту пашню тоже ссылный получает из царских житниц. Разве это *de facto* можно считать наказанием для тяжкого преступника?! К тому же ссылный, который верстался в служилые или пашенные люди, пользовался личной свободой и всеми правами, присвоенными его состоянию; он был не свободен только в том, чтобы не служить службу или не пахать государеву пашню. Правда, за ссылными, особенно

* А. М. Ю. Сиб. ар., кн. № 190.

** П. С. З., т. I, гл. XIX, § 13; № 105, стр. 301.

военнопленными, царь приказывал в городах воеводам, а в деревнях крестьянам «смотреть за ними крепко, чтоб не сбежали», но действительного надзора быть не могло, если ссыльный не запирался в тюрьму или не заковывался в кандалы. Еще можно себе представить, в чем заключался этот надзор в городе, но спрашивается, каким мог быть стражем крестьянин в деревне над тем ссыльным, который у него поселился? Между тем несомненно, что большинство ссыльных устроилось в уезде, в деревнях на пашнях, ибо правительство более нуждалось в пашенных людях, чем в служилых. Мы выше видели, что при Михаиле Федоровиче целыми десятками ссылались в Сибирь литовские пахолки и русские люди, которые были в плену у литовских людей, и большинство таких ссыльных поступало в руки крестьян, а им «велеть, — говорится в царских грамотах, — беречь накрепко, чтоб отнюдь те литовские или русские люди никуда не ушли и жили у тех пашенных крестьян без съезду». Конечно, в данном случае фактического надзора не было никакого; «беречь накрепко» — это только фраза, и если она употребляется относительно всех ссыльных такого рода, то потому, что вообще все грамоты о ссыльных писались по одному шаблону. Эта фраза имеет тот же смысл, или, вернее, никакого, как и выражения в жалобах посадских людей и крестьян на воеводу, что он «побивает всех до смерти и мы бедные сироты все разбрелись врозь». Нельзя также представлять, что эти ссыльные «литовские и русские люди» всегда жили во дворе крестьянина; нет, они жили только до тех пор, пока не поставят свой двор. Затем они некоторое время живут за крестьянами в качестве половников два или три года «по уговору», а когда «уговор» кончится, они делаются совершенно самостоятельными хозяевами или, если жалают, поступают по своему выбору к другому крестьянину в половники. Заметим, кстати, что некоторые ссыльные, как и добровольные переселенцы, поступают в половники даже к тем пашенным или оброчным крестьянам, которые сами живут в половниках у каких-нибудь крестьян. Далее мы упоминали, что некоторых ссыльных приказывается воеводам заключать в тюрьмы, но подобное заключение продолжалось недолго даже для самых тяжелых преступников. Например, в 1623 году в марте месяце посланы в

Тобольск «разбойники Захарко да Степанко Кашпиревы и велели посадить в крепкие тюрьмы и беречь накрепко, чтобы они из тюрем не вырезались и дурна над собою никакого не учинили»*. Но в сентябре месяце этого же года Михаил Федорович уже пожаловал, велел «тех разбойников Кашпиревых из тюрьмы выпустить и поверстать денежным и хлебным жалованьем»**. В 1622 году посланы в Сибирь колодники, 8 человек, беглые люди боярина Д.М. Пожарского, и велено их посадить в крепкие тюрьмы, а через год уже велено устроить этих колодников на пашню и «дать им всякий пашенный завод».

Некоторые из ссыльных русских служилых людей через год или через два выслуживались даже в боярские дети и исполняли важные поручения. Например, в 1622 году сослан в Туринский город Михайло Тюхин, но в следующем царь пожаловал его, велел служить ему в боярских детях***, а в 1624 году он, по указу государеву, делал «письмо и дозор» города Верхотурья и его уезда.

Все вышеприведенные факты ясно показывают, с какой точки зрения смотрели московские цари, по крайней мере до половины XVII века, на ссылку и на ссыльных; они придавали этой мере большое колонизационное значение. В короткое время была завоевана обширнейшая страна, но чтобы с успехом можно было эксплуатировать эту «дальнюю государеву вотчину», нужно было заселить ее. И вот с этой целью московские цари прибегают к разным средствам: то переводят или прибирают служилых людей из городов Европейской Руси, то переводят пашенных крестьян из своих дворцовых сел или прибирают их из чернососных. Но ведь дворцовые крестьяне нужны и в Европейской Руси, «прибор» дорого стоит, то не лучше ли заселить Сибирь преступниками? Преступников много; казнить их — нет никакой пользы, держать в тюрьмах — их нужно кормить, а это убыточно; оставлять их без наказания — увеличится количество преступлений и вместе с тем увеличится опасность для общества. А между тем перевезти преступника в Сибирь стоит дешево: от Москвы до Тобольска на прокорм семейства, со-

* А. М. И. Д. Порт. Милл., кн. № 1; грам. № 87.

** Ibid., см. грам. № 93.

*** Ibid., см. грам. № 86.

стоящего из мужа, жены и трех детей, правительство выдавало только 3 р. 60 к., да при этом еще наказывало провожатым взять скорей, нигде не останавливаясь, «чтоб не было убытка государевой казне». Равным образом и «устроить на пашню» преступника стоило гораздо дешевле, чем вольного гулящего человека, потому что первому можно дать «подмоги на пашенный завод» по своему усмотрению, а второму — всегда «по уговору». Совершенно несправедливо утверждение Ядринцева, что будто бы «ссылка у нас, как и везде в те времена, когда правосудие имело в виду исключительно кару преступника, применялась как суровое наказание и всегда сопровождалась тяжкими работами, а иногда и тюремным заключением»*. Это он говорит относительно XVII века; на самом же деле московские цари, особенно в обозреваемый период, имели далеко не такой взгляд на ссылку. Мы уже говорили, что тюремному заключению в Сибири ссыльные подвергались очень редко: из 560 человек, сосланных с 1614 по 1624 гг., посажено в тюрьму только 19, да и то на короткое время. Расходные книги сибирских городов показывают, что вообще тюремных сидельцев было мало; на это ясно указывает ничтожная сумма денежных расходов на этих лиц — всего в год 15 и 20 рублей и редко более. Затем из «присяжных книг» городов Верхотурья и Пелыма видно, что ссыльных в начале царствования Алексея Михайловича в первом городе был один, а во втором — ни одного. Это значит, что ссыльные в этих городах все устроены или в службу, или на пашню. Затем работа ссыльных заключалась: служилых — в службе, пашенных людей — в обработке государевой пашни; первые служили за денежное и хлебное жалованье, как и не ссыльные служилые люди, вторые за обработку государевой пашни пользовались землей, и притом на тех же условиях, как «переведенцы» и «приборные» крестьяне. Мы решительно не знаем случая, чтобы в обозреваемый нами период на преступников, устроенных в Сибири на службу или на пашню, возлагались большие работы, чем на других служилых или пашенных людей. Вообще ссылка в Сибирь в XVII веке не была такой карой, какой она стала в XVIII веке; эта мера делается более тяжелой для преступников со второй половины или даже с конца царствования Алек-

* Дело 1870 г., № 12, стр. 1.

сея Михайловича, когда ссыльные, бросив службу или пашню, начали составлять большие шайки и заниматься разбоем. Только после этого московское правительство начало строже относиться к ссыльным тяжким преступникам и заирать их в тюрьмы на месте ссылки. А до того времени ссылка имела характер преимущественно колонизационный, или, выражаясь честнее, для преступника она была смягчающим наказанием и исправительной мерой, а в отношении Сибири — средством заселения. Но мы должны еще обратить внимание на то, что ссылались в Сибирь не одни преступники, а и «русские люди, которые были в плену у людей литовских», но потом или выкуплены были правительством, или выменены, или же, наконец, просто во время военных действий по вторжении в неприятельскую землю освобождены из плена. Вопрос другой: достойны ли они были ссылки в Сибирь, но во всяком случае на ссылку этих людей нельзя смотреть, как на наказание, потому что они не совершали никакого преступления, а исключительно как средство заселения новопокоренного края. Вообще из всего видно, что московские цари во что бы то ни стало хотели заселить далекую свою вотчину и для этого прибегали к самым разнообразным средствам. Конечно, не одни только экономические расчеты побуждали их стремиться к этой цели, но и сознание, что только с усилением русского элемента в Сибири начнется обрусение инородцев этого края и вместе с тем замирение его.

До сего времени мы говорили исключительно о правительственной колонизации Сибири; теперь посмотрим, что дала за то же время этой стране вольная, народная колонизация. Конечно, Россия не была в отношении Сибири таким источником населения, как Западная Европа в отношении Америки; аналогия в данном случае невозможна, хотя к ней и прибегают некоторые писатели. «Через два года, — читаем в статье «Сибирь на юбилее», — после покорения Сибири Ермаком в 1584 г. Вальтер Ралей сделал первую попытку колонизации Северной Америки. Теперь, через 300 лет, в Соединенных Штатах 50000000 жителей, а в Сибири нет и 5000000...»*. Автор этой аналогии, как видно, совсем опустил из виду количество населения в самом Московском государстве в конце XVI века и в последующее

* Дело 1882 г., июль, стр. 21.

время и отношение этого количества к территории. Россия сама, как в прежнее время, так и теперь, сравнительно с Западной Европой была слабо населена; Америка от последней, можно сказать, получала избыток населения, а Сибирь на что могла рассчитывать? Разве окраины Московского государства, помимо Сибири, не представляли в течение долгого времени полного простора вольной русской колонизации? Очевидно, автор упомянутой статьи сравнивает совершенно несравнимые вещи.

При обозрении заселения сибирских городов, слобод и волостей мы не раз упоминали о том, что так называемые вольные, охочие, гулящие люди служили в Сибири контингентом для набора казаков, стрельцов, беломестных казаков, пашенных и оброчных крестьян. Теперь спрашивается, с какого времени этот люд начал появляться в Сибири и как было велико число его в общей сумме населения этой страны в конце царствования Михаила Федоровича? Прежде всего заметим, что из документов, в которых говорится о приборе воеводами или приказчиками из гулящих людей в служилые или пашенные люди, не видно, к какому разряду нужно отнести эту вольницу — к свободному ли русскому населению или тягловому. В Сибири гулящими вольными людьми назывались те крестьяне, которые пришли туда, но еще не успели пристроиться к какому-нибудь общественному классу и не были еще ничьими — ни половниками, ни захребетниками. Правительство московское постоянно наказывает воеводам, чтобы они прибирали в служилые или пашенные люди из вольных, не тяглых людей. И воеводы отписывают, что они прибрали столько-то человек из гулящих людей. Но дело в том, имел ли воевода возможность узнать, кто к нему явился на призыв — свободный ли или тяглый человек? Положим даже, что таким средством для него могла служить «проезжая грамота», может быть, подобных грамот не выдавалось на Руси людям тяглым. Но ведь могли проходить в Сибирь и не тяглые люди без «проезжих листов», заставы было обходить легко, а плата за эти листы, хотя и ничтожная, но тем не менее для крестьян имела значение; по крайней мере они постоянно бьют челом о не взимании с них проезжих пошлин. Словом, каждый пробравшийся в Сибирь для воевод и приказчиков был

гуляющим человеком, и они на самом деле «при приборе» никогда не сообразовались с тем положением, какое он имел на родине; вся их задача состояла в том, чтобы как можно более прибрать крестьян на государеву пашню и тем показать свое «радение о государевой пользе»; а это радение особенно ценилось московскими царями: посадский человек, прибравший десятка три или четыре крестьян на государеву пашню в Сибири, жаловался в приказчики пашенных крестьян в какую-нибудь слободу или волость и даже заносился в списки боярских детей. Вследствие этого как воеводы, так и «слободчики» не только прибирали в пашенные крестьяне заведомо тяглых людей, прибывших из Руси, но даже перемакивали в населенную ими слободу крестьян, уже устроившихся в Сибири и получивших из казны подмогу и ссуду, лишь бы захватить свою службу. Можно даже утвердительно сказать, что перебежчиками в Сибирь были преимущественно тяглые и разного рода холопы: закон Федора Ивановича о прикреплении крестьян, несомненно, сослужил большую службу Сибири и многих холопов заставил бежать от своих господ за камень, где не только трудно было найти их, но даже невозможно, потому что сибирские воеводы скрывали таких беглых людей. Да и само московское правительство смотрело сквозь пальцы на эту нелегальную колонизацию Сибири, и если по челобитью владельцев и приказывало воеводам содействовать последним в отыскании холопов, то только для того, чтобы удовлетворить челобитчиков. Нужно также заметить, что свободным, вольным людям, в сущности, не было и надобности бежать в Сибирь: если они хотели туда переселиться, то им стоило только заявить о своем желании, и тогда к их услугам и казенные подводы, и даже казенный корм до места переселения. Но таких добровольных переселенцев в обозреваемый нами период было очень мало. Сибирь в понятии народном не была еще тогда «обетованной землей», не была еще страной, где текут «молочные реки с кисельными берегами». Это видно из многих фактов. Так, в 1609 году царь Василий Иванович указал пермскому воеводе прибрать из охочих людей в Пелымский уезд, в Таборинскую слободу на пашню пашенных крестьян человек пятьдесят или сто, но из отписки воеводы видно, что, несмотря на все его

старания, вызвались переселиться в Сибирь только четыре человека; между тем царь приказывал: «В Пермь и у Соли и в уездах по торгам и по малым торжкам, кликать биричам не один день и сказывать подмогу, и льготы давать на год, на два и больше, смотря по пустоте...». Также мало нашлось охочих людей переселиться в Сибирь и тогда, когда заселялась Гарикская слобода. Вот еще факт: в 1631 году Михаил Федорович велел воеводе Григорию Шестакову прибрать в Вологде, Тотьме, Устюге Великом, Сольвычегодске 500 человек казаков и 150 «женок», но он доносил, что мог прибрать только 150 казаков и 5 «женок»³⁹. Словом, Сибирь еще пугала русских крестьян, и немногие из вольных людей бросали родину и пускались за камень, в неизвестную даль; если экономическая нужда и побуждала таких крестьян закабалить себя, то это они могли сделать и в Европейской Руси, тем более что богатые монастыри давали еще больше льготных годов, чем государь. Хотя и несомненно, что переходили в Сибирь и вольные люди, переходили сами, помимо прибора, и там же приборались воеводами и слободчиками и сажались на пашню. На это указывают проезжие грамоты, выдаваемые сибирскими воеводами «новоприбранным» крестьянам, которые отправлялись из Сибири на Русь за своими женами, детьми, братьями, сестрами и другими свойственниками. Из этих же грамот видно, что вольные люди сначала переходили в Сибирь одни, без семейств, и потом уже, нашедши хорошее место для поселения и устроившись на государевой пашне, отправлялись на родину за своими свойственниками. Проезжая грамота писалась таким образом: «По государеву указу в сибирских городах и на Руси воеводам и всяким приказным людям, где берут на государя проезжую пошлину, а у пашенного крестьянина (имя), как он пойдет к Руси и с Руси назад в Сибирь с него и с его семьи для его бедности и для устрою и для новой селядьбы проезжих пошлин брать и задерживать его нигде не велеть для того, чтобы ему на весну в Сибирь к государевой пашне поспеть»⁴⁰. Очевидно, что подобные грамоты давались только вольным людям, которые имели право жить, где им заблагорассудится и куда они могли сво-

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, с. 1.

** А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, с. 2; № 18 и др.

бодно переводить свои семейства, но ни в каком случае разного рода беглым людям, которые и не осмелились бы из Сибири отправиться на Русь, потому что проезжая грамота и не спасла бы их от задержания. Но последнего рода гулящих людей в Сибири было несравненно более, чем первых. С самого начала заселения Сибири туда разными способами переходили тяглые люди, разного рода холопы, бросавшие своих владельцев, воры и разбойники, бегавшие от наказания. На это указывают не только факты, но и отзывы сибирских воевод о составе сибирского населения. «Все мужики схожие из разных городов, — замечают они, — от всякого воровства бегаячи». Кажется, первое указание на бегство в Сибирь таких людей мы встречаем в наказе воеводе Горчакову, данном в 1593 году. Из этого документа видно, что с казаками, отправившимися в Сибирь для постройки города Пельма и на службу, «побежали из Москвы окольный А. П. Клешинина люди Кудеярко Иванов да Васька Севастьянов»^{*}. Затем, вероятно, не проходило ни одной посылки служилых людей из Руси в Сибирь по разным случаям, чтобы вместе с ними не сбежало несколько человек; немало указаний и на то, что эти служилые люди сами «подговаривали» ехать с ними девок, баб, холопов, ярыжных и т. п.

По мере знакомства с Сибирью бегство туда все более и более усиливалось; с продолжением новой дороги и с основанием Верхотурья открылся более удобный и более близкий путь за камень. Мы уже упоминали, что даже в первые годы существования Верхотурья количество гулящих людей в нем было достаточно, а потом все более и более этого люда увеличивалось — в 1645—1646 гг. присягали Алексею Михайловичу 617 человек.

Из Верхотурья гулящие люди подвигались далее — в Туринск, Тюмень, Тобольск и даже проникали в Тару и Енисейск; они большей частью бегали в Сибирь одиночками, но, случалось, и целыми семьями. От этого бегства особенно страдали вотчины Строгановых; эти купцы, столь много оказавшие помощи Ермаку для завоевания Сибирского царства, вероятно, и первые начали расплачиваться за это завоевание: их крестьяне бегали в Сибирь не с пустыми руками, а уводили вместе с собой и скот. В портфелях Мил-

^{*} Р. Н. Б., т. II, № 56, ст. 120.

лера нам попался чрезвычайно интересный документ, касающийся этого предмета. В 1620 году царь Михаил Федорович послал туринскому воеводе Д.И. Милославскому грамоту, в которой читаем следующее: «Был нам челом Максим Строганов и сказал: бегают-де из его вотчин крестьяне его и бобыли, взяв у его людей деньги и хлеб в подмогу на пашню, в варничный промысл, в дрова, в рогажи и во всякие изделия, в наши сибирские города на Верхотурье, в Туринский острог, на Тюмень и в Тобольск и лошадей и всякий скот за собою от него свозят, а провожают-де тех его беглых крестьян и бобылей до сибирских городов лесом ясачные татары и вогулы, которые живут по рекам около его вотчин. А берут-де татары и вогулы за то провожанье у тех его беглых крестьян и бобылей, что последние сносят деньги и скот себе и теми животами корыстуются, а ему от того происходят убытки великие». Затем Строганов жалуется, что из сибирских городов: из Верхотурья, Туринска, Тюмени и Тобольска — воеводы и всякие приказные люди тех его беглых крестьян и бобылей без указа не выдают, а тем его людям, которых он посылает в погоню за беглецами, вследствие «поклепов» последних делают в сибирских городах «убытки и продажи великие». Из перечисления Строгановым беглых его крестьян и бобылей оказывается, что сбежали 9 человек с женами и детьми. Это не первый случай бегства его людей в Сибирь; из той же челобитной видно, что и прежде из строгановских вотчин бегали крестьяне и бобыли, бегали со всем имуществом, но прежде воеводы выдавали таких беглецов. По этой челобитной Михаил Федорович послал указ туринскому воеводе и, вероятно, другим сибирским воеводам, чтобы он, как придут к нему строгановские люди, поставил их пред собою с беглыми крестьянами и бобылями «с очей на очи и в крестьянстве и в побеге и в животах судил и сыскивал накрепко за Максимом ли Строгановым... они жили и в Туринский острог из-за него ли пришли и сколь давно кто пришел, а будет до прями сыщется, что те крестьяне ныне в Туринске и его старинные люди и вышли в Сибирь не больше пяти лет и ты б тех крестьян и бобылей со всеми животами велел отдать Максимовым людям, которых он пришлет с этой нашей грамотой, да и впредь бы его Максимовых беглых кре-

стьян велел сыскивать и выдавать, а ясачным людям сделать заказ, чтобы они не подговаривали и в сибирские города не провожали...»*. Нам неизвестно, удалось ли Максиму Строганову найти своих беглых крестьян и чем кончился суд туринского воеводы по поводу этих беглецов, но мы здесь укажем только на трудность для воеводы исполнения царского указа. Дело в том, что если упомянутые 9 семейств уже сели на государеву пашню, то они вместе с тем получали из казны подмогу и ссуду — не менее 10 р. на человека, а времени для устройства в Сибири у них было достаточно: пока Строганов написал челобитную в Москву и из Москвы пришел указ туринскому воеводе, наверное, прошло несколько месяцев, и за это время беглые могли совершенно устроиться. Теперь спрашивается, кто же должен вознаградить казну за убытки, происшедшие от выдачи подмоги и ссуды строгановским крестьянам, если последние будут возвращены их владельцам? Конечно, воевода и приказные люди, которые посадили на государеву пашню беглых крестьян, так как им всегда строго запрещалось «прибирать» на службу и на пашню таких людей, значит, они являются ответственными лицами, а с них только и можно было взыскать эти убытки, а с крестьян трудно ожидать возвращения подмоги и ссуды. Так неужели воевода и приказные люди наложат руки на свой карман?! Наверно, они или скроют крестьян так, что сыщики строгановские и не найдут их вовремя, или поведут суд таким образом, что беглые крестьяне будут оправданы. В документах мы не нашли ни малейших указаний ни на то, чтобы воеводы платились за незаконный прибор крестьян на государеву пашню, ни на то, чтобы когда-нибудь подмога и ссуда пропадали даром, за исключением, конечно, тех случаев, когда сами «новоприбранные», получив деньги «на пашенный завод», скрывались в Сибири или убегали за камень. Да и в том случае, если бы воевода захотел вести суд добросовестно, то вряд ли сыщикам удалось бы найти беглецов и поставить их перед воеводой «с очей на очи». Ведь все беглые крестьяне, будь они тяглые, разного рода холопы и даже преступники, бежавшие в Сибирь от наказания, устраивались или в государевы пашенные крестьяне, или поступали в качестве половников

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, тетр. 2, № 5.

и захребетников в монастыри к служилым, посадским и пашенным людям, и все, принявшие их, заинтересованы были в судьбе этих беглых и им не было никакого расчета ни указывать на место жительства беглецов, ни выдавать их. Для примера, как вообще трудно было сыскивать беглых людей, мы укажем на следующий случай. В 1632 году верхотурский воевода по приказу тобольского воеводы послал в Невьянскую и Тагильскую волости письменного голову, боярского сына и подьячего «пересмотреть по росписи крестьян этих волостей и сыскивать про беглых людей, про их жен и детей и животы...». «И тагильские, и невяньские крестьяне, — отписывал воевода в Москву, — пришед к ним на двор сказали, что старост и целовальников им для сыску не дадут, что сыскивать-де у них про беглых крестьян и не про кого и нечего, беглых-де крестьян у них нет, и лаяли их ма... и хотели побить...». Так крестьяне относились к письменному голове и боярскому сыну, присланным для сыску самим воеводой, то что же они могли ответить строгановским сыщикам?! Словом, кто успел перевалить за Уральский хребет, того трудно было найти не только частному человеку, но и самому правительству. Все перебежавшие в Сибирь причислялись к разряду гулящих и служили и правительству, монастырям и частным лицам контингентом для набора годовых летних и поденных ярыжных людей, для набора казаков, стрельцов, пашенных и оброчных крестьян.

Теперь посмотрим, в чем состоял «прибор» и как вообще эти гулящие, вольные люди устраивались в Сибири. Несомненно, большинство перебежчиков приходили в Сибирь одиночками, и такие большей частью или занимались поденной работой, или нанимались в работники на известное время, поэтому они преимущественно жили в городах, предпочитали продавать свой труд только на время: на лето, на зиму или на целый год; место их не привязывало: они то служили в Верхотурье, то переходили в Туринск и другие сибирские города. Мы упоминали, что гулящих людей всегда было более в Верхотурье, чем в других сибирских городах, но были года, когда и в нем проживало таких людей гораздо менее, чем, например, в Тобольске и даже Таре; об этом можно судить по количеству собранного с них оброка: в иной год в каком-нибудь

городе взято с гулящих крымских людей оброчных денег 100 рублей, а в следующий год, например, только 10 рублей. Это был люд кочевой, и посадить его на пашню было трудно; можно только разве привлечь большей подмогой, ссудой и льготными годами. В 1646 году по указу Алексея Михайловича тобольский воевода приказал было всех гулящих людей переписать и посадить на государеву пашню, но они, прослышав об этом, немедленно разбежались: одни, довозил в Москву воевода, убежали из Тобольска в верхние сибирские города, а другие побежали даже на Русь. Относительно же тех, которые остались в городе, переписчики говорили, «что те люди наги и босы, и многие из них бражники и зерники, кормятся работой и порук на себя не дают». После этого неудачного опыта насильственного обращения гулящих людей в пашенных крестьян Алексей Михайлович указал, чтобы впредь их против воли на пашню не сажать*. Другие гулящие люди поступали в захребетники, половники, а более «семьянистые» садились или на пашню, или на оброк и при этом безразлично, к кому бы они ни садились, но всем давали на себя уговорную запись. Правительство, кроме того, требовало от гулящего человека поручителей в том, что он не сбежит, будет пахать государеву пашню в известном месте, давать поборы денег и делать всякие изделия с другими крестьянами вместе. В случае же бегства за все отвечали поручители. «А пеня, — говорится в поручной записи, — что государь укажет и государева пашня», т. е. если новоприобретенный сбежит, то поручители должны нести на себе все казенные убытки, происшедшие от этого бегства, и пахать ту долю пашни, на которой сидел беглец. Из этого видно, что ответственность поручителей пред правительством была большая, но тем не менее гулящим людям, кажется, найти поручителей было легко, по крайней мере нет никаких указаний на то, чтобы дело «прибора» останавливалось за отсутствием их; в воеводских отписках очень часто приходится читать, что прибрать некого, гулящих охочих людей нет, но никогда нам не встречалось замечание воеводы о том, что нет поручителей. И это понятно: поручителями были преимущественно те крестьяне, которые обрабатывали ту же государеву пашню, на которую садился и гулящий человек, например, если последний садился в Верхотурском уезде на

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6308/264.

государеву тагильскую пашню, то за него и поручались крестьяне Тагильской волости, если на подгородную, то крестьяне Подгородной волости, а для крестьян был расчет, чтобы их было более, потому что тогда несравненно легче «тянуть всякие государевы изделия». Но непонятно, имея в виду частые побегы, как осмеливались ручаться за гулящих людей, которые садились на государеву пашню, казаки, стрельцы и посадские люди— последним расчета не могло быть никакого, а между тем «вся пеня и государева пашни на том из поручиков, кой на нас на лицо»^{*}.

Когда количество пашенных крестьян было достаточно, Михаил Федорович разрешил сибирским воеводам принимать гулящих людей на оброк: оброчные государевой пашни не пахали, а давали в казну известное количество четвертей разного хлеба соответственно величине этого земельного участка, который они пахали на себя, но и они также представляли за себя поручителей.

Другие гулящие люди садились на монастырскую пашню или в качестве половников, или бобылей; при этом одни за пользование монастырской землей платили монастырю денежный оброк за десятину по 50 к. или по рублю, а другие давали «выделной пятый сноп со ржи, со пшеницы, с овса и с ячменя «измолотя, привозить в монастырские житницы». Кроме того, оброчные крестьяне обязывались «око-

^{*} *Примеч.* Для образца выписываем здесь одну поручную запись верхотурских крестьян Подгородной волости и верхотурского стрельца по крестьянине, который садился на государеву подгородную пашню «Се из Борис Киприилов, сын Уранов, да из Иван Матвеев, сын Старов и т.д. (всего 12 человек)... верхотурские пашенные крестьяне, да из Осип Юрьев Сумароков верхотурский стрелец поручались осми на Верхотурье по верхотурском по пашенном крестьянине по Петре Ивановиче, сыне Загостове в том, что ему Петру за пашню поружкою пахать государевы пашни осмины на подгородной пашне и всякие мирские поделки делать и в выборы деньги давать, из Верхотурья не убежать и государевы пашки не запустить. А будет тот Петр за пашню поружкою не учнет пахать государевы пашни осмины на подгородной пашне и всяких мирских поделок делать, и в выборы денег давать, и с Верхотурья убежит, и государеву пашню запустит и в том на нас на поручиков пеня государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русски, а пеня что государь укажет и пашая государева, а кой у нас поручником в лицах, на то и пеня государева и порука вся и пашая государева, а на том послух Пахом Михайлов, сын Салдинской, дячех церковный, а запись порушную писал на Верхотурье Семейка Андреев, сын Путилкин лета 1131 году июля 2 дня». (А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст.).

ло пашен и покотин огород городить вместе с другими крестьянами, да поставить на монастырской земле двор, избу, клеть и овин, а если кто не захочет жить за монастырем, то тому до этих построек дела нет», т.е. они остаются в пользу монастыря. К тому же обязывались и пашенные крестьяне, только они должны еще давать монастырю поборы, а монастырь должен сужать семенами. Те и другие обязывались «делать всякие изделия, что строитель с братией повелит без ослушания и без огульства, никаким воровством не воровать, зернию и карты не играть, блядни и корчмы не держать», а «за воровство» монастырю давалось право «смирять всяким монастырским смиреннем смотря по вине». В свою очередь строитель с братией обязывались «от государевых изделий и оброков и от всякого насильства сторонних людей оборонять». Нужно также заметить, что как оброчные, так и пашенные крестьяне садились на монастырской земле или на срок — на определенное количество лет: на пять или на десять, или же на столько времени, насколько «похочет жить», и в этом смысле они давали монастырю запись*. Но на деле все те, которые дали на себя запись, навсегда оставались за монастырем, если только кому не удавалось бежать, потому что иначе трудно было избавиться от монастыря, как должнику от ловкого ростовщика.

* *Примеч.* Приведем здесь для образца две записи невяжскому Богоявленскому монастырю — одну оброчного крестьянина, другую пашенного.

№ 1) «Се из Иван Тимофеев сын, родом пенежанин дал есе сию запись на себя в Богоявленском монастыре, строителю старцу Елисаю, келарю старцу Ефрему, назначю старцу Варламу и всей братии в том, что мне Ивану за Богоявленским монастырем быть в бобылях, в оброк, с нынешнего 1643 г. апр. 30 числа. А жить мне Ивану на их монастырской земле двором своим, пахать земля монастырская добрая, рожь и яровой хлеб сеять, поспалку десятин почку на год сеять ржи, на год давать со ржи, з десятины по полтине, сколько годов вочку жить. А около пашен и покотин огород городить вместе со крестьяни, да поставять мне Ивану на их монастырской земле двор, изба да клеть и овин по силе своей, а двора и избы и овина и клетки не поставлю и на мне взить строителю с братией за дворовое поставление пять рублей денег в калку. А никаким воровством не воровать, зернию и карты не играть и блядни и корчмы не держать, а за воровство меня смирять всяким монастырским смиреннем смотря по вине; а им строителю и всей братии меня от государевых изделий и от оброков и от всякого насильства сторонних людей оборонять, а не похощу в монастыре жить и мне Ивану до двора и до избы и до клетки и до овина дела нет, и что

Средством удержания крестьян была «кабала в хлебе и в деньгах». В Сибирь приходили крестьяне большей частью бедные, и все они нуждались в средствах для заведения хозяйства; монастыри, как видно из документов, охотно давали в долг деньги всем тем гулящим людям, которые селились на их земле. Не было, кажется, ни одного монастырского крестьянина или крестьянина дома Софии Пр. Божией, чтобы на нем не было кабалы строителя с братией или архиепископа. Например, в 1623 году за тобольским архиепископским домом было 153 крестьянина, и на всех их были кабальные записи, а некоторые крестьяне, которые нуждались в большей сумме, давали кабалу на себя, на жену и детей. Денежная сумма, которой ссужались крестьяне, была равная: в кабальных записях архиепископа Киприана самая меньшая кабала 1 р., большая — 33 р., а большая часть крестьян кабалилась в 5, 6 и 8 рублях и в нескольких четвертях хлеба*. Что от этой кабалы трудно было изба-

озини посеяно будет в земле, дела нет; в том на себя строителю а братией и запись дал. На то послух Федор Дмитриев, запись писал монастырский дьячек Якушка Гаврилков лета 1643 г.» (А. М. Ю. Сиб. пр. Разб. ст. № 14, № 5).

№ 2) «Се из Павел Осипов, сын Пустоозерец дал есми сию на себя запись в Невьянском Богооявленском монастыре строителю старцу Протасию, да келарю старцу Никодиму, казначею старцу Павлу и всей братии в том: жить мне Павлу за Богооявленским монастырем в крестьянских, пахать земля монастырская добраа десять лет на пятого сноа с нынешняго 1643 г. апреля 23 числа до сроку до 1653 г. апреля 23 числа. А что Бог подаст в ту десять лет ржи и ярового хлеба, и мне Павлу давить выделной пштыи сноа со ржи, и со пшеницы, и с овса, и с ячменя, измолоти не страляча... привозить в монастырские житницы. И огород около пашен поскотки и всякие монастырские аделая и поборы тинуть с крестьяны вместе, что строитель и братья позволят без ослушанья и без огульства. И шиканем зоровством не воровать, зерню и карты не играть, и блядни и корчмы не держать, а за зоровство меня смирить волким монастырским смирензем. А двор и изба полутрета самени, да против избы клеть дву самени ручных наготово поставити. А не дожив до сроку, не похошу за монастырем жить, или не дожив до сроку збежу и на мне Павле или на жене или на детях моих строителю с братией ваять раду пять рублей и сноа и волокиту и всякие убытки, а семенами меня Павла строителю с братией ссужать. А дожив до сроку, а после сроку не похошу в монастыре жить и пойду из монастыря вон и строителю с братией ваять двор весь сполна. А где ся запись дьячет, тут по ней суд и правен, а хто с сего записью станет, тот по ней истец. А за то послух Данило Никифоров, а запись писал дьячек Якушка Гаврилков лета 1643 г. апреля 23 дня.» (А. М. Ю. Сиб. пр. Разб. ст. № 14).

* А. М. Ю. Сиб. пр. Кн. № 7.

виться, так это видно, например, из того, что архиепископ Макарий по приезде в Тобольск «взял по старым кабалам денег 1405 р., ржи 136 ч., ярицы 20 ч., муки 50 ч.», но при нем на тех же крестьянах оставалась такая же кабала, то есть и он ссужал их деньгами и хлебом.

Из всего вышесказанного следует, что Сибирь заселялась различным образом: то правительство разными способами водворяло там русские и не русские народные элементы, то русские люди сами переходили туда для поселения. В начале этой главы мы указали на цифру населения в 1645 году в семи сибирских уездах; эта цифра только приблизительно верная, а на самом деле количество населения было несколько больше. Несомненно, что не все переселенцы попали в документы, на основании которых мы определяли их количество в разных местах поселений: переписчики, пожалуй, легко и точно могли определять число жителей известного сибирского города, но им трудно было узнать о всех насельниках его уезда, как бы они внимательно ни относились к своим обязанностям. Одни переселенцы сами по многим причинам должны были от них скрываться, других скрывали в своих деревнях крестьяне, служилые и посадские люди, а есть даже указание на то, что и сами воеводы и переписчики были заинтересованы в укрывательстве и городских, и уездных жителей. Просматривая дозорные книги сибирских городов и их уездов, мы не раз наталкивались на такого рода несообразности: переписчик, например, пишет, что в таком-то месте находится деревня крестьянина посадского или служилого человека, «дворов в ней один, людей тож», а тот Семейка или Ивашка, кому принадлежит этот двор, «пашет доброй земли семь четей в поле...», но ни слова не говорит ни о детях, ни о братьях, ни о половниках, ни о захребетниках. Спрашивается, возможно ли, чтобы один человек в состоянии был обрабатывать такое количество земли? Нельзя думать, что переписчик в данном случае должен был упомянуть только о домохозяине; нет, на нем лежала обязанность записать всех работников дома. Относительно других деревень переписчики это делают: не только записывают половников и захребетников, но и детей, и разных свойственников. У одного, например, домохозяина, читаем в дозорной книге, живет зять

с братом своим, у другого — половник или сын 15 лет, «а в пашню он поспел». Отсюда очевидно: или переписчик скрыл в первой деревне других членов дома, или сам домохозяин. Вследствие этого в списках пашенных и оброчных крестьян встречались такого рода невероятные цифры: в известной слободе или волости 50 человек, а детей у них, брати, племянников — 30. В том нет сомнения, что переселившиеся в Сибирь большей частью были люди бессемейные или малосемейные, но тем не менее у тех, которые решались заниматься хлебопашеством самостоятельно, наверное, должен быть хотя один работник, а между тем у многих хлебопашцев по дозорным книгам и по спискам мы не встречаем ни братьев, ни других свойственников, ни взрослых детей, ни половников, ни захребетников. Это обстоятельство можно только тем объяснить, что переписи были неполны, другие работники дома были в них пропущены. Да и само московское правительство сознавало, что количество населения в Сибири, известное ему по разным спискам, ниже действительности, что часть его скрывали воеводы из корыстных целей. Это будет очевидно из следующего документа. В 1646 году Алексей Михайлович писал тобольскому воеводе: «Ведомо учинилось, что в прошлых годах с Руси и поморских городов, с Устюга Великого, от Сольвычегодска и из иных русских городов, с посадов и с уездов сошли в Сибирь посадские люди и многие пашенные крестьяне с тяглых своих жеребьев от хлебного недороду и от бедности с женами и с детьми, а в сибирских городах и уездах те прихожие люди учили жить в архиепископских слободах и за монастырями в закладчиках, а иные на церковных землях и за детьми боярскими, за подьячими и за всякими служилыми людьми на пашнях во крестьянах и в половниках, а иные живут на посадах и в уездах меж посадскими людьми и у пашенных крестьян и ямских охотников в захребетниках и денежного оброка в государеву казну не платят, а прежние воеводы о том не радея таких прихожих людей в Сибири не выискивали, в посадские люди и в пашенные и в оброчные крестьяне не строили, и их укрывали, а иные брали у них от того посулы*». А что правительство имело основание обви-

* Доп. Кн. А. И., т. III, № 14.

нять сибирских воевод в укрывательстве крестьян с корыстной целью, на это указывает дело о бегстве туринских крестьян, которое мы видели в Сибирском приказе и которое заключается в следующем. В 1632 году туринский воевода Гурий Волынцев отписывал, что на туринских пашенных крестьян он прибавить государевой пашни не может, так как из них 24 человека сбежали неизвестно куда. Но в следующем году он умер, и на его место назначен Михаил Тюхин, тот самый, который лет десять тому назад прислан в Сибирь «в колодниках». Ему велено, между прочим, сыскать тех беглецов, и этот колодник оказался честнее своего предшественника. «На сыску, — как доносил он тобольскому воеводе, — старосты и целовальники по государеву крестному целованию показали, что из тех 24 человек, которых Волынцев написал в беглецах, один умер, другой был отпущен на богомолье к соловецким чудотворцам, четыре сбежали, а остальные никуда не бегали: как прежде, так и теперь живут в своих деревнях и пахут государеву пашню». «И то, государь, — отписывал тобольский воевода к Михаилу Федоровичу, — делалось все по поровкою воеводы Гурья Волынцева, который, не радея о твоём государевом деле, наровил крестьянам для своей бездельной корысти»*.

Что же касается этнографического состава сибирского населения в обозреваемый нами период, то оно, помимо туземцев, представляло пеструю, разношерстную массу; оно состояло из немцев австрийских и ливонских, шведов, поляков, литовцев, латышей, мордвы, черемис, русских и даже французов; эта пестрота особенно заметна в Тобольске. Но само собой понятно, что значительное большинство этой массы принадлежало к русскому народу, и преимущественно к жителям северных губерний. В списках служилых, посадских людей и крестьян чрезвычайно редко можно встретить «калужанина», «путивльда», «рыленина», да и то большей частью из ссыльных, а остальные насельники переведены или перешли из так называемых поморских городов: Устюга Великого, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогор, Вятки и т.п. Гулящие люди в Сибири были исключительно из этих городов, например, из 617 человек, при-

сягавших в Верхотурье царю Алексею Михайловичу, половина была родом устюжан, значительная часть сольвычегодцев и пинежан, а другие были вятчане, соликамцы, кайгородцы, важеняне, вычегжане и т.п.

Теперь коснемся управления Сибири, экономического и нравственного состояния ее первых насельников. С самого начала завоевания Сибирь находилась в ведении Посольского приказа, потом некоторое время сибирскими делами заведовали дьяки, а в 1599 году царь Борис Федорович указал ведать новопокоренный край в «Казанском и Мещерском Дворце». При этом «дворце», вероятно, в самом начале царствования Михаила Федоровича учреждено особое отделение под именем «Сибирского Приказа», которое специально ведало делами Сибири; по крайней мере древнейший документ, который упоминает о существовании этого приказа, относится к 1614 году. Так, в наказе, данном в этом году воеводе Лутохину, говорится, чтобы он «присылал всякие отписки дьякам приказа Казанского и Мещерского Дворца и Сибирского Приказа»*. В других подобных документах, писанных и в 1614 г. и после, до 1637 года, хотя упоминается только один «Казанский и Мещерский Дворец», но тем не менее Сибирский приказ продолжал существовать как отделение при этом дворце, и все воеводские отписки из Сибири присылались именно сюда. На это указывают некоторые царские грамоты к тобольскому воеводе, писанные после пожара, бывшего в Казанском дворце в 1626 году, когда сгорел весь архив Сибирского приказа: в этих грамотах по поводу ли челобитья какого-нибудь сибирского монастыря о даче земли или по поводу, например, назначения в 1635 году таможенных голов на Собскую заставу читаем, «что в Москве не из чего выписать, потому что в прошлом 1626 г. всякие дела в Сибирском Приказе погорели». Но этот приказ долгое время не имел особого начальника, а им заведовало то же самое лицо, которое стояло и во главе Казанского и Мещерского дворца: только в 1637 году эти учреждения были разделены, и Сибирский приказ сделался самостоятельным, а первым его начальником был Борис Михайлович Лыков, тот же самый, который до того времени стоял во главе Казанского дворца. Из Сибирского

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 145.

приказа, как прежде из Казанского и Мещерского дворца, исходили все высшие распоряжения, касающиеся Сибири, а равным образом и эти учреждения посылались всякие отписки сибирских воевод и челобитья разных лиц. Начальники этих приказов со своими товарищами решали всякие дела, относящиеся до «дальной государевой вотчины», а в случае дел важных, которые они сами не могли «вершить», докладывали государю; они же принимали сибирский ясак и заведовали его продажей.

Высшее областное управление всею Сибирью до 1629 года сосредоточивалось в руках тобольских воевод, а с этого года томские воеводы «учали сидеть своим столом», сделались независимыми от Тобольска, и Сибирь разделилась на два «разряда» — тобольский и томский. К первому разряду принадлежали все города, об основании и заселении которых мы говорили в настоящем нашем исследовании, а также Сургут и Мангазей, а ко второму — остальная Сибирь. В частности, во главе каждого города и уезда находился воевода как высший администратор и судья. В чем собственно состояла зависимость воевод городов, например, тобольского разряда от воеводы тобольского довольно трудно определить, если взять во внимание, что каждый воевода совершенно самостоятельно сносился с центральным учреждением по управлению Сибирью и самостоятельно управлял своим уездом. Можно только указать на некоторые черты этой зависимости: тобольский воевода каждому другому воеводе своего разряда, например, мог делать замечания, заставить его исполнить какое-нибудь свое распоряжение и требовать отписок по разным делам, касающимся управления его уезда; тобольскому же воеводе со всех городов присылались разные приходо-расходные и ясачные книги. Особенно важная зависимость частных воевод от тобольского заключалась в том, что они не имели права без разрешения тобольского воеводы посылать служилых людей против неприятеля даже в том случае, если неприятель вторгался в их уезды. Как это ни странно, но на самом деле было так, в этом убеждают нас многие документы. Мы уже упоминали о страшном опустошении Тюменского уезда в 1634 году калмыками и «Кучумовыми внуцатами»; это опустошение неприятеля могли произвести только потому, что тюменский воевода, «не свестясь» с тобольским воеводой, не смел выс-

лать против них своих служилых людей, а пока весть о нападении врагов доходила до Тобольска и пока тобольский воевода делал соответственное распоряжение, как враги уже успевали пограбить, набрать пленников и со своей добычей скрыться в несбозримых степях. Таким образом, зависимость в данном случае от тобольского воеводы приносила существенное зло, это зло хорошо сознавали тюменские служилые люди и указывали на него московскому правительству, но тем не менее последнее не решилось изменить своих прежних распоряжений. Так, в 1636 году после упомянутого опустошения Тюменского уезда калмыками и «Кучумовыми внучатами» тюменские служилые люди и юртовские служилые татары послали Михайлу Федоровичу челобитную, в которой писали: «Приходят под Тюмень и в Тюменский уезд калмыцкие воинские люди и изменники сибирские татары и тюменских служилых и уездных ясачных людей побивают и в полон берут, а с Тюмени воеводы, не свестясь с тобольскими воеводами, против тех калмыцких людей посылать их служилых людей не смеют и пока тюменские воеводы с тобольскими воеводами сошлются и в то время калмыцкие воинские люди, повоював Тюмень и Тюменский уезд, уходят в свою калмыцкую землю». В заключение этой челобитной служилые люди и юртовские служилые татары просили Михаила Федоровича, что если впредь придут калмыки и изменники татары войною, а тобольские служилые люди к ним на помощь не успеют, то разрешить тюменскому воеводе посылать их одних против неприятеля. Подобную же челобитную отравили и тюменские посадские люди и крестьяне и в ней просили о том же разрешении. На эти просьбы Михаил Федорович отвечал отказом, а по-прежнему приказывал тюменскому воеводе в случае нападения врагов жить «на Тюмени с великим бережением, по городу и острогу учинить крепкие караулы», немедленно давать знать о нападении тобольскому воеводе, а как тобольские служилые люди придут, то общими силами «промышлять» над неприятелем*. Еще можно было бы найти смысл в подобном распоряжении, если бы в Тюмени было мало войска, но мы знаем, что в 1636 году в этом городе находилось разных служилых людей более 800 человек; с этим войском, вооруженным огнестрельным оружием, можно было с успе-

* Р. И. В., т. II, № 159; А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6111/67, лл. 37, 182 и др.

хом отразить самого многочисленного неприятеля. В наказах татарским воеводам также предписывалось в случаях нападения врагов давать знать об этом в Тобольск и, только когда придут тобольские служилые люди, «чинить промысел над неприятелем, сколько Бог помочи подаст», хотя от Тобольска до Тары было 12 дней пути.

В своем уезде по делам управления, суда и хозяйства каждый воевода имел большие полномочия. Особенно в первое время, когда права и обязанности воевод не были строго определены и когда им предписывалось «делать всякие дела по своему высмотру и как Бог на душу положит...»; воевода творил суд и расправу, собирал всекие пошлыны с торговых и промышленных людей, собирал с инородцев ясак, налагал на жителей оброки и разные повинности по своему усмотрению и вообще был полновластным хозяином. Но по мере того, как пред правительством раскрывались злоупотребления сибирских воевод, положение их все более и более стеснялось и круг их обязанностей был значительно ограничен. Особенно широкое поле для злоупотреблений представлялось сибирским воеводам при сборе всякого рода пошлын; торговые и промышленные люди от этих злоупотреблений жестоко страдали и постоянно жаловались правительству на воеводские притеснения. Но в 1623 году тобольский воевода отнял у них право сбора всяких пошлын и возложил эту обязанность на таможенных голов и целовальников. Трудно сказать, выиграли ли торговые и промышленные люди от этого распоряжения или нет, по крайней мере они более были довольны головами, чем воеводами, это видно из того, что в тех отдаленных сибирских городах, например, в Енисейске, где еще по-прежнему воеводы ведали торговых и промышленных людей «в проезде и пошлынах», последние просили Михаила Федоровича об установлении в там таможенных голов и целовальников.

И во многих других отношениях сибирские воеводы были стеснены. Так, в прежнее время они брали с собою своих друзей и родственников и давали им в Сибири разные должности: одни назначались приказчиками над пашенными крестьянами, другим поручалось собирать ясак с инородцев или заведовать выделом «посошного хлеба» и т.п.; все эти лица и сами каживались при исполнении своих обя-

завностей, и делились незаконными поборами со своими покровителями воеводами. Но правительство проведало об этом и при Михаиле Федоровиче воеводам было строго запрещено назначать на какую-нибудь должность своих друзей и родственников. Затем стало известно, что сибирские воеводы занимаются в Сибири торговлей, скупают у инородцев дорогих соболей, бобров и черно-бурых лисиц и тайно эту «мягкую рухлядь» привозят на Русь. Правительство и это им запретило: в наказах им предписывалось под страхом опалы и казни не покупать, не продавать мягкой рухляди; все предметы необходимости для себя и для своих людей дозволялось покупать исключительно на торговом рынке и всякую куплю записывать у таможенных голов в таможенные книги. Но и в таких случаях воеводы умели извлечь выгоду из своего положения и на совершенно законном основании при соблюдении всех требований наказа вели выгодную торговлю. В Сибири, например, цена на хлеб всегда стояла довольно высокая, воеводы имели право покупать хлеб как предмет необходимости для себя и для своих дворовых людей, но они закупали его громадное количество и затем чрез своих друзей и знакомых перепродавали этот товар по самой высшей цене всяким торговым и проезжим людям, инородцам и даже служилым людям; располагая деньгами, они могли сделаться монополистами в хлебной торговле. Однако и об этом узнало правительство, и поэтому в воеводских наказах, относящихся к концу царствования Михаила Федоровича, мы уже встречаем определенные указания на количество хлеба, которое воевода имел право купить на рынке. Так, в наказе Бобрицеву-Пушкину, назначенному в 1643 году воеводой в Тюмень, предписывалось ему в течение года купить хлеба только 160 четвертей — по четыре четверти на человека, «а больше того отнюдь ни у кого и нигде в сибирских городах не покупать и ту куплю записывать в таможенные книги». Из этого же наказа видно, с каким множеством людей воеводы отправлялись в Сибирь: Бобрицев-Пушкин повез с собой 40 человек, а с тобольскими воеводами отправлялось родственников и дворовых людей по 60 и 70 человек*. Но все эти стеснительные меры и угрозы «жестокою опалю и казнию»

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 541, тетр. 5, стр. 51.

мало достигали своей цели: действительный контроль за действиями сибирских воевод был невозможен, они имели много средств обходить наказания и во всяком деле злоупотреблять своей властью. Да и само правительство понимало, что пресечь злоупотребления сибирских воевод оно не в силах, смотрело на них, как на хищников и грабителей, и этот взгляд ясно высказывало в своих наказаниях. Каждый воевода по приезде в Сибирь на место службы должен был собрать в съезжую избу служилых и не служилых людей, русских и инородцев и сказать им по наказу приблизительно так: «Вот, мол, прежний воевода делал все не по государеву наказу, а самовольством творил кривой суд, брал взятки, причинял убытки и насилия, а теперь этого не будет, в нем все найдут праведного судью и заступника, и все будут жить в довольстве, покое и тишине». Но являлся новый воевода и то же обязан был говорить про своего предшественника. Так, в 1631 году Михаил Федорович велел воеводам князю Никите Борятинскому и Константину Сытову быть на службе в Сибири в Тарском городе на место воевод князя Федора Волконского и Исаака Баилова. А приехав в Тару, читаем в наказе, данном им, они прежде всего должны были вызывать в город ясачных людей, человека по два от каждой волости, принять их в съезжей избе и самим быть в то время и служилым людям в цветном платье и с оружием. Когда же ясачные люди сойдутся, то сказать им от царя Михаила Федоровича такое жалованное слово: «Прежсего им в Тарском городе от воевод, от голов и от приказных людей, от боярских людей, от казаков, от стрельцов и от их братья новокрещенных... было небрежение, налоги и продажи великие... брали с них ясак с прибавкою, не по государеву указу, и тем сами корыстовались, а воеводы того не берегли и суда прямо не давали и сами воеводы делали им продажи и убытки, брали поминки и посулы... и теперь, государь, во всем их пожаловал, велел давать суд праведный, сыскивать накрепко, делать им расправу и оборону от русских и всяких людей и во всем велел их беречь, чтоб им насилья, убытков и продаж ни от кого не было, и они б уездные люди были в его царском жалованье, во всем покое и тишине без вся-

ного сомнения»*. Такой неслестный отзыв настоящие воеводы должны были по государеву наказу дать о своих предшественниках! Но в 1633 году Михаил Федорович назначил в Тару новых воевод, князя Федора Бельского и Неупокой Коккошкина, и они обизаны были сделать такой отзыв про бывших воевод Борятинского и Сытова. Только Бельский и Коккошкин по наказу должны были наперед собрать в съезжую избу торговых и промышленных людей «верховских городов» и сказать им: «Преж сего воеводы делали им продажи, обиды и тесноты великие... их нужд не рассматривали, управы меж них прямой не творили, посулы и поминки у них брали и их продавали...». А потом велено им собрать инородцев и говорить им про прежних воевод то же самое, что последние говорили про своих предшественников**. Наказы другим воеводам, в какой сибирский город они ни назначались бы, имели тождественное содержание. Так что инородцы и русские люди наперед знали, что новые воеводы собрали их в съезжую избу только для того, чтобы поносить пред ними своих предшественников, как знали и то, что и новое начальство будет с ними поступать вислолько не лучше старого: взятки, продажи, кривой суд и разного рода насилия будут и от новых воевод.

И если московское правительство и сибирские жители имели такой мрачный взгляд на воевод и их товарищей, то они были совершенно правы: не только жалобы, но и следственные дела по ним вполне оправдывают этот взгляд. Уже на пути в Сибирь воеводы и их товарищи своими действиями показывали, какими они будут администраторами и судьями на местах службы. Русское население, чрез которое лежал путь сибирских правительственных агентов, жестоко страдало от них; их нашествие в Сибирь сопровождалось правожимами, поборами, грабежами и разными насилиями вроде тех, какие позволяли себе каргопольские стрельцы и другие служилые люди. Кажется, не проходило ни одной

* Полн. соб. зак., т. III, стр. 552. В этом документе годы обозначены неверно; нужно читать не 7119 лето (1611 г.), а 7139-е (1631) и в середине документа не 7117 лето, а 7137-е, ибо воеводы, которым дан этот наказ, именно в 1631 г. отправились в Тару — тобольский воевода Федор Телхтеский, с которым тарским воеводам предписывалось ссылаться, также именно в это время был в Тобольске.

** Ibid. стр. 566.

компании воевод и их товарищей, чтобы потом местное население не жаловалось царю на ее беззакония; например, в 1635 году чрез Пермь Великую прошло несколько таких компаний, и на всех их поступили от местных жителей челобитные Михаилу Федоровичу. Пожалуй, этим челобитным можно и не доверять, так как они большей частью составлялись не столько по самим обстоятельствам дела, вызвавшего жалобу, сколько вообще по установившейся форме челобитья, притом московский человек не любил, так сказать, жаловаться немного, в меру, а если вздумал писать жалобу, то уж такую, чтобы у царя-государя при чтении ее волос дыбом стал. Поэтому мы не будем судить о беззакониях воевод, проходивших чрез Пермь Великую в 1635 году, по жалобам самих пострадавших, а обратимся к другого рода документам, например, к донесениям воевод тех уездов, где сибирские воеводы производили грабежи и насилия, и следственным делам по челобитным на них посадских людей и крестьян. Так, например, устюжский воевода с товарищами отправил следующее донесение Михаилу Федоровичу. «В нынешнем 1635 году, в феврале и марте, — писал он, — ехали по твоему указу в сибирские города воеводы и дворяне: князь Михайло Темкин Ростовский, стольник Иван Ромодановский, князь Федор Борятинский, Борис Пушкин, Иван Ярошкин, князь Данило Гагарин, князь Андрей Волконский, Григорий Кафтырев, Яков Уваров и стрелецкий голова Михайло Дурной. И будучи, государь, в Устюжском уезде, на Сухоне, на Бобровском яме, князь М. Ростовский доправил на бобровском старосте сверх подорожной указных 20 подвод, лишних 16 подвод... да его Михайловы люди по его же велению доправили денег и корму на 2 р. 18 а. 4 д.; твой стольник И. Ромодановский на том же старосте доправил сверх подорожных, указных 20 подвод, лишних 15 подвод, а его люди доправили харчи на 24 а. 4 д.; князь Ф. Борятинский доправил сверх подорожной, указных 30 подвод, одну подводку и его люди доправили 9 а. 4 д...; Михайло Дурной на том же старосте доправил лишних подвод 5, денег себе 12 р., да люди его доправили 2 р. 4 а...» и т.д. Словом, все вышеупомянутые лица взяли лишние подводки и доправили денег или себе, или своим людям; по подорожным они имели право на 171 подводку, а

взяли 235. Старосте бобровскому пришлось уплатить за лишние подводы 50 р. денег, да деньгами взяли воеводы и их люди 18 р. 3 к. Таким образом, подвод воевод стоили одному яму 68 р. — сумме по тому времени значительной. Такие же беззакония позволяли себе сибирские воеводы и на других ямах. Но само собою понятно, что эти грабители причиняли населению, чрез которое проезжали, не один только материальный ущерб; воевода устюжский хотя и упоминает в своем донесении, что воеводы и их люди «правили» лишние подводы и вымогали деньги «насильством», но он умалчивает о том, в чем именно выражались эти насилия. На это мы найдем указания в следственном деле, которое производилось по государеву указу. Вот что доносили Михаилу Федоровичу, например, о Ростовском Кирилко Супонев и Анисимко Ильин, которым велено «сыскать накрепко» о беззакониях сибирских воевод. «В прошлом, государь, в 1635 г. 14 д. во втором часу ночи князь Михайло Ростовский, едучи на службу в Сибирь (в Тобольск), велел своим людям на Устюге Великом у посадских людей ворота ломать, у изб и у клетей двери высекать и их, посадских людей и матерей их, и жен и детей велел бить чеканами, обухами и плетьюми, а животы их грабить, и от того насильства и бою произошел шум, крик и всполох, и начали бить в колокола и т.д.»*.

Если воеводы так разбойничали в Европейской Руси, то можно себе представить, что они делали, переехавшись за Уральский хребет, какими они были «праведными судьями» на службе в Сибири! Тут они и их товарищи еще грабили население с опасением, знали, что на каждое их беззаконие будет жалоба царю и будет производиться следствие, а в Сибири? Оттуда не скоро могли дойти до Москвы эти жалобы, пока суд да дело, то про жалобы и забудут. Правда, и сибиряки, как и все подданные московского царя, пользовались драгоценным правом челобитья от отдельных лиц, от целого класса или от целой области на всякого воеводу, на всякое должностное лицо, жаловаться на всякую с их стороны несправедливость. Эти жалобы обыкновенно подавались новым воеводам при смене ими старых, и хотя смена производилась чрез каждые два года и, стало быть, жаловаться

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6148/104, лл. 47—50, 424—426.

можно было еще вовремя, но дело в том, что от этих жалоб было мало толку. Новые воеводы принимали челобитные и отсылали их в приказ, а когда старые воеводы возвращались из Сибири в Москву, то по тем челобитным производился над ними суд; тогда начиналась московская волокита, и дело, по крайней мере для челобитчиков, кончалось ничем. Мы не нашли в документах ни одного указания на то, чтобы сибирские челобитчики получали вознаграждение за понесенные ими убытки вследствие воеводских беззаконий. Такой исход жалоб хорошо знали сибирские воеводы и их товарищи, а потому им нечего было особенно опасаться челобитных. Они действительно пользовались своей властью «по своему высмотру», как предписывал им наказ, а злоупотребляли ею столько, сколько хотели, и в большинстве случаев безнаказанно. В Сибирском приказе мы просмотрели множество жалоб на воевод и всяких приказных людей, жалоб от сибирских архиепископов, монахов, белого духовенства, разных служилых людей, посадских ямщиков, крестьян и инородцев — жалоб самых разнообразных и относящихся к разным временам, просмотрели много следственных по ним дел, и весь этот материал привел нас к заключению, что жаловаться на сибирских воевод и их товарищей было совершенно бесполезно; жалобы эти несколько не вразумляли их, и они из года в год повторяли одни и те же беззакония над сибирским населением. Последнему поэтому оставалось только или «брести врозь», или терпеть; сибиряк мог только сказать: «До Бога высоко, а до царя далеко», а потому нужно терпеть.

Мы упоминали, что какие бы ни предпринимали московские цари меры с целью пресечения беззаконий сибирских воевод, но последние всегда умели обходить их или даже просто не обращали на них никакого внимания. Более или менее действительная мера, а во всяком случае оригинальная, состояла в том, чтобы поставить воевод и других приказных людей в такие условия, при которых нажива, обогащение в Сибири были бы для них бесполезными. Им дозволялось вывезти из Сибири имущества только на определенную сумму, например, воеводе большого города на 500 рублей, товарищу его и дьякам, а также воеводам малого города — только на триста рублей и т.д. Остальное же иму-

щество, если они везли, считалось неправильным прибытком и отбиралось в царскую казну. Эта мера была обставлена на таким образом. При выезде из Москвы в Сибирь все имущество лица, получившего, например, место воеводы, самым тщательным образом осматривалось в приказе; это имущество оценивалось, и ценность оного записывалась в проезжую грамоту, которую получало означенное лицо. Но воеводы могли эту меру обходить тем, что занимали у родственников и знакомых известную сумму денег, лишь бы только показать в приказе как свое имущество, а при выезде из Москвы возвращали. Узнав об этом, правительство приказало верхотурским таможенным головам и целовальникам осматривать на заставе, которую нельзя было миновать, имущество всех проезжих, не исключая воевод и других служилых людей. И если, например, воевода показывал имущества на меньшую сумму, чем значилось в проезжей грамоте, выданной ему в Москве из приказа, то это означало фальшь, и у него отбиралось в царскую казну все имущество. Таким образом, всякий воевода являлся в Сибирь с имуществом, известным правительству. Такая же процедура производилась над всеми служилыми людьми и при выезде их из Сибири в Москву. Наказ верхотурскому таможенному голове Данилу Обросьеву, данный в 1635 году, предписывал держаться следующих правил: «А как сибирские прежние воеводы, дьяки, письменные головы поедут из сибирских городов к Москве, или наперед себя отпустят жен и детей, племянников и людей своих, или поедут торговые, промышленные и всякие служилые люди, и ему (таможенному голове) быть тогда на заставе с целовальниками и служилыми людьми день и ночь безпрестанно; а ниже Верхотурья, на сибирской дороге, верстах в пяти или шести, смотря по тамошнему делу, поставить караул из добрых служилых людей, человека по два или по три и целовальника. Когда же воеводы и их дети... приедут на тот караул, то служилым людям и целовальнику провожать их до Верхотурья, до заставы, где должен быть таможенный голова, — провожать с тою целию, чтобы те воеводы их дети, братья, племянники и люди... едучи к заставе дорогою в селах и деревнях не приставали, мягкой рухляди ни у кого не оставляли и не продавали и не прятали...»

никакими иными дорогами большую заставу не объезжали». Наконец, проезжие люди прибывали на заставу; что же потом должен был делать таможенный голова? Ему вменялось в обязанность осматривать мягкую рухлядь «в возах, сундуках, в коробьях, в сумках, чемоданах, в платьях, в постелях, в подушках, в винных бочках, во всяких запасах, в печеных хлебах... обыскивать мужской и женский пол, не боясь и не страшась никого ни в чем, чтоб в пазухах, в штанах и в зашитом платье отнюдь никакой мягкой рухляди не привозили... а что найдут, то брать на государя...». Воеводам позволялось вывезти из Сибири только «шубы две или три лисьих красных или куньих, или бельих». Но воеводы и другие служилые люди приобретенную в Сибири дорогую мягкую рухлядь пересылали чрез торговых и промышленных людей, а чтобы последние не обманули, не утаивали ее у себя, брали с них заемные кабалы на сумму, равную ценности передаваемой им мягкой рухляди. Поэтому воеводам и другим приказным людям строго запрещалось брать в Сибири с кого-нибудь заемные кабалы или другие какие-нибудь крепостные акты; эти документы были недействительны, и по ним невозможно было взымать. В то же время объявлено было торговым и промышленным людям, что если кто-нибудь из них под каким-нибудь видом провезет воеводскую мягкую рухлядь и об этом узнает правительство, то они отвечали тогда всем своим имуществом, да, кроме того, таких виновных велено бить кнутом «нешадно» и сажать в тюрьму*. Упомянутый наказ касается, главным образом, мягкой рухляди и довольно глухо говорит о деньгах. Хотя и в нем предписывается таможенному голове обыскивать у воевод и других приказных людей деньги, но ничего не говорится о сумме, какую они могли провезти с собой на Русь. А из одного доклада Михаилу Федоровичу, сделанного несколько позже написания того наказа, видно, что этим наказом Данило Обросьев даже не уполномочивался обыскивать деньги у воевод и их товарищей. «По твоему государеву указу, — читаем в этом докладе, — велено таможенным головам на заставах у сибирских воевод, письменных голов... обыскивать соболей, лисиц, а что у них мягкой рухляди найдут, велено брать на

* А. И., т. III, № 184.

государя все без остатка... А о том, чтоб у сибирских воевод, у дьяков, у письменных голов и у их детей и племянников и у их людей обыскивать денег, которые они повезут с собою из Сибири, государева указа нет и у таможенных голов о том не написано...». Данило Обросьев в своей отписке к государю также говорит, что «в наказе, каков мне сироте твоему дан, поскольку твоим государевым сибирским воеводам и товарищам их и дьякам и письменным головам возить с собою денег не написано...». «Между тем, — говорится в вышеупомянутом докладе, — по временам в Сибири мягкая рухлядь ценится дороже, чем в Москве, и тогда торговые и промышленные люди мягкую рухлядь из Сибири не вывозят, а продают там же, в сибирских городах, потому что им так прибыльнее. А со стороны сибирских воевод и их товарищей тем более следует ожидать, что они мягкую рухлядь продают в Сибири, так как у них денег обыскивать не велено. И если у них на заставах объявятся большие суммы денег, рублей по 300, 400, 500, 600 и по 1000 и больше, то очевидно, что у них те деньги сибирский нажиток на мягкой рухляди...». Вследствие этого доклада Михаил Федорович указал: «Сибирским воеводам тобольскому и томскому возить с собою из Сибири денег по 500 р., а товарищам их и дьякам, и письменным головам с братией, с детьми, с племянниками и с людьми по 300 р., а что у них сверх того объявится, то брать на государя...». Соответственно этому постановлению посланы таможенным головам, верхотурскому и березовскому, дополнительные таможенные правила: им предписывалось обыскивать деньги у воевод и других приказных людей, и у их жен, детей... так же тщательно, как и мягкую рухлядь*.

Трудно сказать, насколько эта мера достигала своей цели, насколько она могла ослабить страсть сибирских воевод к наживе и вместе с тем ограничить их злоупотребления. Конечно, эта мера могла принести значительную пользу и государевой казне, и сибирскому населению, если бы только таможенные головы точно и добросовестно исполняли таможенные правила. Они пользовались значительными полномочиями; к их услугам предоставлены были все служилые люди города; воеводы также должны были всеми зависящи-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6106/62, лл. 5—7, 74—79, 221—222 и др.

ми от них средствами содействовать им при исполнении ими своих обязанностей. Головам предписывалось действовать «крепко и безстрашно, не боясь никаких угроз; если воевода или дьяк, или кто-нибудь другой начнут грозить какими поклепами, или исками, им того отнюдь не страшиться... а осматривать и обыскивать накрепко». Далее мы знаем, что воеводам и их товарищам разрешалось из Сибири вывозить определенную сумму денег, именно столько, сколько им стоило «подняться» в Сибири и прожить на местах службы в продолжение двух лет. Теперь, если они были уверены, что им не удастся провезти несколько драгоценных сибирских мехов и денег не свыше означенной суммы, то зачем и наживаться в Сибири? А как нажива была главным источником всяких злоупотреблений властью, то спрашивается, не должна ли вышеупомянутая мера и облегчить положение сибирского населения? Мы не погрешим против истины, если будем отвечать на эти вопросы более отрицательно, чем положительно. Прежде всего заметим, что общая сумма, которую воеводы и их товарищи могли нажить в Сибири, в известном уезде была слишком высокая, чтобы население этого уезда не почувствовало тяжести от этой наживы. Затем трудно было рассчитывать на добросовестность таможенных голов при исполнении ими установленных таможенных правил, когда они сами мало были обеспечены правительством. Они назначались из посадских и торговых людей и в продолжение своей двухлетней службы на таможенном посту не имели права заниматься торговлей, а денежное и хлебное жалованье было ничтожно, чтобы им можно было покрыть убытки, которые они могли потерпеть от прекращения торговли. Поэтому посадские люди жалуются царю, что они «от той таможенной службы животы свои распродали и задолжали великими долгами». Так могли жаловаться, очевидно, только те, кто исполнял таможенную службу добросовестно, кто в состоянии был терять свое ради «государевой прибыли». Но таких немного можно было найти, а с большинством таможенных голов воеводам и их товарищам легко было войти в сделку, поделиться частью своей наживы, чтобы благополучно провести чрез заставу то, что они имели сверх проезжей грамоты. Наконец, и после 1635 года сибирские воеводы остаются такими же хищниками, как и преж-

де: инородцы жалуется, что они берут лишний ясак, торговые люди жалуется на разные воеводские прижимки, которые заставляют их давать им взятки; по-прежнему воеводы при посылке ли служилых людей за солью на Ямышево озеро или за сбором ясака в отдаленные инородческие волости дают им деньги, чтобы они закупали у инородцев лучших соболей и черно-бурых лисиц; у одного тарского воеводы, как отписывал в Москву тобольский воевода, в числе торговых проезжих людей оказались его дворовые люди. И само правительство по-прежнему подозрительно относится к добросовестности сибирских воевод, дьяков и письменных голов и в самых резких выражениях говорит об их хищности. «Ведомо нам стало, — читаем в одной грамоте Михаила Федоровича к тобольскому воеводе, писанной в 1636 году, — что сибирские воеводы и дьяки и письменные головы возят с Москвы и с иных городов многие меда и вина и всякие запасы, и товары сверх своих обиходов для торговли и для бездельных своих прибытков, а будучи в сибирских городах продают те товары на деньги или меняют на соболи, на лисицы и иную мягкую рухлядь, выкупают и берут насильством мягкую рухлядь у ясачных, промышленных и торговых людей: в Приказе Казанского Дворца в нашей казне доброй мягкой рухляди в присылки из сибирских городов не объявляется, тогда как в Москве и в иных городах на гостинных дворах у торговых и промышленных людей объявляются многие добрые соболи и лисицы и очевидно, что та добрая мягкая рухлядь — сибирских воевод, дьяков и письменных голов». Из всего этого следует, что, несмотря на строгие таможенные правила, воеводы и их товарищи все-таки находили возможным вывозить из Сибири драгоценные меха, а тем более они могли провозить деньги. Учреждение таможенных голов, без сомнения, значительно увеличило таможенные сборы на сибирских заставах, но мало мешало воеводам и их товарищам провозить большее количество имущества, чем то, которое означалось в их проезжих грамотах. Стало быть, вместе с тем принятые правительством меры не могли пресечь злоупотребления воевод, дьяков и письменных голов и не могли облегчить состояние сибирского населения.

Теперь обратим внимание на положение в Сибири ее первых насельников каждого общественного класса. Несомненно, что служилые люди — боярские дети, казаки и стрельцы и вообще государевы холопы могли жить самостоятельно в Сибири, и особенно до уложения Сулешова. Они получали из казны денежное и хлебное жалованье, занимались хлебопашеством и торговлей; сборы ясака с инородцев, таможенных, проезжих и других пошлин с торговых и промышленных людей могли доставлять им значительную наживу. Правда, денежное и хлебное жалованье было всегда небольшое; каргопольские стрельцы даже жаловались, что они его получают в Сибири менее, чем на Руси; семейному человеку невозможно было им прокормиться*. Со времени Сулешова служилые люди лишились некоторых привилегий и обязанностей, которые давали им возможность злоупотреблять своим положением и наживаться. Им строго было запрещено заниматься торговлей и промыслами, с учреждением голов и целовальников они, как и воеводы, перестали ведать сборы разных пошлин. Инородцы все чаще и чаще начинают приносить ясак сами, и только в отдаленные и мало покорные инородческие волости служилые люди еще посылаются для сбора ясака. Прежде они могли извлекать значительные выгоды из занятия хлебопашеством: они занимали лучшие участки земли, обрабатывали свои пашни с помощью половников, ярыжных людей и ясырей и за пользование землей не платили в казну выдельного снопа. Некоторые из них делали довольно значительные посева, а так как хлеб в Сибири был дорог,

* *Примеч.* Из «окладных книг денежного и хлебного жалованья» видно, что служилые люди получали следующий головной оклад:

	Денег	Ржи	Овса
Атаманы и головы	25 р.	25 ч.	25 ч.
Сотники	12 р.	12 ч.	12 ч.
Десятники	5½ р.	5½ ч.	4½ ч.
Рядовые	5 р.	5 ч.	4 ч.
Боярские дети	10 р.	10 ч.	10 ч.

При этом нужно заметить, что холостые рядовые служилые люди получали несколько менее жалованья, чем женатые; иногда новоприборные получали менее денег или хлеба, чем старые; боярские дети и начальники служилых людей тоже иногда получали неодинаковое жалованье, а смотря по службе или личным отличиям.

то они от продажи его могли иметь хороший заработок. Затем все служилые люди косили значительное количество сена, а это указывает на то, что они имели много скота. Но по уложению Сулешова и они обязаны были платить выделной сноп, впрочем, не пятый, как монастыри, посадские и ружники, а только десятый; причем те служилые люди, которые обрабатывали 5, 6 и 10 десятин, совсем лишались хлебного жалованья, а в некоторых уездах даже уменьшалось им и денежное жалованье; те же служилые люди, которые присевали менее означенного количества земли, хотя и получали хлебное жалованье, но по усмотрению воевод оно убавлялось, и иногда до половины. Тем не менее и после уложения Сулешова служилые люди в Сибири не могли пожаловаться на свое положение. Кроме хлебопашества, скотоводства и казенного жалованья, самая их служба давала им возможность легко наживать: во время походов на инородцев они грабили побежденных, захватывали в плен и затем продавали, после каждого удачного похода царь жаловал их, приказывал воеводам выдавать им награды по 50 к. на человека. Рядовые служилые люди имели право совершать беспощинно куплю и продажу на сумму до пяти рублей; это право для них было очень важным, потому что открывало им возможность торговли разными предметами и на большую сумму. Но самое главное в положении служилого человека это то, что он несравненно менее мог страдать от воеводских злоупотреблений, чем, например, посадские и крестьяне, так как он был избавлен от разных поборов и изделий на государя. Притом же служилый человек в себе самом и в своих товарищах по службе имел более средств защиты против всякой несправедливости воеводы, чем другие классы общества в Сибири. Наконец, служилые люди каждого сибирского города по крайней мере в год раза по два бывали в Москве и могли жаловаться на своего воеводу правительству, и их жалоба была, конечно, действительней, чем посадских людей и крестьян, да и сама возможность для служилых людей жаловаться в Москве должна была заставлять воевод относиться к ним осмотрительней. Впрочем, сибирские воеводы иногда не щадили и служилых людей: заставляли их участвовать в некоторых «государевых изделиях», обчитывали при выдаче жалованья,

отнимали у них в свою пользу особенно ценные меха и т.п. Вообще воеводы не пропускали случая поживиться на счет кого бы то ни было, а старались извлекать выгоду из каждого подходящего обстоятельства. Например, в 1639 году служилые люди Тобольска и Березова, посылаемые из этих городов на временную службу в отдаленные места Сибири, били челом Михаилу Федоровичу «о жалованье на матерей, жен и детей», так как при тех посылках им приходилось жить на два дома и такая жизнь обходилась им дороже. Государь отдельного жалованья не пожаловал, но приказал тобольскому и березовскому воеводам выдавать $\frac{2}{3}$ оклада денежного и хлебного жалованья тем семейным людям, которые будут посланы на службу на продолжительное время на реку Лену или в какое-нибудь другое отдаленное место, а остальную треть жалованья оставлять для их матерей, жен и детей. Хотя это распоряжение довольно ясно и определенно указывало тех лиц, которых оно касалось — именно семейных служилых людей, но воеводы не преминули эксплуатировать его в свою пользу: они стали выдавать $\frac{2}{3}$ оклада денежного и хлебного жалованья и холостым, у которых не было никакой семьи, а остальную треть клали в свои карманы. Пока эти служилые люди узнали, в чем дело, почему им воеводы дают не полный оклад, да пока написали жалобу царю, прошло долгое время. Из грамоты Алексея Михайловича к тобольскому воеводе узнаем, что тобольские и березовские служилые люди бессемейные, будучи на службе в Ленском и Якутском острогах, получали по $\frac{2}{3}$ оклада с 1639 по 1647 гг. Очевидно, что в течение этого времени воеводы удержали в свою пользу немалую сумму. Только Алексей Михайлович в 1647 году приказал «накрепко сыскать, почему тем служилым людям не выдавалось полных окладов денежного, хлебного и соляного жалованья и будет за вины их, то за какие...». Неизвестно, чем это дело кончилось, можно только сказать, что должны еще пройти целые годы, прежде чем оно разъяснится для правительства и челобитчики получат ответ на свои челобитные. Тогдашнему тобольскому воеводе велено из приходно-расходных книг «выписать подлинно кому имя нем тем служилым людям давано не сполна в Березове и Тобольске денежное, хлебное и соляное жалованье с 1639 г.

по 1647 г.» и эту выпись переслать в Якутский и Ленский острожки, а воеводам этих острожков посланы от Алексея Михайловича грамоты, чтобы они сверили эти выписки с своими приходно-расходными книгами и тоже «подлинно смыскали служилыми, торговыми, промышленными и всякими людьми за что ленским и якутским служилым людям посылаемым из Тобольска и Березова не давано полных окладов...», а затем все это дело переслать в Москву в Сибирский приказ*. По этому поводу обиженные служилые люди могли только заметить, что вот уже несколько лет по их челобитной «сыскивается накрепко и подлинно».

Далеко не так удовлетворительно было положение посадских людей в Сибири, как служилых. В предшествующих главах мы видели, что все посадские люди занимались торговлей, промыслами и хлебопашеством. Можно сказать, что до 1620 годов и они не могли жаловаться на свое положение: оброку они не платили, с торговли и промыслов пошлин не давали, с их пашен «пятинного снопа» не выделялось. Правда, посадские люди в каждом сибирском городе всегда несли много разных государевых служб, однако те привилегии, которыми они пользовались, вполне могли вознаграждать их труд. Но в 1621 году посадские люди были обложены оброком от 3 р. и до 30 к., «смотря по семьянистости и по прожиточности», а со времени Сулешова с их пашен стали брать выделной пятый сноп, с торговли и промыслов брать пошлины. Между тем их служба не только не уменьшалась, но даже увеличивалась: с 1623 года на заставах и таможенных начали учреждаться целовальники и таможенные головы, а эти должностные лица назначались, за редкими исключениями, исключительно из посадских людей. А как тяжело отзывались государственные службы на посадских людях, об этом можно судить по их жалобам и по донесениям сибирских воевод. Со второй половины царствования Михаила Федоровича все чаще и чаще попадают в архиве Сибирского приказа челобитные царю посадских людей на то, что они «от тех государевых служб обнищали, задолжали великими долгами, торгов и промыслов своих отбыли...». В чем состояли эти службы и как они были тяжелы — это будет видно из следующей отписки

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6129/85, лл. 26—28.

тобольского воеводы в 1641 году. Прежде всего он упоминает о том, что из 88 тобольских посадских людей на нынешний год осталось только 56 человек, а 14 человек заложилось за архиепископа и 18 человек разбежались, не оставив ни жен, ни детей. «Оставшиеся же посадские люди по вся годы бывают в государевых службах: в Тобольской таможене два человека, в Обдоре в целовальниках 7 человек, в Мангазее в целовальниках 1 ч., а служат в целовальниках года по три и больше. Да в годовых службах на Тюмени, Туринске, Пелыме в таможенных головах три человека, в Сургуте в таможенных целовальниках 1 ч., в тобольской ясачной казне, у хлебных запасов, у соли, у пушечных и судовых запасов 5 человек, в земских старостах, у государевой бани, у корчемной выемки, на архиепископском дворе у духовных дел и у тюрем в целовальниках 6 человек. В полгодовых службах: в Тобольском уезде для выделу хлеба и для закупки хлебных запасов в Устье Великом, в Тюмени и Туринском остроге 7 человек. Да в мелких государевых службах бывают месяца по два и по три: в Кошутской волости для сбора хлеба с ясачных людей, для рыбных ловель, для караула в Тобольске ясачных людей, на заставах в Тобольском уезде, на колмацком дворе для сбора сенных пошлин 14 человек. И всего, государь, по твоим службам бывает 46 человек и за теми службами остается только десять человек и те, государь, живут беспрестанно у твоих государевых дел: в съезжей избе принимают и ценят мягкую рухлядь от ясачных людей и купленную рухлядь разбирают и ценят...». Кроме всех тех служб, по донесению того же воеводы, тобольские посадские люди ежегодно платят в казну оброка 88 р. 27 к.*. Отсюда понятно, почему посадские люди «отбыли своих торгов и промыслов», им не было времени заниматься своими личными делами, они постоянно находились на государевых службах. Посадские люди других сибирских городов, хотя и не несли столько служб, как тобольские, но тем не менее и на их долю приходилось много тягостей, и они постоянно жалуются на свое нищенское положение. Самые денежные оброки, которыми они облагались «по прожиточности», свидетельствуют об их нищете: например, в 1641 году в Туринске было посаде-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. №6132/88, л. 512.

ких людей 31 человек, и все они отнесены воеводой к самой низшей «статье», то есть платили годового оброка только по 10 алтын. Конечно, на самом деле им приходилось платить больше, но это потому, что они отвечали в платеже оброка за мертвых и беглых. Последнего рода повинность, вытекающая из поручительства друг за друга, тяжело ложилась на общество посадских людей: умер ли кто или убежал, или иным каким путем выбыл из этого общества, а оставшиеся должны нести за него оброк и его долю повинностей до тех пор, пока государь освободит их от этой тягости^{*}. Эта повинность тем тяжелее отзывалась, чем меньшее было общество, а в сибирских городах, как мы видели, посадских людей было очень мало. В 1641 году туринские посадские люди жаловались, что из их среды с 1637 по 1639 гг. выбыло девять человек: семь человек умерло, один убежал и один поставлен в дьяконы, жен и детей у них не осталось, а за всех тех выбывших они платят оброк. Поэтому они просили освободить их от платы за беглых и мертвых, так как вследствие этой платы и многих государевых служб они совершенно обнищали. И воевода туринский писал в Москву, что туринские посадские люди и «свои денежные оброки платят с великою нуждою, потому что все люди бедные, а тем более им нельзя нести тягости за мертвых и беглых; да кроме того они же служат многие государевы службы — годовые и отъезжие». Воеводские злоупотребления также немало увеличивали тягость посадских людей. Из той же челобитной туринских посадских людей видно, что их воевода разрешил детям посадского человека Ивана Коркина записаться в ямщики. Правда, он имел на это право: царские грамоты о приборе ямщиков прямо указывали, чтоб прибрать ямщиков как из гулящих

^{*} *Примеч.* Считаю нужным заметить при этом, что имущество беглеца или умершего, не оставившего после себя наследников, делалось достоянием общества посадских людей, и иногда от продажи его последние выручали порядочную сумму. Например, в 1635 г. тобольские посадские люди продали деревню бывшего своего товарища Прокофия Кожавкина тобольскому Знаменскому монастырю за 20 р. Под этой деревней было несколько четей распаханной и переложной земли и сенокосы, да в деревне двор с избой и погребом, против двора житница и баня, а в поле срубы овинные. Эту продажу, как видно из запродажной записки, совершали 48 посадских людей во главе своего старосты. (См. А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 151, лл. 25—27).

людей, так и из посадских. Но в данном случае он должен был бы сообразоваться с состоянием Туринского посада и зажиточностью тех посадских людей, которые изъявили желание записаться в ямщики. Оказывается, что эти Коркины были самыми зажиточными людьми из всего Туринского посада, отец их Иван Коркин жил на посаде, платил денежный годовой оброк в 3 рубля и давал много выделного хлеба. «А как тот Иван, — жаловались туринские посадские люди, — умер и дети его при прежнем воеводе в 1631 г. из посадских людей выпущены в ямские схотники»*. Конечно, воевода хорошо понимал, что выпустить из посада человека первой статьи несколько не соответствовало «государевой прибыли» и что для туринского посада это будет тяжелый удар, а если он разрешил Коркиным записаться в ямщики, то не иначе, как за взятку. Верхотурский воевода О. Бояшев в том же в 1631 году поступил еще возмутительнее со своим посадом и еще равнодушнее отнесся к государственной прибыли, о которой он должен был, по наказу, прежде всего заботиться. Из донесения тобольского воеводы в 1633 году видно, что этот Бояшев пять человек верхотурских посадских людей по их челобитью без государева указа записал в пашенные крестьяне и дал льготу, подмогу и ссуду как бы гулящим людям. По произведенному следствию оказалось, что эти посадские люди были очень прожиточны: помимо денежного оброка, они платили в государственную казну со своих пашен выделного хлеба — ржи и овса — ежегодно 110 четвертей. Между тем, записавшись в пашенные крестьяне, они освобождались от оброка, от выделного снона, от всяких повинностей, которые несли посадские люди, да, кроме того, получили льготу в государственной пашне на три года, подмогу и ссуду по 4 р. 50 к. на человека, а по миновании льготных лет должны были обработать на государя в год каждый только по волудесятине в поле...** Таким образом, пять человек посадских людей, сделавшихся по милости воеводы пашенными крестьянами, в течение трех лет не давали ни оброка, ни выделного хлеба и не пахали государственной пашни. Легко рассчитать, какой убыток от этого поступка воеводы потерпела госуда-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6151/107, лл. 19—25.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6078/34, лл. 54—57.

рева казна. Судя по количеству выдельного хлеба, упомянутые посадские люди принадлежали к высшей статье, то есть платили ежегодно денежного оброка по 3 р., и стало быть, за три года государева казна лишилась оброчных денег 45 р. да плюс подмога и ссуда 22 р. 50 к., итого: денег 67 $\frac{1}{2}$ р. и выдельного хлеба 330 четвертей. Такую потерю должна была понести государева казна ради того, что чрез три года новоприборные пашенные крестьяне будут пахать государевой пашни 2 $\frac{1}{2}$ десятины, но им не пришлось пахать: по челобитью верхотурских посадских людей они снова были обращены в прежнее состояние. Этот случай особенно ясно показывает, к каким средствам наживы прибегали сибирские воеводы; ведь само собой понятно, что Боншев оказал такую услугу посадским людям не даром, они охотно могли уплатить ему по крайней мере половину того, что обязаны были дать в государеву казну. Но, не говоря уже о государевой прибыли, незаконные упомянутого воеводы причиняло большой ущерб и верхотурским посадским людям: они сразу лишились пяти своих членов, а потому тягость разных государевых служб, лежащих на них, должна значительно увеличиться.

Из сказанного следует, что сибирские посадские люди при их малочисленности в каждом городе и при многочисленности государевых служб мало имели времени заниматься торговлей и промыслами, и они справедливо жаловались, что «торгов и промыслов своих отбыли». Но государевы службы не могли особенно мешать посадским людям заниматься хлебопашеством, и мы видели, что все они распахивали значительное количество земли и косили много сена, а это указывает на их широкую сельскохозяйственную деятельность. Из дозорных книг 1623—1624 гг. видно, что некоторые посадские люди ежегодно обрабатывали по 60 четвертей в поле и косили по 500 копен сена. Эти случаи, конечно, редкие, но большинство обрабатывало не менее 10 четвертей в поле, хотя встречаются и такие посадские люди, вероятно, семейные и бедные, которые распахивали только по 3 четверти в поле... Можно даже сказать, что сельское хозяйство со второй четверти XVII века составляло главное занятие сибирских посадских людей в «пашенных» городах и доставляло главные средства к жизни. И это понятно,

почему. В Сибири в таких городах, как Верхотурье, Туринск, Тюмень и Тобольск, только промыслы могли доставлять посадским людям выгоды, а не торговля, потому что сибирскому населению разные предметы необходимости доставляли главным образом приезжие из Руси торговые люди, и торговля всякими русскими товарами находилась в руках не местных торговых людей. Что же касается промыслов, то выгодным промыслом в тогданнее время был только звериный: добыча соболей, бобров, черно-бурых лисиц и других дорогих зверей, но этих зверей в уездах указанных городов было сравнительно мало, да притом же в этом промысле посадским людям могли составить сильную конкуренцию крестьяне и особенно инородцы. Значит, ради добычи дорогих зверей нужно было отправляться в более отдаленные места, но этого посадские люди не могли делать, так как они постоянно заняты были разными государевыми службами, которые приковывали их к месту. В силу этих обстоятельств посадским людям оставалось одно — заняться земледелием и скотоводством. Но для этих занятий требовалось много рабочих рук, а мы знаем, что как посадские, так и другие первые насельники Сибири были большей частью малосемейные или совсем бессемейные люди, то поэтому спрашивается, как они могли успешно заниматься сельским хозяйством? На этот вопрос ответить легко: несомненно, что у всех посадских людей были захребетники, половники и наймиты из гулящих и ссыльных людей. Некоторые посадские люди еще на Руси, при переселении в Сибирь, приговаривали себе в половники крестьян на известные сроки — на 5 и на 10 лет — и брали с них в этом смысле записи; затем гулящие и ссыльные люди то поступали в половники, то жили у посадских людей в качестве годовых или летних наймитов. Наконец, у некоторых посадских людей мы встречаем крепостных людей, например, в тюменской дозорной книге читаем: «Деревня при Туре посадского человека Тарутина, а в ней двор, в котором живет его племянник и два человека крепостных людей — Максимка Самсонов да Ивашка Савельев, пашни доброй земли 20 ч., переложной земли 2 ч. в поле, а в дву потому ж, санных покосов на 100 копен». Таким образом, занятию посадских людей сельским хозяйством не могли мешать

государевы службы: они обрабатывали свои пашни при посредстве детей, свойственников, половников и т. д. Вероятно также, что летом посадские люди были более свободны от государевых служб и сами могли заниматься своим деревенским хозяйством; так, воеводы «пашенных» городов доносят в Москву, что «летом город совершенно пустеет, потому что все городские жильцы и служилые и посадские люди, и крестьяне живут по своим деревням, на своих пашнях...». Что же касается вопроса, насколько процветало хлебопашество и скотоводство у посадских людей, то относительно результатов жатвы можно судить по количеству выдельного хлеба в государеву казну; этот выдел свидетельствует, что посадские люди собирали со своих пашен достаточное количество разных хлебов: ржи, овса, пшеницы и т. д. Относительно же скотоводства мы можем заметить, что рогатого скота было достаточно у всех сибирских жителей, но вместе с тем чувствовался недостаток в лошадях: видно, что русская лошадь еще не акклиматизировалась в Сибири, а потому конский падеж бывал почти ежегодно и притом во всех уездах. Мы, собственно, не имеем прямых указаний на количество скота у посадских людей, об этом мы можем судить: а) по количеству заготавливаемого ими на зиму сена, и это количество было у всех довольно большое; и б) по количеству скота у их половников. Например, в тобольских дозорных книгах читаем: «Деревня при реке Кундуске Ивашки Коровина... а у него живет половник N, у которого скота 2 коровы, 2 быка, да 2 теляти...». «У Бориски Балина половник N, а у него скота 5 коров, 3 быка больших, 2 жеребенка, да 2 теляти...». У других половников было несколько более скота, а у иных значительно менее, но все-таки по этому количеству скота у половников посадских людей мы можем судить, что у самих посадских его было гораздо больше.

Крестьянское население Сибири можно разделить на три разряда: а) крестьян государевых, б) крестьян владельческих и в) крестьян половников, захребетников и бобылей. В первое время, почти до конца первой четверти XVII века, государевы крестьяне все были пашенные, то есть пахали государеву пашню, но потом, когда пашенных крестьян прибрано было достаточное количество, то государь разре-

шил некоторым старым пашенным крестьянам, преимущественно городским, выходить на оброк, разрешил также воеводам, приказчикам и слободчикам прямо прибирать на оброк крестьян и гулящих людей. Мы уже говорили, что каждый крестьянин садился на государеву землю по уговору, в уговорной записи точно определялось, какую долю пашни он будет обрабатывать на государя или сколько будет платить оброчного хлеба, и соответственно этому: а) получал подмогу и осуду из государевой казны и б) получал право на владение известным участком земли и льготные годы, в течение которых он не нес никаких обязанностей за пользование землей. Собственно, такие определения изда ны были только Сулешовым в 1623—1624 гг., а до того времени крестьянин на себя пахал земли, сколько хотел, а на государя — «смотря по семьяниности и зажиточности». Теперь спрашивается, в чем же состояли обязанности государевых крестьян по уложению Сулешова? Эти обязанности исключительно вытекали из права владения государевой землей: кто более несет обязанностей в пользу государя, тот и может пользоваться большим участком земли, и наоборот. Но так как ценность земельного участка зависит сколько от его величины, столько же и от качества почвы, то Сулешов в своем уложении старался соразмерить обязанности крестьян с тем и другим, хотя, как увидим, сделал это более «по своему высмотру», чем по действительному качеству почвы в разных местах Сибири. В Туринском, Тюменском уездах величина выти положена одинаковая, именно «20 четвертей в поле, а в дву потому ж или 30 десятин в трех полях». За пользование вытью земли в этих уездах пашенный крестьянин обрабатывал на государя по $2\frac{1}{4}$ десятины в поле, а оброчный крестьянин за тот участок земли платил в государеву казну 20 четвертей ржи и 20 четвертей овса да «за сенные укусы и всякие изделия» по 5 четвертей ржи или овса. В уездах Тобольском, Пелымском и Верхотурском в выть положено по 25 четвертей в поле, но за пользование вытью земли пашенные крестьяне тех уездов пахали на государя неодинаковое количество десятин и оброчные платили неодинаковое количество хлеба: в Верхотурском уезде за выть они обрабатывали государевых десятин две, а в Тобольском и Пелымском — $2\frac{1}{4}$ десятины;

оброчного хлеба верхотурские крестьяне платили столько же, сколько в Туринском и Тюменском, а в Тобольском — «смотря по зажиточности и семьянистости», например, первой статьи платили 61 четверть разного хлеба, а второй — 47 четвертей. Затем в Верхотурском, Туринском и Тюменском пашенные крестьяне с десятины обрабатываемой ими государевой пашни косили на государя по две копы сена, а в Тобольском — по шесть копен; государевы изделия верхотурские, туринские и тюменские пашенные крестьяне несли натурой, а тобольские платили за них деньгами по рублю в год. Наконец, за государеву солому, мякину и ухоботье крестьяне Тобольского уезда обязаны были платить по 17 копен, а крестьяне других уездов были избавлены от этой обязательности: они могли покупать государеву мякину, могли и не покупать.

Нам трудно судить о достоинстве уложения Сулешова, потому что мы не вполне ясно понимаем те основания, которыми он руководился при его составлении. С первого взгляда кажется, что это уложение поражает своей несообразностью, особенно если иметь в виду только качество почвы в разных уездах. Например, в Тобольском уезде и самим Сулешовым, и другими воеводами земля по качеству считалась «среднею», а в Верхотурском — «доброю», а между тем тобольский крестьянин за пользование вытью земли обрабатывал на государя $2\frac{1}{4}$ десятины в поле, а верхотурский — только 2 десятины, за сенные покосы первый с десятины косил на государя 6 копен, а второй только две. На самом же деле подобная несправедливость только кажущаяся. Тут, очевидно, Сулешов имел в виду не одну почву, а и государевы изделия: тобольский крестьянин был избавлен от них за денежный оброк в один рубль, а верхотурский крестьянин нес их натурой, но мы скоро увидим, что эти «изделия» составляли для крестьянина самую тяжелую обязанность, и, наверно, верхотурский крестьянин согласился бы заплатить за них в пять раз больше, чем тобольский, лишь бы только от них избавиться. Но в других случаях Сулешов в своем уложении, несомненно, допустил несообразности, например, в отношении Пелымского уезда, где крестьянин поставлен в самые худшие условия, чем во всех других уездах. Затем, рассматривая это уложение в отно-

шении уездов Верхотурского и Тюменского, также заметим несообразность: почва в этих уездах в различных местах была разная по качеству, но тюменский крестьянин, где бы он ни жил, нес гораздо тяжелей обязанность, чем верхотурский — первый за пользование 20 ч. обрабатывал на государя $2\frac{1}{4}$ десятины, а верхотурский за пользование 25 четирами — только две десятины. Но при этом нужно еще иметь в виду, что в Верхотурском уезде государева десятина равнялась 2400 кв. саж., а в Тюменском была более почти на 400 кв. сажен. Это очевидно из следующих данных. В 1625 году Михаил Федорович указал верхотурскому воеводе «десятину мерить вдоль по 80 саж., а поперек 30 саж.», так, впрочем, мерили и раньше*. А в 1640 году велено тюменскому воеводе мерить государевы десятины новой саженью, чтобы десятина была в «длиннике 85 сажен и 5 аршин, а в поперечнике — 30 сажен и 6 аршин», значит, в тюменской десятине по новой мере должно было быть более 2773 кв. сажен. Правда, новой саженью не пришлось мерить: тюменские крестьяне, узнав про новую меру земли, подняли бунт и заявили, что новых государевых десятин пахать не будут. Тогда тобольский воевода приказал тюменскому, чтоб «новые десятины резать старою саженью, какова была на Тюмени старая сажень, чтобы новые десятины с прежними были равные и между крестьянами смуты б не было». Но тюменские крестьяне слишком погорячились и не хотели узнать, в чем дело. Из отписки тюменского воеводы в Тобольск оказывается, что новые десятины были бы менее старых, потому что «новая сажень старой государевой сажени меньше тремя вершки с четвертью вершком**». Нам не пришлось найти указания на величину государевой десятины в Тобольском уезде, но в Пелымском она равнялась 3200 кв. саж., именно в длиннике было 80 сажен, а в поперечнике — 40 сажен***. Этого-то обстоятельства — величины государевой десятины — Сулешов совсем не имел в виду при составлении своего уложения, а между тем оно много значило для крестьянина.

* А. И., т. III, стр. 126.

** А. М. И. Д. Порт. Миллера № 545, стр. 5.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5; см. в конце довор. книги Пелымского уезда 1625 г., а также в порт. Милл. № 478, св. № 69.

Впрочем, на практике это уложение точно не соблюдалось ни правительством, ни крестьянами, и особенно пашенными. На практике «пашенное государево дело» велось таким образом. Положим, несколько крестьян село в Верхотурском уезде на государеву пашню с обязательством пахать ежегодно десятину в поле, и, значит, каждый из них получал право на владение участком земли в $12\frac{1}{2}$ ч. в поле. По миновании льготных лет они никогда, или по крайней мере очень редко, в первый же год не пахали целую десятину в поле (т.е. две десятины — одну под озимое, а другую под яровое), а $\frac{2}{3}$ или $\frac{1}{2}$ десятины в поле. Затем им постепенно прибавлялось государевой пашни, «смотря по семейности и зажиточности», и, наконец, через несколько лет эти крестьяне, как можно видеть из «списков пашенных крестьян и государевой пашни», севшие на десятину, пахали на государя уже две десятины в поле... Правда, за этот труд они теперь могли владеть целой вытью земли, но этого было им не нужно, потому что сил не хватало, чтобы иметь возможность эксплуатировать такой участок земли. И вот крестьяне жалуются, что «на них накидывают лишние десятины, сверх уложения Сулешова, да еще они же пахут миром за беглых и мертвых». Случалось и наоборот: например, по дозору письменного головы Баскакова оказалось, что «тюменские пашенные крестьяне сверх уложения Сулешова пахут на себя лишку 403 чети», и тогда воевода напомнил крестьянам уложение Сулешова и велел им «за ту лишнюю собинную пашню пахать на государя 45 дес. в поле»*. Из этого следует, что правительство и крестьяне вспоминали об уложении Сулешова только тогда, когда это было выгодно для той или другой стороны. Но несомненно, что уложение этого боярина, как мы упоминали выше, имело большое влияние на развитие хлебопашества в Сибири: не только год от году начала увеличиваться государева пашня, но и «собинная»⁴⁵. Уже в первый год после уложения Сулешова в Верхотурском уезде обработано государевой пашни на 56 десятин в поле более прежнего**, в Тобольском более прежнего на $1\frac{1}{4}$ десятины в поле***; только в Туринском

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 545, тетр. 5, стр. 103.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 263—264.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1207, л. 105.

уезде крестьянам пришлось вспахать государевых десятин по уложению Сулешова менее на $1\frac{1}{4}$ десятины в поле, чем до него*.

Что же касается вопроса, насколько труды государевых крестьян в Сибири соответствовали вознаграждению их в виде земельного участка, то, не принимая пока в расчет разных изделий и поборов, отношение труда крестьянина, затрачиваемого им на обработку «собинной пашни», к труду на государеву пашню можно выразить цифрами приблизительно таким образом: в Верхотурском уезде как 6:1, а в Туринском и Тюменском — как $4\frac{1}{2}$:1. Но если взять во внимание, что в последних двух уездах почва по качеству считалась выше, чем в первом, то отношение, выражаемое приведенными цифрами, можно перевести на более понятную форму: крестьяне за право владения государевой землей платили государю пятый сноп. По крайней мере это будет справедливо в отношении той нормы повинностей, которую хотел установить Сулешов. Мы так рассуждаем теоретически на основании исторических данных, но в документах отчасти находим и прямые на то указания. Прежде всего заметим, что количество оброчного хлеба, уплачиваемое оброчными крестьянами за пользование вытью земли, именно приурочено к сбору «пятиного хлеба или снопа». Например, в Верхотурском уезде при хорошем урожае оброчный крестьянин давал государю $\frac{1}{6}$ или $\frac{1}{6}$ долю урожая с десятины, а в Туринском и Тюменском несколько более того. Но несомненно, что для правительства было все равно, вспашет ли, например, верхотурский крестьянин государевую пашню в год десятину ржи и десятину овса или вместо этого уплатит в год 20 четвертей ржи и 20 четвертей овса. «В том прибыли и убыли для государевой казны нет», — замечает тобольский воевода. Затем иногда в документах встречаем выражение: «собрано пятиного хлеба с крестьян» столько-то вместо «собрано оброчного хлеба...». Из сказанного следует, что по уложению Сулешова крестьяне пашенных городов за право владения участком земли (распаханной) платили столько же, сколько посадские и монастыри (если последние не пользовались привилегией, т.е. пятый сноп, или

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 647.

$\frac{1}{3}$ долю урожая с десятины)*. Интересно было бы сравнить повинности государевых сибирских крестьян с повинностями крестьян в дворцовых селах Европейской Руси, но мы не имеем для этого данных. Можно только сказать, что в Сибири выть была больше и, стало быть, положение пашенного крестьянина было выгоднее; относительно оброчных крестьян можно было сделать более определенное сравнение, если бы мы знали точно, чему равняется та четверть, которой измерялся оброк в Европейской Руси. Мы знаем, что в Сибири было в употреблении две четверти — «торговая» и «государева», последняя иначе называлась «медная осмина». При покупке ли хлеба у торговых людей в государевы житницы, при выдаче ли семян на государевы десятины (ржи на десятину 2 ч., овса — 4 ч.) или хлебного жалованья служилым людям, ружникам и оброчникам, всегда употреблялась государева казенная четверть. Поэтому и мы во всех случаях, где приходилось упоминать об этой сыпной мере, исключительно разумеем государеву казенную четверть. Она равнялась четырем нашим мерам, или $\frac{1}{2}$ нашей четверти, которая равняется тогдашней торговой**.

Вообще ни обработка государевой пашни, ни оброк сами по себе не могли быть тяжелыми повинностями для крестьянина, а значительный участок земли и разные угодья, подмога и ссуда деньгами из государевой казны давали ему возможность завести на новом месте прекрасное хозяйство. И после правительство не оставляло крестьянина без помощи: случались годы неурожайные, так что крестьяне собранным хлебом не могли прокормиться до новины, а иногда и семян не оставалось на посев, тогда они бьют челом государю о помощи, и государь приказывает воеводе выдать им хлеба на «емсна и семена, смотря по нужде»: в Сибири очень часто бывал конский падеж, и крестьяне оставались без лошадей, и в этом случае государь являлся на

* *Примеч.* Хотя в царской грамоте к зырятурскому воеводе сказано: «выделять с доброго хлеба четвертый сноп, а с средняго пятый сноп, а худаго хлеба шестой сноп», но на самом деле в Верхот. уезде всегда брался пятый сноп, за исключением, конечно, неурожайных годов.

** *Примеч.* Что же касается веса казенной государевой четверти в Сибири, то это зависело от качества урожая, поэтому житничьей целовальник определяет казенную четверть иногда в пять пудов, иногда в 4 п. 26 ф., а чаще в 4 п. 32 фунта.

помощь и по челобитью крестьян приказывал воеводе или сосудить им денег на покупку лошадей, или он сам должен купить их и раздать крестьянам. Затем мы уже упоминали, что после опустошения калмыками крестьянских деревень и слобод в Туринском и Тюменском уездах государь указал тобольскому воеводе выдать пострадавшим крестьянам значительную сумму денег. Много можно было бы привести и других подобных случаев в доказательство того, что государь относился к крестьянам далекой своей вотчины, как прекрасный домохозяин к своему хозяйству. Но тем не менее положение государевых крестьян в Сибири, и особенно пашенных, в обозреваемый нами период было очень тяжелое, хотя, конечно, не всех и не во всех местах. Это зависело от многих обстоятельств, и прежде всего от малосемейности. Немногие переселялись в Сибирь, имея взрослых детей, братьев, племянников или других свойственников, а большинство были людьми малосемейными или совсем одинокими; в донесениях воевод из разных сибирских уездов очень часто можно встретить, что «умер или сбежал такой-то и такой-то пашенный крестьянин, а жен и детей не оставил, и пашни, которые они пахали, положить не на кого». Вследствие этой малосемейности сибирский крестьянин хотя и имел значительное количество земли в своем распоряжении, но мало имел рабочих рук, чтобы всю ее засеять и вообще обработать. К тому же он должен прежде всего ухаживать с государевой пашней; пашенным приказчикам строго наказывалось смотреть, чтобы «крестьяне пахали, сеяли, косили и убирали государев хлеб наперед своей крестьянской пашни, да смотреть, чтобы и свою пашню крестьяне пахали во время...». Но вопрос в том, имеет ли крестьянин столько рабочих рук, чтобы вовремя вспахать и посеять и государеву, и свою пашню, а от этой своевременности зависит урожай года. Положим, что каждый крестьянин, садившийся на государеву пашню, должен был наперед знать все обязанности, которые он принимал на себя, и должен сообразоваться со своими силами, чтобы вести самостоятельное хозяйство, и если их мало, то жить до поры до времени в захребетниках или в половниках... Но подобные соображения иногда мало помогали. Мы действительно встречаем многих крестьян, которые садятся на одну

четверть десятины, а иные даже на одну восьмую долю государственной десятины. Но каждый приказчик пред воеводой, а воевода пред государем стараются выслужиться, показать, что они заботятся о государственной прибыли, и потому ежегодно «накидывают» на слободу или волость по несколько десятин государственной пашни, чтобы донести, куда следует, «а ныне пред прошлым годом государевых десятин прибыло столько-то... а прежние воеводы о твоей государственной пашни не радели...». Вследствие таких прибавок, или, как выражаются крестьяне в своих челобитных, «воеводских накидок» севший на одну четверть чрез год уже пахал на государя $\frac{2}{3}$ десятины, а приехал новый воевода, и этот что-нибудь прибавит; между тем рабочие силы у крестьянина пока оставались те же. С первого взгляда кажется, что эти прибавки 5, 10 и 15 десятин на слободу или целую волость слишком немногим увеличат труд каждого крестьянина, тем более что не сам воевода или приказчик раскладывает прибавочную пашню между крестьянами, а их же братья, выбранные ими самими «окладчики», которые, конечно, при раскладке сообразуются с зажиточностью и семейным положением своих товарищей и не прибавят пашни бессильным и бедным... Все это так, но дело в том, что прибавки были часты, а иногда велики, и окладчикам приходилось уже прибавлять на всех. Так, крестьяне Верхотурского уезда Тагильской волости в 1632 году жаловались Михаилу Федоровичу, «что в 1623 г. они обрабатывали государственной пашни 34 десятины в поле, а по уложению Сулешова в 1624 г. на них прибавлено 16 десятин, затем при князе Гагарине прибавлено 6 дес., сын боярский Шульгин прибавил 4 дес., при воеводе Плещееве 6 дес., в 1631 г. прибавлено 13 десятин и в 1632 г. — 8 десятин в поле...». Правда, и число дворов в Тагильской волости к 1632 году увеличилось вдвое, но многие крестьяне были новоприборные, пользовались еще льготой, и, стало быть, раскладка прибавленных десятин их не касалась, а только старых пашенных крестьян. Да и из челобитной тагильских крестьян видно, что именно прибавлено на старых, которые уже пахали на государя по десятине. «В прошлых годах, — писали они, — как их прибирали на Тагиле, им давано подмоги по 12 р. на десятину, а потом прибавили еще по десятине, но подмоги не дава-

по...*. На крестьян других волостей также прибавляли: например, в 1633 году на оброчных крестьян Верхотурского уезда (на 7 человек) прибавлено оброчного хлеба 49 ч. ржи и овса, на подгородных — $10\frac{1}{2}$ десятины в поле, на невольских — $21\frac{1}{2}$ десятины, на крестьян Туринского уезда прибавлено 26 десятин в поле...**. Вследствие таких несообразных прибавок некоторые крестьяне бросают пашни и бегают из Сибири, а оставшимся становится чрез это еще тяжелее. «А мы, — жалуются крестьяне, — за тех беглых пашем миром...». Притом же иные крестьяне бегали и не от прибавок, а просто от лености и нежелания жить в Сибири. Они брали подмогу и осуду из государевой казны по 10 и 15 рублей и в том же году скрывались «безвестно куда»***; иные проживали по 3 и 4 года, а потом, когда миновали льготные года и нужно было обрабатывать государеву пашню, они закладывали или продавали свое хозяйство и земельные участки и убегали на Русь. В 1633 году верхотурский воевода доносил в Москву, «что пашенные крестьяне свои данные пашенные земли и сенные покосы детям боярским и меж себя продают и закладывают и, продав свои земли, бегают, и твоя государева десятинная пашня лежит впусте...»****. Однако не всегда оставалась «впусте»: у беглецов были поручители, и последние облазаны были за них пахать их долю государевой пашни. Правда, некоторые воеводы собственной властью избавляли крестьян от обработки за беглецов и мертвых государевых десятин, но другие, как часто жаловались крестьяне, без государева указа этого сделать не смеют, и они пахут за мертвых и беглых... Иногда и само московское правительство не ведало, что творило, и своими распоряжениями расстраивало хозяйство сибирских крестьян. Когда стали основываться слободы на Нице, Нейве и в других местах, то оно в 1630 году приказало сибирским воеводам и пашенным приказчикам, чтобы они призывали в эти слободы крестьян на льготу не только из гулящих людей, но из старых пашенных крестьян от отцов детей, от братин братию, от дядей

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6076/32, л. 160 и 165.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6078/34, л. 66 и др.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6111/67, л. 462—3.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 5138/94, л. 537.

племянников, и в то же время требовало, чтобы они на зажиточных и многосемейных прибавили государевой пашни. Узнав об этом, дети, племянники и братья оставляли свои семейства, брали из казны подмогу и ссуду на целую десятину и переселялись из Туринского в Верхотурский уезд или же на другие места в пределах своего уезда. Следствием этого было то, что новоприборные, не будучи в состоянии обработать на государя принятую ими на себя долю пашни, скоро убегали, а старые крестьяне из многосемейных делались одиночками; да кроме того, на этих последних в силу вышеупомянутого распоряжения воеводы прибавили государевой пашни. Таким образом, расстройство хозяйств даже у зажиточных крестьян было неизбежное. Пока тобольский воевода именно в 1633 году разъяснил правительству бессмысленность его распоряжения, многие крестьяне уже лишились своих работников. Вследствие этого донесения из Москвы в том же году послан указ, которым прежнее распоряжение отменялось и делалось новое, может быть, еще глупее старого: именно этим указом разрешалось старым крестьянам целыми дворами выходить на оброк или на государеву пашню в новые слободы, если только они найдут гулящих людей и посадят на свои жеребьи. На это тобольский воевода отвечает: «Велено нам отпускать таких крестьян без задержания и в твоих, государь, в Ньянской и Ницынской слободах старые крестьяне свои жеребьи мечут, а тех новых крестьян в тягло и в пашню, и во всякие твои изделия не будет и твоя пашня будет с убылью; и о том, государь, как укажешь: старых крестьян, со старых жеребьев на новые места выпускать ли, или нет». Это замечание принято правительством во внимание, и сибирским воеводам разослан новый указ, которым строжайше запрещалось «из сел и слобод со старых жеребьев выпускать крестьян на новые места» и велено прибирать в новые слободы только из гулящих людей, а на старых зажиточных и многосемейных прибавлять государевой пашни. Однако мы видим, что и после последнего указа воеводы и приказчики за взятки позволяют старым крестьянам выходить на оброк и на пашню в новые слободы, даже дают им льготы и подмогу, а на их места сажают людей гулящих, которые, конечно, не в состоянии были заменить старых

крестьян ни в обработке государевой пашни, ни в разных «изделиях». Раз правительство сделало ошибку, оно уже не может исправить ее одним указом, и злоупотребления этой ошибкой со стороны воевод и приказчиков продолжают существовать еще целые годы. На это указывают подтвердительные грамоты Михаила Федоровича в 1639 и 1643 гг.* Тяжело также отзывались на крестьянах «томские и енисейские посылки». В 1632 году велено было воеводам пашенных городов тобольского разряда выбрать крестьян добрых, зажиточных и семьянистов сто человек и послать их в Томск и в остроги томского разряда. Этот указ произвел страшное волнение среди сибирских крестьян, и это волнение будет понятно, если взять во внимание, что большинство из них только недавно поселились на новых местах, и едва только они обжились, насидели себе гнезда, как их снова заставляют перекочевывать за тысячи верст в места, им совершенно неизвестные. И вот верхотурский воевода доносит в Москву, что посланный им боярский сын для прибора крестьян сказал, «что с Тагила и с Невьи сбежало крестьян к Руси 20 человек и иные хотели бежать, да он уговорил их, чтоб ссылки не боялись и жили б до государева указу на своих старых местах по-прежнему...», а приказчик Невьянской волости писал тому же воеводе, что из одной его волости сбежали 40 человек от той томской посылки и от прибавочной пашни, да и остальные бредут врознь**. Правда, «по сыску» оказалось, что сбежало в десять раз меньше, чем доносили приказчики, что последние «своровали, сами велели крестьянам разойтись от томской посылки по иным деревням», но тем не менее действительно несколько человек, испугавшись далекого путешествия, убежали на Русь, а каждое бегство, как мы уже говорили, неизбежно ухудшало положение оставшихся крестьян***. Несмотря на грозные вести из Верхотурья по поводу томской посылки, правительство все-таки требовало исполнения указа, и в следующем году действительно прибрано в Верхотурском и Туринском уездах несколько десятков семейств крестьян и отправлено в Томск и в некоторые остроги томского разряда.

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6138/94, лл. 331—346; А. И., т. III, № 211 и 221.

** А. И., т. III, № 172.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6078/34, л. 27...

Но как ни тяжела была государева пашня вследствие несоразмерных ее прибавок или от пахоты за беглых и мертвых, как ни губельно иногда отзывались на хозяйстве сибирского крестьянина некоторые неразумные распоряжения правительства, со всем этим он мог бы еще управиться, если бы его не одолевали так называемые «государевы разные изделия». Те натуральные повинности, которые разумеются под этим выражением, перечислить невозможно — это заняло бы слишком много места. Мы уже указывали на те изделия, которые несли крестьяне Подгородной волости Верхотурского уезда, но и все другие сибирские пашенные государевы крестьяне были ими обязаны. Теперь мы упомянем только о некоторых из них и объясним, в чем собственно заключалась тяжесть этих изделий и как они вредно отражались на крестьянском хозяйстве. Из множества крестьянских челобитных видно, что крестьяне почти круглый год работали на государя, от изделий их не освобождали даже в страдную пору. Воеводы мало сообразовались с малочисленностью крестьян, с их силами, с временем года, с погодой, заставляли их делать то одно, то другое и иногда одновременно, так что у иных крестьян малосемейных за этими изделиями мало оставалось времени для работы по своему домохозяйству. Например, туринские крестьяне в 1632 году жаловались государю: «Как мы сироты твои десятинный хлеб пожали, посвозили и в скирды поклали, то воевода заставил нас старую тюрьму поправлять и около тюрьмы тын ставить, да в то же время велел нам на твои десятины навоз возить, а как навоз возили велел нам же молотить десятинный хлеб, да в то ж время на гостином дворе мы рубили избу и поставили совсем наготово, да поставили наготово на воеводском дворе горницу да избу...». Какие же последствия этих работ? В конце челобитной те же крестьяне замечают: «И за теми великими изделиями наш хлеб на поле застоялся, осыпался и мышь поела и мы сироты твои остались без хлеба и без семян...». Из этого замечания видно, что упомянутые работы крестьяне отправляли в конце лета, а следующие изделия, вероятно, относятся уже к осеннему времени. «Да нас же, — читаем в другой челобитной туринских крестьян, — воевода заставляет ежегодно делать крупу и толочки по тысячи четвертей

и больше, на мельницах рожь молотъ тоже по тысячи четвертей и больше, да мы же кроме амбары и гостиный двор и т. д.». Зимой крестьяне тоже не оставались без дела. «Да мы же, — жалуются крестьяне, — в лютые морозы возили бревна в 4 сажени длины и 6 и 7 вершков толщины по четыре бревна с десятины, пятисаженных бревен по пяти с десятины, двухсаженных по пяти бревен с десятины и всех тех бревен срубили и свезли три тысячи, да свезли 800 тесниц трехсаженных, а в великий пост острог ставили, обрубы^{ли} рублили и навозом насыпали, лады^{ли} делали, вислицы^{ли} вешали и пр. и от тех изделий, государь, от бревенной возки осталась без коней, потому что возили с великою нуждой и пашни теперь пахать не на чем...». К этому нужно добавить, что на крестьянах лежала обязанность «солоды растить, дрова возить, сено косить и возить, веники делать, лыки драть, хмель собирать, рыбу ловить и т. п.»*.

Но из всех изделий самым тяжелым было «судовое дело». Хотя во всех сибирских городах поселены были плотники, но последних всегда было столь ничтожное число, что они не в состоянии были управиться «с судовым делом», и эта повинность возлагалась на служилых и посадских людей, на ямщиков, но преимущественно на крестьян. Так как хлеб из Европейской Руси на жалованье сибирским служилым людям, ружникам и оброчникам прежде всего свозился в город Верхотурье, то здесь всегда требовалось громадное число судов для переезда этого хлеба в другие сибирские города. Поэтому Борис Годунов хотел было устроить в Верхотурском уезде особую плотническую слободу, ибо временная посылка плотников из поморских городов в Сибирь, во-первых, стоила дорого, а во-вторых, вызвала постоянные жалобы от населения других городов «на плотническое дело». В 1603 году этот государь, посылая 80 человек плотников в Верхотурье, приказывал верхотурскому воеводе, чтобы он человек 50 из них поселил при р. Туре, ниже Ямашева юрта^{ли}. Но неизвестно почему, только этот указ не был исполнен и особенной плотнической слободы не было устроено: верхотурские плотники, число

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6078/34, лл. 1—5; ст. № 6138/94, л. 154; А. И., т. III, № 209.

** А. И., т. II, № 40.

которых в царствование Михаила Федоровича никогда не превышало 15 человек, жили по дворам в самом Верхотурье, и судовое дело не было их единственной обязанностью, а они плотничали все, что приказывал воевода. Поэтому одни плотники не могли приготовить необходимое количество судов, и воеводы в помощь им наряжали для этого дела всяких верхотурских жильцов. Сначала постройка судов производилась преимущественно в Верхотурье, и отсюда их рассылали уже в Туринск и Тюмень. Так, в начале 1606 года туринские и тюменские ямщики били челом первому самозванцу о том, что у них судов нет и гонять нечем, и просили, чтоб государь пожаловал, велел прислать суда из Верхотурья*. Но по мере развития хлебопашества в уездах Верхотурском, Тюменском и Туринском привоз хлеба в Сибирь из Европейской Руси уменьшался; во вторую половину царствования Михаила Федоровича эти уезды, как мы видели, доставляли уже массу хлеба в другие сибирские города, так называемые «непашенные». Поэтому и в Туринске, и в Тюмени потребность в судах значительно увеличилась, а вместе с тем явилась необходимость завести судовое дело и в этих городах. А так как и здесь настоящих плотников было очень мало, то делать суда правительство заставляло служилых людей, посадских, ямщиков, крестьян и даже гулящих людей. Но все-таки главная судовая верфь по-прежнему находилась под городом Верхотурье, и постройка судов производилась здесь не только местными жителями, но иногда для этой цели присылались сюда плотники из Туринского и Тюменского уездов. Затем казенные суда строились в селе Тагильском, а с 1641 года и в деревне Меркушиной, стоящей при реке Туре, ниже от города Верхотурья на 70 тогдашних верст. И кажется, что в эту последнюю деревню скоро был перенесен и центр судостроительства из самого города. Еще в 1639 году тобольский воевода писал в Москву, что из Верхотурья сплавлять хлеб на больших судах довольно затруднительно вследствие многих мелей на реке Туре, находящихся между этим городом и деревней Меркушиной, тогда как от этой деревни Тура становится глубже, мелей нет и здесь есть большие леса, из которых можно делать государевы суда и житницы**. По

* А. М. Ю. Дела верхот. уезд. суда № 126, см. грамоту царя от 1606 г. февр. 7 дня.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6132/88, л. 553.

крайней мере несомненно, что при деревне Меркушиной строились преимущественно суда большого типа, так называемые «кочи»⁴⁹. Заметим также, что основание здесь судостроительства способствовало быстрому развитию этой деревни, и она скоро сделалась селом.

Мы выше заметили, что судовое дело было самой тяжелой повинностью для жителей Сибири. Эта повинность при Михаиле Федоровиче отправлялась двойным образом: или по государеву указу какой-нибудь город и его уезд обязаны были в определенное время доставить известное количество судов, или просто сибирские воеводы заставляли строить государевы суда самих жителей своего уезда. В том и другом случае правительство оплачивало эту повинность, как и всякое «государево изделие», но только по самой низкой цене, например, за дощаник⁵⁰ платило 15 рублей, а за кочу 25, тогда как частные лица в то же время платили за суда первого типа по 35 и по 40 рублей, второго же по 50 и 60 рублей; точно так же правительство расплачивалось и с плотниками*. Насколько тяжела была судовая повинность, об этом можно судить и по многим жалобам служилых людей, посадских, ямских охотников, крестьян и гулящих людей, а равным образом и по донесениям сибирских воевод. Так, в 1640 году туринские служилые люди, посадские, ямщики и пашенные крестьяне жаловались Михаилу Федоровичу: «По твоему государеву указу велено на нас накинуть в Туринском делать суды — 12 дощаников больших и малых, а денег из казны дана цена малая: от малых дощаников 15 р. и от больших 25, а мы давали за те суда: за малые — по 35 и по 40 р., а за большие — по 50 и 60 р., и от того мы задолжали великими долгами и многие из нас разбрелись врозь; да на нас же воевода доправил большим правожом 10 человек плотников и послал к судовому делу в Верхотурье, а мы тем плотникам сверх указанной цены дали по 15 и по 20 рублей, потому что на Верхотурье судовый лес от реки удален и вывозка дорога; и от того судового дела, государь, многие из нас бредут врозь и Туринский городишка стал пустеть...»⁵¹. Из некоторых документов видно, что судовое дело возлагалось даже на оброчных крестьян,

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6127/83, л. 157.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6138/94, лл. 151—152.

хотя эти последние, как мы упоминали, за пять четвертей ржи избавлялись от всяких других государевых изделий. Например, в 1639 году ирбитские оброчные крестьяне жаловались государю: «Наложил на нас воевода сделать дощаник в 9 печатных сажень, а нам такого судового леса добыть негде, потому что у нас место степное и что от Верхотурья удалело верст на 300...»^{*}. Тяжесть судового дела увеличивалась еще от того, что воеводы иногда заставляли делать суда людей, не умеющих плотничать, и притом несмотря ни «на страдную пору», ни «на жестокие холода». Это «изделие» особенно давало сибирским воеводам наживаться: они сгоняли на судовые верфи людей вольных, гулящих, несмотря на то, что эти последние по своему положению не обязаны были нести каких бы то ни было государевых изделий, тогда как настоящих плотников, которые преимущественно занимались судостроительством, воеводы за взятки избавляли. В 1639 году 17 человек туринских и 7 человек тюменских гулящих людей послали Миханлу Федоровичу следующую челобитную: «Присланы мы, государь, из Туринска и Тюмени на Верхотурье к судовому делу, а мы сироты твои нигде судов не делывали и в этом деле ничего не знаем. Посланы мы воеводами вместо плотников насильно, за приставами, а за нас никто в судовом деле не ручается, потому что мы люди гулящие из разных городов и живем в Сибири только по полугода, а иные по 10 недель; в Туринске же и в Тюмени, государь, есть плотники, которые всякие суда делать горазды и люди полные, зажиточные, но воеводы тех плотников не посылают к твоему судовому делу, норовя им, чтобы они делали суда торговым людям». В заключение этой челобитной гулящие люди жаловались, что «за то судовое дело нас сирот твоих били на правеже нещадно и бросили в тюрьму, а тюрьма земляная и мы оцынжали и перепухли от голода; прокормить же нас некому, потому что на Верхотурье в летнее время городских людей мало и мы, государь, помираем голодною смертию, а некоторые уже умерли...»^{**}. И подобных челобитных нам приходилось встречать много и притом от всякого чина людей. Да и сами некоторые сибирские воеводы со-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6139/94, л. 437.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6138/94, лл. 78 и 79.

знавали, что судебное дело есть самая тяжелая повинность, и от нее более всего бегали сибирские жители, а иные даже лишали себя жизни. Туринский воевода доносил в Москву, что многие из тех плетников, которых он выбрал к судовому делу, «давились и резались до смерти от того судебного дела...»*. Верхотурский воевода писал, что на Верхотурье строили суда 57 человек стрельцов, пашенных крестьян и ямских охотников, и из них «от того судебного дела 8 человек сбежали, 7 умерло, один пострится в монахи и два удавились...»**. Конечно, не каждый год одинаково сибирское население страдало от судебной повинности, бывали годы, когда правительство менее нуждалось в судах, и тогда эта повинность была не так обременительной или по крайней мере переносилась легче. Но тем не менее суда строились ежегодно, и население Сибири всегда более или менее участвовало в судостроительстве то личным трудом, то деньгами. А как была велика в Сибири потребность в судах, об этом можно судить по следующим данным. Например, в 1639 году под Верхотурьем было сделано 103 дощаника, 2 кочи и 7 лодок, но уже в следующем году верхотурский воевода доносил в Москву, что государевых запасов из Верхотурья сплавить в другие сибирские города не на чем: хлеба скопилось много, а судов готовых очень мало. Из этой же отписки видно, что в 1640 году назначено к отправке из государевых верхотурских житниц покушного, выделного и десятинного (с государевой пашни) разного хлеба 48417 четвертей. И если, пишет воевода, положить на дощаник по 300 четвертей, то нужно будет дощаников 161***. Но это, конечно, не все количество хлеба, которое требовалось на разные сибирские города: по смете тобольского воеводы «все го хлеба на жалованье служилым людям, ружникам, оброчникам и на разные неокладные расходы в города тобольского и томского разрядов в 1640 году нужно было около 80000 четвертей»****. А так как из всех сибирских городов в обозреваемое нами время только Верхотурье, Туринск и Тюмень не нуждались в привозном хлебе, то, стало быть,

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6127/67, л. 593.

** Ibid, л. 630.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6138/94; ст. № 6127/67, л. 635.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6127/83, л. 226.

ежегодно сплавалось по реке Туре сотни тысяч пудов одного хлеба, а для этой операции нужно было иметь и соответственное количество судов. Да к этому нужно будет добавить, что суда еще требовались под соль, на подъем служилых людей и для разной ямской гоньбы. Отсюда понятно, почему жители верхотурские, туринские и тюменские постоянно жалуются, что «они ежегодно мучатся над тем судовым делом».

Другие классы сибирского общества могли легче переносить судовую повинность именно потому, что они были избавлены от множества других «государевых изделий», тогда как пашенных крестьян она в высшей степени обременяла: они почти круглый год так или иначе работали на государя и затрачивали на всякие изделия такую массу труда, что им мало оставалось времени на работы по собственному хозяйству. Ко всем упомянутым повинностям нужно еще прибавить разные денежные поборы; нужно ли построить новый гостиный двор, амбары, житницы, двор на проезд инородцев и т.п., а крестьяне не только должны были возить лес на эти постройки, но и с них еще собирали и деньги на тот же предмет. Конечно, все эти «государевы изделия» и «денежные поборы» с увеличением крестьянского населения в Сибири не так будут тяжело отзываться, когда можно будет раскладывать их на большее число людей, но в обозреваемый нами период они делали положение крестьян невыносимым и заставляли их «бежать врозь». Из «списков пашенных государевых крестьян» видно, что последние бегали ежегодно и притом из всех уездов и из всех волостей. Одни крестьяне бежали в поморские города, другие «пропали безвестно», а приблизительно с 1628 года они все чаще и чаще начинают бегать чрез Тагильский волок на Чусовую, а оттуда, вероятно, на Волгу. Воеводы ежегодно посылают тоже крестьян в поморские города для отыскания беглецов; оттуда еще удавалось сыщикам возвратить их на место жительства, но те, которые бежали чрез Тагильский волок, пропадали бесследно.

Однако следует заметить, что и между сибирскими крестьянами, и пашенными, и оброчными мы встречаем семейства очень зажиточные: они владеют значительными участками земли, десятины по 50 и по 70, делают ежегодно на

«собинных пашнях» большие присевы разного хлеба и косят по 100 и по 300 копен сена; иные пашенные крестьяне обрабатывают на государя по 3 десятины в поле, а оброчные платят в казну хлеба четвертей по 100 и по 120. Это, очевидно, большесемейные люди, к ним идут другие крестьяне в захребетники и половники. Кроме того, у одного встречаешь «купленного человека родом колмак» или родом «нагаетин»; у другого живут какие-то «покормленники» по одному и по два человека. Или, например, в дозорной книге Тюменского уезда читаем: «Деревня при р. Кармаке крестьян Тренки и Поздейки Букиных, а у них крепостных людей три человека: Гришка, да Русанко, да Ивашко; пашни паханой доброй земли 25 четей, да перелогу 7 четей в поле, а в дву потому ж, да у них же под деревнею мельница мутовка, да у деревни сена на 50 копен...»*.

В отношении ближайшего управления и суда государевы крестьяне были подчинены приказчику. Приказчик в слободе или волости имел такое же значение, какое воевода в городе и в уезде; обязанности этих должностных лиц по своему характеру были почти одинаковы, и наказания, определяющие власть и круг обязанностей воевод и приказчиков, в большинстве пунктов буквально сходны. Как воеводе, так и приказчику предписывается: «делать всякие государевы дела по наказам и грамотам, смотря по тамошнему делу, как будет пригоже, чтоб государю прибыль учинить, а людям тлгости не навесь». Поэтому и злоупотребления приказчиков были такие же, как и воеводские, и жалобы крестьянские на своих ближайших начальников пишутся в тех же выражениях, как и на воевод, только, конечно, управу на приказчиков крестьянам найти было несравненно легче, чем на воеводу, потому что эту управу мог дать воевода, тогда как на воеводу — только государь. Новый приказчик, назначенный воеводой в слободу или волость, прежде всего должен был учесть старого точно так же, как это делали новые воеводы при смене старых. Затем ему предписывалось: «будучи на службе крестьян и всяких людей во всяких делах, кроме разбойных, судить в пяти рублях, а больше того не судить, а с приставными памятями и челобитными истца и ответчика отсылать к воеводе; собирать

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, лл. 506—507, 508.

пошлины с дел судных, с купли и продажи и с проезжих людей, вести приходорасходные книги, призывать крестьян на государеву пашню или на оброк и давать из государевой казны ссуду и подмогу, от обид и от насильства сторонних людей крестьян оберегать и самому крестьянам налогов, убытков, продаж и насильств никаких не делать, а поступать во всем по наказу и по воеводским памятям; смотреть, чтоб крестьяне из слободы или волости без спросу никуда не выезжали, не воровали и не грабили, в зернь²¹ и в карты не играли, корчмы и бл... у себя не держали; смотреть, чтоб пашенные крестьяне пахали, сеяли и убирали государевы пашни вовремя и наперед своих крестьянских пашен; смотреть, чтоб государев хлеб собирали с великим береженьем, в скирды и в одоны клали высуша гораздо, чтоб молотили хлеб и из ухоботья и мязины зерно высеивали до чиста, а обмолотя, велеть привозить в житницы и сдать целовальникам; смотреть, чтоб крестьяне семлиной хлеб на государевы пашни высевали сполна, на десятину ржи по две четверти, а овса по 4 ч., чтоб крестьяне государев хлеб лошадьми не травили и не крали, солому, ухоботье и мязину продавать и деньги в книги писать порознь, по статьям; от калмыцких и от всяких воинских людей жить с великим береженьем, а как только будут вести про неприятеля, то писать об этом в город к воеводе и другим приказчикам в слободы, а крестьянам с женами и детьми и с имуществом велеть бежать в крепкое место и пр.*. Таким образом, круг обязанностей приказчиков был довольно обширный, и для всякого рода злоупотреблений им открывался широкий простор. Но особенно приказчики злоупотребляли своей властью при сборе пошлин: торговые и всякие проезжие люди, а также и крестьяне постоянно жаловались на них, что «они берут пошлины лишние, ценят всякие товары не прямою ценою, а дороже и тем сами корыстуются...», то есть делали то же самое, что и воеводы, когда в городах и на заставах не было еще таможенных голов. Правительство обратило внимание на эти жалобы и дозволило крестьянам некоторых слобод из своей среды выбирать целовальников, которые ведали бы всякие пошлины, и тем самым значитель-

²¹ А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, св. 76; А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6306/262, л. 50.

но ограничило круг обязанностей приказчиков и лишило их возможности самой легкой наживы. Из других выборных лиц в слободах и в волостях встречаются старосты и десятские, но они играли только полицейскую роль и были помощниками приказчиков в надзоре за поведением крестьян; им предписывается: «беречь крестьян от побегу и от всякого воровства»*.

Таково было положение в Сибири государевых крестьян. Что же касается крестьян владельческих, то о них мы имеем мало сведений, да их и немного было в описываемое нами время. Можем здесь отметить только следующее явление. Некоторые владельцы, например, боярские дети или подьячие, переселившись в Сибирь со своими холопами, дают последним отпускные, но под тем условием, чтобы они пробыли в их деревнях по нескольку лет в качестве половников: по пять, по шесть лет, смотря по уговору. Нам кажется, что к этому акту благоденствия владельцы были просто вынуждаемы тамошними условиями жизни. При дороговизне хлеба кормить холопов было убыточно, а на их работы на пашнях не всегда можно было надеяться: при первом неудовольствии на своего господина каждый холоп легко может убежать, а искать его было совершенно бесполезно. Между тем отпущенный холоп, севши на пашню своего прежнего господина в качестве половника, сам заинтересовывался в ведении хозяйства, потому что, когда кончатся срочные годы, то он по уговорной записи имел право на хлеб и скот, который наживет за время половничества.

Относительно монастырских и архиепископских крестьян можно смело сказать, что их положение было гораздо лучше государевых уже по одному тому, что они были несравненно менее обременены разными изделиями и денежными поборами. Мы в данном случае, собственно, разумеем крестьян тобольского Знаменского монастыря и софийского архиепископского дома, потому что другие сибирские монастыри в обозреваемое нами время большей частью обрабатывали свои пашни сами или сажали на них половников, а крестьян у них было слишком ничтожное число — человека по два, по пять, не более, да и те часто бегали, так

* А. И., т. III, № 172.

что в известный год монастырь имеет несколько крестьянских дворов, а в следующем году уже ни одного двора. Но тобольский Знаменский монастырь и дом Софии Прем. Бож., как мы видели, имели достаточное количество крестьян, и о последних мы более имеем и сведений. Оброчные крестьяне как Знаменского монастыря, так и архиепископского дома были большей частью люди малосемейные, а потому и бедные; об этом можно судить по количеству обрабатываемой ими пашни: они пахут по 2 ч. в поле и редко по 3 ч., а судя по ничтожному количеству собираемого ими сена, можно думать, что они имели и мало скота. Но пашенные крестьяне жили несравненно зажиточнее: они пахали минимум по 7 ч. в поле и косили по 50 к. сена, а некоторые из них пахали по 20 ч. в поле, а сена косили по 100 и более копен. Вообще за богатым монастырем сибирским крестьянам жить было гораздо выгоднее, чем за государем или служилыми людьми; это ясно можно видеть по данным, касающимся половников тобольского Знаменского монастыря. Прежде всего заметим, что происхождение этих половников было разное: про одного говорится в дозорных книгах, что он приехал из Руси в Сибирь по проезжей монастырской грамоте, то есть он был прибран в половники еще на Руси; другой по переселении в Сибирь некоторое время жил в наймитах у служилых или посадских людей, а потом поступил в половники к Знаменскому монастырю; третий был приговорен в половники каким-нибудь подьячим или боярским сыном еще на Русь, но монастырь его выкупил за 15 или 17 рублей и посадил на свою пашню тоже в половники и пр. Но все эти половники навсегда остаются жить за монастырем; жили отцы до самой смерти лет по 20 и по 30, а потом живут и дети на тех же условиях, то есть в качестве половников. Мы не видели ни одного случая, чтобы монастырский половник переселялся на пашню к какому-нибудь другому владельцу, между тем как половники служилых людей, посадских и крестьян, едва только отживут срочные годы — лет 5 или 6, как уже переходят на пашню монастырскую. Даже отпущенные холопы, проживши в половниках у своего прежнего господина срочные годы, забирают нажитой скот и переселяются в монастырские деревни. Отсюда само собой очевидно, что за монастырем было

жить гораздо лучше, чем за каким-нибудь другим владельцем. Половники Знаменского тобольского монастыря хотя пахут на себя незначительное количество земли — четей по 5, по 12, не более, но почти все они имеют достаточное количество скота, и преимущественно рогатого, а некоторые из них имели по 2 лошади, по 4 быка, по 4 дойные коровы, по несколько телят и свиней. К этому нужно еще добавить, что многие монастырские половники имеют своих половников по одному и по два человека.

В заключение этой главы нам остается еще сказать несколько слов о нравственном состоянии первых насельников Сибири. Занимающимся отечественной историей хорошо известна грамота патриарха Филарета к первому Сибирскому архиепископу Киприану, в которой он самыми мрачными красками описывает нравы сибирского общества, но, кажется, никому не известно то, что эта грамота написана не по рассказам «воевод и приказных людей, которые прежде сего бывали в Сибири», как говорится в этом документе, и которым можно было бы и не верить, а на основании донесения самого архиепископа Киприана и, может быть, есть только переписка части донесения последнего. Поэтому упомянутый документ имеет несравненно большее историческое значение, чем это кажется с первого взгляда, и факты крайней безнравственности сибирского населения, записанные в нем, заслуживают полнейшего вероятия. К сожалению, самой грамоты Киприана к государю и патриарху до нас не сохранилось, но что она существовала и была писана ранее грамоты к нему Филарета, в этом мы несколько не сомневаемся: о ней упоминается в грамотах Михаила Федоровича к воеводам тобольскому и березовскому и в одной отписке воеводы тобольского Матвея Годунова к воеводе пелымскому. А если патриарх Филарет в своей грамоте пишет, что он якобы узнал о безнравственном состоянии сибирского общества из рассказов воевод и приказных людей и упрекает в ней Киприана за то, что последний ему «о том ни о чем не пишет», то этого, вероятно, хотел сам Киприан, чтобы не ожесточить против себя воевод и служилых людей, которых его донесение главным образом касается.

Какие же сведения о нравах сибиряков сообщает нам грамота патриарха? Она прежде всего указывает на то, что

в сибирских городах многие служилые и жилацкие люди живут не по христиански, не по преданиям святых апостолов и святых отцов, а по своей воле, по своим скверным похотям; многие русские люди и иноземцы, принявшие православие, крестов на себе не носят, постных дней не хранят, а едят мясо и «всякие скверны» вместе с татарами, остяками и вогулами. Затем упомянутая грамота отмечает факты крайне отвратительного полового разврата, господствовавшего как среди светского общества, так и в сибирских монастырях; многие православные люди живут с не крещеными инородками, как бы со своими женами, и детей с ними приживают; иные женятся на сестрах двоюродных и родных, на дочерях своих, «блудом посягают» на своих матерей и дочерей, «чего, — говорится в грамоте, — и в поганных и не знающих Бога не обретається, о чем не только писать, но и слышать гнустно». Из этого же документа видно, что многие служилые люди, отправляясь по делам службы в Москву или в другие города, закладывают своих жен на сроки, а те люди, у которых они бывают в закладе, живут с ними и «блуд творят беззазорно» до тех пор, пока мужья их не выкупят. Если же по истечении срока мужья не выкупят заложенных своих жен, то кредиторы продают последних «на воровство и на работу всяким людям». Некоторые же «бедных и убогих вдов и девиц беспомощных для воровства берут к себе насильно и у мужей работных людей отнимают жен и держат у себя для воровства и крепости на них воровские берут заочно, а те люди бегают, у которых жен поотнимают, отдаются в холопы, в неволю всяким людям и женятся на иных женах, а отнятых жен выдают за других мужей или продают, или отдают в заклад и в холопы всяким людям. А поны сибирских городов, черные и белые, не только такие беззаконения не запрещают, но и говорят молитвы, а иных венчают без знамен, не по христианскому закону». Монастыри также вели соблазнительную жизнь. Мы упоминали, что первоначально, до приезда Киприана в Сибирь, монахи и монахини жили вместе в одном и том же монастыре. Поэтому в сибирских монастырях царил полнейший разврат: монахини развратничали и с монахами, и с мирскими людьми. Многие монахи и монахини снимали с себя чернецкое платье и жили в

одних домах с мирскими людьми и в своей жизни ничем не разнились от этих последних. Далее патриарх пишет, что служилые люди, когда приезжают в Москву с государевой денежной и соболиной казной, то подговаривают многих женок и девок, привозят их в сибирские города и держат вместо жен, а иные продают литовцам, немцам и татарам. «А воеводы, — читаем в той же грамоте, — того не брегут и тех людей от такого воровства, беззаконных и скверных дел не унимают и не наказывают, покрывая их для своей бездельной корысти, и иные же воеводы и сами таким ворами потакают и попам приказывают говорить им молитвы и венчать их насильно...»*. Но этого мало, сами воеводы подавали пример к разврату и творили всякие беззакония. Про нарымского воеводу тобольский воевода писал в Туринск, что «он жен служилых людей брал насильно к себе на постель, а когда мужья их хотели писать на него грамоту и обратились с этой целью к своему пону, то воевода бил кнутом и пона, и служилых людей...»**.

Такова была печальная картина нравственного состояния сибирского общества до открытия в Сибири архиепископской кафедры. Многие другие данные вообще указывают на падение религиозного чувства у русских людей, переселившихся за Уральский хребет, а так как религия для мало образованного человека служит главным сдерживающим началом в его страстях, то при недостатке религиозности он уже не стесняется в проявлении своих диких инстинктов и «творит, — как говорится в грамоте Филарета, — всякие беззакония беззазорно». Такой упадок у сибиряка религиозного чувства объясняется очень легко. В Сибири, особенно в городах, лицом к лицу столкнулись люди разных национальностей, разных религий и разных нравственных понятий: там были язычники, магометане, лютеране, католики и, наконец, русские православные; туда, как мы видели, ссылались пленные поляки, литовцы и немцы, принимавшие участие в смутной эпохе, а мы знаем, что в эту ужасную эпоху не только наши враги, терзавшие русскую землю, забыли Бога, для которых не было ничего святого и которые были более похожи на зверей, чем на людей, но

* Сиб. Госуд. гр. и дог., ч. III, № 60.

** А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, св. 3.

многие и из русских людей, малороссийские и донские казаки вели себя не лучше врагов. Многие из этих извергов были пленены, сосланы в Сибирь и поверстаны в службу и, таким образом, вошли в состав сибирского населения; туда же ссылались на службу и на пашню воры, разбойники, душегубцы и другие преступники. И эта смесь элементов не могла не отразиться самым губительным образом и на приборных, переведенцах и вольных переселенцах из русских людей, на их религиозных и нравственных понятиях.

Очевидно, что с таким развращенным обществом архиепископу Киприану трудно было бороться, научить его жить по заповедям Божиим, и открытие архиепископской кафедры в Тобольске мало должно было поводить на нравственную сторону сибиряков. Патриарх Филарет, отправляя в Сибирь Киприана, «заповедал ему достойно пасти словесное стадо, заботиться о чистоте веры завоевателей и русских пришельцев, обращать ко Христу идолопоклонников и магометан, да проповедь слова Божия растет и множится...»¹. Но Киприан, явившись на место службы, сразу должен был почувствовать себя одиноким в деле выполнения той высокой задачи, которую заповедал ему патриарх; на тамошнее белое духовенство он при своем служении не мог рассчитывать: оно было и слишком малочисленно, и к тому же распущенно не менее светского общества; «белые попы, — говорится в донесениях разных сибирских архиепископов, — не учителя, а бражники». Черных попов было совсем мало, а монастыри служили примером разврата. Киприан привез с собой несколько белых и черных попов; первые должны были с ним служить в Тобольске, а вторых он послал в разные сибирские монастыри. Но мы уже упоминали, что за люди были белые попы, что они не только не хотели служить в соборной тобольской церкви, но даже восставали против Киприана тобольское сибирское население. А относительно черных попов Киприан писал патриарху, «что их не принимают ни в которых городах». Нечего уже и говорить о том, что воеводы и вообще служилый класс встретили неприветливо приезд архиепископа и сразу стали к нему во враждебное отношение. Они хорошо понимали, что Киприан будет начальником за всех обиженных, будет писать патриарху и государю о всех их беззакониях и его

¹ «Киприан — первый арх. Тоб.». Стран. 1864 г., авг.

донесения будут подействительней, чем жалобы посадских людей, крестьян и инородцев. Вскоре после своего приезда в Тобольск, по крайней мере не позже конца 1621 года, Киприан написал грамоту государю и патриарху, в которой он довольно подробно описывал нравы сибирского населения и указывал на те препятствия, которые он встретил при своем служении со стороны служилого класса. Киприан пишет, «что когда он ехал в Сибирь, то в сибирских городах видел многое нестроение...». Затем, перечислив все те беззакония, которые приводятся в грамоте Филарета, Киприан продолжает: «Разные служилые люди приходят к нему с великим шумом и сказывают, что у них есть государева грамота делать так, как они делают... не дают разводиться незаконно сожителствующим, скрывают всякие вины беззаконников и беззаконниц... в монастырях чернецы живут с женами и он хотел развести их и учинить наказание по правилам святых отцов, и за тех беззаконников и беззаконниц стоят всяких чинов люди... что тех попов и игуменов, которых он послал в города, не принимают ни в которых городах... что попы и мирские люди, которые приезжают в Москву за церковным строением, получив от государя то строение, прошивают...»*. По поводу этого донесения Киприана и от Михаила Федоровича посланы грамоты сибирским воеводам, и они составлены на основании тех же данных, как и грамота Филарета. Так, березовскому воеводе в 1622 году государь писал: «Ведомо нам стало, что в сибирских городах служилые и всяких чинов люди учинили меж собою совет в духовных делах богомольца нашего архиепископа Киприана и его десятильников слушать и под суд к нему ходить не хотят, а научают меж себя на архиепископа служилых и всяких чинов людей во всех сибирских городах шуметь, а вы, воеводы, им в том потакаете... и во многих местах Сибири нестроением воевод города развалились... и в пьянствах у вас многие люди бьются и режутся до смерти, а вы про то не сыскиваете, и т.д.»**.

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 184. См. отписку тоб. воеводы М. Годунова в Царю от 1622 г. В этом документе почти целиком приведена грамота Киприана, а также говорится, что государь и патриарх писали в Сибирь по грамоте архиепископа.

** А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, св. 6. Почти с таким же содержанием отправлена грамота и к верхотур. воеводе. См. А. И., т. III, № 113.

В заключение своей грамоты патриарх Филарет требовал, чтобы Киприан прочитал ее в соборной тобольской церкви пред воеводами, детьми боярскими и всякими служилыми и жилецкими людьми, а списки с нее разослал во все сибирские города, чтоб эта грамота стала известной всем; требовал также, чтобы он прислал в Москву ту грамоту, на которую ссылались служилые люди и которая будто бы разрешала им «из иных городов свозить жен и девиц и с ними жить по своей воле...». Киприан исполнил распоряжение патриарха: читал и разъяснял его грамоту в Тобольске, а рассылал с нее списки в другие сибирские города, просил воевод собрать чрез бирчи⁵³ всяких чинов людей с женами и детьми и прочесть им грамоту святейшего патриарха, «чтоб они всякое богоненавистное и мерзкое дело покинули и жили бы по правилам святых апостолов и святых отцов»*. В царских грамотах, разосланных в 1622 году ко всем сибирским воеводам, также приказывалось, чтобы воеводы в духовные дела не вступались, слушали бы в этих делах архиепископа и его десятников, а служилых и всяких чинов людей унимали от всякого беззакония, тех же, которые не станут слушать в духовных делах архиепископа или его десятников, наказывать, смотря по вине. Но все эти грамоты оставались мертвой буквой для воевод и разных служилых людей. И во время Киприана, и после него архиепископские десятники жалуются, что воеводы и другие приказные люди покрывают всяких беззаконников и беззаконниц и не дают им судить их в духовных делах, а люди всяких чинов, надеясь на заступничество воевод, «живут блудно и творят всякие беззаконения». В свою очередь воеводы доносят в Москву, что эти десятники всяким уездным и городским людям делают притеснения и обиды, берут большие взятки и т.п. Столкновение между архиепископскими приказными людьми и воеводами были постоянные. Круг обязанностей десятников был обширный; дела, подлежащие их ведению, в распущенном сибирском обществе, можно сказать, возникали ежеминутно. Но городское население уже привыкло по всем делам суда и управы обращаться к воеводам и продолжало то же делать и при архиепископских десятниках; воеводы не хоте-

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477; см. гр. Киприана в Елагчине к воеводе.

ли поступиться своими правами и разбирали всякие дела. Киприан в своих грамотах к сибирским воеводам довольно подробно перечисляет все те дела, которые должны были вестись его приказные люди, просит их не вступать в эти дела, не стоять за преступников и помогать десятникам в том случае, если преступники не захотят идти под их суд...⁴ Но на практике выходило так, что каждый обращался туда, куда ему было выгодней: истец шел за судом и управой к десятнику, а ответчик искал защиты у воеводы; следствием же этого было неизбежное столкновение между этими двумя властями. Словом, между архиепископскими приказными людьми как представителями церковной власти установились самые враждебные отношения, и это не могло не отразиться печальным образом на выполнении архиепископом Киприаном той высокой задачи, которую возложил на него патриарх Филарет. И в самом деле, что могли сделать архиепископские десятники и даже сам архиепископ, если им не помогала светская власть, которая только одна и располагала материальной силой?! Например, в 1623 году старицы тюменского женского монастыря жаловались архиепископскому десятнику на свою игуменью в духовном деле, что она «живет не по иноческому обещанию», и ссылались на одного ярыжку как на свидетеля грешных поступков игуменьи. Десятник потребовал к допросу этого ярыжку, но последний не захотел пред ним дать никаких показаний, говоря, что он может объявить про духовное дело игуменьи только самому архиепископу. Тогда десятник обратился к воеводе с тем, чтобы он посадил на время ярыжку в тюрьму, но воевода отказал ему в этом⁵. Что значит после этого суд приказных людей архиепископа?! И чем эти приказные строже относились к своим обязанностям, тем население более их ненавидело и на их нравственный надзор не обращало никакого внимания, и продолжало жить так же, как и жило прежде.

Киприан скоро оставил тобольскую архиепископскую кафедру и, вероятно, с полным сознанием, что его заботы поднять нравственное состояние сибирского населения были совершенно бесплодны. И действительно, чтобы в этом

⁴ А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, тетр. 1; См. гр. Киприана мангазейскому воеводе от 1 фев. 1624 г.

⁵ А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, тетр. 6.

убедиться, стоит только заглянуть в документы, относящиеся к последнему времени.

Можно было бы привести множество фактов для характеристики низкого нравственного состояния сибирского населения и особенно служилого класса, но мы не считаем этого нужным: нового они дают нам мало, и если бы упоминать о них, то это значило бы целиком повторять то, что мы уже видели в грамоте Филарета и донесении Киприана. Факты эти показывают, что в Сибири продолжал царить самый отвратительный разврат; монахи и монахини ведут мирскую жизнь, пьянство, игра в зернь и карты сопровождается драками и убийствами. Крестьяне жалуются на боярских детей, что последние со своими людьми выбывают из деревень, что они «бил его, топтал ногами и выдрал бороду»; целовальники бьют челом государю, «что их таможенный голова, пришед пьян, велел служилым людям разболочи до нага, бил батогами насмерть и увечил на век» за то, что они не хотели приложить своих рук к таможенной книге, которую он составил без их участия; софийский болгарский сын доносил в Москву, что государевы деньги 900 р., которые посланы с ним в Тобольск, украли в Тюмени; ямские охотники однажды жаловались, что из 100 р., выданных им в счет жалованья, 28 р. оказались поддельными, оловянными, и т.п.*.

Как Киприан, так и другие сибирские архиепископы жалуются, что воеводы вмешиваются в их духовные дела, покрывают беззаконников и беззаконниц, берут белых попов «для письма и выделу», а церкви в это время остаются без службы, люди помирают без крещения и причастия, бьют белых попов батогами, сажают в тюрьмы и даже «отставляют от церквей Божиих». А о самых белых попах архиепископ Симеон в 1653 году писал государю, что в некоторых сибирских городах «попы живут не чинно, пьют, бражничают, священническая действуют иное не по преданию святых апостолов и святых отец, а по своему изволению». Затем тот же архиепископ доносил, что иные попы живут так далеко от Тобольска, что если их вызывать «на смиренне», то им проезду будет года по два и больше...**.

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 6403/359; ст. № 6130/86; ст. № 6111/67; разб. ст. № 400.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6444/100; см. гр. к Ал. Мих. в 1653 г.

Да и сами архиепископы не всегда стояли на высоте своего сана и, кажется, более заботились о материальных делах софийского дома, чем о своей пастве, о делах духовных. Иначе не было бы таких безобразий, какие мы встречаем в самом городе Тобольске. В 1637 году поп Григорий Патка во главе своего прихода бил челом государю: «В 1613 г. в Тобольске воздвигнут храм во имя Всемилостивейшего Спаса с приделом твоего государева ангела преподобного Михаила Милетского и подле паперти того храма на могилах разными людьми поставлены полки, где продают мясо и рыбу и от тех, государь, полк твоему богомолью великое утеснение и во время службы от людского кричанья не слышно и самого пенья, а от собак бывает великая скверна; мертвых от тесноты погребать негде, у архиепископских ворот положены многие мертвые; да подле паперти, государь, стояли две полки, и Федька Казанец на месте тех полк в 1632 г. поставил две лавки вплоть подле папертной стены и теми лавками заставил многие могилы, а самая паперть от них сгнила». В заключение этой челобитной челобитчики просили государя, чтобы он велел очистить паперть Всемилостивейшего Спаса от тех лавок и полк⁴. Этот факт важен в том отношении, что не архиепископы тобольские позаботились об уничтожении этих безобразий, которые творились на их глазах, а сами прихожане Спасской церкви и поп. Таково-то было радение о «духовных делах» сибирских архиепископов. Да некоторым из них и времени не было для этих дел; мы видели, какой страстью к стяжанию отличались архиепископы Нектарий и Герасим! Каким мог быть пастырем этот последний, когда «от его архиепископского мучения» два человека удавилось?! Один боярский сын города Тобольска Ивашка Мильзин обвинял архиепископа Симеона в возмутительном насилии. Нужно заметить, что этот Мильзин служил у архиепископа Герасима в дьячках и ведал софийских дворовых людей. По смерти Герасима в 1650 году тобольский воевода Шереметев с товарищами указал ему продолжать ту же службу до приезда нового архиепископа и, между прочим, вручил под расписку Мильзину 200 р. денег с тем, чтобы он роздал жалованье софийским дворовым людям на 1651 год. Мильзин действительно

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6111/67, л. 213.

деньги роздал, «а для веры в том взял с софийских людей расписку за их руками». Но архиепископ Симеон по приезде в Тобольск призвал к себе этого Мильзина и отнял у него расписку дворовых людей, а этим последним приказал взятых ими денег в государеву казну не платить и Мильзину не отдавать. «И за те, государь, деньги у меня, — жаловался Мильзин, — взят дворнишко в твою казну, да меня же держали на правеже 20 недель до тех пор, пока добрые люди не выкупили. Да он же архиепископ Симеон без твоего государева указа целый год мучил меня в цепи и в железзах; а кто на меня наклеплет из его дворовых людей и он без суда и смыслу велит править и тем меня разорил со всеми животишками...». Челобитчик, наконец, просит государя, чтобы он «указал его счесть по приходным и расходным книгам в Тобольске мимо архиепископа Симеона и его приказных людей, кому ты, государь, укажешь»*.

Положим, как сейчас увидим, Ивашка Мильзин во многом был виновен против софийского дома и заслуживал сурового наказания, но во всяком случае тот способ, который употребил Симеон, чтобы наказать его, совсем не приличен и особенно для высшего представителя церкви. В свою очередь архиепископ Симеон жаловался государю, что этот Мильзин, управляя софийским домом в продолжение полутора года, совершенно его опустошил: «хлеб всякий, мед пресный и вино горячее, всякия питья и всякую посуду разносил к себе и с племенем и друзьями всяким софийским добром делился; да кроме того он приходил с друзьями и с племенем, с женами во архиепископский дом, пили, ели и прохлаждались в архиепископских кельях и вследствие этого так разорил софийский дом, что я, богомолец твой, по приезде в Тобольск не нашел никакой посуды ни в кельях, ни в поварне и нечем было воды зачерпнуть, а денег в казне не осталось ни одной деньги...»**.

Вообще нравы в Сибири в обозреваемое нами время были жестокие, и распущенность царила как в мире, так и в монастырях. Для характеристики нравов сибиряков мы приводили факты не исключительные, а обыкновенные, кото-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6444/100; см. челоб. к Алек. Мих. 1653 г. Ивашки Мильзина.

** Ibid, см. челобит. арх. Симеона к Ал. Мих. в 1653 г.

рые часто встречаются в документах. Однако здесь мы должны сделать оговорку относительно крестьянского деревенского населения: нам очень мало попадалось из крестьянской жизни таких фактов, которые свидетельствовали бы об особенно низком нравственном уровне крестьян, хотя между ними было множество ссыльных, разных преступников; мы не можем сказать, что и в деревнях царили те же пороки, какие мы видели в городах и монастырях. Очень может быть, что этих фактов не дошло до нас или просто они не попались нам под руку, но мы не можем не обратить внимания на следующее обстоятельство: в сметных книгах слобод ежегодные доходы с судных дел показаны самые ничтожные — 1 р., 2 р. и редко 3 рубля, а в некоторых слободах за иной год совсем судных дел не было. Этот факт довольно красноречиво говорит в пользу крестьян; по крайней мере можно сказать, что они между собой жили сравнительно мирно. Правда, мы упоминали выше, что, например, крестьяне Ницынской слободы убили своего приказчика, невьянские и тагильские крестьяне выходили против переписчиков и досмотрщиков с луками и дубинами, иные берут из государственной казны подмогу и ссуду и убегают с государственной пашни. Но к таким поступкам крестьяне иногда были просто вынуждаемы. Например, чем они могли ответить на такое распоряжение туринского воеводы Кафтырева: он велел не более не менее, как сжечь всю Ирбитскую слободу. Мы не знаем, как крестьяне этой слободы защищались против этого дикого распоряжения воеводы, но только последнее не было приведено в исполнение.

Глава IX

Последнюю главу нашего исследования, как и первую, мы посвящаем сибирским инородцам. Мы знаем, что в каких-нибудь двадцать лет русское господство (не упоминая о других местах Сибири) утвердилось над татарами, остяками, вогулами и самоедами, жившими в пределах семи уездов: в Верхотурском, Туринском, Тюменском, Тобольском, Тарском, Пелымском и Березовском; инородцы в это короткое время были покорены и обязаны платить дань. В первой главе мы заметили, что инородцев нетрудно было побеждать, и это понятно почему: русские завоеватели имели на своей стороне храбрость, большую воинскую опытность, а главное — огнестрельное оружие, которое вначале столько же пугало сибиряков, сколько и американцев при покорении последних испанцами. Правда, сибирские инородцы очень искусно стреляли из луков, но они боялись близко подходить к русским, опасаясь «грома и молнии», которые производили их мушкеты и пушки; в битвах они большей частью держали себя в отдалении, и потому их стрелы не причиняли никакого вреда русским войскам. На это ясно указывает такого рода факт: например, воевода тобольский доносил в Москву, что он посылал против Кучума 300 или 400 человек войска, настигли кучумовых людей в таком месте, множество татар побили, множество захватили в плен, «а русские люди пришли все Бог дал здорово», или один убит, или один ранен. Но тем не менее инородцы упорно отстаивали свою независимость, и особенно тогда, когда у них был вождь, знаменитый Кучум; их нелегко было заставить покориться московской власти и обязать платить ясак московскому царю. Этим упорством только и можно объяснить тот факт, что когда кончился период завоевания упомянутых уездов, то в них инородцев осталось не более 4000 человек взрослого муж-

ского пола, хотя несомненно, что до подхода Ермака их было, по крайней мере в десять раз больше. Да и после завоевания инородцы не раз поднимали бунты с целью освободиться от русского ига и «быть себе царством, как это было при Кучуме-царе». Смутная на Руси эпоха представляла для этого самое удобное время. Михаил Федорович, отправляя своих послов Воейкова и Гордеева в Астрахань для принятия в подданство одного татарского князька Касая, наказывал им, что если Касай спросит про Сибирское царство, то сказать: «не только ныне, а коли была, за наш грех, и смута в Московском государстве, и Сибирское царство и тогда стояло ни чем непоколебимо»*. Но на самом деле это далеко не было так. В 1607 году подняли бунт все ясачные люди Березовского уезда; во главе восстания стали кодские остяцкие князья Алачевы-Игичеевы, несмотря на то, что они уже давно приняли христианство и в их земле Коде была ими основана церковь. Инородцы окружили город Березов в таком большом числе, что березовские служилые люди, которых в это время было 323 человека, не осмелились выйти из города, чтобы отразить неприятеля. Но инородцы не умели брать русских городов, а потому из их восстаний ровно ничего не выходило, кроме гибели их самих. Из одной челобитной к государю березовских служилых людей видно, что хотя они просидели в осаде два месяца, но тем не менее им вреда инородцы не причинили, а они «Божиею милостью многих изменников перенимали» и в том числе кодскую княгиню Анну**. Однако бунт этим не кончился; он продолжался и в следующем году. А в 1609 году инородцы затевали произвести общее восстание против русского господства в Сибири: в нем должны были принять участие вогулы и остяки Березовского, Пелымского, Сургутского уездов и татары ыртышские, а судя по некоторым данным, в заговоре участвовали инородцы верхотурские, туринские и тюменские. В то же время тунгусы нападали на ясачных людей Кетского уезда и требовали, чтобы последние перестали платить ясак русскому царю или, выражаясь иными словами, чтоб тоже подняли бунт***. Томские воеводы доносили в Москву: «В 1607 году учинилась болезнь

* А. И., т. III, № 289, стр. 409.

** Р. И. В., т. II, №№ 78 и 79.

*** Ibid, № 89.

тяжкая бесовским недугом в Томском городе над служилыми людьми и над женками; и им сказали служилые люди, что новокрещен татарин Иванка ходит по татарским юртам ворожить, и в бубен бьет, и шейтанов призывает, а они-де в съезжей избе пред собою того Ивашка спрашивали, кто ту тяжкую болезнь на русских людей напустил? И Ивашка... сказал: напустили-де на русских людей шейтанов кузнецкие и чулымские татары». Этим ответом воеводы не могли удовлетвориться: им нужно было знать, для чего шайтаны напущены на русских служилых людей, и потому подвергли того Ивашку пытке. На пытке он, во-первых, признался, что сам шайтанов напускал по поручению кузнецких и чулымских татар, казака Логи с товарищами и томского татарина Басандая, а во-вторых, объяснил цель своих действий. Из его объяснения видно, что между инородцами кузнецкими, чулымскими и томскими было условлено, как только Ивашка напустит на русских людей шайтанов, то «в те поры приступить к Томскому городу и к острогам Кузнецкому и Чулымскому... весною, как станет лист разметываться»*. И действительно, томские воеводы о нападении на русских людей шайтанов доносили в Москву в конце 1608 года, а в следующем году одновременно подняли бунт татары Томского и Кузнецкого округов.

Очень может быть, что враждебные действия тунгусов, кузнецких и томских татар и не имели связи с замыслами инородцев Передней Сибири, но все-таки мы сочли нужным упомянуть о них, чтобы показать, что смута в Русском государстве в начале XVII века была не только в Европейской Руси, но и во всей Сибири, и что Михаил Федорович был не прав, наказывая послам говорить Касаю, что будто бы Сибирское царство во время смутной эпохи стояло непоколебимо. Но обратимся к вышеупомянутому заговору инородцев Передней Сибири. Трудно поверить, а между тем несомненно, что душой этого заговора была женщина, та же кодская княгиня, которая бунтовала в 1607 году и за этот бунт уже отсидела в березовской тюрьме. Инородцы на этот раз решились заняться не осадой какого-нибудь Березова или Пельма, а прямо идти войной против города Тобольска, против самого центра русской власти в Передней Сибири, и

* Ibid, № 82.

на его развалинах воскресить свою старую свободу. Это, конечно, была мечта, и попытка к ее осуществлению стоила бы очень дорого инородцам, но она существовала, и этого достаточно, чтобы сказать, что в «земле зверообразных людей» независимость, свобода еще живо чувствовались в начале XVII века; стремление «быть себе царством, как было при Кучуме-царе» еще таилось в сердцах сибирских инородцев. Но один случай раскрыл все их замыслы, тайна их обширного заговора сделалась известной русским воеводам; последние вследствие этого приняли свои меры, а инородцы по тому же самому не решились начать свои враждебные действия. Нужно заметить, что сибирские инородцы, прежде чем начать какую-нибудь войну, уговаривались на счет общих и одновременных действий оригинальным способом: по их юртам путешествовала «воинственная стрела» с изображением шайтанов как символ войны, и все те инородцы, которые соглашались принять участие в войне, должны были поклясться над этой стрелой. Одна-то из таких стрел и попала в 1609 году березовскому воеводе, а остяк, который носил ее, под пыткой раскрыл весь заговор. Воевода Степан Вольнский не замедлил уведомить об этом обстоятельстве воевод пелымского и тобольского, а последний известил и других воевод с приказанием, «чтоб жили в острогах бережно и наблюдали за изменой ясачных людей». Об открытии заговора Вольнский писал следующее: «25 июня он послал казаков на Сосву для сбора государева ясака, и те казаки принесли в съезжую избу стрелу, а на стреле нарезаны одиннадцать шайтанов и поперег шайтанов резано ж, а железо терто. Остяк, у котораго казаки взяли стрелу, на допросе показал: ту стрелу он возил на Сосву для измены государю; кодская княгиня Анна и ее новокрещенный брат ездил к сургутским остьякам и на устьи Иртыша к татарам и договорились всем идти войной под Тобольск, а эту стрелу послали с ним на Сосву к остьякам»*.

После этого открытия инородцы уже не осмелились привести в исполнение свои замыслы относительно Тобольска, но враждебное настроение их, или «шатание», как до-

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, св. 1; см. отписку березов. воеводы к пелымскому в 1609 г.

носили воеводы, продолжалось приблизительно до 1617 года и притом по всей Передней Сибири. Думать, что эти замыслы, это «шатание» сибирских туземцев не имело связи со смутной эпохой на Руси и что совпадение этих фактов было случайное, мы не имеем оснований. Нам известно, что разные инородцы, жившие по сю сторону Уральского хребта, несомненно, бунтовали вследствие смутной эпохи в Московском государстве, а они имели самую тесную связь и с инородцами сибирскими. Да и помимо этого последние хорошо могли знать о частых переменах царей на Руси и о разных неурядицах, сопровождавших эти перемены: они присягали Борису Годунову, скоро им велят присягать его сыну, затем Димитрию-самозванцу, далее царю Василию Ивановичу... Трудно предположить, чтобы ко всем этим неурядицам инородцы относились безучастно и не воспользовались ими для своего освобождения от русского ига. Мы также скоро увидим, что побежденные не жили замкнутой жизнью от победителей; общение между ними было довольно значительное: торговые люди путешествовали по инородческим юртам со своими товарами, крещеные инородцы жили в русских городах и несли государеву службу наравне с русскими служилыми людьми, да и некрещеные тоже служили; некоторые инородцы, особенно ближайšie к городу, сами приносили ясак к воеводам, закупали для своих потребностей разные предметы русской торговли и жили в городах по нескольку дней. Само собой понятно, что при этих сношениях между русскими и инородцами заходила речь о частых переменах царей и о московских неурядицах, и эти беседы не могли пройти даром для инородцев. Настроение русских людей в смутные времена было одинаково как в Сибири, так и на Руси; русские сибиряки не держали язык за зубами и критически относились к происходившим переменам на московском престоле. А если мы мало об этом знаем, то потому только, что от того времени немного сохранилось документов, но и те данные, которые дошли до нас, довольно ясно свидетельствуют, что московская смута коснулась и сибиряков и что последние также враждебно относились к московским царям, бывшим после Федора Ивановича: к Борису, к его сыну, к царю Василию и, вероятно, с такой же радостью встретили вступление на

престол Димитрия-самозванца, как это было и на Руси. Например, тобольский воевода в 1599 году отиравил царю Борису следующее, в высшей степени откровенное донесение. «Русские люди, — писал он, — говорят в Тобольске: как тому сидеть на царском престоле, кто семена царские перевел: убил царевича в Угличе, а царя Федора Ивановича задушил...»*. Если так русские люди относились к Борису в Тобольске, где был боярин, то можно себе представить, в каких они выражениях отзывались о своем царе в других сибирских городах! Из Томска воевода в 1608 году писал царю Василию Ивановичу, что «томский казак Якушка Осокин про тебя государя говорил, невместимое слово, чего в уме нельзя взять, что тебе государю не многолетствовать на царстве, а быть недолго на царстве...»**. Видно, что этот казак был очень проицателен, и то, чего воеводе и «в ум нельзя было взять», исполнилось очень скоро — всего чрез два года после предсказания.

Все эти речи русских людей, конечно, были ведомы сибирским инородцам, и из них они легко могли заключить о тех неурядицах, которые происходили в царстве их завоевателей. А сибирские инородцы далеко не были так просты, чтобы не воспользоваться московскими смутами и не попытаться счастья свергнуть с себя иноземное владычество. Вся их беда заключалась в малочисленности, рассеянности на громадном пространстве и в отсутствии между ними единодушия. В противном же случае они, хотя и не освободились бы от ига, но хлопот сибирским воеводам причинили бы много. До покорения русскими, находясь под властью мелких князьков и мурз, сибирские инородцы вели между собой постоянную вражду, и эта вражда продолжалась и под владычеством московских царей. Русские воеводы прекрасно пользовались этой враждой, вооружали одного князька против другого и сами вмешивались в эти распри то с целью подчинения «непокорных земель», то ради своей «бездельной корысти». Так, в 1594 году кодский князь Игичей вместе с березовским боярским сыном Змеевым сделал большой набег на князя Большой Конды Агай и страшно опустошил его княжество: сам Агай, его сын, дочь и

* А. М. Ю, Сиб. пр., кн. 2, л. 131.

** Р. И. Б., т. II, № 81.

брат были пленены, имущество их ограблено, много кондинских ясачных людей было перебито и много захвачено в плен. Чтобы судить о зажиточности инородческих князьков, укажем здесь на имущество князя Агай, которое было послано березовским воеводой в Москву: «два венчика серебряных, заплата серебряна, ложка серебряна, две цепочки серебряных, чарка серебряна, 426 соболей, 13 лисиц черных, бурых и красных, 61 бобр, 1000 белок...»*. Конечно, это только часть имущества князя Агай, а много всякого добра, вероятно, разошлось по рукам победителей. И впоследствии кодский князь не раз делал набеги на Б. Конду и всякий раз опустошал ее настолько, насколько хватало силы. В 1609 году инородцы этой волости жаловались царю Борису: «В прошлом 1594 г. Иван Змеев и князь Игичей напали на их землю, юрты разорили, имущества разграбили, а жен, детей, род и племя их взял к себе князь Игичей; да у жураы Курманака Игичей убил отца и мать его, а жену, и детей свез к себе в юрты, и ныне жены их, и дети, сестры, братья и племя служат у князя Игичей и его людей в холопах... и теперь люди Игичевы приходят к ним в Конду, их побивают, жен и детей и людей берут к себе и юрты по-прежнему в холопы и юрты их опустошают...»**.

И этот пример вражды между инородческими князьками не единственный: они то и дело соорились между собою и делали опустошительные набеги друг на друга³³. Понятно, что при такой вражде трудно было ожидать от сибирских инородцев единодушной борьбы со своими завоевателями, а если иногда они и уговаривались между собою насчет общих действий против русского владычества, то свои замыслы не умели привести в исполнение: то их заговор обнаружит «воинственная стрела», то между самими инородцами найдутся изменники и раскроют глаза русским воеводам на замыслы своих соплеменников. После неудачной попытки в 1609 году те же инородцы хотели поднять общий бунт и в 1612 году, но и на этот раз их враждебные намерения стали известны русским воеводам прежде, чем они могли приступить к действиям. Как видно из разных документов, и в этом году предполагалось общее восстание сибирских инородцев, но один из вогулов сначала случайно прогово-

* Р. И. Б., т. II, № 54.

** Р. И. Б., т. II, № 70.

рился о своих замыслах, а потом и прямо рассказал пельмскому воеводе о готовящемся возмущении татар, вогулов и остяков против русского господства в Сибири. Считаю здесь не лишним указать на то, что замыслы свои в 1612 году инородцы прямо ставили в связь со смутной эпохой на Руси. Так, некоторые пельмские вогулы на допросе говорили воеводе: «Государя-де на Москве нет, ныне-де в Сибири одни воеводы, а русских людей во всех сибирских городах мало...»^{*}. Какую же цель преследовали инородцы, поднимая восстание тогда, когда на Руси не было царя? На этот вопрос мы находим прямой ответ в челобитной одного верхотурского казака, который «сыскивал про вогульскую измену». «В 1612 году, — пишет он, — как в вогуличах была шатость и измена, хотели на наши сибирские города приходить войною, города сжечь, служилых людей перебить, а умыслили, чтоб им быть себе царством, как было при Кучуме-царе...»^{**}.

Все эти частные и общие бунты инородцев показывают, что они еще не сжились с русским владычеством, что у них еще живо было воспоминание о своем царстве и они стремились к его восстановлению; смутная эпоха на Руси подавала им надежды на осуществление своих замыслов. Но постоянные неудачи, которые сопровождали эти замыслы, должны были убедить инородцев, что борьба с русскими завоевателями невозможна и что им остается только помириться со своим положением. Затем с усилением русского элемента в Сибири инородцы, особенно служилые, все более и более осваиваются со своими завоевателями, принимают русские нравы и обычаи и начинают смотреть на «Белого царя» глазами русских людей. «Шатание» инородцев Передней Сибири, можно сказать, кончается со смутной эпохой на Руси, и при Михаиле Федоровиче если мы и встречаем отдельные вспышки инородцев, то последние уже не имели политического характера, а в них только выражался протест против злоупотреблений воевод, служилых людей, или были вынуждаемы тягостью ясачной подати.

Теперь обратим внимание на положение инородцев под русским владычеством. Завоеватели не коснулись ни веры

^{*} Р. И. Б., т. II, № 100.

^{**} А. И., т. III, № 1.

покоренных, ни их быта, оставили инородцев жить при тех же порядках, при которых они жили и до завоевания. Московское правительство строго запрещало русским людям насильственно крестить инородцев и даже пленных, приказывает приказчикам «ясачных людей судом и управой ни в каких делах не ведать...». Этот суд и управу по-прежнему производили князья, мурзы и сотники на основании того права, которое господствовало у туземцев. Только в делах уголовных, или в делах «смесных», или когда сами инородцы обращались за судом и управой к русским воеводам, последние являлись судьями, и притом в делах, касающихся одних инородцев, судили не на основании русского законодательства, а по обычаям туземным; в делах же сомнительных воеводы обращались за разрешением их в Москву. Приведем здесь несколько более или менее характерных примеров для пояснения этих замечаний. В 1625 году туринский татарин Ишмаммет обратился с такой жалобой на своего соплеменника Бекбердея. «В прошлом в 1624 г., — писал челобитчик, — мой братишка Боймаммятко сосватал у того Бекбердея дочь Ляншую, а колыму мы дали, сирота твои государева, с братишком тому Бекбердею три лошади... цена 21 рубль; да бухарскую выбойчатую куртию²⁴, да полупелючий кушак... цена рубль, да орловое перье²⁵ и 5 алтын денег; и брат мой Боймаммятко умер и тот Бекбердей дочери своей за моего братишка Тайтелю не дает, и калыму нашего назад не отдает же, а дочь свою Ляншую просватал за верхотурского ясачного вогулетина Кузюкея; а по нашей, государь, по татарской и по вогульской вере, как большой брат умрет и большого брата жену или невестку берут за себя меньшие братья». На основании этого права челобитчик и просил государя, чтоб он велел тому Бекбердею или возратить калым, или отдать дочь за меньшего его брата*. Воевода туринский затруднялся решить это дело собственною властью и потому отослал жалобу Ишмаммета в Москву. Мы не знаем, какой оттуда последовал ответ, но несомненно, что он составлен в духе туземного инородческого права, то есть в пользу Ишмаммета. Это дело гражданское, но и в делах уголовных московское правительство становилось на точку зрения инородцев и предписывало си-

* Р. И. В., т. II, № 134.

бирским воеводам поступать по обычаю последних. Так, например, вогулы и остяки в случаях убийства или заставляли убийцу платить вознаграждение родственникам убитого, или, если он не мог этого сделать, то выдавали его головою. Точно так же решали подобные дела и русские воеводы. Только в этих делах самым существенным образом замешивались материальные интересы русского царя, а потому убийца ясачного человека должен был отвечать и за эти интересы. В 1639 году один вогул убил другого за то, что тот застрелил его собаку. Возникшее по этому поводу дело Михаил Федорович велел воеводе решить его таким образом: убийца, во-первых, должен был заплатить «головного» родственникам убитого 4 рубля 4 алтына, во-вторых, уплатить годовой ясак 9 соболей ценою в 3 р. 12 а. и затем давать этот ясак в государеву казну до тех пор, пока «он не прищеп в ясак гулящаго вогула на место убитаго». Преступник оставался на свободе, если он мог представить за себя поруку, но упомянутый убийца сначала не нашел поручителей, и потому воевода посадил его в тюрьму. Но последнее случалось очень редко: ясачным людям не было никакого расчета не ручаться за своего собрата. Дело в том, что сибирские инородцы несли повинности за беглых, мертвых и вообще за выбылых, как и русские люди. Поэтому, если б упомянутый убийца сидел в тюрьме, то им пришлось бы платить ясак и за убитого, и за самого убийцу, что, конечно, было слишком невыгодно. Вот почему вогулы скоро одумались, соглашались убийцу взять на поруки и просили об освобождении его из тюрьмы на том основании, что «за него некому промышлять ясак». Челобитная, конечно, была удовлетворена, как удовлетворялись и другие подобные челобитные, хотя бы они касались не только убийц, но и изменников государевых*. Но бывали, однако, случаи, когда ясачные люди скорее соглашались нести повинности за преступника, чем брать его на поруки; так они поступали с людьми опасными, неисправимыми злодеями. В 1632 году лозвицкий вогул Маметко убил одного ясачного человека, в следующем году другого. «И за то воровство, — доносил воевода, — что он убил двух ясачных человек, Маметко был бит кнутом нещадно на козле пред многими ясач-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6132/88, л. 39; ст. № 6111/67, л. 477.

ными людьми». Когда же воевода хотел отдать убийцу на поруки, чтоб «ему впредь таким воровством не воровать и ясачных людей до смерти не убивать», то такой поруки не нашлось. Лозвинские вогулы заявили, что тот Маметко и после убийства двух людей «грозился на них ясачных людей убийством и они от него в конец погибли и в лес ходить не смеют, опасаясь от него убийства». Тогда воевода посадил Маметку в тюрьму до тех пор, пока он даст за себя поручителей, но этот злодей скоро сам себя зарезал ножом*.

Этих фактов достаточно, чтобы видеть, как русское правительство относилось к праву, господствовавшему у сибирских инородцев; оно признавало его в делах гражданских и в делах уголовных. На то же указывает и существовавшая торговля людьми между инородцами; эта торговля была совершенно свободна, и русское правительство нисколько оную не преследовало. Но вот интересный вопрос: как русское правительство относилось к человеческим жертвоприношениям? Неужели оно смотрело снисходительно и на этот дикий обычай идолопоклонников и не предпринимало никаких мер к его уничтожению? На основании тех данных, которые нам удалось собрать, мы затрудняемся дать положительный ответ на поставленные вопросы. Пожалуй, можно сказать, что сибирские идолопоклонники не имели свободы приносить людей в жертву своим богам, или, как тогда говорилось, «молить людей», правительство русское запрещало им это. Но в то же время кажется, что таковое запрещение оставалось только на бумаге подобно тому, как и запрещение русским людям покупать инородцев. Нам известно, что вогулы и остяки, за немногими исключениями, все были язычники и во все обозреваемое нами время приносили человеческие жертвы. Вероятно, для жертвоприношений служили главным образом пленники, но иногда инородцы целым племенем или племенной группой покупали людей для моления то у своей же братии, то посылали за покупкой людей для той же цели к инородцам, жившим по сю сторону Уральского хребта. Нам кажется, что человеческие жертвы своим богам сибирские инородцы приносили очень редко, не более одного раза в год, и подобные жертвоприношения совершались у лиственницы и притом только

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6081/37, лл. 1—5, 110—113.

осеню; по крайней мере известные нам документы, касающиеся «моления людей», относятся исключительно к этому времени. Так, в сентябре 1618 года верхнекондинские вогулы Нуксыйко Кванин, Ебелко и Хрокумко пришли в город Пелым и обратились к воеводам Ивану Вельяминову и Григорию Орлову с необыкновенной просьбой: они просили, чтоб православные воеводы разрешили им убить человека для моления «по их бусурманской вере у лиственницы»¹⁶. Воеводы, конечно, отказали. Но 2 октября того же года пришел в съезжую избу один стрелец и объявил, что те верхнекондинские вогулы Ебелко с товарищами «малого убили и у лиственницы молили в юртах, отшед от города». По этому доносу немедленно произведено было следствие. «И мы, — писали пелымские воеводы Михаилу Федоровичу, — про то дело смыскивали до прима пелымскими вогуличами и пелымские вогуличы Ян Кисленской с товарищами сказали, что те верхнекондинские вогуличы Ебелко с товарищами нас холопей твоих государь, не послушали: малого убили и у лиственницы молили; и о тех, государь, верхнекондинских вогуличах в их непослушанье, что велишь твой царский указ учинить...»*. К сожалению, мы не знаем ответа государя на этот вопрос воеводы. Из приведенного документа можно заключить, что русское правительство не относилось равнодушно к «молению людей» сибирскими идолопоклонниками, но в то же время, вероятно, и не строго преследовало этот дикий их обычай; в противном случае пелымские вогулы не осмелились бы обратиться к воеводе за разрешением «убить малого и молить у лиственницы».

Теперь спрашивается, в чем заключались повинности сибирских инородцев в отношении русского государя или государства? С самого начала завоевания Сибири русское правительство возлагает разные обязанности на покоренных: одних приказывает воеводам «верстать в служилые люди», других заставляет пахать государеву пашню, на иных возлагает обязанность ямской службы и, наконец, массы инородцев «вся служба состояла в том», как они сами говорили, «чтоб платить государю ясак». В служилые люди верстались преимущественно татары, и притом подгородные, и затем все новокрещенцы. Христианство начало распространять-

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, тет. № 61.

ся между сибирскими инородцами очень рано после их покорения; уже в конце XVII века новокрещенцы из татар, вогулов и остяков встречаются во всех русских городах. Конечно, не сама христианская религия побуждала их оставлять идолопоклонство или магометанство, а прежде всего материальные выгоды, сопряженные с принятием христианства. В то время не было еще миссионеров, проповедников слова божьего, а равным образом не требовалось никакого приготовления со стороны инородцев к принятию крещения; всякое миссионерство заменило объявление воеводы: кто крестится, того государь поверстает в службу, пожалует денежным и хлебным жалованьем и избавит от платежа ясака, а чтобы совершить крещение над инородцем, достаточно было только одного его желанья. Пленные князья и мурзы почти все принимали христианство, и притом одни из них после крещения оставались жить в своих вотчинах, а другие переселялись в русские города и верстались в боярские дети; в Пелыме в 1624 году было семь боярских детей, и все они были из инородческих князей, несколько такого же происхождения боярских детей было и в Тобольске. Они служили в сотниках и даже в головах у служилых инородцев крещеных и некрещеных и получали такое же жалованье, как и русские люди или иноземцы, немцы и литовцы. Кроме того, все инородцы при крещении получали подарки, и по тому времени довольно значительные. Так, в 1603 году в Верхотурье крестились четыре вогула Верхотурского уезда, и воевода дал им «ради крещения» государева жалованья по два сукна средних, по рубашке, по сапогам и, кроме того, «корм до государева указа». Из этих новокрещенцев мурза и его брат отправились в Москву с ясаком и там получили: мурза пять рублей денег, сукно доброе, тафту добрую, а брат его — три рубля денег и сукно доброе; последнее жалованье по государеву указу дано и остальным двум новокрещенцам, которые не ездил в Москву. Всех их велено поверстать в стрельцы и давать годовое денежное и хлебное жалованье наравне с другими стрельцами*.

Новокрещенцы из инородцев были христианами только по имени; не будучи подготовлены к христианству, они и после крещения оставались почти такими же язычниками,

* А. И., т. II, № 43.

какими и были прежде. Но тем не менее сам факт принятия инородцами той веры, которую исповедывали и их завоеватели, имел очень важное значение: единоверие более, чем что-нибудь другое, должно было сближать покоренных с победителями, и это сближение вело к усвоению инородцами русского языка, русских нравов и обычаев. Дети новокрещенцев уже более были христианами, чем их отцы, и их скорее можно назвать русскими, чем татарами, вогулами и остяками, и особенно тех, которые жили в русских городах. А мы знаем, что редкий из инородцев, принявших крещение, оставался жить в юртах; только князья и мурзы крещенные продолжали еще жить в своих вотчинах, а простые или переселялись в русский город, или русские деревни. Новокрещенцы говорили воеводам, «что им никак нельзя жить с своей братией, что они от своей веры отстали и их в свою землю не пустят, потому что крещены»*. Крещенные инородцы составляли особый разряд служилых людей в сибирских городах, и они писались в особые списки; их более всего было в Тобольске; во второй половине царствования Михаила Федоровича число новокрещенцев, преимущественно из татар, в этом городе простиралось до 35 человек, из них 15 человек тобольских уроженцев, то есть родившихся уже от христиан; над ними был даже особый атаман.

Положение служилых новокрещенцев, так и служилых юртовских, некрещеных инородцев было несравненно лучше положения пашенных и ясачных; по крайней мере с их стороны редко встречаются жалобы. Во главе служилых инородцев стояли головы или из русских людей, или из новокрещеных князей и мурз; этим головам наказ предписывал: «судить и расправу чинить в правду, поминков и посулов не брать, от русских людей оберегать и ходить с ними на изменников, по в больших судных в спорных делах докладывать воеводе...»**. Служилые инородцы не только менее испытывали притеснений от воевод и русских служилых людей, но даже и сами они притесняли свою братию ясачных людей, как свидетельствуют об этом жалобы этих последних.

Что же касается положения инородцев ясачных и особенно пашенных, то оно было в высшей степени тяжелое.

* Р. И. Б., т. II, № 83.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 200; ст. № 6306/262, л. 39.

Мы видели, что число пашенных инородцев было невелико; они пахали на государя почти столько же пашни, как и русские крестьяне, но эта повинность для них была им «не за обычай». Жалобы от них мы встречаем постоянные и притом во весь обозреваемый нами период. В 1599 году пашенные инородцы Пелымского уезда жаловались, что «они ходячи за государевой пашней одеженку всю передрали, женишек и детишек пресли, волочатся в нагоде и босоте и помирают голодною смертию...»*. Они же и в 1623 году били челом государю об освобождении их от пашни и замене ее ясаком, а в челобитной, между прочим, писали: «Всех их с женами и детьми до одного человека пристава выгоняют из юрт на государеву пашню и юрты остаются пустые; накладывают на них работы великие, не в меру; за тою пашнею рыбы добыть не успевают и потому все лето с женами и детьми кормятся одною травкою...»**. Вследствие тяжелых работ и скудости питания между пашенными инородцами была большая смертность: в 1632 году в Пелымском уезде таких людей было 70 человек, к концу царствования Михаила Федоровича их осталось только 33, а остальные, замечает пелымский воевода, умерли, и на их место на государеву пашню прибрать некого.

Если теперь обратим внимание на ясачных инородцев, то, может быть, их положение было несколько лучше пашенных; мы думаем, что было несколько лучше только потому, что пашенные инородцы постоянно бьют челом об обращении их в людей ясачных, о замене пашни сбором с них ясака. Но, как сейчас увидим, и ясачные инородцы не могли не жаловаться на тяжесть своего положения под русским владычеством. Ясак собирался различно: то с волости, то с каждого человека в отдельности, а самоеды платили ясачную подать по родам. Ясаком облагались инородцы мужского пола только с 18 и до 50-летнего возраста; старые же и увечные были освобождены от всяких повинностей. В первое время количество ясака не было точно определено; воеводе предписывалось собирать ясак, «смотря по тамошнему делу, чтоб государевой казне не было убыли, а земле тягости не навесить и людей ясачных от государя не ото-

* Р. И. Б., т. II, стр. 146; А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, св. 1, № 15.

** А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, св. 1, № 2.

гнать...». Поэтому после покорения какой-нибудь группы инородцев воевода, осведомившись о их числе, налагал на них известное количество ясачной подати; следующий воевода при сборе ясака с тех же инородцев уже руководился ясачными книгами своего предшественника и в то же время заботился о приборе в ясак молодых инородцев или вообще тех, которые почему-нибудь не были обложены яском прежним воеводой. Каждому воеводе вменялось в обязанность ежегодно и «накрепко» сыскивать ясачных людей, чтоб «в избылых никого не было, сыскивать русскими и ясачными людьми»: первые должны показать о числе ясачных людей в известной волости «по крестному целованию», а вторые «по шерти», да для той же цели посылать боярских детей, которые были бы добры и не воры.

Но по мере ознакомления с числом ясачных людей в уезде и со сбором ясака за прошлые годы правительство устанавливало более определенный размер ясака с каждого ясачного человека: именно с женатого по 7 соболей, а с холостого — по пять. Однако это определение подати с инородцев было далеко не точно и вызывало массу злоупотреблений со стороны воевод и давало возможность самим инородцам облегчать себя в ясаке. Неточность или неопределенность заключалась, во-первых, в том, что инородцы выплачивали ясак не одними соболями, а и другими пушными зверями: бобрами карими и рыжими, лисицами черными, бурыми и красными, белками, куницами, рососомами и т.п.; а во-вторых, и ценность соболей была неодинакова: один соболь стоил 15 копеек, другой 50 копеек, а попадались соболи и по 8 рублей*. Поэтому в первом случае воеводам открывалась легкая возможность брать с инородцев мехом гораздо более, чем следовало по окладу, а во втором случае инородцы приносили в ясак «худых соболей», а «добрых» продавали торговым людям, потому что им разрешалось платить ясак такими соболями, «каковы соболи на промыслу добудутся». Соображаясь со всеми этими обстоятельствами, правительство около 1626 года перевело ясачную по-

* *Примеч.* Просмотрев несколько приходно-расходных книг Казанского приказа, где точно обозначалась цена каждого «сорока» соболей, мы заметили, что в царствование Михаила Федоровича самая высшая цена «сорока» соболей была в 300 рублей и самая низшая — в 5 р. 50 к.

дать на деньги: положено было брать «с лучших людей по 3 рубля и по 2¹/₂ рубля, с средних — по 2 рубля и с худых — по 1 р. 50 к. и по 1 рублю», а с новоприобретенных в первый год по 30 к. и затем постепенно возвышать до полного оклада так, чтобы года в три они «исполнились полным окладом». Из этого видно, что ясачный налог сам по себе был невелик: инородцы уплачивали в государеву казну столько же подати, сколько и русские посадские люди; только первые платили свою подать мехами, а вторые деньгами*. Но на самом деле инородцам ежегодно приходилось уплачивать подати гораздо более положенного оклада. Они вместе с ясак еще приносили государю и воеводам так называемые «поминки», которые вначале были просто подарками, но потом они сделались настолько обязательными, что обратились в особый налог; только этот налог платили не каждой платежной силой, а целой волостью; эти поминки бывали разной ценности в разных уездах, но не менее 4 р. 50 к. — именно в 3 рубля государю и в 1 р. 50 к. воеводам. Затем инородцы еще платили ясак за беглых и мертвых, и такого ясака им приходилось платить значительное количество. Например, в 1604 году татары Ялынской волости Тарского уезда жаловались государю, что в 1601 году в их волости умерло 67 человек и за всех их они платят ясак, «и в том ясак они закабалили жен и детей своих, а дети умерших еще малы и ясака добыть не могут...»**. Этот пример не единственный, а, напротив, совершенно заурядный: из ясачных и из других документов видно, что не было волости, не было года, когда бы инородцам не приходилось нести подать за выбылых ясачных людей. Правда, правительство по челобитью инородцев освобождало их от этой подати, но это освобождение обставлено такими условиями, что на него ясачные люди скоро не могли рассчитывать; оно могло последовать не ранее, как через год, а в уездах отдаленных — чрез два или чрез три года. Дело в том, что сами воеводы своей собственной властью не смели освобождать инородцев от платежа ясака за беглых, мертвых и увечных, а только с разрешения правительства. Каж-

* *Примеч.* Только в редких случаях правительство разрешало воеводам брать ясак с особенно бедных инородцев деньгами, а не мехами.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 79.

дый воевода должен был собрать с уезда *minimum* столько ясака, сколько его предшественник; но, положим, «в ясачное время», то есть когда инородцы платили ясак, он узнавал, что несколько человек в известной волости умерло или сбежало, или сделались стары и увечны, и все-таки в этот год волость должна уплатить столько же, сколько и в предшествующий. Затем наказ предписывал воеводе дать знать о выбылых в своем уезде тобольскому воеводе, а этот последний по получении такого донесения обязан был послать туда письменных голов «для сыску и досмотру сверх воеводских сысков и досмотров». Если письменный голова подтверждал справедливость донесения воеводы и челобитья ясачных людей, тогда тобольский воевода «сыски и досмотры» письменных голов вместе с челобитной посылал в Москву к государю. И только после такой длинной процедуры «государь велит про таких (выбылых) ясачных людей учинить свой государев наказ» об освобождении инородцев от платежа ясака за выбылых*. Все это, конечно, «не так скоро делалось, как говорилось», хотя воеводам и приказывалось доносить о выбылых «не замотчав». А до тех пор, пока не придет государев указ, ясачные люди обязаны были платить за выбылых. Ялыгские татары, как мы упоминали, лишились 67 ясачных людей в 1601 году, и, конечно, в том же году об этом узнал воевода тарский, но государев указ об освобождении татар Ялыгской волости от платежа ясака за тех выбылых послан только в 1604 году, и значит, за все это время упомянутые татары платили значительно лишний ясак. Да и, кроме того, если бы даже инородцы и не платили за выбылых, то все-таки прямая ясачная подать на деле всегда была выше узаконенной нормы. Когда установлен денежный оклад, то каждый ясачный человек обязан был приносить пушных зверей столько, чтобы ценность этой мягкой рухляди равнялась 3 или 2¹/₂ р., смотря по его зажиточности. Но ценили меха не сами инородцы, а воевода с торговыми людьми, и эта оценка, конечно, была не в пользу первых. Наказ предписывал воеводам ценить ясак «по прямой сибирской цене», но так, чтоб «по московской приценке была государю прибыль», а в противном случае сам воевода отвечал за эту прибыль. Например, в «Приход-

* Полное собрание законов, т. III, стр. 556 и 557; Р. И. Б., т. II, стр. 538.

ной книге Казанского Дворца» за 1628 год читаем следующее: в 1627 году березовский воевода прислал ясак, и в массе мягкой рухляди, между прочим, была лисица, которую тот воевода оценил в 6 рублей, но в Казанском приказе ее оценили только в 3 рубля, и потому с воеводы велено доправить мягкой рухляди на 3 рубля. Но этот случай единственный! Напротив, каждый воевода старался ценить принесенный ясак как можно дешевле: во-первых, для того, чтобы показать свою службу, а во-вторых, и для того, чтобы кое-что и для себя из этого ясака можно было оставить. Просмотрев «ясачные книги» за много лет и сравнив по ним оценку сибирскую с оценкой московской по «Приходным книгам» Казанского и потом Сибирского приказов, мы не нашли ни одного случая, чтобы московская цена всей мягкой рухляди, присланной из какого-нибудь уезда, не превышала значительно сибирскую. Сибирскому воеводе правительство не делало замечания относительно оценки им мягкой рухляди только в том случае, если по московской приценке, например, с 500 рублей прибывало 100 рублей, но случалось, и очень часто, что в Москве прибывало на 300 и 400 рублей с 500 рублей.

Таким образом, если взять во внимание государевы и воеводские поминки, платеж за выбылых и затем ненадлежащую оценку мягкой рухляди, то окажется, что ясачный человек должен был уплачивать ясака по крайней мере в три раза более против положенной нормы. Как низко сибирские воеводы ценили мягкую рухлядь, приносимую инородцами в уделу ясачной подати, можно судить по челобитной тарских ясачных людей. В 1626 году они жаловались: «У них в Таре оценщики ценят дешевой ценою — красных лисиц и куниц поголовно по 5 а. (15 к.), а гости и торговые люди покупают у них лисицу красную по 3 гривны (30 к.), а куницу по полтине*». Подобные жалобы заявляли инородцы всех уездов, и заявляли очень часто. Вообще установленная около 1626 года перемена в способе оценки ясачной подати (или оклад ясака не соболями, а деньгами) оказалась не в пользу ясачных людей и вызвала с их стороны жалобные и правдивые протесты. Самую обстоятельную челобитную по этому поводу написали в 1629 году инородцы 12 волостей

*А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 166.

Верхотурского уезда. «В прошлые годы, — писали они, — платили мы твой государев ясак с 9 волостей по пяти соболей с человека, а с двух волостей Уфимских по пяти куниц с человека и с Туринской волости — с женатых по 10 соболей и с холостых по 6 соболей с человека, каковые соболи добудутся на промысле; да твои государевы поминки платили — тебе, государю, по пяти и по шести соболей с волости, а воеводе по три соболя; да с молодых подростков новинного брали по соболю, пока твоим ясаком исполнятся в пять соболей, года в три и четыре. Но в прошлом 1626 году по твоему государеву указу велено нам сиротам твоим платить ясак, твои и воеводские поминки против денежного оклада, и мы, государь, обложены тяжело: твой ясак положен на нас с человека против 2 р. 29 а. 3 д. И по тому окладу в поминки и в ясак выходит соболей по 10, по 12 и по 15, и мы сироты твои тех окладов сполна выплачивать не можем, потому что оценщики соболей и всяких других зверей ценят дешевою ценою и в твоей государевой казне бывает приценка большая. Да мы сироты твои платим ясак и поминки за старых и увечных, и мертвых против полного оклада. Вследствие всего этого мы обнищали и одолжали великими долгами, женишек и детишек позакладывали...». Кроме того, в той же челобитной верхотурские ясачные люди упоминают, что теперь зверей стало меньше против прежнего во многих их старинных вотчинах: на Тагиле, на Невье и на Нице — основаны русские села, и крестьяне выжигают леса и выгоняют тем всякого зверя. В заключение своей челобитной инородцы просили у государя следующих милостей: а) чтобы воеводы ценили ясак настоящей торговой ценою; б) не требовали с них соболей с пупками и хвостами и лисиц с передними лапами, потому что «пупки, хвосты и лапы, — писали инородцы, — мы продаем торговым людям и на те деньги покупаем хлеб, одежду, топоры и стрелы, а другого какого зверя не случается продать — весь промысл идет в ясак и в поминки»; в) освободить их от платежа десятой пошлины, когда они продают «лосинья и оленье постели» и на те деньги покупают соболей, чтобы платить ясак, поминки и недоимки за прошлые годы; и г) освободить их от платежа ясака и поминок за старых, увечных и мертвых*.

* А. М. Ю. Сиб. ар. Ст. № 6112/68, лл. 36—40.

Мы не знаем, какой дан был ответ на эту челобитную от верхотурских инородцев. По всей вероятности, Михаил Федорович указал воеводе: ценить ясак «по прямой торговой сибирской цене», не брать с челобитчиков в течение некоторого времени десятиновой полшины, не брать ясак с мертвых и увечных. На большее же инородцы не могли рассчитывать. Но судя по тому, что и впоследствии подобные челобитные писались и от верхотурских инородцев, и от инородцев других уездов, можно утверждать, что временные облегчения мало улучшали положение ясачных людей. Правительство никакими мерами не могло уничтожить злоупотреблений воевод, ясачников и грабж служилых людей, а до тех пор, пока эти беды существовали для инородцев, последние не могли исправно выплачивать ясак и не могли не жаловаться на тяжесть ясачной подати. За ними числились постоянные недоимки, которые, постепенно возрастая, доходили до очень крупных сумм. Московские цари иногда сразу освобождали всех инородцев от всех накопившихся за несколько лет недоимок. Так, Федор Иванович в 1597 году освободил от недоимок березовских и пелымских ясачных людей, а Борис Годунов в 1599 году не только освободил всех инородцев от недоимок, но «для царского венца и многолетнего здравия» указал воеводам совсем не брать ясак со всех сибирских людей в 1600 году⁴. По поводу этого последнего указа царя Бориса считаем не лишним упомянуть здесь о следующем интересном факте. Едва только инородцам было объявлено о царской милости, как между ними поднялось страшное волнение: остяки, вогулы и татары от этой вести пришли в недоумение, и они начали смотреть на редкое благодеяние царя, как на средство, которым он хочет их обмануть для своих злых намерений. На Годунове как будто бы лежало какое-то проклятие, благодаря которому даже благо, делаемое им людям, обращалось против него же. В Москве он щедро помог бедным жителям построить хижины после пожара, и что же? Начали говорить, что он сам приказал зажечь Москву, чтобы иметь возможность оказать благодеяния пострадавшим и тем прилечь на свою сторону сердца последних, а цель этой милости довольно темная — будто бы замять дело

⁴ А. М. И. Д. Порг. Милл. № 478, св. 5; Р. И. Б., т. II, № 46; А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 63.

царевича. Нечто подобное случилось и в Сибири. Узнав об упомянутом указе Бориса Годунова, сибирские инородцы в страшном волнении спрашивали, почему с них не берут ясак, когда вся-то их служба пред государем состоит в том, чтобы платить ясак?! Наконец это свое недоумение они разрешили таким образом: царь Борис хочет всех простых людей послать на службу в дальние места лет на семь, а лучших людей и жен в то время насильно взять в Москву*. Как бы то ни было, но благодеяние Бориса должно было значительно облегчить сибирских инородцев. К тому же после 1600 года он же велел воеводам брать ясак, сообразуясь с силами ясачных людей, «как будет можно, что людям тигости не навесь...». Однако, несмотря на все эти льготы, недоимки на инородцах скоро опять появляются. Василий Иванович в 1607 году освободил инородцев Тарского уезда, вероятно, и других уездов, от всех недоимок за прошлые годы. Вслед за тем начинаются бунты инородцев; ясачной подати в это время с них собиралось очень мало, и вследствие этого недоимок накопилось великое множество. Например, с волостей Б. Конды и М. Конды в течение трех лет — с 1615 по 1617 гг. — взято ясака только 80 соболей вместо нескольких тысяч**.

Михаил Федорович, кажется, в 1624 году, именно после именной переписи инородцев при Сулешове, освободил ясачных людей от всех недоимок за прошлые годы, но в 1625 году на инородцах всех уездов опять числятся недоимки, а к концу царствования этого государя они достигают уже до громадных по тому времени сумм. На тюменских ясачных людях в 1645 году было недоимок более чем четыре тысячи рублей; с инородцев Тарского уезда в один 1628 год не добрано ясака на 1014 р. 34 а., а с Верхотурского уезда с 1625 по 1633 гг. не добрано на 665 р. 15 а.***

Словом, ясачные книги показывают, что инородцы ни за один год не в состоянии были уплатить всей ясачной подати и недоимки накапливались на них ежегодно. Между тем мы знаем, что сама по себе ясачная подать не могла

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, св. 1.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 106; А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, св. 68. См. описки Вельяминова и ясач. книгу 1619 г.

*** А. М. И. Д. Порт. Милл. № 541, св. 5; А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 17, л. 52, кн. № 11, л. 334; Р. И. Б., т. II, № 156.

быть особенно тяжелой: десять соболей семейный человек мог легко добыть в течение целого года, а если взять во внимание, что некоторые соболи ценились по 3, по 5 рублей и дороже, то, стало быть, ясачный человек мог и одним соболем заплатить всю ясачную подать. Чем же объяснить после этого постоянные недоимки с сибирских инородцев? Помимо тех причин, на которые мы указали выше, кажется, самой существенной причиной недоимок была та, на которую указывают сами инородцы в своих жалобах, — это грабеж воевод и служилых людей. Нам пришлось просмотреть много жалоб, и все они свидетельствуют, что злоупотреблениями воевод и служилых людей, посылаемых в инородческие юрты то за сбором ясака, то по другим каким-нибудь делам, не было пределов. Пелымские вогулы в 1624 году жалуются, что с них воевода берет ясака вместо 5 по 10 соболей, а как они пойдут на промыслы, то воевода и служилые люди берут к себе их жен и детей*. На нарымского воеводу остяки жаловались, что он берет ясак по 11 соболей, да еще берет посулы великие; тот же воевода взял у нарымского князя сына в холопы к себе, и князь принужден был выкупить сына соболями и лисицами на 100 рублей. «Велено нам, — говорят челобитчики, — давать закладчиков (аманатов) с средней статьи, а нарымский воевода берет для своей бездельной корысти лучших людей». Тобольский воевода доносил про того же нарымского воеводу, что он побивает остяков до смерти, а жен и дочерей их берет к себе на постель**.

По челобитью ясачных людей правительство назначало следствия, но эти следствия ни к чему не приводили и несколько не умеряли воеводских злоупотреблений. В 1633 году ясачные люди Березовского уезда — один русский служилый человек и несколько торговых приезжих людей — подали челобитную на воеводу Алексея Плещеева. «Как приехал на Березов воевода Плещеев, — пишут они, — и от него ясачным людям начались притеснения и насильства великие: у кого сведает лисицу черную, или бобра черного, или соболя доброго и по ним посылает служилых людей и велит насильно привозить их с лисицами, бобрами и собо-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6148/104, лл. 103—105.

** А. М. И. Д. Порт. Мыл., св. 3.

лями к себе на подворье и заставляет ясачных людей продавать ему тех зверей дешевою ценою — в треть цены и меньше...». Затем челобитчики подробно указывают на лиц, пострадавших от злоупотреблений воеводы. Они же жалуются и на служилых людей, что последние, когда приезжают к ним в юрты за сбором ясака, то требуют с каждого ясачного человека большие поминки, а кто не даст, у того ясачники ценят соболей, лисиц и других зверей в половину цены и дешевле. Тех же ясачных людей, которые сами приносят ясак в город, «воевода держит в городе дней по 10 и больше для своей бездельной корысти, а живя в городе, они продаются и должают великими долгами...». Кроме того, воевода отнимает у инородцев их рыбные ловли, заставляет на себя «день и ночь» шить шубы, ловить рыбу и делать всякие работы. «И от тех притеснений, насильств воеводы и служилых людей ясачные люди всех волостей обнищали, великими долгами задолжались, жен и детей попродавали, а иные позакладывали...». По указу государя тобольский воевода отправил в Березов письменного голову и подьячего, чтобы последние по челобитью ясачных людей «обыскивали большим повальным обыском попами и дьяконами по священству, боярскими детьми, служилыми и торговыми людьми по крестному целованью, а ясачными людьми по их вере, по шерти...». Но этот обыск произведен еще тогда, когда Плезеев был воеводой, а потому наперед можно было предугадать, что показания свидетелей не подтвердят обвинений челобитчиков. И действительно, прочитав обыскные речи, мы заметили, что все они клонятся в пользу воеводы и служилых людей. Все допрошенные говорят одними и теми же словами и приводят по некоторым случаям такие же объяснения, как и сам Плезеев. Не говоря уже о служилых людях, даже сами инородцы ни в чем не подтвердили вышеупомянутой челобитной. На вопрос следователей, берут ли с них взятки и лишний корм служилые люди при сборе ясака и ценят ли мягкую рухлядь в половину цены и меньше, инородцы Подгородной, Сосвинской и Куноватской волостей отвечают: «Им ясачным людям от ясачных сборщиков, от березовских служилых людей, тесноты и обид никаких не было, посулов, поминков и лишних кормов они не берут, ценят мягкую рухлядь по прямой

сибирской цене, а если когда оценят ниже, то воевода прибавляет цену». Держит ли воевода ясачных людей дней по 10, когда они приезжают в город с ясаком, берет ли взятки, заставляет ли дешевой ценой продавать дорогих соболей, и от тех ли притеснений они продают жен и детей или закладывают, инородцы отвечают: «Тесноты и обид от воеводы им не было никаких, суд и сыск он дает прямой, без задержки и без посулов, а если им случится пробыть в городе дня два или три, то это они делают добровольно, закупают для себя у торговых русских людей хлебные запасы, кошелеее платье и пр.; жен и детей продают и закладывают не от воеводской изгони, а для бедности и голоду — продают своих малых ребят и девок русским людям и на те деньги покупают соболей для государева ясака, покупают хлеб, одежду, топоры, стрелы» и т.п.

Буквально то же самое показывают и русские люди. Таковые же объяснения дал и сам Плещеев и, кроме того, говорил, что «все воровство» затеяли челобитчики по личной к нему злобе. Например, в числе челобитчиков был остяк новокрещенец Гришка; этот Гришка, по словам воеводы, «веры христианской отбыл, верует в их остяцкую веру, молится шайтанам, участвует в остяцких жертвах и сделал он особо для себя двух деревянных шайтанов и им молится...». За это, говорит Плещеев, он посадил того Гришку в тюрьму, а он на него подал челобитную вместе с другими «ворами»⁴.

К сожалению, обыскных речей березовского духовенства и приезжих торговых людей в том деле, которое мы читали, нет, но, по всей вероятности, и их показания были в пользу воеводы. Само собой понятно, что после такого обыска челобитчики не нашли никакой управы ни на воеводу, ни на служилых людей, которых они обвиняли в разных злоупотреблениях. Но мы не можем сомневаться в справедливости их жалоб. На это, между прочим, указывает, во-первых, то, что все свидетели говорят одно и то же и одними и теми же словами — явный знак того, что они были подговорены воеводой, а во-вторых, трудно допустить, чтобы инородцы продавали или закладывали жен и детей ради государева ясака или ради покупки одежды и других

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6080/36, дд. 1—213.

предметов необходимости. В Березовском уезде в то время еще много было соборей и других пушных зверей, и инородцы легко могли добыть их столько, чтобы заплатить ими ясак и закупить себе того, в чем они нуждались, не прибегая к продаже малых ребят и девок. И если им приходилось продавать или закладывать жен и детей, то только потому, что они были вынуждаемы к тому русскими воеводами и ясатчиками. Сами челобитчики, между прочим, объясняют, почему их обвинения не подтверждались даже их соплеменниками. «Ясачные люди, — говорят они в той же челобитной, — застращены и челобитных на воеводу писать не осмеливаются».

Вообще положение ясачных людей в обозреваемый нами период было тяжелое, и эта тяжесть заметно отразилась на приросте инородческого населения. Мы упоминали в первой главе, что в начале XVII века, или, точнее, в начале царствования Михаила Федоровича, число всех инородцев в семи уездах не превышало и 4000, а в конце царствования этого государя их было только около 4500 человек. Из этого видно, что прирост инородческого населения в обозреваемый нами период был очень слабый, а в некоторых уездах мы замечаем даже убыль населения: в Верхотурском уезде в ясачных книгах число ясачных людей показано: в 1626 году — 296 человек, в 1628 году — 326, в 1635 году — 295, в 1645 году (по присяжной книге) — 254 человека*, в Тарском уезде самое большое число ясачных людей показано в ясачной книге 1625 года, именно 831 человек, в 1635 их осталось только 612 человек, в 1644 их было 684 человека, а со служилыми — около 740 человек**.

Помимо всяких других причин, слабость размножения инородцев Передней Сибири много зависела от недостатка женского пола, так что очень многим инородцам не на ком было жениться, и они целую жизнь оставались холостыми. Мы выше упоминали, что воеводы и служилые люди жили с инородками как с женами; они то отнимали жен и дочерей у инородцев, то покупали их. Вследствие этого мы встречаемся с такого рода фактом: умирает старый ясачный че-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 10, л. 103; кн. № 19, л. 423; кн. № 57, л. 96; кн. № 194.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 214; кн. № 57, л. 276; кн. № 163.

людей, а ни жены, ни детей после себя не оставляет. Если бы этот факт был исключительный или редкий, то мы могли бы еще предположить, что умершие ясачные люди потому не оставили после себя ни жен, ни детей, что последние еще ранее их умерли. Но документы приводят нас к иному заключению: именно что эти умершие были просто не женаты. Обратимся, например, к «имянному списку» ясачных людей, живых и умерших в Тарском уезде, относящемуся к 1641 году, и посмотрим, на что он указывает*.

	Общее число умерших	Число умерших, у которых не оставалось ни жен, ни детей
Волость Каурдацкая:		
Деревня Када	3	2
Деревня Качук	5	4
Деревня 1-я Омштамак	4	4
Деревня 2-я Омштамак	7	7
Деревня Тенкаш	6	6
Деревня Йири	11	11
Деревня Людемак	8	8
и т.д.		
Волость Яиртыш:		
Деревня Верхний Тунус	4	4
Деревня Текеш	2	2
Деревня Биргамак	9	9
и т.д.		

Всего в 8 волостях умерших 147 человек, и из них только у пяти человек остались жены и дети. В других уездах хотя и не такое отношение между общим числом умерших и числом умерших, у которых не осталось ни жен, ни детей, как в Тарском уезде, но и в них много умирало таких, у которых не оставалось никакого потомства; например, в Березовском уезде в 1641 году умерло 20 человек, и ни один из них не оставил после себя ни жены, ни детей**.

В заключение нашего исследования считаем не лишним сказать несколько слов о взаимных отношениях между победителями и покоренными и о влиянии русских на

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6147/103.

** Ibid.

инородцев. Мы обзреваем первый и сравнительно небольшой период, в который русские только что покорили Сибирь и начали ее заселять, когда большинство сибирских инородцев еще не вполне сжилось со своими завоевателями, смотрит на них дико и даже враждебно, когда русский элемент не проник еще во все места инородческих поселений и не мог еще оказать того влияния на инородцев, к которому способен русский человек. Поэтому отношения между завоевателями и покоренными еще не вполне сложились, и мы еще мало имеем материала для характеристики нравственного влияния русских на инородцев. Но в то же время мы знаем, что некоторые инородцы-новокрещенцы жили в русских городах, служилые инородцы жили под самым городом, юрты многих инородцев находились посреди русских поселений в уездах, например, по рекам Туре, Нице, Тагилу, Иртышу и по другим. И значит, в этих местах разные жизненные столкновения между победителями и побежденными должны быть частыми и не могли проходить бесследно, не отразиться даже в этот короткий период на их взаимных отношениях; тем более, что уже народилось новое поколение людей, происшедшее от смешения русских с инородцами, поколение, в котором текла кровь и русская, и инородческая.

Мы видели, что московское правительство очень внимательно относилось к сибирским инородцам, уважало их туземное право и веру. Мы даже можем сказать, что московские цари относились к инородцам несравненно гуманнее, чем к своим русским подданным. Обратим, например, внимание, на такого рода факт: с русских людей подати собирались посредством правежа; за недоимки, за игру в зернь или карты и за другие проступки правительство приказывало «бить их кнутом нещадно... чтоб другим было неповадно...». А как воеводы по наказам должны были относиться к инородцам — татарам, вогулам, остякам и тому подобным подданным русского царя? «Ясак и поминки с ясачных людей, — наказывали цари воеводам, — брать смотря по людям и по промыслам... с старых и увечных совсем не брать, в который год промыслы не удались, зверя добыли мало, или которые ясачные люди были больные давать в ясаке сроки насколько

пригоже... выбирать с ясачных людей мягкую рухлядь ласкою, а не жесточью и не правежем... а правежем ясак и поминки не править, чтобы тем ясачных людей от государева жалованья не отогнать и тем бы их не оскорбить...». Правда, мы упоминали, что цари и к русским крестьянам, поселившимся в Сибири, относились заботливо, оказывали им большую поддержку в нужде их. Но тем не менее русские крестьяне не пользовались такими льготами, как инородцы; их спины часто испытывали удары кнута, и им не так легко обходились недомки, как инородцам. Телесное наказание могло оскорбить инородца, ну а русского человека? Неужели последний был менее чувствителен к подобному оскорблению? Напрасно сибирские воеводы вопиют против этой гуманности русских царей в отношении разных вогулов, остяков и татар и доказывают всю непрактичность подобных отношений! «Нам холопам твоим государь, — пишут они, — велено ясак и поминки с ясачных людей выбирать ласкою, а не жесточью и не правежем, а ясачные многие люди живут меж русских людей и всякому русскому обычаю привычны и то им ведомо, что по твоему указу ясак и поминки править правежем не велено и они на твое жалованье надежны, а многие ясачные люди соболей и лисиц проигрывают в зернь, а в ясак не дают; сотников и десятников своих не слушают, на лесные промыслы проигрався зерню не ходят; да у них же, государь, на зерни прож себя живет убойство...». Затем воеводы доказывают, что если ясак правежем не править и за игру в зернь не наказывать, то выбрать ясачную подать без недобору невозможно*. И тем не менее разрешения на правеж не последовало и за игру в зернь и за пьянство телесно наказывать инородцев не велено. Возьмем другой факт: с товаров русских людей взималась десятая пошлина, а с бухарцев — только пять процентов. Между тем бухарцы, поселившиеся в Тобольске, Таре и Тюмени, завладели в этих городах всею торговлей, от них русские люди в делах торговых столько же тервели, сколько теперь во многих русских городах от евреев. Мало того, русские люди, хотя и победители, испытывают всякие насильства и притесне-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6111/67, л. 502—503.

ния от этих бухарцев: жители Тобольска жалуются государю, что какой-то «бухаретин Овен Бакеев поставил к нашей русской улице свои юрты озорничеством и для своего покою наши хоромишки и банишки посломал...». В той же челобитной они жалуются и на тобольских татар, которые, оставив свой татарский городок, поставили 35 юрт в русской улице и тем стеснили русских людей. Разве тобольские жители позволяют себе такое самоуправство, как бухарцы? Нет, они просят государя, чтоб он велел татарам перенести свои юрты в их татарский городок, потому что по той улице архиепископы ходят с иконами и крестами в Знаменский монастырь, а священники ходят со святыми тайнами к русским людям, и в это время бывает от татар «всякая скверна»⁶. А если бы русские люди позволили себе разорить татарские юрты, поставленные даже незаконно, то, наверное, велено было бы за их самоуправство «бить кнутом нещадно». Между тем как бухаретин даже осмелился «для своего покою» в русском городе сломать русские «хоромишки и банишки». Осмелился, очевидно, потому, что пользовался привилегией обращаться с ним «ласкою, а не жесточью». Можно было бы привести и другие факты в подтверждение той мысли, что русские цари относились очень снисходительно к проступкам инородцев против русских, и что первые, пользуясь этим преимуществом, там, где чувствовали на своей стороне силу, безнаказанно притесняли своих победителей. Но такое отношение русских царей к инородцам скоро вызывало к ним со стороны последних особенные симпатии; они жалуются на воевод и служилых людей, а в царях видят только своих защитников и покровителей, у которых они могут найти правый суд и расправу против притеснителей. Словом, начинают смотреть на «Белого царя» глазами русского человека.

Затем мы видели, что воеводы и служилые люди страшно притесняли инородцев, но в этом выражалась не племенная враждебность русских людей к инородцам, а алчность воевод и служилых людей, злоупотребления своей силой. Если теперь обратим внимание на взаимные отношения русских и инородцев в уезде, то здесь заметим полнейшее об-

⁶ А. М. Ю. Сиб. пр, разб. столб.

щение между завоевателями и покоренными. Так как первыми насельниками Сибири были русские люди из северных областей, где они и прежде сталкивались с разного происхождения инородцами, то и поселившись за Уральским хребтом, им пришлось встретиться уже со знакомыми народностями: с теми же остяками, вогулами и татарами, с которыми они сталкивались в разных местах и в Европейской Руси; язык, вера, нравы и обычаи этих инородцев давно известны были русским людям. Вследствие этого завоеватели не живут замкнуто от покоренных: ни те, ни другие не чуждаются особенно друг друга. Конечно, враждебные столкновения на первых порах были неизбежны, особенно в тех местах, где русским людям пришлось селиться в вотчинах инородцев. Так, мы видим, что жалуются на притеснения русских крестьян вогулы Мулгайской и Верхотуринской волостей; жалуются инородцы Туринского уезда на крестьян Ницынской, Чубаровой, Ирбитской и Киргинской слобод. В 1639 и в 1640 гг. инородцы Тентюковой, Ермолаевой, Колмыковой, Кичубаевой, Зензяровой и Илчибаевой волостей отправили государю две челобитные, в которых писали: «С того времени, как в 1600 году поставлен Туринский острог, мы жили в покое до 1622 года, но в 1623 году в наших вотчинах по Нице построена Чубарова слобода, в 1632 году Ирбитская, в 1635 году Киргинская... и русские крестьяне тех слобод поселились дворами своими на наших юртовских землях, пашенные места и сениные покосы у нас отняли, леших собак выбили, в наших угодьях промышляют бобров, лисиц и соболей, ловят в реках рыбу, в наших лесах ставят ослопы⁵⁷ насильством; вследствие этого мы обнищали и в ясак всякий год недобор...». Подобную же жалобу инородцы подали и на крестьян Ощепковой-Ницынской слободы. Затем инородцы всех уездов жалуются на русских крестьян, что они выжигают леса и огнем отгоняют всяких зверей*. Но эти поступки вовсе не свидетельствуют о враждебности русских крестьян к инородцам: им иначе и невозможно было поступать! Инородцы как туземцы занимали в Сибири до покорения ее русскими самые лучшие места, их вотчины были раскинуты на громадном пространстве, так называемые «отъезжие угодья и бобровые гоны»

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6132/88, лл. 795 до 831.

находились иногда за 100 верст от их юрт. И понятно поэтому, что русским людям неизбежно приходилось селиться на инородческих землях и стеснить инородцев в их привольной жизни. Мы выше упоминали, что Артемия Бабина с товарищами по челобитной туринских инородцев государь приказал прогнать с реки Ницы. Той же самой милости просили в 1639 г. и в 1640 г. инородцы и относительно крестьян Чубаровой, Ирбитской и других слобод по реке Нице. Туринские воеводы приняли их сторону и от себя писали в Москву, чтобы русские крестьяне этих слобод были сведены, при этом ссылались на инцидент с Бабиновым и на грамоту государя в 1620 году воеводе Милославскому, запрещающую русским людям селиться при реке Нице. Но чтобы иметь правильное понятие о значении упомянутых челобитных инородцев, нужно обратить внимание на следующие обстоятельства. Мы уже говорили, что Ницынские слободы преимущественно были основаны из Верхотурья, хотя и в Туринском уезде. Поэтому поднялся вопрос о том, кому ведать эти слободы — верхотурским ли воеводам, как основателям, или туринским, так как слободы были основаны в вотчинах туринских инородцев. Начавшийся по этому поводу спор между воеводами этих городов особенно обострился в то время, когда туринским воеводой был Никита Кафтырев; последний, кажется, и был настоящим виновником челобитных туринских инородцев 1639 и 1640 гг., или по крайней мере они писались не без участия этого воеводы. На это ясно указывает само содержание челобитных. Правительство порешило спор между туринским и верхотурским воеводами тем, что все Ницынские слободы приписало к Тобольску, но Ощепкова-Ницынская и Ирбитская все-таки остались присудными воеводам верхотурским. Тогда Кафтырев решился силой прогнать крестьян с Ирбитской слободы и отправил туда какого-то Федьку-толмача «крестьянские селитьбы разорить и двory сжечь...». Новоприбранные верхотурским воеводой крестьяне — 24 человека — в 1640 году жаловались Михаилу Федоровичу, что они селиться в Ирбитской слободе не смеют, потому что воевода Кафтырев велит жечь эту слободу⁴. Из этого видно, что туринским во-

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6138/94, л. 505—506.

еводам было неприятно развитие Верхотурского уезда на счет уезда Туринского, и они прибегали к разным средствам, чтобы ограничить это развитие. И вражда, возникшая между инородцами и русскими крестьянами, несомненно, была раздута воеводой Кафтыревым, а не явилась следствием притеснений крестьянами туринских татар и остяков.

Теперь спрашивается, как же правительство отнеслось к челобитным туринских инородцев? Как и прежде, так и теперь оно приказывало, чтобы русские крестьяне владели только пашнями, а в уголья, леса и бобровые гоны, которые находятся в вотчинах инородцев, не вступались, чтоб леса не выжигали и зверей не прогоняли огнем, а в противном случае велено воеводам бить их кнутом. Это странное требование правительства, свидетельствующее, впрочем, об особенных его заботах относительно инородцев, было совершенно невыполнимым. Разве русские поселенники Сибири менее инородцев нуждались в разных угольях?! Ведь и им были необходимы для жизни и луга, и леса, и реки. Не ради же одной государевой пашни русские крестьяне селились в упомянутых слободах, основанных в вотчинах инородцев?! Притом русские крестьяне и теперь еще смотрят на реки и леса, как на общий Божий дар, как на общее народное достояние. И если они ловили в реках и озерах рыбу, били бобров, охотились за всякими зверями в лесах, находящихся в вотчинах инородцев, то вовсе не считали это посягательством на чужую собственность, а равным образом вовсе не думали этим выразить свою враждебность к покоренным туземцам². Какой-нибудь национальной гордости или презрения к инородцам со стороны русских людей мы совсем не замечаем. Они смотрят на вогула, самоеда, остяка и татарина прежде всего как на человека и только с этой стороны определяют к ним свои жизненные отношения. У торговых русских людей были «старые друзья и знакомцы» между самоедами Березовс-

² *Примеч.* Точно так же нельзя обвинять русских крестьян за выжигание лесов: им прежде всего нужна была пахотная земля, и для этого нужно было расчищать леса; но вырубать вековые леса у них не хватило бы сил; только огонь мог помочь им в этой работе.

кого уезда, которые доставляют им оленей для перевозки их товаров; торговые люди путешествуют со своими товарами по инородческим юртам во всех сибирских уездах и даже по тундрам, вместе с инородцами пьют, едят и почуют в их жилищах, вместе обходят государевы заставы, чтоб не платить десятинной пошрины, и т.п. Из разных отписок воевод видно, что русские крестьяне ходят в инородческие юрты, а инородцы посещают русские деревни, вместе пьют водку, играют в зернь и карты; инородцы говорят русским языком и «всякому русскому обычаю навичны»; инородцы указывают русским людям на соленые ключи, на железные и серебряные руды*. В 1625 году пронесся слух, что калмыки и «Кучумовы внучата» намерены вторгнуться в русские уезды, весть об этих замыслах верхотурский и туринский воеводы прежде всего получили от тамошних инородцев. Толбузин, приказчик Ницынской слободы, доносил по этому поводу тобольскому воеводе следующее: «Пришел татарин Берсегенев в слободу и сказал, что будет у нас драка с калмыками великая, нам-де и вам быть побитыми с женами и детьми». Поэтому татарин предлагает русским людям совместно построить острог в Ницынской слободе, куда на случай действительного нападения калмыков можно было бы перевести жен и детей русских и инородцев. «А будем, — говорил Берсегенев, — стоять за одно и измены-де от нас не будет». То же самое и в то же время инородцы Мулгайской волости предлагали тагильским крестьянам относительно постройки Тагильского острожка**. Не лишним считаем указать и на следующий факт, который довольно ясно характеризует взаимные отношения между крестьянами и инородцами. Верхотурский воевода доносил в Москву, что в верхотурской тюрьме с 1633 года сидят два вогула, посаженные за измену государю, но ясачные и русские люди просят выпустить их на свободу и берут их на свои поруки***.

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6111/67, л. 506. Серебряная руда, по словам (1636 г.) вогула Верхотурской волости, находится в верховьях реки Серебряной.

** А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, с. 11.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6111/67, л. 477.

Благодаря таким отношениям, правительству нечего было заботиться о сближении русских поселенцев Сибири и туземцев; оно установилось само собой. Напротив, когда инородцы помирились со своим положением и обжились со своими завоевателями, мы видим, что русское правительство начинает уже заботиться об отдалении русских от инородцев, потому что тесное между ними общение дурно отражалось на нравах русских людей. Так, например, Алексей Михайлович приказывает тобольским воеводам «разводить русских и татар, чтобы они вместе не пили, не ели и не жили...». Это распоряжение вызвано было жалобой в 1654 году архиепископа Симеона на слишком близкие отношения, установившиеся между русскими православными христианами и магометанами. «После пожара в 1643 году, — писал он государю, — Тобольского города всяких чинов жилацкие люди живут в татарских юртах под горою, и те православные христиане ожились и живут с татарами вместе, а живучи в татарских юртах, русские люди сквернятся: пьют и едят из одних сосудов и в пост с ними упиваются, с татарками живут блудно и детей приживают беззаконством, а татары с их христианскими женами живут тож блудно и детей приживают...». Этот документ ясно показывает, до чего простиралось общение между русскими людьми и татарами в Тобольске; не только они пили и ели вместе, но даже делились женами. Устроившись таким образом в татарском городке, русские всяких чинов люди, как видно, не хотели менять своего местожительства и в продолжение 11 лет не строили своих дворов, довольствуясь татарскими юртами. Конечно, не теснота в Тобольске приковывала русских людей в татарскому городку, а нечто другое. Архиепископ Симеон, прося государя «вывести православных христиан из татарских юрт», в конце упомянутой грамоты замечает, что в Тобольске порожних земель много и на горе, и под горой, где живут русские люди особо и где татарских юрт нет*. Все эти факты показывают, что там, где русским поселенцам пришлось жить вместе с инородцами — в городе или в уезде, уже в первый период заселения Сибири установилось между завоевателями и покоренными полное житейское общение; какой-нибудь племенной вражды, отчуждения мы совсем не замечаем. Подобное общение обуславливалось необыкновенной способностью русского человека к уживчивости с людьми,

* А. М. Ю. Сиб. пр. разб. столб.

то, конечно, предполагает и взаимную житейскую уступчивость. Русский человек легко ориентируется в каждой новой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем умеет ужиться со всякой народностью, будь то самоеды, остяки, вогулы, татары или немцы; благодаря этой способности, помимо превосходства культуры, он быстро превращал в свою плоть и кровь всяких сибирских инородцев, хотя, конечно, и сам не вполне оставался тем, чем был до переселения в Сибирь.

Комментарии

Печатается по изданию: *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. 346 с.

При подготовке книги к печати в ней произведена адаптация орфографии к сегодняшней норме, в отдельных случаях исправлены орфографические ошибки. Некоторые неточности вынесены в комментарии.

Все авторские примечания, размещенные внизу страницы под знаком *, сохранены в том виде, в котором были в издании 1889 г.

¹ Текст так называемой «шертной грамоты» (шертъ — присяга) сохранился в виде отдельного документа в списке XVIII века. Он практически полностью приведен в тексте Погодинской летописи, в основе которой лежит «Написание» соратника Ермака Черхаса Александрина. Скорее всего, это копия несохранившегося послания Ермака Ивану Грозному.

² Правильно — Вагильская, от названия левого притока Тавды — реки Вагиль, которая именуется Вогудкой лишь на одной из карт «Чертежной книги Сибири», составленной в 1701 году С.У. Ремезовым.

³ Леушская (Леушинская) волость названа по топониму Леуш (Леуши). Малыйское поселение Леуши находилось на правом берегу р. Конды, чуть ниже по течению от проточного озера Леушинский Туман. Очевидно, волость включала в себя земли, расположенные вокруг этого озера.

⁴ Расположение «югорской земли» в исторической литературе трактуется неоднозначно. Район обитания летописной югры связывался различными историками с западными, восточными или с обоими склонами Северного Урала. В настоящее время среди историков преобладает мнение о том, что Югра находилась в бассейне Северной Сосьвы. Во всяком случае совершенно необоснованным является перенос этого названия на всю территорию Ханты-Мансийского автономного округа, широко культивирующийся в последние годы средствами массовой информации, в том числе и в краеведческой литературе.

⁵ Очевидно, Бабинцов воспользовался услугами проводников-манси, указавших ему древнюю сухопутную дорогу через Урал.

⁶ Речь идет о русском городе Пельме, основанном в 1593 году воеводой Н. Трахановичем и П. Горчаковым на берегу р. Тавды при впадении в нее р. Пельм. Лозьвинский городок находился у подножия Уральских гор, на правом берегу Лозьвы, впадающей в Тавду выше Пельмы.

⁷ Ружник — священник или первоначальный служитель, получавший жалование (ругу) хлебом и другими продуктами. Руга — средство, отпускавшееся государством или приходом на содержание церковного причта.

- ⁸ Половник — категория сельского населения дореформенной Руси. Половники, или половинщики, обрабатывали чужую землю исполу и отдавали ее хозяину половину урожая, прибыли.
- ⁹ Ibid — там же (лат.).
- ¹⁰ Погост — тип сельского поселения в Северо-Западной Руси и Сибири в X—XVIII веках, центр сельской общины. В середине XVII века на месте погоста уже стояло село Прокопьевская Салда.
- ¹¹ Невья — устаревшая форма названия р. Нейвы, левого притока р. Ницы.
- ¹² Камень — название Уральских гор, употреблявшееся в просторечии и официальных документах до XVIII века. Является калькой с мансийского (Нер — «камень») или коми (Иа) топонимом.
- ¹³ Ярлыные оброчные деньги — деньги, собранные с т.н. ярлыных людей — категории городского населения XVI—XVII веков, представленной обедневшими посадскими людьми, беглыми крестьянами.
- ¹⁴ Ухоботье — охвостье, остатки от первичной очистки зерна веянием.
- ¹⁵ К концу XVI века в среднем и нижнем течении Туры обитали татары. В сибирских летописях епанча — татарский мурза.
- ¹⁶ Черкасами в XVI—XVII веках на Руси звали заворонских казаков.
- ¹⁷ Пищали затинная и ручная — огнестрельное кремневое или фитильное оружие, находившееся на вооружении русских стрельцов, казаков в XV—XVII веках. Отличаются размерами и калибром. Более солидной была пищаль затинная: длина — до 1,5 м, калибр — до 50 мм. Она служила для стрельбы небольшими свинцовыми или железными ядрами. Чаще употреблялась как крепостное ружье. К стволу приваривался железный гак (крюк), предназначавшийся для зацепления за крепостную стену во избежание последствий отдачи при стрельбе. Ручная пищаль — личное походное оружие, отличавшееся меньшими размерами и калибром. Длина ствола — 40—70 см, калибр — 10—20 мм.
- ¹⁸ Обский городок (он же Мансуровский; по Г.Ф. Миллеру — Старый городок, или Руш-Ваш — Русский городок по-дантыйски) находился на правом берегу Оби напротив среднего устья Иртыша. Его остатки осмотрел Г.Ф. Миллер, отмечавший, что они почти незаметны на поверхности. Мнения историков по поводу судьбы Обского городка расходятся. Традиционно, начиная с Г.Ф. Миллера, принято считать, что после первой зимовки Мансуров со всем своим отрядом покинул городок и вернулся на Русь северным («чрекаменным») путем. Вероятнее всего, Мансуров оставил в городке часть своего отряда, так как царский указ 1593 года предписывал перевести гарнизон Обского городка в строящийся новый город Сургут, а сам городок разобрать и сжечь, дабы он не достался враждебно настроенным осякам.
- ¹⁹ Воевода Иван Глухов прибыл в 1584 году в Сибирь по указу Ивана Грозного вместе с воеводой князем Семеном Болховским во главе отряда из 300 человек. Большая часть этого отряда, в том числе и князь Болховский, погибла от голода во время зимовки в Сибири. На Русь вместе с И. Глуховым вернулись атаман Матвей Мецнерк и Савва Болдыря, а также 90 казачков и стрельцов. Они возвращались северным, обским путем, поэтому разошлись с отрядом И. Мансурова, посланного в Сибирь в 1585 году и шедшего по пути Ермака, т.е. через Тагильский волок по Туре.
- ²⁰ Отряд Сукина и Мясного шел в Сибирь по пути Ермака, т.е. по Тагилу и Туре, а не по Тазде. Сведения о зимовке дружины Ермака в Чимги-Туре легендарны. Наиболее достоверные данные, восходящие к ран-

ним сибирским летописям и воспоминаниям ермаковских казаков, не упоминают о Чимги-Туре как месте стоянки (тем более зимовки) дружины.

- ²¹ Здесь «литва» — не этноним. Литвой на Руси в XVI—XVII веках называли подданных Речи Посполитой, или Литовского государства, среди которых были русские, белорусы и украинцы (современные этнонимы).
- ²² Вполне вероятно, что изначальное укрепление Тюмени представляло собой насип сооруженную т.н. острожную стену, которая в 1595 году была заменена капитальной «городовой стеной» из горизонтально лежащих бревен, собранных в звенья (городища), или срубов.
- ²³ Жеребье, жеребий — в данном случае имеются в виду участки пахотной земли, наделы, полученные по жребию.
- ²⁴ «Гонимые татары» — категория служилых татар, занимавшихся ямской гоньбой (извозом).
- ²⁵ Атбаш — в переводе с татарского «Лошадиная голова». Атбашский острог находился в верховьях р. Вагай в XVII веке. Точные хронологические рамки его существования неизвестны.
- ²⁶ Современный вариант топонима — Востерезь. Озеро находится в междуречье Вагай и Иртыша.
- ²⁷ Руга — жалованье, годичное содержание, положенное священнику или церковному причту от прихода.
- ²⁸ Кош — летний временный стан, стойбище кочевников (тюркск.).
- ²⁹ В различных тюркских языках «юрт» — территория, страна, государство, селение, жилище, народ. Здесь имеется в виду Сибирский юрт (в русских источниках — ханство) — государство сибирских шейбанидов, к которым принадлежал и хан Кучум.
- ³⁰ После нескольких поражений в стычках с русскими отрядами Кучум откочевал в степь к ногайцам, где при неясных обстоятельствах был убит. Его сын Кавай в 1601 году жаловался на происки бухарцев, которые, заманив Кучума «в колмаки, обманом убили».
- ³¹ Ямышово озеро (Ямыш) находится в Кулундинской степи, в верховьях Иртыша.
- ³² Городища — звенья городской стены из горизонтально лежащих бревен, концы которых были забраны в столбы, или из примыкающих друг к другу срубов, расположенных в длину.
- ³³ Раскат — плоская насыпь или помост для установки пушек в основании крепостной стены.
- ³⁴ Придел — небольшая пристройка в православном храме, как правило, располагалась с южной или северной стороны храма. Иногда — специально выделенная часть основного здания, имеющая отдельный алтарь, обращенный к востоку. Устраивался в крупных храмах для дополнительных литургий, проводимых в тех случаях, когда необходимо было служить одновременно две литургии.
- ³⁵ Житница — склад, амбар для хранения вымолоченного зернового хлеба.
- ³⁶ Здесь Буцицкий неточен: кондинские вогулы (манси) начали платить ясак в государеву казну в 1589—1590 годах. Однако они чувствовали себя независимыми и находились в союзнических (вассальных?) отношениях с пельмским князем Аблегирином, враждебно настроенным по отношению к русским. После разгрома пельмцев в 1593 году был нанесен решающий удар по Кондинскому княжеству: зимой 1593—1594 годов сборный отряд из березовских казаков и стрельцов под командованием письменного головы Ивана Змеева и ходских остяжков

во главе с князем Игичеем Алачевым победоносно прошил по кондийским землям. Были разграблены и сожжены селения, многие вогулы были убиты или взяты в плен. Кондийский князь Агай, его сын Азыпка и брат Косыкма были пленены и отосланы в Москву. Кодские остяки продолжали делать набеги на Коклу до 1690 года, когда царь Борис Федорович издал указ, запрещающий Игичею Алачеву и его людям «ходить» за Коклу и грабить тамошних вогулов. Сыновья Азыпка были крещены под именами Василия и Федора, их потомственный княжеский титул дополняется «фамилией» Кондийские.

- ⁷¹ Буцкинский ошибочно называет Таборы «татарским городком». Письменные источники XVII—XIX веков, в том числе и данные переписей ясачного люда, свидетельствуют о проживании в верхнем течении Тауды исключительно вогулов.
- ⁷² В плену оказался младший сын Аблегирима Тэутей и внук Учат (возможно, Учат — не имя внука, т.е. зырянское слово *учот* означает «младший», а, как известно, толмачами русских чаще всего служили именно зыряне, для которых владение помимо родного языка русским, вогульским, остяцким или самоедским было обычным делом). Оба пленника на родину не вернулись, но сын Учата — крещеный князь Андрей Пельымский впоследствии нес службу в русском городе Пельме.
- ⁷³ Речь идет о вдове «большова князя» подского Алача, крещеной в Москве в 1599 году под именем Анастасии.
- ⁷⁴ Роговой городок был построен не позднее конца XVI века на берегу р. Усы, правого притока Печоры, рядом с речками Малой и Большой Роговой. По Усе проходил так называемый печорский — «чрезкаменный» путь в Сибирь. Недалеко от Рогового городка начинался несудоходный участок Усы. Отсюда военные отряды торговых людей и охотничьи артели перебирались волоком до верховьев левого притока Оби — Соби. Возможно, название городка связано с некогда процветавшим на Уральском Севере промыслом мамонтового бивня. Интересно, что на левом берегу Малой Оби, немного южнее устья Соби, до сих пор существует двойник усинского Рогового городка — поселок Шурышкар: *Сюроськар* в переводе с коми означает «Роговой городок».
- ⁷⁵ Этот водный путь в Сибирь начинался на Печоре, затем проходил по ее правому притоку Шутору, откуда через волок выходил к верховьям притоков Сыгвы. Его называли «шуторским».
- ⁷⁶ Правож — взимание долга, денег, сопровождавшееся пытками, истязанием.
- ⁷⁷ Пахолки — от польского *parcholek* — «парень».
- ⁷⁸ «Имали вожи» — находили проводников.
- ⁷⁹ Собинная пашня — от северорусского диалектного *собь* — «все свое, имущество». Означает личную, семейную пашню.
- ⁸⁰ Обруб — деревянная бревенчатая обшивка для закрепления обрыва берега.
- ⁸¹ «Лады делали...» — вероятно, речь идет об устройстве пазов для досок, бревен, плах и т.п. Лады также бочарные дощечки, клепки.
- ⁸² Вяслецы — от русского диалектного «вясла», означавшего поло снапа.
- ⁸³ Коч — морское парусно-гребное судно, получившее распространение на Русском Севере в XVI—XVII веках. Название происходит от северорусского диалектного слова «коца», означавшего ледовую защиту.

Древнерусская ладья с нашивкой на бортах ледовой защитой из крепкого дерева называлась «кочевой», или кочем. Форма бортов коча была округлой.

- ³⁰ Дошаник — большая плоскодонная лодка. В XVI—XVIII веках широко использовалась на Русском Севере и в Сибири для перевозки грузов.
- ³¹ Зернь — старинная русская игра в кости или в зерна на деньги, в чет-нечет.
- ³² Вираючи — в донетровской Руси глашатай, вестник.
- ³³ Бухарские купцы освоили древний торговый путь в Прииртышье задолго до присоединения Западной Сибири к Российскому государству. В XV—XVII веках они поставляли северным сибирским народам различные украшения, предметы роскоши, в том числе шелковые ткани и одежды для местной знати, получая взамен ценную пушнину.
- ³⁴ Орлиные перья обладают прямой и исключительной жесткостью. Эти качества высоко ценились таежными охотниками, так как оперение стрелы из орлиных перьев было лучшим стабилизатором: оно гарантировало наибольшую дальность и точность ее полета (естественно, в руках умелого и сильного стрелка). В одной из хантыйских былин говорится о князе, который требовал со своих подданных ежегодно поставлять ему орлиные перья.
- ³⁵ Сведения о принесении в жертву богам людей аборигенами Западной Сибири содержатся в местном фольклоре, русских документах конца XVI—XVII веков. Этот обычай уходит корнями в глубокую древность: археологические материалы из раскопок на Урале и в Западной Сибири свидетельствуют о существовании человеческого жертвоприношения, по крайней мере, с бронзового века. Такие жертвы приносились верховным божествам в исключительно важных случаях: перед началом военных действий, при эпидемиях и при угрозе массовой голодной смерти.
- ³⁶ Ослопы — ударное оружие, дубины, толстые концы которых были окованы железом или снабжены железными шипами.

Оглавление

Разбор сочинения П.Н. Буцинского «Заселение Сибири и быт первых ее насельников», составленный членом-корреспондентом А.Н. Пыльниковым	5
Предисловие	11
Глава I. Расселение инородцев: границы тогдашнего Верхотурского уезда по сю и по ту сторону Уральского хребта; волости вогулов, татар и остяков; число инородцев в каждой волости и общее их число в Верхотурском уезде. Туринский уезд, волости инородцев и число их. Тюменский уезд; Пельымский уезд; Березовский уезд, Тобольский уезд; Тарский уезд. Волости инородцев в этих уездах и число их в каждом уезде. Общее число инородцев в семи уездах	14
Глава II. Верхотурье и Верхотурский уезд. Открытие новой дороги от Солнгамска к верхнему реке Туры Бабиновым; основание города Верхотурья в 1598 г., первоначальные жители Верхотурья; население Верхотурья в 1624 г. и в 1645 г. Заселение русскими Верхотурского уезда; виновники основания первых поселений в уезде; Подгородная волость: деревни при реках Туре, Пие, Салде, основанные верхотурскими крестьянами до 1624 г.; число всех деревень и в них дворов и людей муж. пола; увеличение жителей в Подгородной волости до 1645 г. Тагильская волость: деревни, основанные крестьянами при реках Тагиле, Пие, Салде, Мудгае, или Мугае, и Туре; число всех деревень в этой волости, дворов и людей до 1624 г.; увеличение населения в Тагильской волости до 1645 г. Заселение Невьи, или Нейвы, и Режа. Основание Невьянской слободы в 1621 г.; деревни Невьянской волости, основанные до 1624 г.; основание Невьянского острожка; увеличение населения Невьянской волости до 1645 г. Деревни, основанные верхотурскими служилыми людьми, посадскими, белым духовенством и Никольским монастырем. Ямская слобода и деревни иштыков. Общее число населения в городе и в уезде в 1624 году. Заселение реки Ницы; Ницынская-Ощепкова слобода; Рудная	

слобода; Ирбитская слобода; Усть-Ирбитская слобода; Арамашевская слобода; Муромская слобода; Краснополянская слобода. Постройка караулов. Хлебопашество в Верхотурском уезде; денежные государевы доходы и расходы в городе и в уезде; доходные статьи 27

Глава III. Туринск и Туринский уезд. Основание Туринска; первоначальное население города; Туринск в 1624 г.; развитие населения в городе до 1645 года. Заселение уезда; деревни, основанные крестьянами до 1624 г. Недостаток охочих людей в Туринске и значение этого факта. Основание слобод в Туринском уезде: Чубаровой, Красной, Верхне-Ницынской, Киргинской, Сусатки, или Благовещенской; увеличение крестьянского населения в деревнях Туринского уезда с 1624 по 1645 гг. Общее число русского населения в уезде; хлебопашество в Туринском уезде; денежные государевы доходы и расходы 69

Глава IV. Тюмень и ее уезд. Основание Тюмени; Тюмень в 1624 г.; Ямская слобода; тяжесть ямской службы; жалобы ямщиков; заселение Тюменского уезда; деревни служилых людей, деревни посадских, деревни пашенных крестьян; деревни ямских охотников; общее число дворов и людей в уезде в 1623 году; дальнейшее развитие населения в Тюмени и в уезде до 1645 г.; общее число населения в городе и уезде в 1645 г.; государевы денежные доходы и расходы; государевы хлебные запасы и хлебные расходы; урожай в Тюменском уезде 85

Глава V. Тобольск и его уезд. Недостаток материала относительно старины города Тобольска; основание города и значение его; Тобольск в 1624 году; сподвижники Ермака; заселение Тобольского уезда; деревни служилых, деревни пашенных и оброчных крестьян, деревни посадских людей, основанные до 1623 года; погосты Преображенский и Рождественский; общее число дворов и людей в уезде; пашенные и оброчные крестьяне. Основание слобод Демьянцевской, Самаровской и Куларовской; основание острожков в Тобольском уезде: Тарханского и Вагайского — и стратегическое значение их. Колонизационная деятельность Тобольского монастыря и архиепископского дома; деревни монастырские, слободы и деревни архиепископские; материальные средства архиепископского дома; страсть к стязанию у архиепископов Нектария и Герасима. Общее число населения в Тобольске и в уезде в 1645 г.; денежные государевы доходы и расходы; торговля в Тобольске 107

Глава VI. Тара и ее уезд. Необходимость основания нового русского города в верхних местах реки Иртыш; основание Тары; борьба с Кучумом; Тара в 1624 г.; заселение Тарского уезда; деревни служилых людей; деревни пашенных крестьян; увеличение населения в городе и в уезде до 1645 г.; общее число русского населения в Таре и в уезде; государственные денежные доходы и расходы; хлебные запасы; сбор ясачной мягкой рухляди 144

Глава VII. Пельым и его уезд. Основание Пельыма; борьба с пельымским князем Аблегиримом; Пельым в 1625 году; население Пельыма; слободы Таборинская и Гаринская и развитие этих слобод; общее число жителей в городе и в уезде в 1645 г.; государственные денежные доходы и расходы; государственная пашня; сбор ясака. Березов и его уезд. Основание Березова; население города; цель постройки города; заставы на дорогах Березовского уезда: Обдорская, Собская и Киртасская; острожек между реками Мутной и Зеленой и значение его; торговля в Березове и на заставах; государственные доходы 160

Глава VIII. Каким образом заселялась Сибирь, какими путями проникало туда русское население; заботы правительства о заселении Сибири; заселение «по указу», «по прибору», переселение духовенства, служилых людей и крестьян. Ссылка в Сибирь и колонизационное ее значение, бегство ссыльных; положение ссыльных. Вольная, народная колонизация Сибири, прибор из гулящих людей в пашенные и оброчные крестьяне. Этнографический состав населения Сибири. Управление Сибири; приказы; воеводы, их власть и обязанности, их злоупотребления; меры правительства для пресечения воеводских злоупотреблений; таможенные головы и целовальники. Положение служилых людей, посадских людей, пашенных и оброчных крестьян. Нравственное состояние сибирского общества в обозреваемый период 182

Глава IX

Борьба инородцев за независимость; связь инородческих бунтов со смутной на Руси эпохой; замирение края. Положение инородцев под русским владычеством; служба инородцев и повинности; заботы правительства об инородцах; злоупотребления воевод и ясачников; взаимные отношения между русскими насельниками и инородцами; влияние русских на инородцев; уживчивость русского человека. 283

С.Г. Пархимович. Комментарии 319